

ФРЭНК ХЕРБЕРТ

ДОСАДИЙСКИЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА

XX века

Пол АНДЕРСОН
Джеймс БАЛЛАРД
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БЛИШ
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДЛИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стэнли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоанна РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ

Frank HERBERT

*The Dosadi Experiment
A-W-F-Unlimited
Stories*

«Sigma-press»
1996

Фрэнк ХЕРБЕРТ

*Досадийский эксперимент
Без ограничений
Рассказы*

**«Сигма-пресс»
1996**

ББК 84.7.США
Х39

Херберт Фрэнк. Вып. 10. Англо-американская фантастика XX века.

Досадийский эксперимент/Пер. с англ.—

Москва: Сигма-пресс,
1996.— 384 с.

Ответственный за выпуск
Ильгар Гусейнов

Печатается с разрешения литературного агента.
Перепечатка издания без разрешения запрещена.
**Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с ведома издателя.**

X $\frac{470310100 — 05}{ОД4(03) — 96}$ Без объявления

ISBN 5—85949—063—1

THE DOSADI EXPERIMENT

© By F. Herbert, 1977 г.

© Издательство «Сигма-пресс», составление и оформление, 1996 г.

ДОСАДИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Когда Калеканцы впервые прислали нам один из своих гигантских металлических «пляжных шаров» — бич-болов — и передали через это устройство свое предложение воспользоваться прыжковыми дверьми для межзвездных путешествий, многие в конфедерации Консент начали тайно использовать этот дар звезд в своих собственных сомнительных целях. И «теневое правительство», и некоторые лица среди Говачинов заметили то, что сегодня является очевидным: мгновенное перемещение сквозь неограниченное пространство связано с властью, которая может изолировать подчиненные ей группы населения в огромных количествах.

Это наблюдение, положенное в основу досадиийского эксперимента, появилось задолго до того, как чрезвычайный агент Джордж Х. Маккай обнаружил, что видимые звезды нашей вселенной являются либо Калеканами, либо их проекциями в пространство конфедерации Консент. (См. «Звезда под бичом», отчет об открытии Маккай, неубедительно замаскированный под художественное произведение.)

Существенным, однако, остается для нас то, что Маккай, действуя в интересах Бюро Саботажа, идентифицировал Калеканца, называемого Фанни Мэ, как видимую звезду Фиону. Это опознание Фионы — Фанни Мэ вызвало новую вспышку интереса к вопросу о Калеканцах и помогло, в свою очередь, вскрыть досадиийский эксперимент, который многие до сих пор считают наиболее отвратительным случаем использования Чувствующих Существ (Сенсов) другими Сенсами в истории Консент. Конечно, этот эксперимент остается массовым психологическим экспериментом, когда-либо проведенным на Чувствующих Существах, и разногласия по его поводу никогда не были улажены приемлемым для всех сторон образом.

**Из первого публичного отчета
«Процесс Процесов»**

Справедливость принадлежит тем, кто предъявляет на нее права, но будь осторожен, претендент, чтобы не создать своей заявкой новую несправедливость и не привести кровавый маятник мести в его неумолимое движение.

Говачинский афоризм

«Почему ты ведешь себя так холодно и механически в своих отношениях с людьми?»

Джордж Х. Маккай еще вспомнит этот вопрос Калеванки позже. Не пыталась ли она привлечь его внимание к досадиному эксперименту? И к тому, что расследование этого эксперимента может сделать с ним самим? В то время он даже не слышал о планете Досади, а неприятные ощущения, сопровождающие сниггер-транс во время сеанса связи с Калеванкой, и обвинительный тон, выбранный ею, помешали ему увидеть другие смысловые оттенки в этом вопросе.

Кроме того, этот вопрос был для него неприятен. Маккаю не нравилось ощущение, что он служит подопытным объектом для ее исследования человеческой расы. Он всегда считал именно этого Калеванца своим другом — если, конечно, можно поддерживать дружеские отношения с существом, проявлением которого в этой вселенной является желтая звезда четвертой величины. Именно так она выглядела с планеты Централь Централей, где находилась штаб-квартира Бюро Саботажа. И еще этот неизбежный дискомфорт, сопровождающий сеанс связи с Калеванцами! Вы впадаете в дрожащее, дерганное состояние транса, а они заставляют свои слова появляться в вашем сознании.

Но все равно его продолжали терзать сомнения: пыталась ли она передать ему что-то еще, скрыв это за простым содержанием своих слов?

Когда планировщики погоды делали вечерний период дождя коротким, Маккай любил выходить сразу же после дождя наружу и гулять в огороженном парке, созданном Бюсабом для своих служащих на Централи Централей. Маккай как чрезвычайный агент, обладал свободным доступом в парк и с удовольствием вдыхал свежие запахи этого места после дождя.

Парк занимал около тридцати гектаров, образуя глубокий колодец среди зданий Бюро. Он представлял собой

смесь образцов растительного мира со всех обитаемых планет известной вселенной, и среди этого многообразия были проложены широкие извилистые дорожки. В парке не было предусмотрено какого-нибудь особого места для чувствующих видов. И если здесь и прослеживался какой-либо план, то этот план был сугубо практическим: растения, требующие сходных условий и ухода содержались в своих собственных секторах. Гигантские стреловидные сосны с Сасака занимали небольшое возвышение вблизи угла парка, окруженное насыпями огнистого шиповника с Рудерии. Здесь были открытые лужайки, и скрытые травянистые поляны, и полосы зелени, которые вообще были не лужайками, а подвижными плоскими листьями хищного растения, обнесенного рвами с каустической водой.

Случалось, что украшенные дождевыми каплями цветы надолго притягивали внимание Маккая. Единственный представитель Лилии Гросса с цветами, вдвое превышающими человеческий рост, отбрасывал длинные тени на извивающийся ковер голубого чубушника, каждый миниатюрный цветок которого непрерывно открывался и закрывался, создавая впечатление маленького рта, жадно глотающего воздух.

Иногда цветочные ароматы властно останавливали Маккая и захватывали в некое обонятельное рабство, заставляя искать глазами источник запаха. Зачастую растение оказывалось опасным — оно принадлежало к разновидности поедающих плоть или выделяющих яд. Такие растения сопровождались предостерегающими табличками на стандартном галактическом языке «галач». Многие участки вьющейся через парк тропинки были защищены сонарными барьерами, рвами и силовыми полями.

У Маккая было в парке любимое место, скамья у фонтана, где он мог сидеть и наблюдать, как сгущаются тени над жирными желтыми кустами с плавучих островов Тандалура.

Желтые кусты пышно разрослись, так как корни их омывал скрытый под слоем почвы поток воды, пополняемый из фонтана. Под желтыми кустами виднелись слабые блески фосфоресцирующего серебра, окруженные силовым полем и охарактеризованные расположенной ниже надписью: «Сангит Мобилус, кровоосушающее многолетнее растение с планеты Бисай. Крайне опасно для всех чув-

ствующих видов. Не выставляйте никакой участок своего тела за силовое поле».

Сидя на скамье, Маккай думал об этой надписи. Красота и опасность часто находились во вселенной рядом друг с другом, но в парке это соседство был намеренным. Эти желтые кусты, благоухающие и милые золотые ириденсы, были перемешаны с сангитом мобилиусом. Два вида поддерживали друг друга и оба процветали. Правительство Консента, которому служил Маккай, часто делало такие смеси... иногда они получались случайно.

Но иногда это делалось и намеренно.

Он прислушивался к плеску фонтана, а тени все густели, и по краям тропинки зажглись маленькие ограничительные огоньки. Верхушки зданий за парком превратились в палитру, на которой закат положил свои последние краски дня.

В этот момент Маккай захватил контакт с Калеванкой, и он почувствовал, как его тело соскользнуло в беспомощное состояние коммуникативного транса. Протянувшиеся к нему ментальные усики он немедленно опознал — Фанни Мэ. И ему снова, как случалось уже не раз, пришла в голову мысль, какое это невероятное имя для звездного существа. Маккай не слышал звуков, но его слуховые центры реагировали как бы на произносящиеся слова, кроме того, внутреннее свечение нельзя было ни с чем перепутать. Это была Фанни Мэ, и синтаксис ее значительно усложнился по сравнению с их предыдущими встречами.

— Ты любишься одним из нас,— сказала она, отмечая его внимание к солнцу, которое только что скрылось за зданиями.

— Я стараюсь не думать ни о какой звезде, как о Калеванке,— ответил он.— Это мешает моему восприятию естественной красоты.

— Естественной? Маккай, ты не понимаешь ни своего собственного восприятия, ни того, как ты им пользуешься!

Это было ее начало беседы,— обвиняющее, атакующее, не похожее ни на один предыдущий контакт с этой Калеванкой, которую он считал другом. И еще: она пользовалась глагольными формами с незнакомой гибкостью, как бы делая это напоказ, рисуясь, хвалясь своим пониманием его языка.

— Что же ты хочешь, Фанни Мэ?

— Я рассматриваю твои отношения с женскими особями твоего вида. Ты вступал в брачные отношения более пятидесяти раз. Разве это не так?

— Это правильно. Да. Почему же ты...

— Я твой друг, Маккай. Что ты чувствуешь по отношению ко мне?

Он подумал об этом. В ее вопросе проскальзывала требовательная настойчивость. Он был обязан жизнью этой Калеванке с невозможным именем. Кстати, она тоже была обязана ему жизнью. Действуя вместе, они сняли угрозу бичевания звезд. Теперь уже многие Калеванцы обеспечивали прыжковые двери, через которые другие существа мгновенно перемещались с планеты на планету, а когда-то Фанни Мэ держала сама все нити прыжковых дверей, и жизнь ее подвергалась опасности из-за странного кодекса чести, по которому Калеванцы выполняли свои контрактные обязательства. И Маккай спас ее жизнь. Ему достаточно было только подумать о том, как они полагались друг на друга в прошлом, и его охватило теплое дружеское чувство.

Фанни Мэ почувствовала это.

— Да, Маккай, это и есть дружба, это любовь. У тебя возникало подобное чувство по отношению к своим человеческим компаньонам женского пола?

Этот вопрос рассердил его. Почему она лезет не в свое дело? Его личные сексуальные отношения не должны ее заботить!

— Твоя любовь легко переходит в злость,— упрекнула его Фанни Мэ.

— Специальный агент может проявлять свои чувства к другим только до некоторых пределов.

— И что же стоит у тебя на первом месте, Маккай — специальный агент или эти пределы?

В ее реплике слышалась очевидная насмешка. Неужели он выбрал работу в Бюро, потому что неспособен к теплым человеческим отношениям? Но ведь ему действительно безразлична Фанни Мэ! Он восхищается ею и... и она может причинить ему боль, потому что он восхищается ею и чувствует по отношению к ней... чувствует то, что чувствует.

В словах Маккай прозвучали злость и боль.

— Без Бюро не было бы конфедерации Консент и не было бы необходимости в Калеванцах.

— Да, это так. Людям достаточно лишь одного взгляда на ужасного агента Бюсаба, и они узнают, что такое страх.

Это было невыносимо, но в то же время он не мог избавиться от подспудного теплого чувства к этому калеканскому существу, которое могло беспрепятственно проникать в его сознание и разговаривать с ним так, как не смел никто. Если бы он смог найти женщину, к которой ощущал подобную близость...

Воспоминание об этой части их разговора постоянно преследовало его впоследствии. Почему после стольких месяцев молчания Фанни Мэ выбрала для контакта именно этот момент — за три дня до того, как в Бюро разразился досадный кризис? Она извлекла на свет его «я», самое глубокое ощущение самосознания. Она встряхнула это «я», а потом пронзила своим колючим вопросом: «Почему ты ведешь себя так холодно и механически в своих отношениях с людьми?»

От ее иронии было никуда не скрыться. Она заставила его выглядеть нелепо в его же собственных глазах. У него были теплые чувства, да... даже любовь, но к калеканскому существу, а не к человеческой женщине. Это неосторожное чувство, которое у него было к Фанни Мэ, никогда не было направлено ни на одного из его брачных партнеров. Фанни Мэ вызвала его гнев, потом смягчила это чувство до словесной перепалки и, наконец, до молчаливой обиды. Но любовь осталась.

Почему?

Женщины были для него всего лишь партнерами в постели. Они были просто телами, которые он использовал и которые использовали его. С Калеканкой об этом не могло быть и речи. Она была звездой, пылающей атомным пламенем, а местонахождение ее сознания было непредставимо для других сенсов. Да, она вызывала в нем чувство любви. Он отдавал любовь свободно, и Фанни Мэ это знала. Нельзя спрятать чувство от Калеканки, которая запускает свои ментальные усики в твоё сознание.

Она, конечно, знала, что он заметит ее иронию. Это тоже была частью мотива ее словесной атаки на него. Но Калеканцы редко действовали под влиянием лишь одного мотива — и это создавало дополнительный шарм и лежало в основе наиболее раздражающих обменов репликами с другими чувствующими существами.

— Маккай? — прозвучал мягкий голос в его мозгу.

— Да,— ответ был раздраженным.

— Я покажу тебе сейчас мельчайшую часть моего чувства, направленного на твой узел.

Как воздушный шарик, взорвавшийся от резкого притока газа, он ощутил, что залит направленной на него заботой и любовью. Он тонул в них... и хотел утонуть. Все тело его излучало это добела раскаленное чувство защищенности и внимания. Еще целую минуту после того, как оно ушло, Маккай все еще светился этим чувством.

«И это мельчайшая частица?»

— Маккай? — голос звучал озабоченно.

— Да,— ответил он с благоговейным трепетом.

— Я причинила тебе боль?

Он чувствовал себя одиноким, опустошенным.

— Нет.

— Полная сила моей узловой направленности уничтожила бы тебя. Некоторые человеческие существа подозревали, что любовь способна на это.

«Узловая направленность?»

Она ввела его в замешательство, как и делала это при их первых встречах. Как могут Калеканцы говорить, что любовь это... узловая направленность?

— Названия зависят от точки зрения,— сказала она.— Ты смотришь на вселенную через слишком узкое окно. Иногда эта человеческая ограниченность доводит нас до отчаяния.

И вот снова она перешла в атаку.

Он возразил ей по-детски банально:

— Я то, что есть, и не более.

— Ты скоро узнаешь, друг Маккай, что в тебе есть больше, чем ты сам об этом подозреваешь.

В этом месте она прервала контакт. Он очнулся во влажной, холодной тьме, и звук фонтана громко отдавался в его ушах. Что бы Маккай ни делал, он больше не смог установить с ней связь. Он даже потратил часть своих кредитов на Тапризиота, безуспешно пытаясь вызвать ее.

Его калеканский друг полностью отключился от него.

Мы создали монстра — чрезвычайно ценного и даже полезного, но очень опасного. Наш монстр прекрасен и одновременно вызывает ужас. Мы не смеем использовать

этого монстра в его полную силу, но не можем и ослабить нашу хватку.

Говачинская характеристика досадийского эксперимента

Пуля промким щелчком ударилась в окно за столом Кейлы Джедрик и с визгом отскочила далеко вниз, на улицу-каньон под ее кабинетом. Джедрик с гордостью отметил про себя, что она даже не вздрогнула. Патрули Электора позаботятся о снайпере. Эти патрули, прочесывающие улицы города Чу каждое утро, доберутся до источника по звуку выстрела. У Кейлы возникла непроизвольная надежда, что снайпер сможет вернуться назад к Ободному Сброду, но она посчитала эту надежду проявлением слабости со своей стороны и подавила ее. Этим утром у нее были заботы намного важнее, чем лазутчик с Обода.

Джедрик протянула руку в луч раннего солнечного света, падающего углом на контактные пластины ее терминала Главного Учетного компьютера. Эти быстрые пальцы — она смотрела на них почти как на чужие. Они рвались к ожидающим клавишам подобно насекомым. Терминал был функциональным инструментом Кейлы, символом ее должности Старшего Лизейтора. Он одиноко стоял в углублении стола — серый, зеленый, золотой, черный, белый и смертоносный. Его серый экран почти точно совпадал цветом с крышкой ее стола.

С осторожной точностью пальцы Джедрик ритмично пробежались по клавишам. На экране появились желтые числа, взвешенные и усредненные по ее команде — тонкая полоска судьбы, и в золотистых значках этой полоски таилось насилие.

«Каждый ангел несет меч», — подумала Кейла.

Но в сущности она не считала себя ангелом, а свое оружие — мечом. Настоящим ее оружием был интеллект, закаленный и отточенный жестокими решениями, которые требовала ее планета. Эмоции же были силой, которая должна быть подавлена внутри себя или направлена на тех, кто не смог усвоить досадийских уроков. Кейла знала свою слабость и тщательно прятала ее: любящие родители, скрывавшие свою любовь под маской изысканной жестокости, научили ее тому, что решения, принимаемые на Досади, в самом деле ужасны.

Джедрик изучила числа на дисплее своего компьютера,

очистила экран и ввела новые данные. Делая это, она знала, что отнимает средства к существованию у пятидесяти обитателей планеты. Многие из этих пятидесяти человек недолго проживут после этой грубой шутки. В сущности, ее пальцы были оружием, несущим смерть тем, кто не сможет пройти это испытание. Кейла не чувствовала вины перед теми, кого убивала. Близость появления некоего Джорджа Х. Маккая предопределяла ее действия, требовала стремительного принятия решений.

Основным чувством, возникающим у Джедрик, когда она думала о Маккае, было удовлетворение. Она ожидала Маккая, как хищник ждет свою жертву у норы. Имя Маккая и его опознавательный код были даны Кейле ее шофером, Хевви, который хотел таким образом набить себе цену в ее глазах. Она приняла эту информацию к сведению и провела свое обычное расследование. Джедрик сомневалась, что сведения, полученные из ее источников, годились бы к какому-нибудь другому жителю Досади: Джордж Х. Маккай оказался взрослым человеком, который, по-видимому, не мог существовать. На всей планете о нем невозможно было найти ни одной записи — ни на ядовитом Ободе, ни в Кроличьих Клетках города Чу, ни в одной из ниш существующих силовых структур. Маккай не существовал, но он вот-вот должен был появиться в Чу, и провести его в город должен был некий Говачин, которого Кейла временно держала под контролем.

Маккай был точным орудием, которое она так долго ждала. Он был не просто возможным ключом к Стене Бога (и не таким гнутым и поломанным ключом, как Хевви), а ключом верным и точным. Джедрик никогда бы не пришлось в голову атаковать такой замок с плохими инструментами. Шанс будет только один; он требовал самых лучших инструментов.

Поэтому пятьдесят досадийских людей и заняли свои безликие места за числами ее компьютера. Это была приманка, заранее списанная на потери. Те, кто обречен умереть в результате поступка Джедрик, не умрут немедленно. Сорок девять из них могут никогда так и не узнать, что были намеренно отброшены к ранней смерти по ее целенаправленному выбору. Некоторые из них будут оттеснены назад к отчаянному и короткому существованию на Ободе. Некоторые умрут в жестоких схватках, которые Кейла уже предопределила. Другие бесполезно

растратят себя в Уоррене. Для большинства из этих людей процесс умирания растянется на такое продолжительное время, что рука Кейлы в нем уже не будет видна. Но все равно они были уже убиты в ее компьютере, и Кейла знала это. Она ругнула своих родителей (и тех, кто был перед ними) за эту нежелательную в себе чувствительность к крови и смерти, которые стояли за компьютерными цифрами. Любящие родители хорошо воспитали ее. Она может никогда и не увидеть тела убитых людей, она может никогда и не вспомнить ни о ком из этих пятидесяти, кроме одного человека, и все равно она ощущала их присутствие за компьютерным дисплеем... теплое и пульсирующее.

Джедрик вздохнула. Эти пятьдесят человек были блеющими овцами, выставленными приманкой, чтобы заманить на отравленную почву Досади одного особенного зверя. Пятьдесят человек создадут всего лишь маленький излишек, который растворится, поглощенный еще до того, как кто-нибудь поймет их цель.

«Досади больна,— думала Кейла. И уже не в первый раз она задала себе вопрос: — Неужели это действительно ад?»

Многие верили в это.

«Мы наказаны».

Но никто не знал, что же они сделали, чтобы заслужить такую кару.

Джедрик откинулась на спинку кресла и посмотрела через свой не имеющий дверей кабинет на звуковой барьер и молочный свет коридора. Какой-то странный Говачин неуклюже проковылял мимо ее кабинета. У него была фигура лягушки, направляющейся по какому-то официальному поручению, в узловатых руках его был зажат пакет, завернутый в коричневую бумагу. Его зеленая кожа блестела, как будто он только что вышел из воды.

Этот Говачин напомнил Кейле о Бахранке, который должен привести Маккая в ее сети, Бахранке, который предложил ей свои услуги, потому что Кейла держала в своих руках вещество, без которого тот уже не мог обходиться. Глупо позволять себе привыкнуть к чему-то, даже к жизни. Когда-нибудь, очень скоро, Бахранк продаст то, что он знает о Кейле шпионам Электора; правда, тогда уже будет слишком поздно, и Электор узнает только то, что она позволит ему узнать, и тогда, когда она это пожелает. Она выбрала Бахранка с той же осторожностью, с

какой она пользовалась своим компьютерным терминалом. Эта же осторожность заставила ее подождать появления кого-нибудь такого, как Маккай. Кроме того, Бахранк был Говачином. Известно было, что, взявшись за какое-либо дело, люди-лягушки выполняли данные им приказы исключительно точно. Они обладали врожденной тягой к порядку, но понимали при этом и рамки закона.

Кейла окинула взглядом свой кабинет, и скромная функциональная эффективность этого помещения показала ей забавной. Кабинет был выражением ее показного образа, который она сконструировала с дотошной тщательностью. Ей было приятно осознавать, что скоро она покинет это место и никогда больше не вернется к нему, как насекомое, сбросившее старую оболочку. Кабинет был четыре шага в ширину и восемь шагов в длину. Двенадцать черных металлических картотечных шкафов стояли, выстроившись в линию у стены слева от Кейлы, как темные часовые, стерегущие ее методичные привычки. Она поменяла коды замков у шкафов и включила устройства, которые уничтожат их содержимое, когда жабы Электора захотят сунуть в них нос. Люди Электора припишут это ее ярости, последнему акту саботажа, совершенному ею из мести. Пройдет еще некоторое время, пока накопившиеся сомнения не заставят их увидеть ситуацию в ином свете и не создадут массу раздражающих вопросов. Даже тогда они могут еще не заподозрить ее участие в исключении пятидесяти человек. В конце концов, сама она тоже была одним из этих пятидесяти.

Эта мысль вызвала в ней на какое-то мгновение расплывчатое чувство потери. Какими всепроникающими были соблазны структур власти на Досади! Какими утонченными! То, что она только что сделала, создало ошибку в компьютерной системе, которая управляла распределением неотравленной пищи в единственном городе планеты Досади. Пища — вот где была настоящая база социальной пирамиды Досади, база твердая и безобразная. Ошибка выкинула ее саму за пределы могущественной ниши этой пирамиды. Она носила личину Кейлы Джедрик-Лиэйтора много лет, достаточно долго, чтобы научиться получать удовольствие от пользования механизмом власти. Потеряв одну ценную фишку в бесконечной игре выживания на Досади, она должна теперь жить и действовать только как Кейла Джедрик-Диктатор. Это был ход «все-или-ничего»,

решительный шаг игрока, и она чувствовала всю обнаженность такого шага. Но эта игра началась очень давно, в глубине выдуманной истории Досади, когда предки Кейлы распознали сущность этой планеты и начали выведение и тренировку личности, которая совершит такой шаг.

«И я — эта личность,— сказала себе Кейла.— Наш час настал».

Но правильно ли они оценили проблему?

Взгляд Джедрик упал на единственное окно, выходящее на узкую, похожую на каньон, улицу. На нее смотрело ее собственное отражение: слишком узкое лицо, тонкий нос, слишком большие глаза и рот. Ее волосы могли бы выглядеть интересным черным бархатным шлемом, если бы она позволила им отрасти. Но она стригла их коротко, как напоминание о том, что она — это не привлекательный сексуальный партнер, что она должна полагаться на свой ум. Именно так она была выращена и обучена. Планета Досади рано преподавала ей свои самые жестокие уроки. Кейла была высокой еще подростком, и в теле ее было больше веса, чем в ногах, поэтому она выглядела еще выше, когда сидела. Она смотрела на большинство мужчин — Говачинов и людей — сверху вниз, и не только в прямом смысле этого слова. В этом заключался еще один дар (и урок) ее «любящих» родителей и их предков. Этот досадийский урок избежать было нельзя.

«То, что ты любишь или ценишь, будет использовано против тебя».

Кейла наклонилась вперед, чтобы не видеть беспокоящее ее собственное отражение, и посмотрела далеко вниз, на улицу. Так она чувствовала себя лучше. Ее досадийские соотечественники больше не были для нее теплыми и пульсирующими людьми. Они превратились в какие-то отдаленные движущиеся пятна, безликие, как танцующие фигурки на экране ее компьютера.

Уличное движение было небольшим, отметила Кейла. Очень мало бронированных машин, пешеходов совсем нет. В ее окно был только один тот выстрел. В ней все еще таилась слабая надежда, что снайперу удалось скрыться. Более вероятно, что патруль все-таки задержал этого идиота. Ободный Сброд настойчиво продолжал проверять защиту Чу, несмотря на повторяющиеся с утомительным постоянством плачевные результаты. Это было просто отчаяние. Снайперы редко ждали наступления

разгара дня, часов, когда патрули становятся реже и на улице появляются даже некоторые из самых сильных мира сего.

«Это симптомы, все это симптомы».

Вылазки Обода представляли собой только один из многих досадийских симптомов, которые она научилась распознавать во время своего опасного восхождения к вершине, от самых ранних стадий подъема и до кульминационного пункта в этой комнате. Мысль о симптомах была не просто случайной, скорее это было чувство чего-то знакомого, осознанного, чего-то возвращающегося к ней в странные и произвольные моменты ее жизни.

«У нас запутанные отношения с нашим прошлым, которые религия не может объяснить. Непонятным образом мы примитивны, наши жизни сотканы из знакомого и чужеродного, разумного и безумного».

Это обстоятельство делало некоторые сумасшедшие варианты изумительно привлекательными.

«Неужели я выбрала безумный вариант?»

«Нет!»

Данные в ее мозгу говорили сами за себя, это были факты, которые она не могла изменить, сделав вид, что их не существует. Планета Досади была искусственно спроектирована кем-то как собрание космических случайных элементов: «Дадим им немного того и еще того и потом вот то...»

Она создана из несовместимых сочетаний.

Полиция — Демопол — при помощи которой Досади жонглировала своим контролируемым компьютерами обществом, не вписывалась в мир, использующий энергию, передаваемую со спутника на геостационарной орбите. Демопол отдавал примитивным невежеством, обществом, которое слишком далеко зашло по пути законности — закон для всего, и все управляется законом. Догматическое утверждение, что несколько особей, получивших божеское откровение, избрали каньон реки Чу и построили в нем город, изолированный от этой отравленной планеты, и что это произошло двадцать или что-то около этого поколений назад было неудобоваримым. А этот энергетический спутник, висящий под барьером Стены Бога — он вообще говорил о долгой и сложной эволюции, во время которой нечто настолько ошибочное как Демопол было бы давно изжито.

Это было космической свалкой, созданной для специальной цели, и этот факт распознали предки Кейлы.

«Мы не эволюционировали на этой планете».

Это место не подходит ни для Говачинов, ни для людей. На Досади использовали как компьютерную память, так и папки с бумагами для одних и тех же целей. А еще число наркотических веществ, которые можно было найти на Досади, было возмутительно огромным. Тем не менее, эта карта разыгрывалась вопреки официальной религии с такой изобретательностью, с таким вульгарным стремлением к «простой вере», что оба эти условия, религия и «простая вера», находились в непрекращающемся состоянии войны. Мистики умирали за свои «новые озарения», в то время как приверженцы «простой веры» использовали контроль за наркотиками, чтобы захватить все больше и больше власти. Единственная настоящая досадийская вера заключалась в том, что выживают имеющие власть, а власть можно получить, контролируя то, что необходимо другим для выживания. Их общество отлично разбиралось в медицинских тонкостях бактериального, вирусного и мозгового контроля, но не могло уничтожить Обод и подполье Уоррена, где религиозные целители-«джабуа» излечивали своих пациентов дымом трав.

И еще они не могли уничтожить (пока еще) Кейлу Джедрик, потому что она видела то, что она видела. Одна за другой пары несовместимых друг с другом вещей проплывали вокруг нее в городе Чу и в окружающем Ободе. Во всех случаях было одно и то же: общество, которое использовало одну из этих вещей, не могло естественным образом использовать другую.

«Не могло ЕСТЕСТВЕННЫМ образом».

Все вокруг в городе Чу, и Джедрик ощущала это, было наполнено полярно несовместимыми случаями. У них было два вида разумных существ: люди и Говачины. Почему только два? Разве во вселенной нет других видов? Некоторые данные, полученные на основе археологических находок на Досади, указывали на эволюцию конечностей, отличающихся от гибких пальцев Говачинов и людей.

Почему на всей Досади только один город?

Догма не могла ответить на это.

Орды с Обода держались вблизи от города, все время пытаясь найти лазейку в изолированную чистоту Чу. Но ведь сзади за ними была целая планета. Пусть она отрав-

лена, но на ней есть и другие реки, другие потенциально подходящие для поселения места. Выживание обоих видов требовало постройки большего числа безопасных для проживания мест, намного больше, чем эта жалкая дыра, которую по преданию придумали Гар и Трайя. Но... город Чу оставался единственным — почти двадцать километров в ширину и сорок в длину, построенный на холмах и наносных речных островах, там где река замедляла свое течение в каньоне. По последнему учету здесь проживало восемьдесят миллионов человек, а втрое больше перебивалось на Ободе — настоячиво стараясь прорваться и захватить место в очищенном от ядов городе.

«Отдайте нам свои драгоценные тела, глупый Ободный Сброд!»

А они слышали этот приказ, знали его скрытый смысл и всеми силами сопротивлялись ему. Что же такое сделали досадийские люди, что их заточили на этой планете? Что сделали их предки? На ненависти к таким предкам с полным правом можно было выстроить целую религию... если, конечно, эти предки действительно в чем-то провинились.

Джедрик наклонилась к окну и посмотрела на Стену Бога, эту полупрозрачную молочно-белую завесу, которая держала в заточении планету. Но через эту стену такие, как этот самый Джордж Х. Маккай, могли проходить беспрепятственно, когда только пожелают. У Кейлы прямо чесались руки встретиться с Маккаем лично, убедиться в том, что он не заражен, как заражен этой планетой Хевви.

Именно Маккай ей был сейчас необходим. Прозрачно задуманная сущность Досади говорила ей, что здесь должен быть какой-нибудь Маккай. Джедрик чувствовала себя охотником, и естественной добычей ее должен быть Маккай. Фиктивная личность, которую она построила себе в этой комнате, тоже была частью ее приманки. И теперь, когда наступил сезон охоты на Маккаев, все это подспудное религиозное ханжество, на котором власть имущие строили свои иллюзии, рассыплется в прах. Кейла уже видела начало этого краха, очень скоро это увидят все.

Она сделала глубокий вдох. В том, что должно случиться, было какое-то очищение, упрощение. Она сама собиралась вот-вот сбросить с себя одну из жизней и все сознание направить на личность другой Кейлы Джедрик, которую планета Досади вскоре еще узнает. Ее люди хорошо хранили ее секрет, скрывая толстую и белокурую персону от своих доса-

дийских соотечественников, показывая ровно столько, сколько необходимо, чтобы при соответствующих обстоятельствах власти за Стеной Бога могли на это среагировать. Кейла почувствовала какое-то облегчение при мысли о том, что ее вторая, скрытая жизнь, начала терять свою важность. Теперь она целиком выплывает в другом месте. И эта метаморфоза предопределена скорым появлением Маккай. Мысли Джедрик были теперь прямыми и отчетливыми: «Приди в мою ловушку, Маккай. С твоей помощью я проникну еще выше, чем дворцовые апартаменты Консульского Холма.

Или в самый глубокий ад, глубже, чем может приниться в самом страшном кошмаре».

Как начать войну? Потакайте своей скрытой жажде власти. Забудьте, что только сумасшедшие стремятся к власти ради нее самой. Пусть такой сумасшедший получит власть, даже если этот сумасшедший — вы сами. И пусть он действует, прикрывшись своей обычной маской нормальности. И вот, несмотря на то, будет ли эта маска соткана из заблуждений о защите или прикрыта теологической аурой закона, война придет.

Говачинский афоризм

Будильник разбудил Джорджа Х. Маккай струей лимонного запаха. На какое-то мгновение пробуждающееся сознание обмануло его.

Маккаю показалось, что он все еще на Туталси, мягко покачивается на волнах планетарного океана на своем украшенном гирляндами острове. На его плавучем острове росли лимоны, здесь были берега, покрытые гибискусом и пушистые ковры пряного алиссума. Его тенистый коттедж лежал на пути пахучих морских ветров, и запах лимона...

Сознание Маккай пробудилось. Он был вовсе не Туталси со своей возлюбленной подругой, он лежал на тренированной собакопостели среди бронированных своих апартаментов на планете Централь Централей, он снова был в самом сердце Бюро Саботажа, он снова был на работе.

Маккай содрогнулся.

Сегодня погибнет планета, полная людей... сегодня или завтра.

Это случится, если кто-нибудь не распутает эту досадейскую тайну. Зная Говачинов настолько хорошо, как знал Маккай, можно было в этом не сомневаться. Говачины способны на самые жестокие решения, особенно если на карту поставлена честь их вида или по каким-нибудь другим причинам, которые другим разумным видам могут быть и не понятны. Билдун, его начальник Бюро, оценивал этот кризис точно так же. Со времени Калеванской проблемы такое чудовищное преступление еще не появлялось на горизонте Консента.

Кроме того, где же находится подвергающаяся опасности планета, эта Досади?

После ночи, когда сознание Маккай было подавлено сном, инструктаж о Досади снова со всей яркостью всплыл в его мозгу, как будто часть его продолжала работать и во сне, заостряя детали. Рапорт был составлен двумя оперативными работниками, один из которых был Врев, а другой — Лаклак. Эта пара была надежной и изобретательной. Их источники были отличными, хотя информация и считалась скудной. Кроме того, эта пара проявляла рвение в погоне за повышением, в то время как Вревы и Лаклаки намекали на дискриминацию своих видов. Рапорт требовал специальной проверки. Ни один агент Бюсаба, независимо от того, к какому разумному виду он принадлежит, не освобождался от некоторого внутреннего тестирования. Эта уловка была введена для того, чтобы ослабить Бюро и облегчить условия, позволяющие занять директорский пост.

Тем не менее, директором Бюсаба все еще был Билдун, представитель вида Пан Спечи в облике человека, четвертый с этим именем среди членов своей креш-ячейки. С первых слов Билдуна было ясно, что он верит полученному рапорту.

— Маккай, эта вещь может заставить людей и Говачинов вцепиться друг другу в горло.

Идиоматическое выражение было понятным, хотя фактически, чтобы привести такую угрозу в исполнение по отношению к Говачину, необходимо скорее нацелиться не на его горло, а на паховую область. Маккай уже познакомился с рапортом и не по некоторым подспудным чертам, к которым он стал чувствительным после длительного общения с Говачинами, разделял точку зрения Билдуна. Усевшись в серое собакокресло перед столом директора в

маленьком кабинете без окон, который последнее время предпочитал Билдун, Маккай рассеянно перекладывал рапорт из одной руки в другую. Некоторое время спустя, осознав свою нервную привычку, он положил рапорт на стол. Рапорт был записан на мнемопроволоке, и специально тренированный сенс мог воспроизвести его, пропуская проволоку сквозь пальцы или какие-нибудь другие чувствительные придатки.

— Почему они не могут точно установить положение Досади? — спросил Маккай.

— Оно известно только Калекбанцам.

— Ну что ж, они...

— Калекбанцы отказываются предоставить эти данные.

Маккай пристально посмотрел через стол на Билдуна. На полированной поверхности стола виднелся второй, отраженный образ директора Бюсаба, перевернутое изображение, в точности повторяющее прямое. Маккай посмотрел на отражение. Если не концентрировать внимание на фасетчатых глазах Билдуна (как же они похожи на глаза насекомого!), этот Пан Спечи ничем не отличался от мужского представителя человеческого рода с темными волосами и приятным круглым лицом. Может быть, он имел в себе даже что-то большее от человека, чем просто плоть, которой придали человеческую форму. На лице Билдуна отражались эмоции, которые Маккай читал в человеческих терминах. Директор выглядел раздраженным.

Маккай был озабочен.

— Отказываются?

— Калекбанцы не отрицают, что Досади существует и что эта планета подвергается опасности. Они только отказываются обсуждать эту проблему.

— Значит, мы имеем дело с калекбанским контрактом, и они подчиняются условиям этого контракта.

Вспоминая как раз этот разговор с Билдуном, Маккай проснулся в своих апартаментах и, лежа, тихо размышлял. Является ли Досади каким-то новым продолжением калекбанского вопроса?

МЫ ВПРАВЕ БОЯТЬСЯ ТОГО, ЧЕГО НЕ ПОНИМАЕМ.

Тайна Калекбанцев ускользала от исследователей конфедерации Консент слишком долго. Маккай подумал о своем недавнем разговоре с Фанни Мэ. В тот момент,

когда думаешь, что тебе удалось ухватить нечто конкретное, оно проскальзывает между пальцами. До того как Калеканы подарили миру прыжковые двери, Консент был небольшой федерацией известных чувствующих видов существ. Вселенная была замкнута в поделенном на участки пространстве с известными размерами. В те дни Консент рос подобно растущим пузырям, он был линейным.

Калеканские прыжковые двери придали всем аспектам жизни взрывное ускорение, они стали немедленным разрушительным орудием власти. Они добавили бесконечное число полезных измерений, они подразумевали многое другое, едва-едва понятное. Пройдя через прыжковую дверь, вы могли попасть из комнаты на Туталси в коридор здесь, на Централь Центральной. Вы входили в прыжковую дверь здесь и оказывались в саду на Пагинуи. Соответствующее этому «нормальное пространство» может измеряться в световых годах или парсеках, но переход из одного места в другое игнорировал эти старые концепции. До сего дня исследователи Консента не понимали, как работают прыжковые двери. Такие понятия, как «релятивистское пространство», не объясняли этого феномена; они только добавляли таинственности.

Маккай раздраженно заскрипел зубами. Попытки понять Калеканцев неизбежно вызывали у него раздражение. Какой смысл думать о Калеканцах как о видимых звездах в том пространстве, в котором находится и его тело? Он мог взглянуть вверх с любой планеты, куда перенесет его прыжковая дверь, и осмотреть ночное небо. Видимые звезды, увы, да. Это Калеканцы. И что же из этого следует?

Существовала имеющая многих сторонников теория, что Калеканцы являются всего лишь более сложным аспектом таких же загадочных Тапризиотов. Федерация приняла и нанимала Тапризиотов уже тысячи стандартных лет. Тапризиоты имели размеры и форму чувствующих существ. Они были похожи, ровно срезанные сверху и снизу, на обрубки стволов деревьев со странно торчащими короткими конечностями. На ощупь Тапризиоты были теплыми и эластичными. Ну и конечно, они были дружественными партнерами по Консенту. Как Калеканцы переносили ваше тело через парсеки расстояния, Тапризиоты переносили через те же парсеки ваше сознание, чтобы слить с другим сознанием.

Тапризиоты представляли собой устройства связи.

Однако общепринятая теория гласила, что Тапризиоты появились, чтобы подготовить федерацию Консент к Калекбанцам.

Опасно было считать Тапризиотов всего лишь удобным средством связи. Точно так же опасно думать о Калекбанцах, как о «транспортных средствах». Взгляните только на социально-разрушительный эффект прыжковых дверей! А когда вы нанимали Тапризиота, у вас тоже постоянно было перед глазами напоминание об опасности: коммуникационный транс, который превращал вас в дергающегося зомби на время сеанса. Но... ни Калекбанцы, ни Тапризиоты не должны приниматься безоговорочно.

За исключением, может быть, Пан Спечи, ни один из разумных видов не знал о феномене Калекбанцев и Тапризиотов ничего, кроме их экономического значения и личного использования. Значение их, действительно, было велико, и этот факт отражался на ценах за прыжковые двери и сеансы дальней связи. Пан Спечи отрицали, что они могут объяснить эти вещи, однако Пан Спечи были известны своей скрытностью. Они представляли собой вид, у которого каждая личность имела пять тел и только одно доминирующее «эго». Четыре запасных тела лежали где-то в скрытом месте, называемом «крешем». Билдун тоже вышел из такого «креша», восприняв общее «эго» от своего креш-партнера, о дальнейшей судьбе которого можно только предполагать. Пан Спечи отказывались обсуждать внутренние дела креша и подтверждали лишь то, что и так было очевидно: что они могут произвольно выращивать тело, симулирующее любой из большинства известных видов разумных существ в Консенте.

Маккай почувствовал, что его охватывает мгновенный приступ ксенофобии.

«Мы верим слишком многому в объяснениях людей, у которых есть достаточные поводы лгать».

Маккай уселся не открывая глаз. Собакопостель мягко пульсировала под его ягодицами.

«Черт подери этих Калекбанцев! Черт подери Фанни Мэ!»

Он уже связывался с Фанни Мэ, спрашивая о планете Досади. Результат этого сеанса заставил его усомниться, действительно ли он понимает, что имеют в виду Калекбанцы под дружбой.

«Предоставление информации не допускается».

И что же это за ответ? Особенно если учесть, что это единственное, чего он смог добиться.

«Не допускается?»

Главное раздражение вызывал все тот же старый вопрос: у Бюсаба не было никаких способов оказать «мягкое давление» на Калеванцев.

Известно было, что Калеванцы никогда не лгут. Они были болезненно и исключительно честны... настолько, насколько их вообще можно было понять. Но в данном случае они, очевидно, скрывали информацию. Не допускается! Возможно ли, чтобы они стали сообщниками в уничтожении планеты и всего ее населения?

Маккаю пришлось согласиться в мыслях, что это возможно.

Калеванцы могут сделать это по неведению или руководствуясь каким-либо аспектом своей морали, который остальная часть федерации не разделяет или не понимает. Они говорили, что смотрят на все живое, как на «драгоценные узлы существования», но все равно оставались какие-то смутные намеки на исключения. Что это сказала однажды Фанни Мэ?

«Этот узел растворился хорошо».

Как можно смотреть на жизнь личности, как на «узел»?

Если знакомство с Калеванцами и научило Маккаю чему-либо, то только тому, что понимание между разумными видами является в лучшем случае весьма скудным, а попытки понять Калеванцев могут свести человека с ума. И в какой среде растворяется узел?

Маккай вздохнул.

Что ж, на данной стадии досадейский рапорт агентов Врева и Лаклака должен быть принят на его собственных ограниченных условиях. Некая обладающая властью группа в Говачинской Федерации изолировала на незарегистрированной планете людей и Говачинов. Планета Досади — местонахождение неизвестно, но она служит полигоном для неких экспериментов и тестов над заключенным на ней населением. Агенты настаивали, что эти данные правдивы. Если это подтвердится, то такое действие вызовет скандал. Люди-лягушки это наверняка осознают. И чтобы не позволить вытащить на свет этот позорный факт, они могут привести в исполнение угрозу, о которой докладывали два агента: взорвать захваченную планету, а вместе с ней население и все улики.

Маккай содрогнулся.

Досади, планета с разумными существами — сенсами. Если Говачины выполняют свою ужасную угрозу, то целый живой мир превратится в облако раскаленных газов и плазмы из атомных частиц. Где-то, может быть, за пределами видимого что-то низвергнет из пустоты огонь. Вся трагедия продлится менее стандартной секунды. Самая мимолетная мысль о такой катастрофе потребовала бы больше времени, чем сама эта катастрофа.

Но если это произойдет и остальные члены Консента получат стопроцентные доказательства случившегося... да, тогда Консент может развалиться. Кто станет пользоваться прыжковыми дверями, если будет подозревать, что его забросят в какой-нибудь отвратительный эксперимент? Кто станет доверять соседу, если привычки, язык и тело соседа отличаются от его собственных? Да... произойдет нечто более худшее, чем то, что люди и Говачины «вцепятся друг другу в горло». Это то, чего боялись все разумные виды. Билдун это понимает. Угроза таинственной планете Досади — угроза всему.

Маккай не мог избавиться от ужасной картины взрыва, яркой вспышки, за которой последует тьма. И если Консент узнает об этом... в тот момент, перед тем как их вселенная расколется подобно скале под ударом молнии, какие извинения можно будет привести в оправдание отсутствия здравого смысла и неспособности предотвратить такую угрозу?

«Здравый смысл?»

Маккай встряхнул головой и открыл глаза. Бесплезно размышлять о самых худших перспективах. Он позволил сонному мраку апартаментов проникнуть в сознание и сосредоточился на знакомой обстановке.

«Я — специальный агент, и у меня есть работа, которую необходимо сделать».

Ему проще было думать о Досади, как об очередной работе. Решение проблемы часто зависело от стремления к успеху, от отточенных способностей и средств. Бюсаб обладал такими средствами и такими способностями.

Маккай поднял руки над головой и потянулся, напряжив мускулистый торс. Собакопостель заколыхалась от удовольствия при его движениях. Он тихонько свистнул и зажмурился от ворвавшегося в комнату утреннего света, когда сработала система контроля окон. Его рот растя-

нул в зевке. Маккай соскользнул с собакопостели и прошлепал через комнату к окну. Под небом, похожим на испещренную пятнами голубую бумагу, открылся вид на город. Маккай посмотрел на шпили и крыши Централы Централей. Здесь располагалось сердце главной планеты, откуда Бюро Саботажа раскинуло свои разнообразные щупальца.

Он прищурился от яркого света и глубоко вздохнул.

Бюро. Вездесущее, всеведущее, всепоглощающее Бюро. Единственный источник неконтролируемого правительством насилия, оставшийся в Консенте. Здесь находится норма, по которой здравомыслие проверяет само себя. Каждое принимаемое здесь решение требовало максимальной осторожности. Их общим врагом была никогда не затухающая тяга сенсов к абсолютным решениям. И каждый час каждого нового рабочего дня Бюсаб во всех своих частях спрашивал себя: «Что случится, если мы отступим перед распоясавшимся насилием?»

Ответ на это был глубоко осознанным: «Тогда мы бесполезны».

Правительство Консента работало, потому что, несмотря ни на что, члены его верили, что общая справедливость для личности достижима.

Правительство работало, потому что в его ядре сидел Бюсаб, подобно ужасному сторожевому псу способный атаковать себя самого или любой другой появившийся сгусток власти с тонко сбалансированной неуязвимостью. Правительство работало, потому что были места, где оно не могло действовать без сопротивления. Возможность обратиться в Бюсаб делала отдельную личность такой же сильной, как и весь Консент. Все сводилось к циничному, стремящемуся остаться в тени поведению тщательно отобранных щупалец Бюсаба.

«Я не чувствую себя щупальцем Бюсаба сегодня утром», — подумал Маккай.

С возрастом к нему все чаще приходили по утрам подобные мысли. У него был свой собственный метод борьбы с такими настроениями: он с головой погружался в работу.

Маккай отвернулся от окна и подошел к излучателю в ванной комнате, где подверг свое тело запрограммированным процедурам утреннего туалета. Психозеркало на

дальней стене ванной комнаты отражало его тело, обследуя и подстраиваясь к его внутреннему состоянию. Глаза Маккая сообщили ему, что он все еще выглядит крепким, смуглым и низкорослым представителем человеческого рода с рыжими волосами. Черты лица его были настолько крупными, что напрашивалось даже невозможное родство с людьми-лягушками Говачина. Зеркало не отражало ум Маккая, считавшийся многими самым острым разрешенным орудием в федерации Консент.

Когда Маккай вынырнул из ванной, Планировщик Дня встретил его музыкой. ПД подстроил мелодию под его движения в соответствии с комбинированным анализом его психофизического состояния.

— Доброе утро, сэр,— флейтой прожурчал ПД.

Маккай, который мог интерпретировать анализ своего настроения по тону ПД, подавил в себе импульс разочарования. Конечно, он опять чувствует себя раздраженным и озабоченным. Кто бы чувствовал себя иначе при таких обстоятельствах?

— Доброе утро, тупой неодушевленный предмет,— проворчал Маккай. Он натянул через голову гибкий бронированный пуловер тускло-зеленого цвета, материал которого имел вид обычной ткани.

— Вы хотели, чтобы я напомнил вам, сэр, что сегодня в девять по местному времени состоится конференция Дирекции Бюро, однако...

— Каждая глупая...— реплика Маккая остановила ПД. Маккай уже давно хотел перепрограммировать эту проклятую штуку. Как бы тщательно вы их ни настраивали, они всегда ляпнут что-нибудь не к месту. Он даже не постарался скрыть раздражения, ключевые слова вырвались у него непрерывным эмоциональным потоком: — А теперь послушай меня, машина: никогда не смей выбирать этот приятельский тон, когда я в таком настроении! Меньше всего я хочу, чтобы мне напоминали об этой конференции. И на будущее, когда ты внесешь в расписание подобное напоминание, то даже отдаленно не намекай, что это было моим пожеланием. Понятно?

— Ваше указание записано, и поправка в программу внесена, сэр,— продолжая, ПД перешел на краткий деловой тон: — Возникло новое обстоятельство, связанное с этой конференцией.

— Так выкладывай.

Маккай натянул зеленые шорты и подходящий по цвету килт из такого же бронированного материала, что и пуловер.

ПД продолжал:

— Упоминание о конференции, сэр, было сделано как вступление к новым данным: вас просят не присутствовать.

Маккай, который как раз нагнулся, чтобы вставить ноги в спортивные ботинки с автономным приводом, замер и спросил:

— Но они все равно собираются устроить открытый обмен мнениями со всеми Говачинами в Бюро?

— Упоминаний об этом не имеется, сэр. В сообщении только указано, что вам необходимо этим утром немедленно отбыть на полевое задание, которое с вами обсуждалось. Включена поддержка по коду «джи-ви». Неуказанный говачинский Филум попросил, чтобы вы сразу прибыли на их планету. Эта планета названа — Тандалур. Вы должны провести там консультацию юридического характера.

Код «джи-ви» означал, что впереди его ждет миллиард разновидностей ада. Ему придется работать, полагаясь только на себя, за исключением одной услуги от Бюсаба: Тапризиота-монитора. У него будет связь со своим собственным Тапризиотом, который останется в безопасности здесь, на ЦЦ, пока он сам будет выполнять задание и рисковать своей шкурой. У этого Тапризиота будет только одна функция: зарегистрировать смерть Маккай и записать каждый нюанс его последних моментов при жизни — каждую мысль, каждое воспоминание.

Эта запись станет частью инструктажа следующего агента. И следующий агент тоже получит своего собственного Тапризиота-монитора и так далее, и так далее... Бюсаб славился вездливостью при решении своих проблем. Бюро никогда не сдастся. Однако астрономическая стоимость Тапризиота-монитора позволяла получившему такой подарок агенту сделать только один вывод: шансы не в его пользу. И не будет торжественного прощания и погребальных ритуалов для погибшего героя... вероятно, даже не останется физической субстанции героя для выражений личного горя.

С каждой минутой Маккай ощущал в себе все меньше и меньше героизма.

Героизм существовал для глупцов, а агентов Бюсаба занимали не за их глупость. Тем не менее, во всем этом

замечался определенный смысл. Маккай был лучшим квалифицированным не-Говачином, способным вести дела с Говачинами. Он взглянул на ближайшее сенсорное устройство ПД.

— Было ли упомянуто, что некто не желает моего присутствия на конференции?

— Такое предположение отсутствует.

— Кто передал тебе сообщение?

— Билдун. Голосовой отпечаток подтвержден. Он попросил не прерывать ваш сон и передать сообщение после вашего пробуждения.

— Он сказал, что позвонит снова или что я должен позвонить ему?

— Нет.

— Упомянул ли Билдун планету Досади?

— Он сказал, что досадийская проблема остается неизменной. Досади отсутствует в моем банке данных, сэр. Вы желаете, чтобы я произвел более подробный поиск информации...

— Нет! Должен ли я отбыть немедленно?

— Билдун сказал, что ваше задание уточнили. Вот его слова: «Возможно самое худшее. У них есть все необходимые мотивы».

Маккай начал размышлять вслух:

— Все мотивы... эгоистические интересы или страх...

— Сэр, вы спрашиваете о...

— Нет, глупая машина! Я просто думаю вслух. Люди иногда так делают. Нам необходимо упорядочить мысли в голове, дать оценку полученным данным.

— Вы делаете это крайне неэффективно.

Это замечание вызвало у Маккай вспышку ярости.

— Тем не менее, для этой работы нужен сенс, живое существо, а не машина! Только живое существо может принять ответственное решение. И я — единственный агент, который понимает их в достаточной степени.

— Почему же тогда не дать задание агенту-Говачину, чтобы он разведал их собственные...

— Ага, значит, ты до этого додумался?

— Это нетрудно, даже для машины. Ключевые данные для этого имеются. Так как вам дали Тапризиота-монитор, то задание сопряжено с опасностью для вашей жизни. И хотя я не знаю подробностей о Досади, из всего этого явно следует, что в сомнительных действиях замешаны

Говачины. Позвольте мне напомнить вам, Маккай, что Говачины не могут признать свою вину. Очень немногие не-Говачины считаются у них достойными их компании и доверия. Они не любят чувствовать себя зависимыми от не-Говачинов. Собственно говоря, они не любят зависимости и от других Говачинов. Это лежит в основе их закона.

Это была самая эмоциональная реплика из всех, которые Маккай слышал от своего ПД. Может быть, постоянный отказ Маккая воспринимать его на личностной антропоморфной основе заставил ПД адаптироваться таким вот образом. Маккай неожиданно почувствовал себя почти неловко. То, что сказал ПД, было уместно, и даже более того — на свой лад жизненно важно: оно должно было помочь ему в тех пределах, на которые был способен Планировщик. В мыслях Маккая ПД неожиданно трансформировался в ценное доверенное лицо.

Как бы прочитав его мысли, ПД сказал:

— Я всего лишь машина. Вы неэффективны, но, как вы правильно заметили, имеете свои собственные методы получения точных решений, которые машины не понимают. Мы можем только... предполагать, и наши программы не рассчитаны на высказывание предположений, если нет особого указания делать это в определенных случаях. Доверяйте себе.

— Но ты предпочитаешь, чтобы меня не убили?

— Такова моя программа.

— У тебя есть еще какие-нибудь полезные предложения?

— Вам было бы желательно задерживаться здесь как можно меньше. В голосе Билдуна слышались нотки настойчивости.

Маккай пристально посмотрел на ближайшее сенсорное устройство. Настойчивость в голосе Билдуна? Даже в случаях крайней необходимости голос Билдуна никогда не казался Маккаю настойчивым. Конечно, Досади может быть срочным делом, однако... Почему это должно вызывать сердитый тон?

— Ты уверен, что в его голосе звучала настойчивость?

— Он говорил быстро и с явным напряжением.

— Это действительно так?

— Конфигурация пиков его голосовой характеристики позволяет сделать такое заключение.

Маккай покачал головой. В поведении Билдуна в этом деле была какая-то фальшь, но что бы это ни было, оно ускользнуло от сложных считывающих устройств ПД.

«И моих считывающих устройств тоже».

Все еще обеспокоенный Маккай приказал ПД собрать полный полевой комплект и зачитать остальную часть дневного распорядка. Пока ПД перечисляло пункты распорядка дня, он приблизился к шкафу с полевым комплектом рядом с ванной комнатой.

Его день должен был начаться встречей с Тапризиотом. Маккай слушал только частью сознания, проверяя комплект по мере того, как ПД собирал его. Здесь были пластиглы. Он обращался с ними осторожно, как они того и заслуживали. Потом следовал набор стимов. Он отказался от них, рассчитывая на вживленные в него мускульно-чувственные усилители, которые увеличивали способности старших агентов Бюсаба. Также в комплект вошли взрывчатые вещества в разных видах — лучегены, пен-траты. Внимательнее с этими опасными предметами! Он одобрил мультилинзы, пакет униплоти с подобранной медикожей, сольвос, минипьютер. ПД извлек бусину монитора жизни для связи с Тапризиотом. Маккай проглотил ее, чтобы дать ей время зацепиться в желудке до его встречи с Тапризиотом. Голосканер и чистые кассеты к нему, так же как и рапторы и компараторы. От отказался от адаптера для симуляции личности мишени. Сомнительно, что у него будет время или оборудование для таких тонких уловок. Лучше довериться собственным инстинктам.

Наконец Маккай запечатал полевой комплект в своем бумажнике и спрятал бумажник в карман. ПД продолжал ровным голосом:

— ...вы появитесь на Тандалуре в месте, которое называется Святая Дорожка. Местное время будет соответствовать раннему полудню.

«Святая Дорожка!»

Внимание Маккай приковала эта запланированная встреча. В его мозгу промелькнула говачинская поговорка «Закон — это слепой проводник, подобный горшку с горькой водой. Закон — это смертельная схватка, которая может меняться, как меняются волны».

Не может быть никаких сомнений в том, что натолкнуло его мысли на этот путь. Святая Дорожка была местом

говачинских мифов. Здесь, как говорили их предания, жил Мррег, монстр, который установил неизменяемый образец говачинского характера.

Теперь Маккаю показалось, что он догадывается, который говачинский Филум вызвал его. Это мог быть один из пяти Филумов, находящихся в Святой Дорожке, но Маккай был уверен, что это будет самый непредсказуемый, самый сильный и вызывающий наибольший страх. Где же еще может зародиться такая вещь, как Досади?

Маккай обратился к Планировщику:

— Пришлите мне завтрак. Запишите, что приговоренный к смерти съел обильный завтрак.

И ПД, программы которого умели распознавать риторические реплики, на которые не требовалось компетентного ответа, молча подчинился.

Все чувствующие существа создаются неравными. Самое лучшее общество дает каждому равную возможность плавать на своей собственной глубине.

Говачинская аксиома

К середине дня Джедрик увидела, что ее гамбит принят. Избыток в пятьдесят человек имел как раз тот размер, за который жадно ухватились мелкие чиновники. Кто бы это ни был, он увидел возможность продолжить этот процесс — десять там, тридцать тут, — а Джедрик так запрограммировала ошибку, что следующими устраненными жителями наверняка будут главным образом люди, и ровно столько Говачинов, чтобы все дело пахло мезтью.

Ей трудно было как ни в чем не бывало выполнять рутинные обязанности, зная, какие силы она привела в движение. Пока ты просто сознаешь, что тебе придется подвергнуться опасности, все идет как надо. Но когда этот момент наступает, все выглядит совсем в другом свете. По мере того, как косвенные и более явные признаки успеха накапливались, Джедрик почувствовала, что сумасшедшее напряжение ситуации все более и более действует на нее. Теперь наступало время подумать о ее настоящей силе, войсках, которые повинуются ее мельчайшему приказу, о связи с Ободом, о тщательно отобранных и обученных заместителях. Теперь наступало время подумать о том, как Маккай легко скользнет в расставленную ею ловушку.

Джедрик скрыла свое приподнятое настроение под маской гнева. Они ожидают, что она будет разгневана.

Одним из доказательств было замедление работы ее компьютерного терминала. Кто-то включился в ее линию, и отслеживал ее работу. Тот, кто это сделал, тот, кто схватил приманку, хотел убедиться, что от нее можно избавиться, и боялся удалить кого-то существенного для структуры власти. Но Джедрик намеренно ввела в свой круг широкое поле обязанностей, которые можно посчитать несущественными.

Микросекундная задержка от подключения к ее монитору включила специальное разъединяющее устройство, которое удалило доказательства ее причастности еще до того, как кто-нибудь мог обнаружить их. Джедрик не думала, что тот, кто принял этот гамбит, будет настолько осторожным, но ее план не предусматривал никакого лишнего риска. Джедрик извлекла разъединяющее устройство и вложила его в один из картотечных шкафов, чтобы он был уничтожен вместе с остальными уликами, когда жабы Электора придут с обыском. Тогда среди металлических стенок появится одинокая голубая вспышка, которая разогреется до чудесного кроваво-красного цвета, и все содержимое превратится в шлак и пепел.

На следующей стадии люди начали отворачиваться, проходя мимо дверей ее кабинета.

«Ага, слухи распространяются аккуратно».

Они начали избегать ее с непринужденной естественностью: переводя взгляд на партнера, идущего с противоположной стороны, сосредоточивая внимание на документах в руках, идя быстрым шагом и сфокусировав взгляд на конце коридора, как будто там какое-то важное дело. Сегодня нет времени остановиться и поболтать с Кейлой Джедрик.

«Клянусь Вуалью Неба! Я вижу их насквозь!»

Мимо прошел Говачин, сосредоточенно исследуя противоположную пустую стену коридора. Джедрик знала этого Говачина. Это был один из шпионов Электора. Сообщит ли он сегодня Электору Брою? Она взглянула на Говачина с тайным ликованием. К ночи Брой будет знать, кто принял ее гамбит, но эта жертва была слишком маленькой, чтобы обратить его внимание. Он просто зарегистрирует информацию для возможного последующего использования. Слишком рано, чтобы возбудить у него подозрение.

За Говачином следовал человек. Он был сосредоточен на своем воротнике и это, конечно, помешало ему бросить взгляд на главного Лизйтора, сидящего в своем кабинете. Этого человека звали Дрейджо. Только вчера Дрейджо пытался ухаживать за ней, наклоняясь к самому ее столу, чтобы под легким серым комбинезоном были видны его мускулы. Какое значение имело то, что Дрейджо больше не видит в ней полезного партнера. Его лицо было похоже на деревянную дверь, оно было закрыто и скрывало за собой пустоту.

«Поверни свое лицо, чурбан!»

Когда на экране ее терминала загорелся красный огонек, ее напряжение спало. Это было подтверждение того, что ее гамбит принят кем-то, кто вскоре пожалеет об этом. На экране проплыло сообщение:

«ОПЕР СД22240268523СХ».

«Старый добрый СХ!»

Плохие новости всегда обладали своей собственной закодированной формулировкой. Джедрик читала следующие строки, предугадывая каждый нюанс: «В соответствии с Наказом Господа, перечисленные ниже должности настоящим упраздняются. Если на вашем экране имеется подчеркнутое название вашей должности, вы включены в сокращаемую квоту».

«Главный Лизйтор».

Глядя на подчеркнутые слова, Джедрик сжала кулаки, делая вид, что рассержена. Дело сделано. Сообщение об увольнении «ОПЕРАТОР ОТВЕРГНУТ», старое доброе двойное «О». Своей вездесущей рукой Демопол, Священная Конгрегация Небесной Вуали, снова нанесла удар.

Приподнятое настроение Кейлы никак не проявлялось для внешнего наблюдателя. Кто-нибудь, достаточно внимательный и способный оценить ситуацию глубже, кроме непосредственной выгоды, вскоре заметит, что на этот раз старое доброе двойное «О» получили только люди, и в перечне нет ни одного Говачина. Тот, кто это заметит, пойдет, принохиваясь, по следу, намеренно оставленному Кейлой. Улики будут накапливаться. Джедрик подумала, что догадывается, кто соберет эти улики для Броя. Это должна быть Трайя. Но время для того, чтобы у Трайи возникли подозрения, еще не наступило. Брой услышит то, что Джедрик позволит ему услышать. И тогда досадийская игра за власть будет разыграна по правилам Джедрик, а

когда остальные участники игры узнают эти правила, будет уже слишком поздно.

Она рассчитывала на фактор, который Брой обозначил термином «нестабильность масс». Религиозная чушь! Досадийские массы нестабильны только в определенном смысле. Подбери разумное оправдание для их внутренних неосознанных потребностей, и они станут предсказуемой системой, которая будет совершать предсказуемые действия — особенно если это психически неуравновешенная популяция, отдельные личности которой вообще не способны осознать свои скрытые желания. Такая популяция таит в себе огромные возможности для посвященных. Именно поэтому они и продолжали сохранять Демопол, действующий по принципу «Божьего указания». Орудия правительства понять несложно. Для этого надо всего лишь проникнуть в систему, в то место, где твои действия будут касаться новой реальности.

Брой решит, что действия Джедрик направлены против него. Это будет еще одна глупость с его стороны.

Джедрик отодвинула кресло, встала и подошла к окну, стараясь не думать о том, какие в самом деле последствия будут иметь ее действия. Она заметила, что пуля снайпера не оставила на стекле никакого следа. Эти новые окна намного лучше старых, которые всего за несколько лет покрывались тусклыми потеками и царапинами.

Она взглянула вниз на светлую ленту реки, тщательно выдерживая этот момент, намеренно затягивая его.

«Я не посмотрю вверх, пока еще нет».

Тот, кто принял ее гамбит, наверняка сейчас наблюдает за ней. Слишком поздно! Слишком поздно!

В течении реки извивалась желто-оранжевая лента: выбросы фабрик... яды. Наконец, стараясь не смотреть на самый верх, Джедрик подняла взгляд к серебрившимся террасам Консульских холмов, к рифленым перевернутым сталагмитами высотных апартаментов, к которым в своих бесплодных мечтаниях устремлялись обитатели Чу. Солнечные лучи отражались от мощных ламп, украшавших здания на холмах. На этих холмах находилась ось огромного, подминающего все под себя колеса власти, но сила, приводящая это колесо в движение, исходила совсем из другого места.

И вот теперь, выждав, когда ее нетерпение придаст этому моменту особую прелесть, Джедрик подняла взгляд

к пространству над Консульскими холмами, к искрящемуся сероватому свечению барьерной завесы — Стены Бога, охватывающей всю планету непроницаемой оболочкой. Вуаль Неба выглядела точно так же, как она выглядит всегда в это время суток. Никаких видимых изменений в ней заметно не было. Но Джедрик знала, что ей удалось сделать.

Она слышала о точных приборах, с помощью которых обнаружили другие солнца и галактики за Стеной Бога, о местах, где должны существовать другие планеты, но у ее людей была только она эта планета. Этот барьер наверху, и те, кто его создал, обеспечили полную изоляцию. Глаза Джедрика затуманились от набежавших слез, которые она смахнула, рассердившись на себя за эту слабость. Пусть Брой и его жабы считают себя объектом ее злости. За их спиной она пробьет себе путь сквозь эту мертвую завесу. Никто на Досади никогда не сможет прикрыться авторитетом невидимой власти, которая обитает в небесах!

Она опустила взгляд на раскинувшийся перед ней ковер заводов и кварталов Уоррена. Некоторые из защитных стен слабо виднелись под слоем смога, прикрывшего, подобно одеялу, кишашую и борющуюся жизнь, которая служила пищей городу. Смог размывал подробности, отделявшие жилые холмы от почвы, и ажурные здания над его слоем казались скорее частью неба, чем земли. Даже покрытые террасами ячеистые стены каньона, в котором город Чу свил свое убежище, казались не стоящими на земле, а плывущими отдельно от этого единственного на Досади места, где люди могли дожить до полной зрелости. Смог приглушал зелень террас и Обода, обитатели которого вели обреченную на поражение битву за выживание. Возраст в двадцать лет считался там старостью. Под давлением такой среды они боролись за всякий шанс попасть в защищенные пределы Чу любыми доступными средствами, радуясь даже возможности питаться мусором, из которого были удалены яды этой планеты. Самое худшее из того, что было в городе, было лучше их самого лучшего — это только доказывало, что условия жизни в аду относительно.

«Я стараюсь бежать за Стену Бога по тем же причинам, по которым обитатели Обода стремятся проникнуть в Чу».

В памяти Джедрика хранился график с волнистой линией. В нем учитывались многие факторы: бесценный

пищевой цикл города и его экономика, вторжения Обода, пятна, плывущие по их прикрытому завесой солнцу, слабые планетные толчки, атмосферное электричество, гравитационные потоки, магнитные флуктуации, танец чисел в лизейторских банках, кажущаяся случайной игра космических лучей, колебания цветов Стены Бога... и таинственные скачки всей системы, которые привлекли самое пристальное внимание Джедрик. Мог существовать только один источник таких скачков: манипулирующий разум, находящийся вне планетарного воздействия Досади. Она назвала его фактором «Х» и разбила этот «Х» на составляющие. Одной из составляющих была симуляционная модель Электора Броя, и Джедрик твердо запомнила эту модель, не нуждаясь для ее понимания ни в каких механических устройствах. Фактор «Х» и все его компоненты были так же реальны, как и все остальное на графике, который она хранила в своем мозгу. Она ясно видела их по воздействию друг на друга.

«Я узнаю тебя по твоим действиям, и вижу, что ты уязвим».

Вопреки всей болтовне Священной Конгрегации, Джедрик и ее люди знали, что Стена Бога была создана со специальной целью. Это была цель, которая поместила слишком много людей в слишком маленькое пространство, мешая в то же время всем попыткам расшириться и создать другие потенциально защищенные поселения. Это была цель, создавшая людей с таким ментальным шаблоном, что они способны были отдать плоть за плоть... говачинскую или человеческую. Джедрик уже открыла вокруг себя множество указывающих на эту цель признаков, но пока не хотела составлять из них целостную картину. Пока еще не время.

«Мне нужен этот Маккай!»

Люди Джедрик, обладая цепкостью ума, которую она в них воспитала, знали, что за барьерной стеной находится вовсе не рай или ад. Досади сама была адом, но это был ад, созданный искусственно. «Скоро мы будем знать... уже скоро».

Этот момент готовился почти девятью досадийскими поколениями: тщательное взращивание особой личности, которая сочетала бы в одном теле все качества, необходимые для атаки на фактор «Х», потом искусно разработанное воспитание этого «оружия, облеченного в плоть»... и

все остальное — слухи, незаметные наблюдения, изложенные в подпольных листовках, помощь людям, работающим над определенными идеями и устранение других, концепции которых являлись помехой, налаживание сети связи между Ободом и Кроличьими Клетками, медленное и тайное формирование военной силы, способной противостоять тем силам, которые балансировали на острие досадиной власти... Всё это, и еще многое другое, подготовило путь для их цифр, которые Джек сегодня ввела в свой компьютерный терминал. Эти числа, казалось, управляли всей планетой, как марионеткой. Их можно было понять по-разному, и на этот раз правители, как видимые, так и невидимые, сделали один расчет, а Джек сделала другой расчет.

Она снова взглянула на Стену Бога.

«Эй, вы! Кейла Джек знает, что вы там! Вас можно заманить в ловушку. Вы медлительны и глупы. И вы думаете, что я не знаю, как использовать вашего Макка. Ну что ж, небесные демоны, Макка откроет для меня вашу завесу. Жизнь моя — это гнев, а вы — объекты моего гнева. Я посмею сделать то, на что вы никогда не решитесь».

Ни одна из этих мыслей не отразилась ни на ее лице, ни в движениях ее тела.

Вооружись, когда улыбается Бог-Лягушка.

Говачинское предостережение

Войдя в святилище Филума, Макка сразу начал говорить.

— Я Джордж Х. Макка из Бюро Саботажа.

Имя и принадлежность, как того требовал ритуал. Если бы он был Говачином, он назвал бы свой Филум или прикрыл на некоторое время глаза, чтобы почтить всех присутствующих видом идентифицирующей Филум татуировки на своих веках. Но так как он Говачином не был, то и татуировка ему была не нужна.

Макка вытянул вперед правую руку, сделав говачинский знак мирных намерений: ладонь повернута вниз, пальцы широко расставлены, чтобы показать, что в руке нет оружия и когти спрятаны. Входя в помещение, он уже улыбался, зная, какой эффект произведет его улыбка на любого находящегося здесь Говачина.

Когда-то в редком приступе откровенности один из его старых говачинских наставников объяснил Маккаю воздействие его улыбки.

Маккай понимал причину этого. Он обладал плотным мускулистым телом — телом пловца с кожей цвета красного дерева. Он ходил пружинистой походкой пловца. Среди его предков на Старой Терре были полинезийцы, насколько было ему известно из семейных анналов. Широкие губы и плоский нос выделялись на его лице; глаза его были крупными и безмятежно-карими. И наконец, у него было еще одно генетическое украшение, смущавшее Говачинов: рыжие волосы. Он был человеческим эквивалентом скульптуры из зеленого камня, которую можно было найти здесь, на Тандалуре, в доме каждого Филума. Маккай обладал лицом и телом Бога-Лягушки, Дарителя Закона.

Как объяснил ему старый наставник, в присутствии Маккая ни один Говачин не может избавиться от чувства благоговейного трепета, особенно когда Маккай улыбается. Им приходится скрывать свою невольную реакцию, коренящуюся в тех предостережениях, которые каждый Говачин выучил еще в том возрасте, когда цеплялся за спину матери.

«Вооружись!» — подумал Маккай.

Продолжая улыбаться, он остановился, сделав предписанные ритуалом восемь шагов, обвел взглядом комнату, а затем сконцентрировал внимание. Святилище было ограничено зелеными кристаллическими стенами. Занимаемое им пространство было невелико, это был слегка приплюснутый овал, составляющий около двадцати метров в самом длинном месте. Сквозь единственное окно проникал мягкий послеполуденный свет золотистого солнца Тандалура. Сияющие желтые лучи создавали прямо перед Маккаем специально задуманный «духовный круг». Свет был сфокусирован на старом Говачине, сидевшем, широко раскинувшись, в коричневом собакокресле, которое поддерживало его локти и перепончатые пальцы. Справа от Говачина стоял искусно сработанный деревянный вращающийся столик на витой ножке. На столике находился только один предмет: металлический ящичек матово-голубого цвета, около пятнадцати сантиметров длиной, десять сантиметров шириной и шесть высотой. Сзади за голубым ящичком в ритуальной позе слуги-охранника стоял одетый в красную рясу Врев, боевые жвалы которого

были аккуратно спрятаны в нижних складках лицевой щели.

Этот Филум проводит посвящение Врева!

Эта мысль наполнила Маккая беспокойством. Билдун не предупредил его о Вревах на Тандалуре. Этот Врев указывал на возникшую среди Говачинов и достойную сожаления склонность к особому рода насилию. Вревы никогда не исполняют танцев веселья, а только танцы смерти. А здесь был наиболее опасный Врев, Врев женского пола, на что указывали челюстные мешки, находящиеся за жвалами. Где-то поблизости должны находиться два Врева мужского пола, дополняющих плодную триаду. Вревы никогда не решались покидать свой дом без своей триады.

Маккай осознал, что он больше не улыбается. Эти проклятые Говачины! Они знали, какой эффект окажет на него присутствие женщины-Врева. За исключением Бюро, где действовало специальное освобождение от обета, общение с Вревами требовало наибольшей осторожности, чтобы избежать нанесения обиды. А так как они постоянно обменивались членами триад, у Вревов образовывались расширенные семейства гигантских размеров, в которых нанесение обиды одному члену семьи означало нанесение обиды всем.

Эти размышления совсем не были связаны с холодком в спине, который Маккай испытал при виде голубого ящика на вращающемся столике. Он все еще не знал названия Филума, но зато знал, что это за ящик. Он чувствовал исходящий от него особый запах древности. Число доступных ему вариантов выбора сократилось.

— Я знаю тебя, Маккай,— сказал старый Говачин.

Он произнес ритуальную фразу на стандартном языке галач, слегка картавя, и этот факт указывал на то, что он редко покидал эту планету. Его левая рука шевельнулась, указывая на белое собакокресло, установленное под углом справа от него за столиком, но все равно в пределах атакующей дистанции молчащего Врева.

— Пожалуйста садись, Маккай.

Говачин взглянул на Врева, потом на голубой ящик, и снова обратился к Маккаю. Это было расчетливое движение бледно-голубых глаз, которые под выцветшими зелеными бровями выглядели увлажненными от возраста. На нем был только зеленый фартук с белыми лямками, под

которыми вырисовывались покрытые коркой белые грудные желудочки. Лицо Говачина было плоским и покатым, с бледными морщинистыми ноздрями под едва обозначенным носовым гребнем. Он мигнул и обнажил татуировки на своих веках. Маккай увидел темный, плывущий круг Бегущего Филума, который, согласно легенде, первым воспринял Говачинский Закон от Бога-Лягушки.

Подтвердив свои худшие подозрения, Маккай уселся и почувствовал, как собакокресло подстраивает форму к его телу. Он бросил осторожный взгляд на Врева, возвышавшегося за вращающимся столиком подобно одетому в красную рясу палачу. Гибкое раздвоение тела, служившее Вревам в качестве ног, пошевелилось под рясой, но в этом движении не было напряженности. Этот Врев еще не был готов к танцу. Маккай напомнил себе, что во всех делах Вревы соблюдают осторожность. Из-за этой их черты в Консенте даже появилось выражение «Вревское пари». Было замечено, что Вревы всегда ждут момента, когда могут добиться своего наверняка.

— Ты видишь голубой ящик, — сказал старый Говачин.

Эта фраза подтверждала взаимопонимание, и ответа на нее не требовалось, но Маккай воспользовался этим вступлением.

— Но я не знаю твоего компаньона.

— Это Сейланг, Слуга Ящика.

Сейланг согласно кивнула.

Знакомый агент Бюсаба однажды объяснил Маккаю, как посчитать число обменов триад, в которых участвовала женщина-Врев.

«Расстающийся партнер отщипывает от одного из ее челюстных мешков маленький кусочек кожи. Это выглядит, как маленькая оспина».

Оба мешка Сейланг были испещрены прощальными знаками. Маккай кивнул ей формально и вежливо, обида не подразумевается — обида не наносится. Потом он посмотрел на ящик, которому она служила.

Маккай тоже когда-то был Слугой Ящика. С этого начиналось изучение границ юридического ритуала. Говачинское выражение, означающее такое послушничество, переводились как «Сердце Неуважения». Оно было первой ступенью на пути к тому, чтобы стать Легумом. Старый Говачин не ошибся: Маккай, как один из немногих не-Говачинов, допущенных к статусу Легума и к юридической

практике в этой планетной Федерации, увидит этот голубой ящик и будет знать, что в нем содержится. В нем должна находиться небольшая коричневая книга, отпечатанная на листах из нестареющего металла, нож с засохшей кровью многих сенсов на его черной поверхности и, наконец, серый камень, побитый и исцарапанный за века использования его для стука по дереву при начале говачинских судебных сессий. Ящик и его содержимое символизировали все, что было таинственного и в то же время практичного в говачинском законодательстве. Книга была вечной, но она не предназначалась для чтения; она хранилась в ящике, и ее можно было просто рассматривать как точку отсчета. Нож нес на себе кровавый итог многих концов. И камень — он произошел от естественной земли, где все только изменялось, не имея начала и конца. Все вместе, ящик и содержимое, представляли собой окно в душу любимцев Бога-Лягушки. А теперь они обучают Врева в качестве Слуги Ящика.

Маккай задал себе вопрос, почему Говачин выбрал смертоносного Врева, но спросить вслух не посмел. Голубой ящик, однако, был совсем другим делом. Он означал, что планета по имени Досади будет наверняка здесь названа. Открытие Бюсаба вот-вот должно было стать объектом говачинского Закона. То, что Говачины предугадали операцию Бюро, делало честь их источникам информации. Во всем в этой комнате чувствовался тщательный подбор. Маккай придал лицу маску расслабленности и оставался безмолвным.

Казалось, что старый Говачин не был этим доволен. Он сказал:

— Когда-то ты очень позабавил меня, Маккай.

Это могло быть комплиментом, а могло и не быть им. Трудно сказать. Даже если это комплимент, то, исходя от Говачина, он должен содержать в себе некоторые оговорки, особенно в юридических вопросах. Маккай сохранял молчание. Этот Говачин обладал большой властью, в этом сомнений быть не могло. Тот, кто оценит его неправильно, услышит финальную трубу Судебного Зала.

— Я наблюдал, как ты обсуждал в наших судах свое первое дело, — сказал Говачин. — Ставки тогда были девять и три десятых против трех и восьми десятых, что мы увидим твою кровь. Но ты закончил свою речь, показав, что ценой свободы является вечная небрежность. Это

наполнило завистью многих Легумов. Твои слова пронзили кожу говачинского Закона и добрались до его плоти. И в то же время ты развеселил нас. Это был мастерский ход.

До этого момента Маккай даже не подозревал, что кто-то может найти что-нибудь забавное в его первом деле, однако обстоятельства указывали на искренность слов старого Говачина. Вспоминая это первое дело, Маккай попытался заново оценить его в свете такого нового подхода. Он помнил то дело хорошо. Говачины обвинили Младшего Магистра по имени Клодик в нарушении им самых священных обетов в результате выполнения им юридических обязанностей. Преступление Клодика заключалось в том, что он освободил тридцать одного Говачина из-под юрисдикции говачинского Закона с той целью, чтобы они могли перейти на службу в Бюсаб. Злополучный обвинитель, всеми любимый Легум по имени Пиргатуд, стремился занять место Клодика и сделал ошибку, пытаясь добиться прямого обвинения. Маккай в то время думал, что мудрее было бы попытаться дискредитировать правовую структуру, привлекая Клодика к суду. Это перенесло бы судебное решение в компетенцию общественного голосования, и досрочное смещение Клодика с должности, несомненно, было бы выбрано большинством. Видя подобное представление дела, Маккай атаковал обвинителя, представив его узколобым законником и ярым сторонником Старого Закона. Победа была достигнута относительно легко.

Однако когда процедура дошла до ножа, Маккай почувствовал глубокое отвращение. О том, чтобы продать Пиргатуда назад, в его собственный Филум, не было и речи. Бюсабу был необходим Легум не-Говачин... он был необходим всей остальной не-Говачинской вселенной. Немногие другие не-Говачины, добившиеся статуса Легума, все были мертвы, и все они до одного погибли в Судебном Зале. Враждебность по отношению к говачинским мирам росла. Подозрения наслаивались на подозрения.

Пиргатуд должен был умереть традиционным, формальным способом и сам сознавал это, наверное, даже лучше, чем Маккай. Пиргатуд обнажил свою область сердца рядом с желудком и сложил руки за головой, как требовалось ритуалом. При этом приступал желудочный круг, давая точку отсчета для удара.

Чисто академические уроки анатомии и практические занятия на манекенах дошли до своего смертельного средоточия.

«Чуть левее желудочного круга вообрази себе небольшой треугольник с вершиной в центре желудочного круга, расположенный горизонтально, так что его основание касается нижнего края круга. Нанеси удар в нижнюю внешнюю вершину этого треугольника, слегка вверх в направлении средней линии».

Единственным удовлетворением, которое Маккай получил от всей этой процедуры, было то, что Пиргатуд умер чисто и быстро, от одного удара. Маккай не вошел в говачинский Закон как «мясник».

Что же в этом деле и его кровавом окончании было для Говачинов забавного? Ответ на этот вопрос наполнил Маккай глубоким ощущением опасности.

«Говачины посмеялись над самими собой, потому что они недооценили меня! А я так и планировал, что они меня недооценят. Именно это их и позабавило!»

Вежливо выдержав некоторое время, необходимое Маккаю для воспоминаний, старый Говачин продолжал:

— Я ставил против тебя, Маккай. Заключил пари, ты понимаешь? И все равно ты привел меня в восторг. Ты проучил нас, выиграв свое дело в классической манере, которая сделала бы честь лучшим из нас. Конечно, в этом и есть одна из целей Закона: проверять качества тех, кто выбирает себе это занятие. Что же ты рассчитывал обнаружить, когда откликнулся на наш последний вызов на Тандалур?

Резкая смена темы разговора этим вопросом застала Маккайа врасплох.

«Я слишком долго не общался с Говачинами, — подумал он. — Я не могу расслабиться даже на мгновение».

Это ощущалось почти физически: если он пропустит хоть один такт ритма в этой комнате, то и сам он, и целая планета падут перед говачинским правосудием. Для цивилизации, законы которой базировались на Судебной Арене, где любой из участников может быть принесен в жертву, возможно было все. Маккай подобрал свои слова со смертельной тщательностью.

— Ты вызвал меня, это правда, но я прибыл по официальному поручению моего Бюро. То, что меня заботит — это дела Бюро.

— Значит, ты находишься в трудном положении, потому что, как Легум Говачинской Адвокатуры, ты являешься объектом нашего подчинения. Ты знаешь меня?

Он был Магистром, Самым Главным Спикером «Филума Филумов», в этом не было сомнений. Он уцелел в одной из самых жестоких традиций, известных во вселенной сенсов. Его способности и возможности были значительными, и он находился на своей родной почве. Маккай выбрал осторожный вариант ответа.

— При моем появлении мне велели прибыть в это место и в это время. Это все, что я знаю.

«Малейшая известная вещь будет управлять твоими действиями». Это был порядок предоставления доказательств у Говачинов. Ответ Маккай возлагал тяжесть юридической ответственности на спрашивающего.

Руки старого Говачина сжались от удовольствия при виде уровня артистизма, до которого поднялось их состязание. Возник момент тишины, во время которого Сейланг плотнее запахла рясой и придвинулась еще ближе к вращающемуся столику. Теперь в ее движениях чувствовалось напряжение. Магистр пошевелился и сказал:

— Я имею отвратительную честь быть Высшим Магистром Бегущего Филума, по имени Аритч.

Пока он произносил это, его правая рука вытянулась, взяла голубой ящичек и бросила его на колени Маккаю.

— Я налагаю на тебя связующую клятву во имя этой книги!

Как и ожидал Маккай, это было сделано молниеносно. У него в руках был ящичек, тогда как заключительные слова древнего судебного вызова еще звучали в его ушах. Независимо от того, какие консентовские изменения говачинского Закона могут быть применены в этой ситуации, он уже втянут в хитросплетения юридических маневров. Металл ящичка охлаждал его пальцы. Они столкнули его в противоборстве с Высшим Магистром. Говачины отбросили лишние вступления. Это говорило о том, что время поджимает, и сами они тоже считают свое положение затруднительным. Маккай напомнил себе, что имеет дело с людьми, получающими удовольствие от своих собственных промахов, людьми, которых может позабавить смерть на Судебной Арене, и получающими высшее наслаждение при артистичном изменении своего собственного Закона.

Маккай начал говорить осторожным формальным тоном,

который требовался по ритуалу, если он хотел выйти из этой комнаты живым.

— Две ошибки могут отменить друг друга. Следовательно, пусть тот, кто делает ошибки, совершает их вместе. В этом подлинная цель Закона.

Плавным движением Маккай открыл простую защелку на ящичке и поднял крышку, чтобы проверить содержимое. Это должно быть сделано с особым вниманием к формальным деталям. Когда крышка поднялась, до его ноздрей донесся горьковатый, затхлый запах. В ящичке было то, что он и ожидал: книга, нож, камень. Маккаю пришло в голову, что он держит в руках оригинал всех таких ящичков. Это была вещь чрезвычайной древности — тысячи и тысячи стандартных лет. Говачины верили, что Бог-Лягушка создал этот ящичек, этот самый ящичек, и его содержимое как эталон, символ «единственного действенного Закона».

Точно помня, что это надо делать правой рукой, Маккай по очереди прикоснулся к каждому предмету в ящичке, опустил крышку и закрыл защелку. Делая это, он почувствовал, что присоединяется к призрачному шествию Легумов, имена которых навсегда вошли в исполняемую в виде баллады хронологию говачинской истории.

Бишкар, которая скрыла свои яйца...

Кондаш Ныряльщик...

Дритаик, который выпрыгнул из болота и смеялся над Мррегом...

Тонкил со спрятанным ножом...

Маккай спросил себя, как они будут петь о нем самом. Назовут ли они его «Маккай Растяпа?» Его мысли понеслись вперед, стремясь охватить всю необходимую информацию. Главным пунктом был Аритч. За пределами Говачинской Федерации об этом Верховном Магистре было известно мало, но говорили, что однажды он выиграл дело, сыграв на популярном предубеждении, которое позволило ему убить судью. В комментариях к этой победе говорилось, что Аритч «объял Закон так же, как соль растворяется в воде». Для посвященных это означало, что Аритч воплотил в жизнь основное отношение Говачинов к их Закону: «уважительное неуважение». Это была особая форма святости. Каждое движение вашего тела было так же важно, как и ваши слова. Говачины сделали это афоризмом.

«Ты держишь свою жизнь у себя во рту, когда выходишь в Судебный Зал».

Они давали юридическое право убить любого участника — судей, Легумов, клиентов... Но это должно было быть сделано с утонченной юридической ловкостью, чтобы повод был очевиден всем наблюдателям, и сделано с самым тонким чувством ритма. Самое главное, можно убить на Арене только тогда, когда это же самое исполненное почтения неуважение к говачинскому Закону не оставляло иного выбора. Даже изменяя Закон, вам необходимо было уважать его святость.

Когда вы выходили в Судебный Зал, вы должны были чувствовать эту особую святость всеми фибрами души. Формы... формы... формы... Когда у вас в руках находится этот голубой ящик, смертельные формы говачинского Закона накладывают отпечаток на каждое движение, каждое слово. Зная, что Маккай не рожден Говачином, Аритч создал дефицит времени, рассчитывая на немедленную ошибку. Они не хотели, чтобы это досадийское дело попало на Арену. Это было прямое состязание. А если это дело попадет на Арену... что же, решающим вопросом будет выбор судей. Судьи выбирались с огромной тщательностью. Обе стороны при этом маневрировали, стараясь не ввести профессионального юриста в состав судей. Вместе с тем, судьи могли представлять одну из сторон, нарушившую закон. Судьи могли избираться (а зачастую так и было) из-за их специального знакомства с делом. Но при этом необходимо было взвесить все тонкости предубеждения. Говачинский Закон специально различал предубеждение и пристрастие.

Маккай обдумал это.

Определение предубеждения было следующим: «Если я могу выступить на определенной стороне, я сделаю это».

А пристрастие: «Что бы ни случилось на Арене, я всегда буду выступать за определенную сторону».

Предубеждение допускалось, а пристрастие нет.

Аритч представлял собой первостепенную проблему, со своими возможными предубеждениями, пристрастиями, своими врожденными и наиболее укоренившимися взглядами. В своих глубочайших убеждениях он смотрел на всю не-Говачинскую юридическую систему как на «орудие, служащее для ослабления личностного характера путем

нелогичности, иррациональности и эгоцентричного эгоизма во имя высокой цели».

Если в Зал попадет досадийское дело, то оно будет рассматриваться в соответствии с измененным говачинским Законом. Эти изменения были для Говачинов колючкой в коже. Они представляли собой уступки, сделанные для вступления в Консент. Периодически Говачины пытались сделать свой Закон основой законодательства Консента.

Маккай вспомнил, что Говачины однажды выразились о законодательстве Консента так: «Он поощряет жадность, недовольство и соперничество, основанное не на превосходстве, а на обращении к предрассудкам и материализму».

Маккаю вдруг пришло в голову, что эта цитата приписывалась Аритчу, Верховному Магистру Филума Бегущих. Неужели за тем, что делал здесь этот Говачин, стоят еще более глубокие скрытые мотивы?

Аритч сделал глубокий вдох через жаберные щели, показывая тем самым свое нетерпение, и сказал:

— Теперь ты мой Легум. Чтобы быть обвиненным, тебе достаточно просто уйти, потому что это будет зна́ком твоей враждебности всем правительству. Я знаю, что ты именно этим врагом и являешься, Маккай.

— Ты знаешь меня,— согласился Маккай.

Эти слова были чем-то большим, чем ритуальный ответ в соответствии с формами, они были правдой. Но Маккаю пришлось сделать большое усилие над собой, чтобы произнести их невозмутимо. За пятьдесят лет, прошедших с тех пор, как он был принят в Говачинскую Адвокатуру, Маккай участвовал в работе этой древней юридической структуры в Судебном Зале четыре раза, скромный результат для обычного Легума. Каждый раз на карте стояло его личное выживание. Во всех своих стадиях, судебное состязание было смертельной битвой. Жизнь проигравшего принадлежала победителю и могла быть взята по его усмотрению. В редких случаях проигравший мог быть продан слугой в свой собственный Филум. Этот вариант не нравился даже проигравшим.

«Лучше чистая смерть, чем грязная жизнь».

Покрытый засохшей кровью нож указывал на другое, более популярное решение. Этот обычай привел к тому, что судебные тяжбы были редкими и запоминающимися судебными представлениями.

Аритч, закрыв глаза и формально обнажив татуировки Филума Бегущих, наконец подошел к главному пункту их встречи.

— А теперь, Маккай, ты расскажешь мне, какие официальные дела Бюро Саботажа привели тебя в Говачинскую Федерацию.

Закон должен поддерживать способы порвать с традиционными формами, потому что нет истины вернее, чем та, что формы Закона остаются, когда всякое правосудие исчезло.

Говачинский афоризм

Для досадийского Говачина он был высоким, но вместе с тем толстым и неухоженным. Его ноги шаркали при ходьбе, а плечи были постоянно согнуты сутулостью. Когда он приходил в волнение, его жаберные щели охватывал астматический хрип. Он знал это и понимал, что другие тоже это знают. Он часто пользовался этой своей особенностью, как предупреждением, напоминая людям, что ни один досадиец не обладает большей властью, чем он, и что власть эта несет в себе смерть. Его имя знали все досадийцы: Брой. И только очень немногие не могли оценить тот факт, что через Священную Конгрегацию Небесной Вуали он поднялся до своего поста главного председателя Управления — Электора. Его частная армия была на Досади самой большой, самой эффективной и лучше всех вооруженной. Служба разведки Броя вызывала страх и восхищение. Он занимал укрепленные апартаменты на верхнем этаже своего штабного здания, конструкции из камня и пластали, выходящей фронтоном на главное русло реки, протекающей через центр города Чу. Вокруг этого здания, как вокруг ядра, концентрическими кругами расходились стены укреплений города. Единственный вход в цитадель Броя проходил сквозь охраняемые Трубные Ворота на подземном уровне, которые сокращенно обозначались ТВ-один. Сквозь ТВ-один могли пройти только избранные из избранных, и никто другой.

До полудня козырьки за окнами Броя служили насестами стервятникам, занимавшим на Досади особую экологическую нишу. Так как Лорд Вуали запретил сенсам есть мясо сенсов, эта задача перешла на птиц. Плоть людей

города Чу, и даже плоть обитателей Обода содержала меньшее количество тяжелых металлов планеты, поэтому стервятники процветали. Стая этих птиц важно разгуливала вдоль оконных козырьков Броя, издавая кашляющие и попискивающие звуки, испражняясь, сталкиваясь друг с другом с присущей пернатым наглостью, и постоянно рассматривая на окружающих улицах следы крови. Птицы наблюдали и за Ободом, но оно было временно отрезано от них сонарным барьером. Птичьи звуки раздавались из коммуникатора, установленного в одной из восьми комнат апартаментов. Это было желто-зеленое помещение, длиной около десяти и шириной шести метров, в котором находился Брой и двое людей.

Брой отпустил легкое бранное выражение по поводу птичьего шума. Проклятые создания мешали ему ясно мыслить. Он прошаркал к окну и отключил коммуникатор. В наступившей резкой тишине Брой обвел взглядом периметр города и нижние террасы окружающих скал. Ночью там была отражена еще одна атака Ободного Сброда. Недавно он провел персональную инспекторскую проверку, появившись в сопровождении конвоя бронированных машин. Солдатам нравилось, что он иногда разделяет с ними опасность. К тому моменту, когда через этот участок прошла бронированная колонна, стервятники уже вычистили большую часть беспорядка. Плоскую спинную структуру Говачинов, у которых не было передней грудной клетки, легко было отличить от белеющих каркасов, когда-то заключавших в себе человеческие органы, и только редкие отметки красной и зеленой плоти отмечали места, где птицы покинули свое пиршество, спугнутые сонарными барьерами.

Обдумывая сонарные барьеры, мысль Броя заработала твердо и ясно. Эти барьеры были одним из проклятых пристрастий Гара! «Пусть бы уж птицы закончили свое дело».

Но Гар настаивал на том, чтобы оставить несколько трупов валяться, как знак для обитателей Обода безнадежности их атак.

«Такой же эффект имели бы и одни кости».

Гар был кровожаден.

Брой отвернулся и бросил взгляд через комнату за спиной своих собеседников. Две стены были заняты графиками, наполненными многоцветной хаотической пляской цветов. На столе в центре комнаты лежал еще один график с единственной красной линией. Эта линия изгибалась

дугой вниз и оканчивалась почти в центре графика. У конца ее лежала белая карточка, рядом с которой стояла статуэтка, изображавшая человеческую особь мужского пола с огромной эрекцией. На статуэтке был наклеен ярлык с надписью «Сброд». Это был запрещенный, под-рывной предмет, изготовленный в Ободе. Люди Обода знали, в чем заключается их главная сила: размножение, размножение и размножение...

Люди сидели над графиком напротив друг друга. Они выглядели вросшими в окружающую их обстановку и как бы сливались с ней. Казалось, что они были посвящены в тайны цитадели Броя через некий эзотерический ритуал, запрещенный и вместе с тем опасный.

Брой вернулся к своему креслу во главе стола, сел и молча продолжил разглядывать своих компаньонов. При взгляде на этих двоих он почувствовал, как его боевые когти дернулись под пальцевыми пластинами, и это ощущение развеселило его. Да, доверяй им ровно настолько, насколько они доверяют тебе. У них есть их собственные войска, собственные шпионы — они представляли для Броя реальную угрозу, но часто их помощь была полезна. Так же часто они доставляли и беспокойство.

Куиллам Гар, человек мужского пола, сидевший спиной к окнам, поднял глаза, когда Брой вернулся в кресло. Гар фыркнул, давая таким образом понять, что он и сам уже собирался отключить коммуникатор.

«Проклятые стервятники! Но они полезны... полезны».

Рожденные на Ободе всегда испытывали к птицам противоречивые чувства.

Гар сидел на стуле верхом с таким видом, будто он обращается к толпе несведущих. Перед тем, как присоединиться к Брою, он прошел через образовательную службу в Религиозном Совете. Гар был худощав каким-то внутренним истощением, настолько распространенным, что мало кто на Досади обращал на это специальное внимание. У него было лицо и глаза охотника, и в свои восемьдесят восемь лет он держался так, как будто ему вдвое больше. От линии волос на лбу по его щекам спускались глубокие морщины. Барельеф вен на тыльных сторонах его ладоней и седые волосы, а также вспыльчивый характер, выдавали ободное происхождение Гара. Его зеленая форма Трудового Резерва немногих могла ввести в заблуждение, лицо его было хорошо известно.

Напротив Гара сидела его старшая дочь и одновременно главный заместитель, Трайа. Она выбрала место так, чтобы видеть окна и скалы. Трайа наблюдала также и за стервятниками, получая скорее удовольствие от их звуков. Приятно, когда что-нибудь напоминает о том, что находится за внешними воротами города.

В лице Трайи было слишком много хрупкой пронизательности, чтобы оно считалось красивым кем-нибудь, за исключением разве что случайно подвернувшегося Говачина, ищущего экзотических ощущений или рабочего Кроличьих Клеток, надеющегося использовать ее в качестве ступени для избавления от крепостного труда. Она часто приводила своих компаньонов в замешательство циничным взглядом широко раскрытых глаз, делая это с аристократической уверенностью, требующей внимания. Трайа отработала этот взгляд как раз для такой цели. Сегодня на ней была форма разведки, оранжевая с черной отделкой, но без нарукавной повязки, указывающей отдел. Она знала, что из-за этого многие считали ее личной игрушкой Броя, что в свою очередь было правдой, но не в том смысле, который имели в виду циники. Трайа хорошо понимала свою личную ценность: она обладала примечательной способностью истолковывать капризы Демопола.

Указывая на красную линию лежавшего перед ней графика, Трайа сказала:

— Это наверняка должна быть она. Какие могут быть в этом сомнения? — И она задала себе в мыслях вопрос, почему Брой продолжает беспокоиться в очевидной ситуации.

— Кейла Джедрик, — сказал Брой. И повторил эти слова снова: — Кейла Джедрик.

Гар скосил глаза на свою дочь.

— Зачем ей надо было включить себя в число тех пятидесяти, которые...

— Она подает нам знак, — сказал Брой. — Теперь я ясно его слышу. — Он выглядел польщенным своей пронизательностью.

Гар прочитал в поведении Говачина кое-что еще.

— Надеюсь, ты не велел убить ее.

— Я не так быстро впадаю в ярость, как вы, люди, — сказал Брой.

— Обычная слежка? — спросил Гар.

— Я еще не решил. Ты знаешь, кстати, что она ведет

почти монашескую жизнь? Может быть, ей просто не нравятся мужские особи вашего рода?

— Скорее она не нравится им, — сказала Трайа.

— Интересно. Ваши брачные обычаи так своеобразны.

Трайа бросила на Броя оценивающий взгляд и задала себе вопрос, почему Говачин выбрал сегодня черную одежду. Это было похожее на мантию одеяние с острым вырезом от плеч до пояса, обнажающим дыхательные желудочки. Эти желудочки вызывали у нее отвращение, и Брой это знал. Сама мысль о том, как они прижимаются к ней... Она прокашлялась. Брой редко носил черное; это был радостный цвет священников во время празднеств. Тем не менее, он выбрал этот цвет из каких-то смутных соображений, показывая, что в его мозгу мелькнули мысли, которые не могут возникнуть ни у кого другого.

Обмен репликами между Броем и Трайа беспокоил Гара. Он не мог отделаться от странного чувства, что каждый из этих двоих старается представить ситуацию в угрожающем свете, скрывая одни данные и приукрашивая другие.

— Что если она сбежит на Обод? — спросил Гар.

Брой покачал головой.

— Пусть уходит. Она не из тех, кто может жить на Ободе.

— Может быть, нам все-таки лучше задержать ее, — сказал Гар.

Брой пристально посмотрел на него, потом ответил:

— У меня образовалось отчетливое впечатление, что ты имеешь какой-то собственный план. Ты готов поделиться им?

— Не имею представления, что ты...

— Хватит! — рявкнул Брой. Его жаберные щели захрипели при выходе.

Гар замолчал и притих.

Брой наклонился к нему, заметив попутно, что этот разговор позабавил Трайу.

— Еще слишком рано принимать решения, которые мы потом не сможем изменить! Сейчас время неопределенности.

Раздраженный собственной вспышкой злости Брой встал и торопливо вышел в соседний кабинет, закрыв за собой дверь. Очевидно было, что эти двое имеют представление о том, куда делась Джедрик, не больше него самого. Тем не менее, это все еще была его игра. Она не сможет

прятаться вечно. Снова усевшись в своем кабинете, он позвонил в Службу Безопасности.

— Вернулся ли Бахранк?

Старший Говачинский офицер торопливо появился на экране и поднял взгляд.

— Еще нет.

— Какие меры приняты, чтобы узнать, куда он доставит свой груз?

— Мы знаем ворота, через которые он войдет. Проследить за ним будет несложно.

— Понятно.

— А то, другое поручение?

— Пхарки мог быть последним. Он может оказаться тоже мертвым. Убийцы действовали тщательно.

— Продолжайте искать.

Брой заглушил в себе легкое ощущение беспокойства. Какие-то очень непохожие на Досади вещи происходят в Чу... и на Ободе. Он чувствовал, что произошло нечто такое, что не обнаружили его шпионы. Наконец, он вернулся к более насущному вопросу.

— Бахранку не следует мешать до поры до времени.

— Понятно.

— Подберите его достаточно далеко от точки доставки и пришлите в свой отдел. Я допрошу его лично.

— Сэр, его наркотическая зависимость от...

— Я знаю, на каком он у нее крючке. Я на это рассчитываю.

— Мы все еще не достали этого вещества, сэр, хотя постоянно стараемся.

— Мне нужен успех, а не оправдания. Кто за это отвечает?

— Кидж, сэр. Он весьма успешно справляется с такого рода...

— С Киджем можно связаться?

— Один момент, сэр. Я включу его на линию.

У Киджа была флегматичное говачинское лицо и громохочущий голос.

— Вы хотите рапорт о состоянии дела, сэр?

— Да.

— Мои контакты на Ободе доказывают, что наркотическое вещество получено из растения, называемого «тайбек». Ранее нами такое растение не было зарегистрировано, но внешний Сброд последнее время его культиви-

рует. Согласно данным моих агентов, оно вызывает исключительно сильное привыкание у людей, и еще большее у нас.

— Не регистрировалось? А его происхождение? Они сообщили?

— Я лично разговаривал с человеком, который недавно вернулся с верховьев реки, где по нашим данным внешний Сброд имеет обширные плантации этого «тайбека». Я обещал своему информатору место в Уоррене, если он доставит мне полный доклад об этом растении и килограммовый его пакет. По словам информатора, земледельцы считают, что тайбек имеет религиозное значение. Я не вижу смысла расследовать эту сторону дальше.

— Когда он по вашему доставит тайбек?

— Самое позднее, к ночи.

Брой помолчал. «Религиозное значение». Тогда более чем вероятно, что растение появилось из-за Стены Бога, как наметнул Кидж. Но почему? Что они замыслили?

— У вас есть новые указания? — спросил Кидж.

— Доставьте вещество мне так скоро, как только сможете.

Кидж беспокойно пошевелился. У него явно был еще какой-то вопрос, но он не хотел задавать его. Брой пристально смотрел на него.

— Да? В чем дело?

— Вы не хотите, чтобы вещество было сначала испытано?

Это был странный вопрос. Может быть, Кидж утаил какую-нибудь жизненно важную информацию об опасности этого тайбека? Никогда не известно, откуда ждать опасность. Но Кидж был связан своими собственными узами. Он знал, что случится с ним, если он изменит Брою. А Джедрик имела дело с этой дрянью. Но почему же Кидж задал такой вопрос? Сталкиваясь с такими неизвестными факторами, Брой, как правило, уходил в себя, и пока он взвешивал возможные варианты, глаза его затягивались мигательной перепонкой. Наконец, он пробудился и посмотрел на экран, на Киджа.

— Если вещества будет достаточно, скорми его каким-нибудь добровольцам — как людям, так и Говачинам. Остаток пришли ко мне наверх немедленно, даже до окончания теста, но в запечатанной упаковке.

— Сэр, об этом веществе ходят разные слухи. Будет трудно найти настоящих добровольцев.

— Тогда придумай что-нибудь сам.

Брой прервал связь и вернулся в соседнюю комнату, чтобы заключить политический мир с Гаром и Трайа. Он не был еще готов к тому, чтобы избавиться от этой парочки... пока еще не готов.

Они сидели в той же позе, как он их оставил. Трайа говорила:

— ...самая большая вероятность, и я должна из этого исходить.

Гар просто кивнул.

Брой уселся и кивнул Трайа, которая продолжала, как будто не было никакого перерыва.

— Совершенно ясно, что Джедрик — это гений. А ее Индекс Лояльности! Он должен быть фальшивым, подстроенным умышленно. И посмотрите на ее решения: одно сомнительное решение за четыре года. Только одно!

Гар провел пальцем по красной линии на графике. Это был на удивление чувственный жест, как будто он поглощал какую-то плоть.

Брой подтолкнул его словами.

— Да, Гар, в чем дело?

— Я просто думал, не может ли Джедрик оказаться еще одной...

Его взгляд молниеносно скакнул к потолку и вернулся на график. Все они поняли, что он подразумевает пришельцев из-за Стены Бога.

Брой взглянул на Гара, как будто пробудившись после прерванной мысли. Что этот дурак Гар имеет в виду, поднимая такой вопрос при данном стечении обстоятельств? Необходимые ответы были очевидны.

— Я согласен с анализом ситуации, который сделала Трайа,— сказал Брой.— А что касается твоего вопроса...— Он пожал плечами, сделав чисто человеческий жест.— У Джедрик есть некоторые классические признаки, однако...— Снова пожатие плеч.— Это все еще мир, данный нам Богом.

В словах Броя, окрашенных годами, которые он провел в Священной Конгрегации, прозвучал некоторый елейный обертон, но в данной комнате эта фраза имела строго мирской характер.

— Остальные доставили нам только разочарование,— сказал Гар.— Особенно Хевви.— Он передвинул статуэтку, поместив ее ближе к центру графика.

— Мы потерпели неудачу, потому что слишком спешили,— сказала Трайа раздраженным голосом.— Плохо выбрали время.

Гар почесал подбородок большим пальцем. Его иногда беспокоил обвиняющий тон Трайа, когда она говорила об их ошибках. Он сказал:

— Но... если окажется, что она — одна из ТЕХ, а мы не позволили...

— Мы посмотрим за те ворота, когда до них дойдет дело,— сказал Брой.— Если до них дойдет дело. Даже еще одна неудача может быть полезной. Продуктовые фабрики дадут нам к следующему урожаю значительный прирост продукции. Это значит, что мы можем отложить более неприятные политические меры, которые давно нас беспокоят.

Брой сделал паузу, чтобы эта мысль немного отложилась у собеседников, а сам тем временем обдумал направления действий, которые открылись перед ним после того, что произошло в этой комнате. Да, по всем признакам эти люди действуют по тайному плану. Значит, все идет хорошо: скоро они попытаются сместить его... и потерпят неудачу.

Сзади, за Трайей открылась дверь, и вошла толстая женщина. Ее телом распирался зеленый халат, а круглое лицо, казалось, плыло в ореоле желтых волос. Ее синевато-багровые щеки предательски выдавали привязанность к «дакону». Женщина... обратилась к Гару.

— Вы велели немедленно сообщить, если...

— Да-да.

Гар махнул рукой, давая ей знак, что она может говорить свободно. Значение этого жеста не ускользнуло от внимания Броя. Еще один камешек, хорошо укладывающийся в общую картину.

— Мы обнаружили Хевви, но Джедрик с ним нет.

Гар кивнул и обратился к Брою:

— Агент ли Джедрик или еще одна марионетка, чувствуется, что они начали действовать.

Его взгляд снова поднялся к потолку.

— Я буду работать исходя из этого,— сказала Трайа. Она отодвинула стул и встала.— Я отправляюсь в Уоррен.

Брой поднял на нее глаза и снова почувствовал, как под его пластинами дернулись когти. Он сказал:

— Не связывайся с ними.

Гар с трудом отвел глаза от Говачина, лихорадочно размышляя. Говачинов часто трудно понять, но именно сейчас Брой был виден насквозь: он уверен, что может найти Джедрик, и ему безразлично, знает это кто-нибудь или нет. Это может быть очень опасно.

Трайа, конечно, тоже видела это, но ничего не сказала, а просто развернулась и вышла из комнаты следом за толстой женщиной.

Гар поднялся на ноги, выпрямившись, как складной метр.— Я лучше пойду. Есть много дел, требующих моего личного присутствия.

— Мы очень рассчитываем на тебя,— сказал Брой.

Но он не был еще готов отпустить Гара. Пусть Трайа отъедет подальше. Лучше поддержать этих двоих некоторое время на расстоянии друг от друга. Брой продолжил:

— Да, пока ты не ушел, Гар. Меня все еще беспокоят несколько моментов. Почему Джедрик была так неосмотрительна? Почему она уничтожила все записи? Что там такое было, чего нам нельзя видеть?

— Может быть, это была попытка сбить нас с толку,— ответил Гар, цитируя Трайу.— Одно можно сказать наверняка: это не был просто рассерженный жест.

— Где-то должно быть объяснение,— сказал Брой.

— Ты позволишь нам рискнуть и допросить Хевви?

— Конечно, нет!

Гар не подал виду, что распознал гнев Броя. Он продолжил:

— Несмотря на то, что утверждаете вы с Трайа, я думаю, что на этот раз мы не можем позволить себе ошибиться. Хевви был... ну...

— Если ты помнишь,— сказал Брой,— Хевви не был ошибкой Трайи. Она пошла за нами против своего желания. Как бы я хотел, чтобы мы тогда послушались ее.— Он лениво махнул рукой, отпуская Гара.— Иди, занимайся своими важными делами.— И Брой проводил Гара взглядом.

Да, на основании человеческого поведения резонно было допустить, что он еще ничего не знает о том, что «контрабандист» Бахранк пронесет через ворота. Иначе Гар скрыл бы такую ценную информацию и не посмел поднимать вопрос о проникновении сквозь Стену Бога... Или посмел бы? Брой кивнул своим мыслям. В этом деле необходима огромная осторожность.

Теперь мы рассмотрим тот особый отпечаток, который различные виды правления налагают на личность. Во-первых, убедитесь, что вы правильно распознали основную правящую силу. Например, взглянем подробнее на человеческую историю. Известно, что люди покорялись многим видам притеснений: правления автархов, плутархов, искателей власти различных республик, олигархов, тирании большинства и меньшинства, скрытое увещевание избирательных групп, глубоко скрытые инстинкты и поверхностные влечения юности. И во всех случаях, постарайтесь понять эту концепцию правильно, правящей силой было то, что по убеждению отдельных личностей обладало контролем над их непосредственным выживанием. Выживание определяет вид отпечатка. Во многих случаях человеческой истории (а эта ситуация сходна у большинства чувствующих существ) президенты. Корпораций своими небрежными замечаниями больше влияли на выживание, чем стоящие во главе официальные лица. Наблюдая за мультипланетными корпорациями, мы, граждане Консента, не можем забывать об этом. Мы не смеем забыть это даже о нас самих. Когда вы работаете для собственного выживания, это накладывает на вас доминирующий отпечаток, определяет то, во что вы верите.

Инструкция Бюро Саботажа

«**Н**икогда не делай то, что хочет от тебя твой противник», — напомнил себе Маккай.

В этот момент противником был Аритч, наложивший связующую клятву Легума на агента Бюсаба и потребовавший информацию, на которую он не имел права. Поведение старого Говачина соответствовало требованиям его собственной юридической системы, тем не менее оно немедленно увеличило область конфликта в огромное число раз. Маккай избрал минимальный ответ.

— Я нахожусь здесь, потому что Тандалур является сердцем Говачинской федерации.

Аритч, сидевший с закрытыми глазами, чтобы подчеркнуть формальность отношений клиент — Легум, открыл глаза и пристально посмотрел на Маккай.

— Напоминаю тебе в последний раз, что я — твой клиент.

Знаки нового опасного напряжения в поведении слуги-

Врева увеличивались, но Маккай заставил себя сконцентрировать внимание на Аритче.

— Ты сам называешь себя клиентом. Очень хорошо. Клиент должен правдиво отвечать на вопросы, которые задает Легум, если этого требует предмет юридического спора.

Аритч продолжал пристально смотреть на Маккай, и в глазах его пылал скрытый желтый огонек. Вот теперь битва разгорелась в самом деле.

Маккай чувствовал, как хрупка связь, от которой зависело его существование. Говачины, подписавшие Большой Пакт Консента, обязательный для всех видов чувствующих существ известной вселенной, юридически могли быть объектом некоторого вмешательства Бюсаба. Однако Аритч поставил их встречу совсем на другую платформу. Если Говачинская федерация не согласна с Маккаем-агентом, то они могли вызвать его в Судебный Зал, как Легума, причинившего вред клиенту. И так как вся Говачинская коллегия адвокатов будет против Маккай, у него не было никаких сомнений в том, который из Легумов «попробует ножа». Его единственная надежда заключалась в том, чтобы избежать немедленного рассмотрения тяжбы. В этом, собственно говоря, и заключался настоящий базис Говачинского Закона.

Маккай сказал, приближаясь еще на один шаг к конкретному вопросу:

— Мое Бюро обнаружило обстоятельства, которые могут вызвать замешательство в Говачинской федерации.

Аритч дважды мигнул.

— Как мы и подозревали.

Маккай покачал головой. Они не подозревали, они знали точно. Маккай рассчитывал на это: Говачины понимают, почему он откликнулся на их вызов. Если какие-нибудь из сенсов, подписавших Соглашение, и смогут понять его положение, то это будут Говачины. Бюсаб отражал философию Говачинов. Прошли уже столетия с момента того большого потрясения, из которого собственно и возник Бюсаб, но Консент никогда не позволял себе забыть этот случай. На нем обучали молодежь у всех чувствующих существ.

«Когда-то давным-давно, деспотичное большинство захватило правительство. Они говорили, что сделают всех равными. При этом они имели в виду, что не позволят

никому быть лучше другого ни в каком деле. Превосходство должно было быть подавлено или скрыто. Тираны заставили свое правительство действовать в большой спешке «во имя людей». Как только они видели препоны и задержки, то уничтожали их. Времени на размышления оставалось очень мало. Сами не осознавая того, что действуют под влиянием неосознанного стремления предотвратить любые изменения, тираны пытались свести все население к серому однообразию».

«И вот мощная правительственная машина понеслась с растущей скоростью от одной ошибки к другой. Она захватила коммерцию и все важнейшие элементы общества. Законы выдумывались и принимались в течение часа. Каждое общество исказилось до самоубийственного вида. Люди оказались не готовы к изменениям, которых требовала вселенная. Они сами были неспособны измениться».

«Как вы узнали раньше, это было время «быстрых денег», полученных утром и пропадающих с наступлением ночи. В своем пристрастии к однообразию, тираны захватывали все большую и большую власть. Все остальные при этом становились все слабее и слабее. Новые бюро и директораты, странные министерства возникали из пустоты для самых невероятных целей. Они стали цитаделью новой аристократии, правителей, которые продолжали раскручивать гигантское колесо правительства, распространяя разрушения, насилие и хаос во всем, к чему они прикасались».

«В эти отчаянные времена горстка людей (Пятерка Ушей, их состав и происхождение никогда не сообщались) создали Корпус Саботажа, чтобы затормозить колесо правительства. Первоначально корпус был кровавым, неистовым и жестоким, но со временем эти методы были заменены более тонкими. Правительственное колесо замедлилось и стало более управляемым. Снова появилось время для обдумывания решений».

«По прошествии нескольких поколений, первоначальный Корпус преобразовался в Бюро, Бюро Саботажа с его теперешней служебной функцией. Теперь вместо насилия предпочитается диверсия, но в случае необходимости Бюро готово и к применению насилия».

Эти слова Маккай слышал еще будучи подростком, они сформировали у него концепцию, которая изменилась по мере приобретения опыта работы в Бюро. Теперь, как он

знал, директорат, состоящий из представителей всех чувствующих существ, следовал своими собственными энтропийными коридорами. Когда-нибудь Бюро растворится или его заставят это сделать, но пока они еще были нужны вселенной. Старые тенденции не исчезли, прежний тщетный поиск абсолютного воплощения однообразия. Это был древний конфликт между тем, что отдельный член общества считал необходимым для своего сиюминутного выживания и тем, что требовало общество, чтобы в перспективе выжил любой из его членов. И теперь это был конфликт между Говачинами и Консентом, а Аритч был чемпионом своего народа.

Маккай внимательно изучил Высшего Магистра, одновременно ощущая неослабленную напряженность в ассистенте-Вреве. Будет ли в этой комнате насилие? Пока Маккай говорил, этот вопрос оставался нерешенным.

— Ты заметил, что я нахожусь в трудном положении. У меня не вызывает радости замешательство ни уважаемых наставников и друзей, ни их соотечественников. Тем не менее, существуют доказательства...

Он позволил своему голосу медленно затихнуть. Говачины не любили оставленных недосказанными намеков.

Когти Аритча выскользнули из мешочков на его перепончатых пальцах.

— Твой клиент желает слышать об этих доказательствах.

Прежде чем начать говорить, Маккай положил руку на защелку ящичка, стоящего у него на коленях.

— Исчезли многие представители двух видов сенсов. Эти два вида: Говачины и люди. Само по себе, это ничего бы не означало, но такие исчезновения происходили длительный период времени — в течение, может быть, двенадцати или пятнадцати поколений по старому человеческому исчислению. Сложенные вместе, эти исчезновения имеют массовый характер. Нам удалось выяснить, что существует планета, называемая Досади, куда были переправлены эти люди. Улики, имеющиеся у нас, были рассмотрены чрезвычайно тщательно. Все они ведут к Говачинской федерации.

Аритч раздвинул пальцы — этот жест был знаком крайнего замешательства. Маккай не мог сказать точно, было ли это замешательство деланным или действительным.

— Твое Бюро обвиняет в этом Говачинов?

— Ты знаешь функции моего Бюро. Пока мы не знаем местоположение Досади, но мы узнаем его.

Аритч молчал. Он знал, что Бюсаб никогда не сдастся перед лицом какой-либо проблемы.

Маккай поднял голубой ящичек.

— Бросив мне это, ты сделал меня стражем своей судьбы, клиент. У тебя нет права знать мои методы. Я не следую старым законам.

Аритч кивнул.

— Я предполагал, что ты так и поступишь.

Он поднял правую руку.

По телу Врева прокатилась ритмическая «волна смерти», а боевые жвалы высунулись из лицевых щелей.

При первом же движении Врева Маккай открыл голубой ящичек и выхватил из него книгу и нож. В словах его прозвучала твердость, которой он не чувствовал в своем теле:

— Если она сделает в моем направлении малейшее движение, то моя кровь осквернит эту книгу.— Он приложил нож к своему запястью.— Знает ли твой Слуга Ящичка последствия этого? История Филума Бегущих на этом закончится. Будут считать, что другой Филум воспринял Закон от его Дарителя. Имя последнего Верховного Магистра этого Филума будет стерто из памяти живущих. Говачины станут поедать свои яйца при малейшем намеке, что в их венах течет кровь Филума Бегущих.

Аритс замер с поднятой правой рукой, затем сказал:

— Маккай, ты выдал свою воровскую суть. Ты можешь знать это только в том случае, если ты шпионил за нашими самыми священными ритуалами.

— Ты считаешь меня трусливым двуличным олухом, клиент? Я — настоящий Легум. Легуму не надо шпионить, чтобы узнать Закон. Допустив меня в Коллегию Легумов, вы открыли передо мной все двери.

Аритч медленно, вздрагивая всем телом, повернулся и обратился к Вреву.

— Сейланг?

Ей трудно было отвечать, пока оставались обнаженными боевые жвалы с отравленными концами.

— Слушаю вас.

— Хорошо наблюдай за этим человеком. Изучи его. Вы еще встретитесь.

— Повинуюсь.

— Можешь идти, но помни мои слова.

— Я буду их помнить.

Маккай, зная, что танец смерти не может остаться незавершенным, остановил ее.

— Сейланг!

Медленно и неохотно она взглянула на него.

— Наблюдай за мной хорошо, Сейланг. Я то, чем ты надеешься стать. И предупреждаю тебя: если ты не сбросишь свою вревскую кожу, ты никогда не станешь Легумом.— И Маккай жестом отпустил ее.— Теперь можешь идти.

Она повиновалась, повернувшись плавным движением, шелестя халатом, но ее боевые жвалы оставались обнаженными, а отравленные острия поблескивали. Маккай знал, что где-то в помещениях ее триады обычно есть маленький пернатый зверек, который скоро умрет от яда своей хозяйки, пылающего в его венах. Тогда танец смерти будет завершен и она сможет убрать жвалы. Но ненависть останется.

Когда за красным халатом закрылась дверь, Маккай вернул на место, в ящичек, книгу и нож и снова обратил свое внимание к Аритчу. Теперь в его словах слышался тон настоящего Легума, обращающегося к своему клиенту, без всякой софистики, и оба они понимали это.

— Что же склонило Верховного Магистра, прославленного Филума Бегущих разрушить Свод Цивилизации?

Маккай обращался тоном собеседника, ведущего беседу между равными.

Аритчу трудно было приспособиться к новому статусу. Его ход мыслей был понятен. Если Маккай был свидетелем Ритуала Очищения, то его надо воспринимать как Говачина. Но Маккай не Говачин. Тем не менее, он был принят говачинской коллегией Легумов... и если он видел этот самый священный ритуал...

Наконец Аритч начал говорить.

— Где ты видел ритуал?

— Он исполнялся в Филуме, предоставившем мне кров на Тандалуре.

— Сухие Головы?

— Да.

— Они знали, что ты наблюдаешь за ритуалом?

— Они пригласили меня.

— Каким образом ты сбросил свою кожу?

— Они выскочили меня до крови и сохранили соскоб.

Аритчу потребовалось некоторое время, чтобы переварить эти сведения. Сухие Головы сыграли свою собственную секретную игру в говачинской политике, и теперь их секрет вышел наружу. Аритч должен был обдумать последствия. Чего они хотели этим добиться? Он сказал:

— У тебя нет татуировки.

— Я никогда не подавал формальной просьбы о приеме в Филум Сухих Голов.

— Почему?

— Моя главная принадлежность — Бюсаб.

— Знают ли об этом Сухие Головы?

— Они одобряют это.

— Но что же их заставило...

Маккай улыбнулся.

Аритч бросил взгляд на задернутую полупрозрачной занавеской нишу в дальнем конце святилища, за спиной у Маккая. Внешнее сходство с Богом-Лягушкой?

— Нужно что-то большее, чем просто это.

Маккай пожал плечами.

Аритч начал размышлять вслух:

— Сухие Головы поддерживали Клодика в его преступлении, когда ты...

— Это не было преступлением.

— Пусть так. Ты выиграл свободу Клодику. И после твоей победы Сухие Головы пригласили тебя на Ритуал Очищения.

— Говачин, сотрудник Бюсаба не может служить нескольким сторонам.

— Но Легум служит только Закону!

— Бюсаб и говачинский Закон не конфликтуют друг с другом.

— Сухие Головы хотят, чтобы мы в это верили.

— Многие Говачины верят этому.

— Однако дело Клодика не было настоящим испытанием.

В сознании Маккая вспыхнуло понимание: Аритч сожалел не просто о потерянной ставке. Он вложил в то пари вместе с деньгами и свои надежды. Наступило время направить разговор в другое русло.

— Я — твой Легум.

— Да, ты — мой Легум.

— Твой Легум желает слышать о досадийской проблеме.

— Ничто не является проблемой, пока не вызывает достаточную озабоченность.— Аритч взглянул на ящичек, лежащий на коленях у Маккай.— Мы имеем дело с разной оценкой величин, с переоценкой этих величин.

Маккай на мгновение не поверил, что слышит в его голосе тенор, означающий у Говачинов оправдывающийся тон, но слова Аритча позволили ему перевести дыхание. Говачины обладали какой-то странной смесью уважения и неуважения к своему Закону и ко всякому правительству. В основе такого отношения лежали их неизменяющиеся ритуалы, но над ними все было текучим, как море, из которого возникли сами Говачины. Постоянная текучесть была целью, стоящей за их ритуалами. Никогда нельзя было вести разговор с Говачином на твердой основе. Каждый раз они делали нечто другое... и эта изменчивость имела религиозный характер. Это было их натурой. «Все твердое временно. Закон создан изменяемым». Это было катехизисом Говачинов. «Быть Легумом — это значит научиться выбирать место, на которое можно опереться».

— Сухие Головы сделали нечто другое,— сказал Маккай.

Эти слова заставили Аритча помрачнеть. Его грудные дыхательные отверстия захрипели, указывая, что он говорит «от чистого желудка».

— Люди Консента имеют столько разных форм: Вревы (быстрый взгляд в сторону двери), Собарипы, Лаклаки, Калеванцы, Пан Спечи, Паленки, Хитеры, Тапризиоты, Люди и мы, Говачины... так много разных форм. Неизвестное среди нас невозможно перечислить.

— Как и пересчитать капли в море.

Аритч утвердительно хмыкнул и продолжал:

— Некоторые болезни пересекают барьеры между формами сенсов.

Маккай пристально посмотрел на него. Неужели Досади — это станция для медицинских экспериментов? Это невозможно! Тогда ни к чему была бы вся эта секретность. Секретность сводила на нет попытки изучать общие проблемы, и Говачины знали это.

— Вы изучаете не болезни, поражающие Говачинов и людей.

— Некоторые болезни поражают душу, и их нельзя связать ни с какими физическими носителями.

Маккай обдумал эту мысль. Хотя определения Говачи-

нов были часто трудны для понимания, они не позволяли отклонений в поведении. Иное поведение — да; отклонения в поведении — нет. Можно действовать против закона, но не против ритуала. В этом плане Говачины очень обязательны. Они убивают нарушителей ритуала на месте. Поэтому при общении с другими видами чувствующих существ от Говачинов требовалась большая сдержанность.

Аритч продолжал:

— Ужасающие психологические трения возникают, когда дивергентные виды сталкиваются друг с другом и вынуждены адаптироваться к новым обстоятельствам. Мы ищем новое знание в этой области поведения.

Маккай кивнул.

Один из наставников Филума Сухих Голов выразился так: «Как бы это ни было болезненно, все живое должно адаптироваться или умереть».

Трудно было усвоить, каким образом Говачины изменяли свои взгляды к себе самим. Закон изменялся, но он модифицировался на основе, которой не было позволено ни малейшей перемены. «Иначе, как бы мы знали, где мы находимся и где мы были?» Однако столкновения с другими видами изменили основу. Жизнь адаптировалась... по своей воле или под нажимом обстоятельств.

Маккай осторожно заговорил.

— Психологические эксперименты с людьми, которые не дали своего осведомленного согласия, являются незаконными... даже среди Говачинов.

Аритч не принял этого аргумента.

— Консент, во всех своих частях, сохранил долгую историю научных исследований бихевиоральных и медицинских вопросов, в которых люди являлись заключительной опытной средой.

Маккай дополнил:

— И первый вопрос, возникающий, когда вы предлагаете такой эксперимент, звучит: «Насколько велик риск для его участников?».

— Но, дорогой мой Легум, осведомленное согласие подразумевает, что экспериментатор знает возможные последствия и может описать их тестируемым субъектам. Я спрашиваю тебя: как это может быть, если эксперимент заходит за границы уже известного? Как можно описать последствия, которые нельзя предвидеть?

— Вы предоставляете на рассмотрение ваше предложе-

ние нескольким экспертам в данной области,— сказал Маккай.— Они взвешивают предлагаемый эксперимент относительно ценности, которую будет иметь новое знание.

— Да. Мы отдаем наше предложение в руки коллег — исследователей, в руки людей, у которых смысл жизни, сама личность пронизана верой, что они могут улучшить большинство чувствующих существ. Скажи мне, Легум: много ли предложений об экспериментах отвергли комиссии, составленные из таких людей?

Маккай заметил, к чему склоняется их спор. Он ответил, тщательно взвесив свои слова.

— Они отклоняют очень немногие предложения, это правда. Тем не менее, вы не представили свой досадийский протокол для внешнего рассмотрения. Что же заставило вас сохранять его в секрете от своих собственных людей и от чужаков?

— Мы боялись за судьбу нашего предложения, если оно подвергнется резкой критике других сенсов.

— А говачинская общественность одобрила ваш проект?

— Нет. Но мы знали, что одобрение общественности не дает гарантии против опасности эксперимента.

— Оказался ли досадийский эксперимент опасным?

Аритч молчал, и, наконец, сделав несколько глубоких вдохов, ответил:

— Он оказался опасным.

— Для кого?

— Для всех.

Это был неожиданный ответ, и он добавлял новое измерение к поведению Аритча. Маккай решил удостовериться в этом и проверить это открытие.

— Значит, досадийский проект был одобрен меньшинством Говачинов, меньшинством, которое согласно было с опасным соотношением риска и полезности.

— Маккай, ты обладаешь манерой излагать факты, предполагающей определенную степень вины.

— Однако большинство Консента может согласиться с моим изложением фактов?

— Если они узнают об этом.

— Я понимаю. Допустим пойдя на определенный риск, какую же будущую пользу вы надеялись получить?

Аритч издал грудной звук.

— Легум, уверяю тебя, что мы работали только с доб-

ровольцами, и набирали их только среди людей и Говачинов.

— Ты уклоняешься от ответа на мой вопрос.

— Я просто откладываю ответ на него.

— Тогда скажи мне, объяснили ли вы своим добровольцам, что у них есть выбор, что они могут сказать «нет»? Объяснили ли вы им, что они могут подвергнуться опасности?

— Мы старались не отпугнуть их... нег.

— Кто-нибудь из вас позаботился о свободе воли ваших «добровольцев»?

— Суди нас с осторожностью, Маккай. Между наукой и свободой существует базовое несогласие — независимо от того, как наука выглядит в глазах практиков и как свобода ощущается теми, кто в нее верит.

Маккаю вспомнился циничный говачинский афоризм «Верить в то, что ты свободен, важнее, чем быть свободным». Он сказал:

— Вы заманили добровольцев в свой проект.

— Некоторые могут рассматривать ситуацию с этой точки зрения.

Маккай обдумал эту мысль. Он все еще не знал точно, что Говачины сделали на Досади, но у него возникли подозрения, что это было нечто отвратительное. И он не смог скрыть этого в своем голосе.

— Мы возвращаемся к вопросу о выгоде эксперимента.

— Легум, мы давно восхищаемся твоим биологическим видом. Вы дали нам одну из самых верных истин: «Ни одному из видов живых существ нельзя доверять далее границ его собственных интересов».

— Это теперь недостаточное оправдание для...

— Мы вывели из вашей истины другое правило: «Разумно строить свои действия таким образом, чтобы интересы других видов совпадали с интересами твоего вида».

Маккай пристально посмотрел на Высшего Магистра. Может быть, старый искушенный Говачин хочет заключить сговор между людьми и Говачинами, чтобы замаять то, что было сделано на Досади? Посмеет ли он разыграть такой гамбит? Насколько плохо обстоят дела на Досади?

Чтобы проверить свою мысль, Маккай задал вопрос:

— Какие выгоды от этого вы надеялись получить? Я настаиваю на своем вопросе.

Аритч тяжело осел. Его собакокресло приспособилось к его новому положению.

Высший Магистр долго смотрел на Маккай взглядом изпод тяжелых век, затем сказал:

— Ты играешь эту игру лучше, чем мы ожидали.

— С тобой, представителем Закона и Правительства, все является игрой. Я действую на другой арене.

— Твое Бюро.

— И меня обучили быть Легумом.

— Являешься ли ты моим Легумом?

— Клятва связывает меня. Или ты не доверяешь...

Маккай прервал свои слова, охватенный неожиданной мыслью. Конечно! Говачины давно знали, что досадийская проблема будет рассматриваться в суде.

— Доверяю чему? — спросил Аритч.

— Хватит этих уверток! — крикнул Маккай. — Когда вы обучали меня, вы уже тогда имели в виду свою досадийскую проблему. А теперь ты ведешь себя так, как будто не веришь своему собственному плану.

Губы Аритча шевельнулись.

— Как странно. Ты выглядишь бóльшим Говачином, чем настоящий Говачин.

— Какую выгоду вы рассчитывали получить, когда шли на риск?

Пальцы Аритча раздвинулись веером, расправив перепонки.

— Мы надеялись получить быстрые решения и выгоды, если сможем притушить естественную враждебность, которая наверняка должна была возникнуть. Но теперь прошло более двадцати наших поколений, а не двенадцать или пятнадцать, с тех пор как мы заложили семя. Выгоды? Да, некоторые выгоды есть, но мы не смеем использовать их, и мы не смеем освободить Досади из заключения, если мы не сможем ответить на вопросы, на которые ответить невозможно без обнаружения нашего... источника.

— Выгоды! — сказал Маккай. — Твой Легум настаивает.

Аритч сделал глубокий вдох сквозь дыхательные отверстия.

— Только Калеванец, который охраняет Досади, знает местоположение, а она должна обеспечивать доступ к планете, не выдавая ее месторасположение. Досади населена Людьми и Говачинами. Они живут в единственном городе,

который называется Чу. Там проживают около девяноста миллионов людей, примерно поровну обоих видов. Может быть, втрое больше живет вне Чу, на Ободе, но они находятся вне эксперимента. Чу занимает около восьмисот квадратных километров.

Плотность населения шокировала Маккай. Миллион на квадратный километр. Ему было трудно представить это. Даже если допустить, что город развит по вертикали... и если использовать... Конечно, будут некоторые, своей властью занявшие пространство, но остальные... Боже! Такой город должен кишеть людьми, и этого давления нельзя избежать нигде, за исключением как на этом непонятном Ободе. Маккай объяснил это Аритчу.

Верховный Магистр подтвердил это.

— В некоторых районах плотность населения очень высока. Люди на Досади называют эти области «Кроличьими Клетками», и вполне справедливо.

— Но почему? Если свободна целая планета...

— Досади ядовита для наших форм жизни. Все продукты питания выпускаются на тщательно управляемых гидропонных фабриках, размещенных в сердце города Чу. Пищевые фабрики и распределение продуктов управляется диктаторами. Все находится под квази — военной формой правления. Однако, средняя продолжительность жизни в городе в четыре раза превышает продолжительность жизни вне города.

— Ты сказал, что население вне пределов города намного больше, чем...

— Они размножаются, как дикие животные.

— И какие же возможные выгоды вы ожидали от...

— В трудных ситуациях жизнь обнажает свои базовые элементы.

Маккай обдумал то, что сообщил Верховный Магистр. Он представлял себе Досади копошащимся клубком тел... Он видел стены, и некоторые люди жили и работали в относительно щедrom пространстве, в то время как другие... Боже! Во вселенной, где некоторые обитаемые планеты имели не более чем несколько тысяч человек населения, это было безумием. Маккай обратился к Высшему Магистру резким тоном.

— Эти базовые элементы, эти выгоды, которых вы ожидали... Я желаю слышать об этом.

Аритч склонился вперед.

— Мы обнаружили новый вид связи между существами, новые побудительные мотивы, неожиданные течения, которые могут накладываться на все население.

— Я требую подробностей и полного изложения этих открытий.

— Сейчас, Легум... один момент.

Почему Аритч откладывает? Может быть, так называемые выгоды незначительны рядом с отвратительным ужасом этого эксперимента? Маккай сделал еще один заход.

— Ты сказал, что планета отравлена. Почему не перенести обитателей постепенно, подвергнуть их стиранию памяти, если необходимо, и ввести их в Консент, как новых...

— Мы не смеем! Во-первых, обитатели планеты вырабатывали иммунитет к стиранию памяти, это было побочным продуктом ядов, которые попали в их питание. Во-вторых, глядя на то, чем они стали на Досади... Как я могу это объяснить тебе?

— Почему люди не могут просто покинуть Досади? Полагаю, что вы перекрыли им доступ к прыжковым дверям, но ракеты и другие механические устройства...

— Мы не позволяем им покинуть планету. Наш Каллебанец заключил планету в «темпокинетический барьер», который объекты нашего эксперимента не могут преодолеть.

— Почему?

— Мы скорее уничтожим всю планету со всем живым на ней, чем выпустим ее население в Консент.

Чем же таким являются досадийские люди, что вам пришла в голову такая возможность?

Аритч содрогнулся.

— Мы создали чудовище.

Каждое правительство состоит из лжецов, и ничему из того, что они говорят, нельзя верить.

Приписывается древнему журналисту — человеку

Торопливо шагая через крышу прилегающего к зданию высотного паркинга в разгаре последнего дня, который Джедрик провела Лиэйтором, она не могла выбросить из головы сознание того, что подобно старой коже вот-вот скинет с себя еще одну должность. В здании под ней тесни-

лись один на другом автомобили торговцев властью и их любимцев, каждая из машин была подвешена к конвейерной дорожке верхними захватами. Машины были самые разные — от гигантских «джайгеров», отягощенных броней и оружием, с усиленными двигательными системами — эти принадлежали правящему меньшинству — и до миниатюрных черных скиттеров, предназначенных для таких, как она сама. Бывший любимец Джедрик знала, что сейчас она в последний раз воспользуется машиной, которая до сих пор избавляла ее от утренней и вечерней толкучки подземных пешеходных дорожек.

Она тщательно выбрала момент ухода с работы. Те, кто ездят «джайгерами», еще не успели отобрать у нее ее скиттер и водителя. Этот водитель, Хевви, требовал ее особого внимания в этой последней поездке, в том небольшом промежутке времени, который она выделила специально для улаживания с ним дел.

Джедрик ощущала, что теперь события понеслись со своей собственной ужасающей скоростью. Только что, утром, она обрекла на смерть пятьдесят человек, и вот теперь эта лавина набрала силу.

Поверхность тротуара на крыше высотного паркинга была кое-как залатана после недавнего взрыва трех боевиков с Обода. Спеша через открытое пространство грубо заделанной площадки к выходному лифту, Кейла старалась внимательно ставить ноги. Добравшись до шахты лифта, она остановилась и взглянула на запад, за скалистые склоны города. Солнце уже почти дошло до послеполюденной линии скал и казалось просто золотистым сиянием за молочно-белесым барьером Стены Бога. В ощущаемых ею по-новому страхах это было не солнце, а злобный глаз, смотрящий на нее сверху вниз.

К этому моменту картотечные шкафы уже должны загореться от неуклюжей попытки полицейских жаб влезть в них. Пока они доложат об этом, пока их рапорт пробьется через иерархические препоны наверх, туда, где кто-нибудь осмелится принять решение, будет некоторая задержка.

Джедрик усилием воли сдерживала свои мысли, стараясь, чтобы они не сорвались в дрожащую тень. После картотечных шкафов, станут накапливаться и другие данные. Люди Электора все более наберутся подозрений. Но это тоже было частью ее плана, одним из многих его плоскостей.

Она стремительно шагнула в лифт, опустилась на свой уровень паркинга и взглянула через узкие дорожки с перилами на свой скиттер, висящий среди остальных машин. Хевви сидел на покато капоте, характерно ссутулив плечи. Хорошо. Он ведет себя так, как она и ожидала. Теперь необходима была некоторая хитрость, но Джедрик не ожидала никаких настоящих неприятностей от такого мелкого и прозрачного существа, как Хевви. Тем не менее, она держала руку в кармане, где у нее скрывалось небольшое, но эффективное оружие. Теперь ее ничто не должно остановить. Джедрик отбирала и тренировала своих заместителей, но ни один из них не мог сравниться способностями с ней самой. Военной силе, подготовленной к этому моменту, все равно нужна была Джедрик, как еще одно преимущество, которое может решить победный спор в один из лежащих перед ними дней.

«Теперь я должна плыть, как сорванный лист в урагане».

Хевви читал книгу, одну из тех псевдоглубоких вещей, которыми он регулярно наслаждался, книгу, которую, как знала Джедрик, он все равно не поймет. Зачитавшись, он дергал себя за нижнюю губу большим и указательным пальцем — картина абсолютной интеллектуальной углубленности в важные мысли. Но это была только видимость. Он не подал и виду, что слышит, как Джедрик спешит к нему. Легкий ветерок заворачивал ему страницы, и он придерживал их одним пальцем. Кейла еще не видела названия книги, но догадалась, что она из контрабандного списка, как и большая часть его чтива. Это был максимум риска, на который мог пойти Хевви, риск небольшой, но насыщенный определенным фальшивым блеском. Еще одна видимость.

Теперь Джедрик видела его во всех отчетливых деталях. Он должен бы был уже поднять глаза, но сидел, погрузившись в свою книгу. У Хевви были большие карие глаза, которые, как он явно считал, имеют невинный вид. Но действительная его невинность простиралась значительно дальше, чем его слабые попытки эту невинность изобразить. Джедрик легко могла представить себе сцену, которая произойдет, если один из людей Броя обнаружит Хевви в этой позе.

«Контрабандная книга? — спросит Хевви, придавая выражению своих глаз всю их бесценную невинность.—

Я думал, что они больше не встречаются. Я думал, что вы сожгли их все. Приятель дал ее мне на улице, когда я спросил, что он читает».

А шпион Электора, скрывая усмешку, спросит: «И тебе не показался странным такой подарок?»

Если дойдет до этого, события для Хевви станут все более и более неприятными и примут оборот, о котором он и не подозревает. Его «невинные» карие глаза обманут людей Электора не больше, чем они обманули ее. Ввиду этого, Джедрик заметила и другие аспекты того факта, что Хевви дал ей ключ к Стене Бога — этого Джорджа Х. Маккая. Хевви пришел к ней и сообщил театральным конспиративным шепотом: «Обод хочет переправить в город нового агента. Мы подумали, что вы можете...»

И каждая подробность, которую он выдал, этого странного происшествия, каждый вопрос, на который он ответил со своей прозрачно-деланной искренностью, усиливали ее напряжение, удивление и приподнятое настроение.

Джедрик вспомнила все это, приближаясь к Хевви.

Он почувствовал ее присутствие и поднял глаза. В них мелькнуло узнавание и что-то еще, неожиданное — наполовину скрытая настороженность. Он закрыл книгу.

— Вы сегодня рано.

— Я предупреждала, что так и будет.

Новый оттенок в поведении Хевви вызвал в ней всплеск нервного напряжения, пробудил прежние опасения. Кроме атаки, у нее не оставалось никаких вариантов поведения.

— Только жабы не могут прервать рутинную работу, — сказала она.

Взгляд Хевви быстро скользнул вправо и влево, потом вернулся к ее лицу. Он не ожидал этого. В этом был несколько больший риск, чем допускал себе Хевви. Повсюду стоят электронные подслушивающие устройства Электора. Тем не менее, реакция Хевви сказала ей все, что она хотела знать. Джедрик указала на скиттер.

— Поехали.

Он вложил книгу в карман, соскользнул с капота и открыл для нее дверь. Его движения были слишком резкими. Петелька от пуговицы на одном из рукавов его рубашки в зеленую полосу зацепилась за ручку двери. Со смущенной торопливостью он отцепил ее.

Джедрик скользнула в пассажирские ремни безопасности. Хевви захлопнул дверь, тоже слишком громко. Он нервничает. Хорошо. Он уселся слева от нее за панель управления и обратился к ней с вопросом.

— Куда?

— Двигайся в направлении квартиры.

Легкое колебание, потом он включил привод подвески. Скиттер пришел в движение, его бросило в сторону, и он плавно заскользил вниз по спуску на улицу.

Когда они вынырнули из тени высотного паркинга еще до того, как отцепились захваты на крыше и Хевви включил собственный привод скиттера, Джедрик утвердился в своем решении не оглядываться назад. Здание Лизйтора стало частью ее прошлого, просто горой серо-зеленого кирпича, окаймленной здесь и там другими высотными постройками, среди просветов между которыми проглядывали скалы и притоки реки. Теперь эта часть ее жизни исчерпана. Лучше всего расстаться с ней просто, без сожалений. Ее мозг должен быть свободен для того, что наступит дальше. А дальше должна была наступить война.

Нечасто случалось так, чтобы вооруженная сила поднималась из досадийских масс, чтобы найти свое место в структуре власти. И сила, которую Джедрик выпестовала, вселит страх в миллионы людей. Но сейчас ее заботил только страх в нескольких людях, и первым из этих людей был Хевви. Он вел машину с обычной уверенностью, не слишком умело, но достаточно компетентно. Однако, руки его сжимали рукояти управления так, что побелели костяшки пальцев. Этими мышцами двигал все еще тот самый Хевви, которого она знала, а не одно из тех мерзких существ, которые могут сыграть свою шутку, нацепив себе досадийскую плоть. В этом заключалась для нее польза от Хевви и от его ошибок. Он обладал всеми досадийскими недостатками, был испорчен ими. С Маккаем такое нельзя себе позволить.

У Хевви было, по-видимому, достаточно здравого смысла, чтобы в данный момент ее бояться. Джедрик позволила этому чувству дозреть в нем, наблюдая за проплывающей мимо обстановкой. Движение было слабым, все встречающиеся машины были бронированными. Редкие туннели, в полумраке которых чувствовалось наведенное оружие и глаза, нацеленные в смотровые щели, — все казалось нормальным. Еще слишком рано для того, чтобы

начались крики и суматоха из-за одного заблудшего Старшего Лизейтора.

Они проехали через первый контрольно-пропускной пункт без всякой задержки. Охранники действовали эффективно и небрежно, бросив на скиттер и идентифицирующие нарукавные повязки пассажиров только один взгляд. Все это было косностью.

Рутинные обязанности, отметила про себя Джедрик, опасны тем, что они слишком быстро становятся скучными. Скука притупляет органы чувств. Именно против скуки она и ее инструкторы постоянно боролись среди своих бойцов. Эти новые вооруженные силы еще вызовут шок у многих.

Когда Хевви перестроился на обычную кольцевую дорогу между стенами, улицы стали широкими и более открытыми. На больших пространствах виднелись парковые насаждения, ядовитые, но красивые. Листья в тени имели пурпурный цвет. Голая глинистая почва под кустами блестела от капель едкой влаги, это был на Досади один из мелких способов защиты своей территории. Тех, кто хотел учиться, Досади могла научить многому.

Джедрик повернула голову и внимательно посмотрела на Хевви, оценив его манеру концентрироваться на ведении машины, манеру, за которой чувствовался скрытый запас неизрасходованной энергии. Дальше этого обучение Хевви не пошло. По-видимому, он знал о некоторых своих недостатках, осознавал, что многие удивляются, каким образом удастся ему сохранять свою работу, даже такую — работу в среднем эшелоне, когда Уоррен кишат людьми, страстно желающими подняться хоть на одну ступеньку вверх. Ясно, что у Хевви были свои секреты, которые он продавал на тайном рынке. Действия Джедрик должны теперь выглядеть слегка неловкими, как будто события дня смутили ее.

— Нас могут подслушать? — спросила она.

Для ее планов это не составляло никакой разницы, но этот вопрос был как раз такой неловкостью, которую Хевви истолкует именно так, как ей сейчас было необходимо.

— Я отключил трансивер, так же как и раньше, — ответил он. — Если кто-нибудь захочет проверить, это будет выглядеть, как простая поломка.

«Это не обманет никого, кроме тебя», — подумала Джедрик.

Однако это был ответ на том самом инфантильном уровне, который она и ожидала от Хевви. Она приняла его гамбит, с любопытством допытываясь подробностей.

— Ты ожидал, что тебе сегодня потребуется секретность?

Он быстро бросил на нее испуганный взгляд, потом спохватился и ответил:

— О-о, нет! Это была просто предосторожность. У меня есть для вас еще кое-какая информация, которую я хочу продать.

— Но ты уже дал мне информацию о Маккае.

— Это было просто для того, чтобы показать мою ценность.

«Ну, Хевви! Почему тебе не сидится спокойно?»

— У тебя есть неожиданные качества,— сказала она и отметила про себя, что он не чувствует даже самый низший уровень ее иронии.— Какую же информацию ты хочешь продать?

— Она касается того самого Маккая.

— В самом деле?

— Насколько она ценна для вас?

— Что же, я твой единственный покупатель, Хевви?

Его плечевые мышцы сжались, а хватка на рычагах управления стала еще крепче. В его голосе заметно читалось напряжение.

— Если мою информацию продать в нужном месте, она гарантирует мне пять лет легкой жизни — без заботы о еде или хорошем жилье и всем остальном.

— Почему же ты не продашь ее в этом месте?

— Я не сказал, что смогу продать ее. Бывают покупатели и непокупатели.

— Значит, есть и такие, которые просто берут даром?

Ответа на этот вопрос не требовалось, и это было хорошо. Перед скиттером опустился шлагбаум, заставив Хевви резко затормозить. На какое-то мгновение Джедрик охватил страх, и она почувствовала, как срабатывают ее рефлексy, мешающие телу выдать эмоции. Потом она заметила, что это всего лишь рутинная остановка движения, пока впереди через улицу перевозят материалы для ремонта.

Джедрик выглянула в окно справа от нее. На следующем уровне шел бесконечный ремонт и усиление городских укреплений. Память подсказала ей, что это восьмой слой городской защиты на юго-западе. Улицу заполнял шум

отбойных молотков. Повсюду лежал слой серой пыли, облака той же пыли плавали в воздухе. Джедрик почувствовала запах раскаленного кремния и тот горьковатый металлический привкус, от которого в Чу нигде нельзя было полностью скрыться, запах ядовитой смерти, которую Досади щедрой рукой раздавала своим обитателям. Она закрыла рот и сделала несколько неглубоких вдохов, рассеянно заметив, что все рабочие были из Кроличьих Клеток, все люди, и около трети их — женщины. Ни одна из женщин не выглядела старше пятнадцати лет. В их глазах уже виднелась жесткая настороженность, которую никогда не теряют те, кто родился в Кроличьих Клетках.

Мимо прошел молодой бригадир, следом за которым тащился заместитель, сутулый пожилой человек со взъерошенными седыми волосами. Пожилой мужчина шел намеренно медленно, и молодой начальник нетерпеливо торопил его, махая рукой, чтобы он поспешил. Джедрик заметила, что видимые в этой сцене тонкости человеческих отношений совершенно миновали Хевви. Бригадир, проходя мимо одной из работниц, осмотрел ее с интересом с ног до головы. Работница заметила его внимание к ней, и усиленно налегла на отбойный молоток. Бригадир сказал что-то заместителю, который приблизился к женщине и стал с ней разговаривать. Она улыбалась и, посмотрев на бригадира, утвердительно кивнула. Бригадир с заместителем пошли дальше не оглядываясь. Очевидная договоренность о любовном свидании прошла бы для Джедрика незамеченной, если бы молодая женщина не была очень похожа на женщину, которую она когда-то знала... теперь уже умершую, как многие из ее старых знакомых.

Прозвонил звонок, и шлаббаум поднялся.

Хевви поехал дальше и, проезжая мимо бригадира, бросил на него мимолетный взгляд. Бригадир не взглянул в ответ, и это сказало Джедрик, что он уже осмотрел пассажиров скиттера раньше.

Она возобновила разговор с того же места, на котором они остановились.

— Что заставляет тебя думать, что ты сможешь получить от меня больше, чем от кого-либо другого?

— Не больше... Просто с вами меньше риска.

В его голосе звучала искренность, это был его невинный трюк, который так много говорил о самом Хевви. Она покачала головой.

— Ты хочешь, чтобы я рискнула и продала информацию дальше наверх?

После длинной паузы Хевви сказал:

— Вы можете предложить мне более безопасный способ действий?

— Мне придется использовать тебя где-то на этой линии для проверки сведений.

— Но тогда я буду под твоей защитой.

— Зачем мне защищать тебя, если ты не будешь больше представлять никакой ценности?

— Что заставляет вас думать, что это единственная информация, которую я могу получить?

Джедрик позволила вздохнуть и задала себе вопрос, почему она продолжает эту пустую игру.

— Мы оба можем наткнуться на человека, который возьмет сведения даром.

Хевви не ответил. Конечно, он уже обдумал этот вариант в своем дурацком плане.

Они проехали мимо приземистого коричневого здания по левую сторону дороги. Улица шла на подъем и поворачивала вокруг здания, переходя сквозь наполненную людьми площадь на следующий, более высокий уровень. Между двумя высокими зданиями справа Джедрик заметила мелькнувшее русло реки, затем их снова окружили дома, которые нависли над ними подобно скалам Чу, становясь все выше и выше по мере того, как поднимался скиттер.

Как она и предполагала, Хевви не мог долго вынести ее молчания.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он.

— Я заплачу одним годом такой защиты, какую могу обеспечить.

— Но это...

— Хочешь — соглашайся, хочешь — нет.

Он слышал в ее голосе бесповоротность решения, но, будучи Хевви, не мог так просто сдаться. Это было одной из его спасительных черт характера.

— Неужели мы не можем хотя бы обсудить...

— Мы ничего не будем обсуждать! Если ты не хочешь продавать по моей цене, то я могу стать и тем, кто берет даром.

— Это на вас непохоже!

— Ты слишком мало знаешь меня. Я покупаю таких информаторов, как ты, намного дешевле.

— Вы жестокий человек.

Из сочувствия она преподала Хевви небольшой урок.

— Только так и можно выжить. Но я думаю, что теперь мы лучше забудем все это. Твоя информация — это, по-видимому, что-то, что я уже знаю, или что-то бесполезное.

— Она стоит значительно больше, чем вы предложили мне.

— Это ты говоришь так, Хевви. Ты не из тех, кто идет на большой риск. Небольшой риск — иногда, большой риск — никогда. Твоя информация не может иметь для меня большой ценность.

— Если бы вы только знали.

— Меня это больше не интересует.

— Ну вот, как же так? Вы договариваетесь со мной, а потом уходите в сторону, после того, что я...

— Я не договаривалась с тобой! — Неужели до этого идиота ничего не доходит?

— Но вы...

— Хевви! Слушай меня внимательно. Ты просто маленький ребенок, который случайно споткнулся обо что-то, что ты считаешь важным. В самом деле это вовсе никакая не особенно важная вещь, но она достаточно велика, чтобы напугать тебя. Ты не можешь придумать способ продать свою информацию без того, чтобы подставить свою шею. Поэтому ты и пришел ко мне. Ты предполагаешь, что я стану твоим агентом. Ты предполагаешь слишком много.

Злость заслонила от него всякую ценность ее слов.

— Я иду на риск!

Она даже не постаралась скрыть насмешку в своем голосе.

— Да, Хевви, но вовсе не в том месте, где ты думаешь. Твой риск находится прямо перед тобой. Сообщи мне свою ценную информацию. Без всяких обязательств. Позволь мне судить самой. Если мне покажется, что твои сведения стоят больше, чем я уже предложила тебе, я заплачу больше. Если у меня уже есть эта информация или она будет для меня бесполезной, ты не получишь ничего.

— Но тогда все преимущество будет на вашей стороне!

— Там, где оно и должно быть.

Джедрик осмотрела плечи Хевви, наклон его головы, перекачивание мышц под натянутой тканью одежды. Предполагалось, что он из Трудового Резерва, а он даже

не знал, что молчание считается среди ТР лучшей защитой: «Научившись молчанию, вы обучаетесь тому, что слушать». Выходцы из ТР редко проявляли инициативу. И вот для сравнения Хевви — настолько далек от этой и других традиций ТР, что он, наверное, никогда и не знал, что такое Уоррен. Он никогда не испытал их, пока не стало слишком поздно для того, чтобы этому научиться. Тем не менее, он рассказывал о друзьях на Ободе, действовал так, как будто у него есть своя собственная конспиративная ячейка. Он сохранял работу, для которой едва-едва годился. И все его поведение показывало непонимание того, что все это выдаст любому человеку масштаба Джедрик все существенные факты о нем самом.

Если, конечно, это не было искусно разыгранным при творством.

Джедрик не верил в такие чудеса, но в признании этой возможности был некий элемент осторожности. Это и остальные, явные недостатки в Хевви удерживали ее от использования его в качестве ключа к Стене Бога.

Они как раз проезжали штаб-квартиру Электора. Джедрик повернулась и посмотрела на каменный эскарп. Мысли ее переплетались, как колючие заросли кустарника. Каждое предположение, которое она составила о Хевви, требовало с его стороны особого защитного рефлекса. Недосадийского рефлекса. Она отметила, как работники толпой спускаются в подземный проход здания Электора. Ее проблема с Хевви была странно похожа на ту проблему, с которой, как она знала, столкнется Брой, когда ему придется принять решение о бывшем Лизиторе Кейле Джедрик. Она изучила решения Броя со вниманием и тщательностью, которые доходили до границ ее возможностей. При этом изменилось и что-то существенное в ней самой, она странным образом приобрела не-досадийские черты. Они не найдут больше Кейлу Джедрик в Демополе. Так же, как они не найдут Хевви или этого самого Маккая. Но если она сможет сделать это...

Пешеходное движение в этом районе, районе максимальной защищенности, заставило Хевви снизить скорость до черепашьяго шага. Еще группы работников Электора выходили наверх через выход Трубных Ворот-Один, как будто их толпами отправляли по каким-то важным делам. Джедрик задала себе вопрос, нет ли в этой толпе кого-нибудь из ее пятидесяти человек.

«Я не должна позволять своим мыслям отклоняться в сторону».

Плыть, подобно мыслящему листку дерева — это одно, но она пока не смела войти в ураган... пока еще нет. Она снова обратила внимание на молчащего, злого Хевви.

— Скажи мне Хевви, ты когда-нибудь убил человека? Его плечи замерли.

— Почему вы задаете такой вопрос?

Она смотрела на его профиль, выдерживая соответствующую паузу и задумавшись над тем же самым вопросом.

— Я полагала, что ты ответишь. Теперь я понимаю, что ты не ответишь. Это не первый раз, когда я совершаю ошибку.

И снова, скрытый подтекст этих слов ускользнул от понимания Хевви.

— Вы многим задавали этот вопрос?

— Это не должно тебя волновать.

Она скрыла свою глубокую горечь.

У Хевви не хватало догадливости даже для того, чтобы прочитать самые вопиющие знаки, лежащие на поверхности. Он соединял в себе одни бесполезные качества.

— Вы не можете оправдать такое вмешательство в мою...

— Замолчи! Неужели ты ничему не научился? Смерть часто — единственное средство дать подходящий ответ на вопрос.

Хевви, как она и предполагала, увидел в этих словах лишь грубый отклик. Когда он украдкой бросил на нее взгляд, она приподняла бровь и цинично пожала плечами. Хевви продолжал посматривать на нее оценивающе и испуганно, переводя внимание попеременно то на ее лицо, то на дорогу. Его вождение ухудшилось и стало опасным.

— Смотри за тем, что делаешь, идиот!

Он снова сосредоточился на дороге, посчитав эту опасность большей.

В следующий раз, когда он посмотрел на Джек, она улыбнулась, зная, что Хевви не сможет уловить в этом жесте никакого смертельного изменения. Он уже задумывался, нападет ли она на него, но решил, что она не будет этого делать, пока он управляет машиной. Тем не менее, Хевви сомневался, и эти сомнения делали его еще более прозрачным. Хевви не был совершенством. О нем можно

было сказать только одну вещь наверняка: он прибыл из-за Стены Бога, из территорий фактора «Х», оттуда же, откуда прибудет и Маккай. Работает ли он на Электора или нет — было несущественно. Конечно, она все больше сомневалась в том, что Брой может воспользоваться таким опасным, несовершенным орудием. Никакое незнание основных уроков досадейского выживания не может быть таким совершенным. Тот, кто попытается так сыграть, не выживет. Только полный невежа мог бы дожить до возраста Хевви, ему позволили бы жить, как ходячему чуду, возможному источнику интересных данных... только интересных, вовсе не обязательно полезных.

Оставив решение проблемы с Хевви до последнего момента и стараясь извлечь из него всю полезную информацию до последнего бита, Джедрик ясно представляла себе свое дальнейшее поведение. Кто бы ни прикрывал Хевви, ее вопросы оказали на них точно отмеренное давление и оставили ей возможность выбирать.

— Что же за ценная информация у тебя есть? — спросила она.

Чувствуя, что любым ответом он уже купил себе жизнь, Хевви подогнал скиттер к тротуару рядом со зданием без окон, остановился и посмотрел на нее.

Она ждала.

— Маккай... — Он сглотнул слюну. — Маккай прибыл из-за Стены Бога.

Джедрик позволила своему телу затрястись от смеха, и смех ее продлился дольше, чем она ожидала. Какое-то мгновение она даже не могла с ним справиться, и это отрезвило ее. Даже при Хевви она не могла давать такое преимущество.

Хевви разозлился.

— Что в этом смешного?

— Ты смешон. Неужели ты хоть на секунду мог допустить мысль, что я не распознаю на Досади чужака? Малыш, как ты сам-то выжил?

На этот раз он понял ее правильно. Это отбросило его назад к единственной остающейся защите, и даже это ответило на ее вопрос.

Да, конечно: неизвестная величина «Х». Кроме того, в его тоне был тон скрытой угрозы, которого она никогда до

этого у него не слышала. Неужели Хевви позовет защитников из-за Стены Бога? Это казалось невозможным, учитывая его обстоятельства, но этот вариант надо тоже не сбрасывать со счетов. Нельзя смотреть на ее крупную проблему с узкой точки зрения. Люди, которые могут окружить всю планету непроницаемым барьером, наверняка имеют и другие возможности, которых она даже не может себе представить. Некоторые из этих существ свободно приходили и уходили, как будто Досади была для них лишь случайной остановкой. Кроме того, путешественники из области «Х» могли менять тела; один только этот факт нельзя забывать никогда; именно это и заставило ее предков взяться за выведение Кейлы Джедрик.

Такие мысли всегда оставляли у нее чувство беспомощности, она ощущала себя подавленной базовыми неизвестными величинами, лежащими у нее на пути. Остается ли Хевви все еще тем же самым Хевви? Ее безошибочные органы чувств говорили ей: да. Хевви был шпионом, развлечением и забавой. И еще он был чем-то, что она никак не могла ухватить. Это было безумие. Джедрик могла прочитать каждый нюанс его реакций, но вопросы все равно оставались. Как можно понять эти создания из-за Небесной Вуали? Они были прозрачны для досадийских глаз, но эта прозрачность сама вызывала смущение.

С другой стороны, как могут люди «Х» понять (а значит — предугадать) какую-нибудь Кейлу Джедрик? Все признаки, получаемые ее органами чувств, говорили, что Хевви видит только самую верхнюю оболочку Джедрик, которую она и хотела, чтобы он видел. Его подсматривающие глаза докладывают ему то, что она дает им увидеть. Однако огромные интересы, поставленные на карту, заставляли ее действовать с повышенной осторожностью, с такой осторожностью, какой она до сих пор не применяла. И то, что она представляла себе всю взрывную цепь причин и следствий, вооружало ее мрачной уверенностью. Идея о том, что досадийская «марионетка» может восстать против фактора «Х», и полное понимание причин такого восстания... наверняка, эта идея лежала за пределами их способностей. Они слишком уверены в себе, тогда как Джедрик всегда настороже. Она не видела способа скрыть свои ходы от людей из-за Стены Бога, как она скрывала их от досадийцев. У «Х» были способы наблюдения, от которых не мог скрыться никто. Они должны знать о двух Кейлах Джедрик. Она рас-

считывала только на одно: на то, что они не могут видеть ее самых глубоких мыслей, что они могут читать только то, что она сама оставила для них на поверхности.

Джедрик продолжала пристально смотреть на Хевви, пока эти мысли проплывали в ее мозгу. Ни малейшим движением она не выдала того, что происходило в ее сознании. В конце концов, это качество было самым большим даром для выживших на Досади.

— Твоя информация не имеет никакой ценности,— сказала она.

Он принял обвиняющий тон.

— Вы уже знали!

Чего надеялся он достигнуть этим гамбитом? И уже не в первый раз, она спросила себя, неужели Хевви представляет собой лучшее из того, что может выдать «Х»? Неужели они целенаправленно посылают сюда своих дураков? Сомнительно, чтобы это было так. Как же тогда детская некомпетентность Хевви может управлять такими орудиями власти, как Стена Бога? Может быть, люди «Х» — это выродившиеся потомки более великих существ?

Хевви не мог молчать, даже если этого требовало его собственное выживание.

— Если вы уже не знали о Маккае... тогда вы... тогда вы не верите мне!

Это уже было чересчур. Это уже было чересчур даже для Хевви, и Джедрик сказала себе: «Как бы не велики были силы «Х», он должен умереть. Он мутит воду. Такой некомпетентности нельзя позволять размножаться».

Это должно быть сделано бесстрастно, не так как Говачинский самец пожирает своих головастика, а с той клинической решимостью, которую «Х» не сможет истолковать неправильно.

До сих пор она рассчитывала, что Хевви отвезет ее в определенное место. У него до сих пор была заданная роль, которую он должен сыграть. Позднее, уделив некоторое внимание ложным следам, она сделает то, что должно быть сделано. После этого можно будет перейти к следующей части ее плана.

«СОМНЕНИЕ».

— Кто-нибудь мог бы заподозрить тебя в попытке говорить под водой,— обвинил Маккай.

Он все еще сидел напротив Аритча в святилище Верховных Магистров, и это почти оскорбление было един-

ственным свидетельством изменившейся атмосферы между ними. Солнце опустилось ближе к горизонту, и его ДУХОВНОЕ КОЛЬЦО больше не очерчивало голову Аритча. Эти двое были более непосредственны сейчас, если не более искренни. Они изучали индивидуальные способности и выясняли, куда мог быть направлен выгодный разговор.

Верховный Магистр сгибал бедренные сухожилия.

Зная этих людей по длительным и тщательным наблюдениям, Маккай осознавал, что старый Говачин страдал из-за дряхлеющей бездеятельности. Это было преимуществом, которое можно использовать. Маккай поднял левую руку, перечисляя на своих пальцах:

— Ты говоришь, первоначальные добровольцы на Досади подвергались стиранию памяти, но многие их потомки невосприимчивы к такому стиранию. Нынешнее поколение не знает о нашей Согласованной Вселенной.

— Насколько нынешнее поколение Досади понимает, они единственные люди на единственной обитаемой планете в существовании.

Маккаю было трудно в это поверить. Он поднял третий палец.

Аритч смотрел с изумлением и отвращением на выставленную руку. **МЕЖДУ ОТДЕЛЬНЫМИ ПАЛЬЦАМИ НЕ БЫЛО ПЕРЕПОНОК!**

Маккай продолжал:

— И ты говоришь мне, что Демопол, поддержанный определенными религиозными предписаниями, является основным инструментом тамошнего правительства?

— Изначальное условие нашего эксперимента,— ответил Аритч.

Маккай заметил, что это не было исчерпывающим ответом. Первоначальные условия постоянно менялись. Маккай решил вернуться к этому после того, как Верховный Магистр большей частью отойдет от мышечной боли.

— Досади знают природу калеканского барьера, который их окружает?

— Они пытались запускать зонды, примитивные электромагнитные проекты. Они понимают, что те энергии, которые они в состоянии выработать, не проникнут через их «Стену Бога».

— Это то, как они называют барьер?

— Так или «Небесная Завеса». До некоторой степени, это отмечает меру их отношения к барьеру.

— Демопол может служить многим правительственным формам,— сказал Маккай.— Какова основная форма их правительства?

Обдумав это, Аритч ответил:

— Форма меняется. Они использовали около восьмидесяти различных правительственных форм.

Другой ничего не значащий ответ. Аритчу не нравилось стоять перед лицом того факта, что их эксперимент надел на себя военный мундир.

Маккай думал о Демополе. В руках знатоков и с населением, чувствительным к программируемым зондам, которыми были собраны компьютерные данные, Демопол представлял основной инструмент для манипулирования простым народом. Согласование объявило незаконным его использование, как угрожающее индивидуальным правам и свободам. Говачин нарушил этот запрет, да, но на поверхность всплывали более интересные данные: Досади применили около восьмидесяти правительственных форм, не отвергая Демопол. Это подразумевало частые изменения.

— Как часто они меняли форму правления?

— Ты умеешь делить числа так же легко, как и я,— ответил Аритч. Тон у него был раздраженный.

Маккай кивнул.

— Досадийские народные массы знают о Демополе, но ты не позволяешь им убрать его!

Аритч не ожидал такой проницательности. Он отвечал с разоблачающей точностью, усиленной его мышечными болями.

— Как ты узнал это?

— Ты сказал мне.

— Я?

— Совершенно ясно. Такое частое изменение чувствительно к раздражителю — Демополу. Они изменяют правительственные формы, но оставляют раздражитель. Очевидно, они не могут удалить раздражитель. Это было совершенно ясной частью твоего эксперимента — повысить сопротивление населения Демополу.

— Сопротивляющееся население, да,— сказал Аритч. Он содрогнулся.

— Ты преступил Закон Согласования во многих местах,— сказал Маккай.

— Мой Легум осмеливается меня судить?

— Нет. Но если я говорю с некоторой резкостью,

вспомни, пожалуйста, что я Человек. Я проникнут глубокой симпатией к Говачину, но я остаюсь Человеком.

— Ахх-ах, да. Мы не должны забывать длительного Человеческого общения с Демополом.

— Мы выживаем благодаря отбору лучших решительных создателей,— сказал Маккай.

— А Демопол возвышает посредственность.

— Произошло ли это на Досади?

— Нет.

— Но ты хотел, чтобы они испытали много различных правительственных форм?

Верховный Магистр пожал плечами, оставшись безмолвным.

— Мы, Люди, находим, что Демопол наносит сильный ущерб общественным взаимоотношениям. Он разрушает предопределенный удел общества.

— И что мы могли надеяться узнать, вреда нашему досадийскому обществу?

— Вернулись ли мы к вопросу предполагаемых прибылей?

Аритч напряг ноющие мускулы:

— Ты упрямый, Маккай.

Маккай печально покачал головой:

— Демопол всегда поддерживался нами как основной балансир, источник чудес решительности-созидания. Предполагалось производить растущее тело знания о том, в чем общество действительно нуждалось. Мыслилось производить справедливость во всех случаях, невзирая ни на какие неравенства.

Аритч был раздражен. Он знал наперед, морщась от боли в своих старых мускулах.

— Кто угодно мог предъявить такие же обвинения относительно ЗАКОНА, как практиковавшегося везде, исключая миры Говачина!

Маккай удержался от грубого ответа. Говачинская тренировка заставляла его сомневаться в полезности закона в Консенте, наследуемых прав любой аристократии, любого блока власти либо большинства, либо меньшинства. Это была аксиома Бюсаба, что все блоки власти стремились к аристократическим формам, что потомки решительных создателей доминировали в нишах власти. Бюсаб никогда не использовал потомков своих агентов.

Аритч повторял про себя; вещь, которую Говачин редко делал.

— Закон — это иллюзия и обман, Маккай, везде, исключая миры Говачина! Ты даруешь своему закону теологическую ауру. Ты игнорируешь те пути, которые вредят твоему обществу. Как раз как с Демополом ты поддерживаешь твой закон как неизменный источник справедливости. Когда ты...

— Бюсаб...

— Нет! Если что-то не так в твоём обществе, что ты делаешь? Ты создаешь новый закон. Ты никогда не думаешь удалить или разрушить закон. Ты опять создаешь закон! Мы всегда стараемся уменьшить количество законов, количество Легумов. Первейший долг Легума...

— ...избегать споров. Когда мы создаем новых Легумов, мы всегда помним о специфических проблемах. Мы предупреждаем пути, которыми законы вредят нашему обществу.

Это была удачная возможность, которой хотел Маккай.

— Почему ты тренируешь Врева?

С запозданием Аритч осознал, что показал свое раздражение больше, чем того хотел.

— Ты умелый, Маккай. Очень умелый.

— Почему? — упорствовал Маккай. — Почему Врев?

— Ты узнаешь это со временем.

Маккай видел, что Аритч не будет развивать свой ответ, но сейчас были и другие темы для обсуждения. Было ясно, что Говачин тренировал его для определенной задачи: Досади. Чтобы тренировать Врева как Легума, у них должно быть настолько же важная проблема в душе... возможно такая же проблема. Основное отличие в подходах к закону, отдельный вид, всплыло на поверхность, тем не менее, и это нельзя было проигнорировать. Маккай хорошо понимал презрение Говачинов ко всем легальным системам, включая и их собственную. Они с младенчества были обучены не доверять любым обществам профессионалов, особенно легальных. Легум мог только тогда идти их религиозным путем, когда он окончательно разделял это недоверие.

«Разделяю ли я это недоверие?»

Он думал, что да. Это было естественно для агента Бюсаба. Но большинство сенсов все еще сохраняли высокое уважение к их профессиональным обществам, игнорируя сущность напряженной конкуренции за новые достижения, которые неизменно превосходили такие общества: **НОВЫЕ** достижения, **НОВОЕ** признание.

Но НОВОЕ могло быть иллюзией в таких обществах, потому что они всегда поддерживали систему сохранения равенства, прекрасно сбалансированную, с равным нажимом на стремления эго.

«Профессионал всегда означает власть», — говорил Говачин.

Говачины никогда не доверяли власти во всех ее проявлениях. Она давала одной рукой и забирала другой. Легумы смотрели в лицо смерти, когда бы они ни использовали Закон. Чтобы создать НОВЫЙ закон в Судебном Зале Говачина, нужно было бы вызвать изящный распад старого закона с сопутствующим применением справедливости.

Не в первый раз Маккай задумался о неизвестных проблемах, с которыми сталкивался Верховный Магистр. Воистину, это должно быть жизнью на лезвии ножа. Почти сформулировав вопрос об этом, Маккай передумал. Вместо этого он переключился на неясности по Досади: СТЕНА БОГА? НЕБЕСНАЯ ЗАВЕСА?

— Часто ли Досади принимают религиозную олигархию?

— Как внешнюю форму — да. В настоящий момент они находятся под управлением Электора Говачина по имени Брой.

— Была ли когда-нибудь у Людей власть, равная власти Броя?

— Часто.

Это было наиболее значительное изменение, достигнутое Маккаем с Аритчем. Хотя он знал, что следует цели Верховного Магистра. Маккай решил исследовать это.

— Расскажи мне о досадийских ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМАХ.

— Это формы военной организации под постоянной угрозой нападения. Они формируют определенные клики, определенные территории власти, окруженные чужими территориями, чьи влияния они отражают.

— Много ли там насилия?

— Это мир постоянного насилия.

Маккай переваривал эту информацию. Военачальники. Военное общество. Он знал, что сейчас зацепил край настоящего разногласия, которое привело Говачина к точке уничтожения Досади. К этой области нужно было подходить чрезвычайно осторожно. Маккай выбрал окольный путь.

— Кроме военных формирований, что является преобладающим занятием? Как они понимают вину и невиновность? Каковы их формы наказания, прощения? Как они...

— Ты не запутаешь меня, Маккай. Поразмысли, Легум: есть лучшие пути для ответа на такие вопросы.

Внезапно остановленный оскорбительным тоном Магистра Маккай замолчал. Он выглянул в овальное окно, понимая, что отброшен к обороне с исключительной легкостью. Маккай почувствовал нервное покалывание вдоль спины. Опасность!.. Золотое солнце Тандалура передвинулось гораздо ближе к горизонту. Горизонт — сине-зеленая линия, затуманенная километр за километром волосяными деревьями, чьи тонкие женские ветви качались и охотились в воздухе.

Немного погодя, Маккай повернулся к Аритчу. «Лучшие пути для ответа на такие вопросы!»

Было очевидным, куда направлены мысли Верховного Магистра. Экспериментаторы хотели, конечно, иметь возможность наблюдать за своим экспериментом. Они могли также влиять на эксперимент, но было очевидно, что существовали пределы этому влиянию. Население устойчиво к внешним влияниям. Предполагаемые осложнения этой досадной проблемы обескураживали Маккая. О, Говачин всегда умел выкрутиться! «Лучшие пути!»

Аритч прочистил свои жаберные щели резким выдохом:

— Предвидя возможность, что другие осудят нас, мы дали право проверять нас Планете.

«Воплощенные дьяволы! Говачин подготовил такой резерв на их проклятой Планете! Конечно, все люди были созданы неравными и должны были учитывать свой собственный уровень!»

Маккай знал, что у него не было другого выбора, кроме как броситься в водоворот:

— Предвидел ли ты также, что будешь обвинен в серьезном нарушении прав разумных?

Аритч шокировал его кратким раздуванием челюстей, эквивалентом человеческого пожимания плечами.

Маккай позволил себе предупредительную улыбку:

— Я напомню Верховному Магистру, что ОН поднял спорный вопрос Планеты.

— Правда есть правда.

Маккай резко тряхнул головой, не заботясь о том, что это обнаруживало. Верховный Магистр, вероятно, не мог

иметь такую низкую оценку его легумских умственных способностей. «В самом деле правда!»

— Я дам тебе правду: Согласование принимало закон, имеющий к этому прямое отношение, и Говачины подписывались под ним!

Даже произнося это, Маккай чувствовал, он делает именно то, что хотел от него Аритч. **ОНИ УЗНАЛИ ЧТО-ТО С ДОСАДИ! ЧТО-ТО РЕШАЮЩЕЕ!**

Аритч массажировал ноющие мышцы бедер, когда ска- зал:

— Я напомню ТЕБЕ, Легум, что мы заселяли Досади добровольцами.

— Их потомки никуда не вызывались добровольцами!

— Предки всегда предлагают своих потомков — для лучшего или для худшего. Права сенсоров? Осведомленное согласие? Согласование было так занято, строя закон на законе, создавая свою великую иллюзию прав, что ты почти упустил из поля зрения принцип управления Планетой: развивать наши способности. Люди, которые ни разу не бросали вызов, **НИКОГДА НЕ РАЗОВЬЮТ СИЛ ДЛЯ ВЫЖИВАНИЯ!**

Несмотря на опасность, Маккай знал, что должен настоять на ответе на свой первоначальный вопрос:

— Что ты узнал от твоего чудовища?

— Скоро у тебя будет окончательный ответ на этот вопрос.

Опять же получается, что он действительно мог следить за Досади. Но прежде всего следовало показать Аритчу ошибочность его подозрений в том, что Маккай ничего не знает о корне предположений. Спорный вопрос надо было задать в лоб:

— Ты не собираешься вовлекать меня?

— Вовлекать тебя?! — определенно, в голосе Аритча звучало удивление.

— Независимо от того, как ты используешь то, что узнал на Досади, ты будешь заподозрен в злых намерениях. Все, что станет известно кому-нибудь на...

— О, вот оно что. Новые данные дают новую власть.

— А ТЫ не запутаешь МЕНЯ, Аритч. В истории каждого вида есть много примеров, когда новые данные применялись катастрофически неправильно.

Аритч принял это без вопросов. Они оба знали подоплеку! Говачин не доверял власти во всех ее формах, тем не

менее использовали власть весьма искусно. Мысли Маккай с трудом меняли направление. Чтобы разрушить Досади, Говачину придется утаить все, что он узнал, что бы это ни было. Маккай — не-Говачин, следовательно, ему нужно узнать все эти сведения, расставить сеть подозрений, которая должна быть заброшена. Исторически неправильное использование данных случалось между моментом, когда несколько людей узнавали важный факт, и моментом, когда этот важный факт становился общим знанием. Применительно к Говачину и Бюсабу это был «Пробел в Данных», источник постоянной опасности.

— Мы не хотим пытаться утаить, ЧТО мы узнали, — сказал Аритч, — только КАК мы это узнали.

— А это как раз чисто теоретический вопрос, либо вы разрушаете целую планету, либо каждую личность на ней!

— Ах да, чисто теоретический. Чего ты не знаешь, Маккай, так это того, что один из наших субъектов проверки на Досади уже начал (все самостоятельно!) курс событий, который разрушит Досади очень быстро, независимо от нашего участия в этом. Ты узнаешь все это, когда, как хороший Легум (которым ты, мы знаем, являешься), ты поедешь туда, чтобы испытать этого монстра.

От имени всего нашего святого собрания я обещаю три вещи святой конгрегации людей, находящихся под моим правлением. Во-первых, что святая религия, которую мы взаимно поддерживаем, будет всегда сохранять их свободу под моим покровительством; во-вторых, что я смягчу все формы жадности и несправедливости, которые могут проявиться во всех нас; и в-третьих, что я распоряжусь немедленно миловать во всех приговорах, так что мне и вам милостивый Господь сможет явить Свое признание.

*Присяга Власти, досадийские документы
Святой Конгрегации*

Закончив молиться, Брой поднялся, нащупал позади себя стул и погрузился в него. Со всех сторон его окружала темнота. Комната защищалась пузырем, прикрепленным ко дну его Гралуса. Толстые стены комнаты окружала вода, защищая его самок и их яйца. Доступ к пузырю был через люк в полу и витой затопленный проход из Гралуса.

Давление в пузыре не пропускало воду, но пространство вокруг Броя успокаивающе пахло Гралусом. Это помогало усилить настроение, в котором он сейчас нуждался.

Только что Бог разговаривал с ним. Приподнятое настроение наполняло Броя. Бог говорил с ним, только с ним. Слова свистели внутри его головы. Сцены сменяли друг друга в его зрительных центрах.

«Да! Да! Демопол у меня в руках!!!» Бог был убежден и не скрывал этого.

Сегодня Бог показал ему ритуал, который Брой до этого никогда не видел. Ритуал был только для Говачина. Он назывался Лаупак. Брой увидел ритуал во всех его кровавых подробностях, чувствовал его ИСТИННОСТЬ, словно каждая клеточка принимала его.

Ответственность, искупление — это было уроками Лаупака. Бог одобрил выраженное Броем понимание.

Они общались посредством слов, которые Брой выражал молча в своих мыслях, но были и другие мысли, которые Бог не мог ощущать. Точно так же, как у Бога, несомненно, были мысли, которые не сообщались Броем. Бог использовал людей, люди использовали Бога. Божественное вмешательство с циничными обертонами. Брой выучил роль Электора во время долгого и мучительного ученичества.

Я ТВОЙ СЛУГА, БОГ.

По совету Бога Брой хранил в секрете его личное общение. Это соответствовало его цели подчинения, в то же время это, очевидно, соответствовало цели Бога. Хотя были моменты, когда Броем хотелось кричать: «Вы глупцы! Я разговариваю с голосом Бога!»

Другие Электоры сделали такую ошибку. Вскоре они потеряли свою власть. Брой, рассматривая собранный опыт нескольких жизней, знал, что он должен сохранить эту власть, если намерен был когда-либо бежать с Досади.

Как бы то ни было, глупцы выполняли его приказания (и, следовательно, Бога) без божественного выговора. Все было прекрасно. Он представлял подбор мыслей Богу... будучи очень осторожным всегда, где и когда бы он ни рассматривал собственные мысли. Случалось, Брой чувствовал Бога внутри себя, даже когда не молился, не готовился здесь, в темноте комнаты пузыря. Бог мог выглянуть из глаз Броя в любое время — мягко, тихо — исследуя Его мир и крепость этого мира через ощущения смертного.

«Я хорошо оберегаю Моего слугу».

Теплота этого заверения, которая тогда протекала через Броя, была похожа на тепло Гралуса, когда он был все еще головастиком, цеплявшимся за спину матери. Это было тепло и чувство безопасности, которое Брой усилил с глубоким сознанием того, что пришло время другого Гралуса: гигантский серо-зеленый взрослый самец Говачин, ищущий добычу в воде, жадно пожирающий тех головастиков, которые были недостаточно быстры, был вполне проворен для побега.

«Я был одним из быстрых».

Память того броска вперед, неистового полета в Гралусе научила Броя, как вести себя с Богом.

В темноте своей комнаты-пузыря Брой содрогнулся. Да, пути Бога были жестокими. Вооружившись таким образом, слуга Бога мог быть так же жесток, мог преодолеть известный ему факт, что должен быть как Человеком, так и Говачином. Ему нужно быть единственным настоящим слугой Бога. Эту мысль он разделял.

«Берегись, Маккай. Бог сказал мне, откуда ты придешь. Я знаю твои намерения. Держись крепко на своем трудном пути. Ты рискуешь рассердить меня».

Инженерия поведения во всех ее проявлениях всегда вырождается в безжалостное манипулирование. Она доводит всех (тех, кто манипулирует и кем манипулируют) до смертельного «массового эффекта». Основное предположение, что манипулированием отдельными личностями можно достичь единообразного поведения, было разоблачено как ложное многими способами, но ничто так не свидетельствовало об этом, как Говачины на Досади. Так, они показали нам «Заблуждение Волдена» в предельной форме, объясняющее: «Взяв любой вид, который воспроизводится смешением генов, так что каждая особь является уникальным экземпляром, все попытки наложить матрицу решений, основанную на предполагаемом единообразии поведения, окажутся смертельными».

Досадийские документы, справка Бюсаба

Маккай прошел через дверь для прыжка и, как помощники Аритча и сказали, пришел в себя на песке вскоре после досадийской середины утра. Он взглянул вверх, намереваясь составить свое первое мнение о Стене Бога и

желая ощутить досадийское чувство огражденности. Все, что он увидел — тонкий серебристый туман — было неутешительно. Солнечный цикл был более определенным, чем он ожидал, и несколько звезд третьей величины должны будут появиться ночью, как он знал из виденных им голографических репродукций. Маккай не мог бы сказать, что он предполагал увидеть, но только не эту молочную завесу. Она казалась иллюзорной, слишком слабой для той силы, которую представляла.

Видимый солнечный диск напомнил ему о другом безотлагательном деле, но он отложил это дело до исследования окрестностей.

Высокая белая скала? Да, здесь она была слева от него.

Они предупредили его, чтобы он подождал возле этой скалы, где он будет в относительной безопасности. Ни при каких обстоятельствах он не должен был отклоняться от этой точки контакта.

«Мы можем рассказать тебе об опасностях на Досади, но слов недостаточно. Кроме того, на месте всегда обнаруживаются новые грозы».

Сведения, которые он узнал на заседаниях краткого инструктажа в последние недели, подкрепили это предупреждение. Скала высотой в два человеческих роста стояла всего в нескольких шагах отсюда, массивная и отталкивающая. Он передвинулся и прислонился к ней. Ноги постепенно уязвали в песке. Он ощутил знакомые едкие запахи. Нагретая солнцем поверхность скалы отдавала свое тепло телу через тонкий зеленый комбинезон, который его заставили надеть.

Маккай тосковал по своей бронированной одежде с устройствами для усиления мышц, но такие вещи не разрешались. В качестве компромисса была разрешена только уменьшенная версия его инструментального набора, и то с неохотой. Маккай объяснил, что содержимое должно разрушиться, если кто-либо другой попытается докопаться до секретов набора. Все же они предупредили, чтобы он никогда не открывал набор в присутствии местного населения Досади.

«Самая опасная вещь, которую ты можешь сделать, — это недооценить кого-либо из досадийцев».

Маккай, оглядываясь вокруг, видел не Досади. Далеко по ту сторону пыльного ландшафта, усеянного желтыми кустами и коричневыми скалами, он различал туманные

пики Чу, поднимающиеся из своего речного каньона. Волны нагретого воздуха колебались над низким кустарником, придавая городу магический вид.

Маккай счел затруднительным думать о Чу в контексте того, что он узнал в течение курса инструктажа, который Говачин преподавал ему. Те волшебные чистые пики простирались до небес из грязи, где «ты можешь купить все!.. все без исключения».

Помощники Аритча зашили крупную сумму досадийской валюты в складки его одежды, но в то же время заставили его вынести предостережения о «любимой открытой демонстрации богатства», от которых волосы вставали дыбом.

Персонал дверей для прыжка дал большинство наиболее настоятельных предупреждений, добавив:

«Возможно, вам придется подождать несколько часов. Мы не уверены. Только оставайтесь недалеко от той скалы, где вы будете в относительной безопасности. Мы сделали защитные приспособления, которые должны работать. Не ешьте и не пейте ничего, пока не доберетесь до города. Вы будете немного больны от перемены питания некоторое время, но ваше тело должно приспособиться».

«ДОЛЖНО приспособиться?»

«Дайте ему время».

Маккай спросил об особых опасностях, к которым он должен быть наиболее бдительным.

«Держитесь подальше от любых местных досадийцев, исключая ваши контакты. Более того, даже не проявляйте угрозу к кому бы то ни было».

«Что, если я приму снотворное и вздремну?»

Посовещавшись, они ответили:

«Вы знаете, это могло бы быть самым безопасным поступком. Кто бы ни осмелился там задремать снаружи, скорее всего обречен, если только не находится под хорошей защитой. Конечно, будет определенный риск, но он всегда присутствует на Досади. Но любому из них, небрежному настолько, чтобы дремать там снаружи, нужно быть чрезвычайно хитрым».

Маккай опять огляделся вокруг. Пронзительный свист и низкий скребущий звук, как от песка по дереву, донесся с той стороны высокой скалы. Маккай тихо проложил себе круглой путь туда, где он мог увидеть источник этих звуков. Свистела желтая ящерица, почти сливающаяся с

кустами, под которыми она притаилась. Скребущий звук исходил с той стороны, которая привлекала внимание ящерицы. Его источником, вероятно, была небольшая дыра под другим кустом. Маккай подумал, что он вызвал в ящерице только слабое любопытство к себе. Что-то возле дыры и исходящий из нее звук требовали много сосредоточенного внимания.

Что-то шевелилось в темноте дыры.

Ящерица притаилась, продолжая свистеть.

Черное создание размером с кулак Маккая появилось из дыры, метнувшись вперед, увидело ящерицу. Крылья взметнулись с боков незнакомца, и он прыгнул вверх, но было слишком поздно. С быстротой, изумившей Маккая, ящерица бросилась вперед, свившись клубком вокруг своей жертвы. В животе ящерицы открылась щель, скрыв черное создание. Издав последний скребущий звук, черное существо исчезло в ящерице.

Все это время ящерица продолжала свистеть. Все еще свистя, она вползла в дыру, из которой появилась добыча.

«Животные на Досади более редки, чем может показаться», — говорил учитель Маккая.

Ему захотелось сейчас же узнать, что он только что видел.

Свист прекратился.

Ящерица и ее добыча напомнили Маккаю, что, как он и был предупрежден, не было времени, чтобы подготовить его к каждой новой детали на Досади. Теперь он притаился и еще раз осмотрел ближайшие окрестности.

Крохотные прыгающие существа, похожие на насекомых, населяли узкую полосу тени у подножия белой скалы. Зеленые цветы открывались и закрывались на стеблях желтых кустов. Вся почва вокруг, казалось, состоит из песка и глины, но когда он пригляделся, то увидел прожилки голубых и красных оттенков. Повернувшись спиной к городу, Маккай увидел вдалеке горы: багряная ломаная линия на фоне серебряного неба. Дождь сокращал область видимости в том направлении. Он видел штрихи более темной зелени, простирающейся из глубин. Воздух имел горький привкус.

Маккай еще раз окинул широким взором окрестности, разыскивая какие-нибудь признаки угрозы. Он ничего не смог обнаружить! Он зажал в ладони инструмент из своего набора, небрежно прислоненного, и потянулся, поворачи-

ваясь к Чу. Когда Маккай мельком взглянул на инструмент, тот показал ему сонарный барьер — заграждение из помех, мешающее звуковой локации — над городом. Рассеянно почесавшись, чтобы скрыть свое движение, он вернул инструмент в набор. Птицы летели в серебряном небе над сонарным барьером.

Маккай удивился: «Почему сонарный барьер?!»

Барьер мог остановить диких животных, но не людей. Учителя Маккая говорили, что сонарный барьер не пропускал вредителей-паразитов. Это объяснение не удовлетворяло Маккая.

«Животные более редки, чем кажется».

Несмотря на Стену Бога, солнце было горячим. Маккай поискал затененную сторону скалы. Расположившись там, он взглянул на маленький белый диск, прикрепленный к зеленому отвороту на левой стороне груди: ОР40331-D404. Это была стандартная надпись на Галаче, смеси языков Согласования.

— На Досади они разговаривают только на Галаче. Они могут выявить акцент в твоей речи, но не будут это исследовать, — так утверждали люди Аритча. Они объясняли, что этот значок определял Маккая как вольнонаемного рабочего, имеющего квалификацию в области чуть выше средней, но все еще участника Объединения Труда и подчиненного распределению вне своей квалификации. — Это ставит тебя на три иерархические ступени от края, — сказали они.

Это был его личный выбор. Дно социальной системы всегда располагало своими собственными каналами связи, изобилующими информацией, основанной на точных данных, инстинкте, материи снов и на том, что умышленно исходило из вершины. Что бы ни случилось на Досади, природа этого проявится в бессознательных процессах Объединения Труда. Находясь в Объединении Труда, Маккай мог перехватить этот поток проявлений.

«Я буду ткачом», — говорил он, объясняя, что это было хобби, которым он увлекался много лет.

Выбор позабавил его учителей. Маккай не мог понять причины их веселья.

«Это не имеет сейчас никакого значения. Любой выбор так же хорош, как и другой».

Они настояли, чтобы он сконцентрировался на том, что он делал в то время, изучая жестикуляцию на Досади.

Действительно, это был лихорадочный период на Тандалуре после того, как Аритч настоял (с наиболее разумными аргументами), что наилучшим поступком для его Легума было лично отправиться на Досади. В ретроспективе аргументы оставались убедительными, но Маккай был удивлен. По некоторой причине, которую ему не удалось установить, предполагалось, что он будет привлекать меньше СВЕРХЗРЕНИЯ к эксперименту, наблюдая через инструменты и шпионские возможности Калеканца, который охранял место.

Маккаю все еще было непонятно, как они хотели заставить его таскать каштаны из огня, но было ясно, что они нашли способ.

Аритч таинственно пояснил:

«Ты являешься лучшим шансом Досади выжить и нашим собственным лучшим шансом... понять».

Они предполагали, что их Легум спасет Досади, временно реабилитируя Говачинов. Задачей Легума было победить ради своего клиента, но это должно было иметь очень странные подробности, с сохранением клиентом абсолютной власти разрушения над находящейся под угрозой планетой.

На Тандалуре Маккаю было разрешено время от времени немного вздремнуть. И даже потом его сон был беспокойным, часть его сознания с адской отчетливостью представляла, где он находился: преследующие и совершенно расстраивающие его непонятные шумы из-за стен — где-то булькала вода, всегда вода.

Когда он тренировался в качестве Легума, ЭТО БЫЛО ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ его приспособлений: неопределенные ритмы беспокойной воды. Гралус — главный бассейн и убежище для самок, место, где Говачин выращивал тех головастиков, которые выживали после хищного отбора самцом-родителем — Гралус всегда оставался основным укреплением для Говачина. Существовала поговорка «Если вы не понимаете Гралус, то вы не понимаете Говачина».

Как говорится, прямо в точку.

Но там всегда была вода, стоячая вода, нервирующе шлепающая о стены. Доносившийся звук был неритмичным, но это было абсолютным ключом к Говачину, спокойному, но в то же время всегда разному.

Для коротких дистанций плавающие трубки обеспечивали Говачину легкость. Длинные дистанции они преодо-

левали с помощью двери для прыжка или в свистящих реактивных автомобилях, которые передвигались на магнитных подушках. Прибытие и отбытие таких автомобилей беспокоило сон Маккая в течение всего периода аварийного курса на Досади. Иногда, отчаянно устав, его тело требовало отдыха, и он просыпался от голосов. А тонкая примесь других звуков — автомобилей, волн — делала подслушивание затруднительным. Проснувшись ночью, Маккай должен был напрягаться, чтобы уловить смысл. Он чувствовал себя шпионом, вслушивающимся в важные нити, ищущим каждый нюанс в небрежных беседах людей за стенами.

Расстроенный, всегда расстроенный, он уходил в сон. И когда, как случалось изредка, все звуки прекращались, это приводило его в полную настороженность, когда сердце колотилось, удивляя тем, что не разрывалось.

А запахи! Какие воспоминания они пробуждали в нем. Muskusный запах Гралуса, горькая настойка из экзотических семян, пронизывающая каждый вздох. Пыльца папоротникового дерева вторгалась со своими оттенками цитруса. А караели — крохотные лягушкоподобные животные-любимцы врывались в его сон при каждом восходе солнца со своими острыми ревушими ариями.

В течение тех ранних дней тренировки на Тандалуре Маккай чувствовал себя больше чем немного потеряннным, окруженным угрожающими незнакомцами, постоянно сознавал важность дел, которые руководили его успехом. Но положение изменилось после беседы с Аритчем. Теперь Маккай был проверенным, испытанным Легумом, не говоря уже о прославленном агенте Бюсаба. Все же бывали случаи, когда настроение тех ранних дней возвращалось. Эти вторжения раздражали его, поскольку подразумевали, что он был вовлечен в опасное дело против своей воли, что Говачины тайно посмеивались над тем, как они подготовили ему несколько крайних оскорблений. Они не были выше таких шуток. Общая оценка Говачинов не-Говачинами гласила, что народ лягушачьего Бога был настолько окончательно цивилизован, что прошел полный круг к форме примитивной дикости. Взгляните хотя бы на образ жизни самцов Говачинов, убивающих их собственных новорожденных головастиков!

Однажды, во время одного из тех редких случаев, когда люди Аритча позволяли ему спать, Маккай проснулся, сел и попытался стряхнуть это давящее настроение рока. Он

сказал себе правду: что Говачины лстили ему, относясь с уважением к его мнению, обходясь с ним с тем якобы религиозным почтением, которым они платили всем Легумам. Но не ускользнула и другая правда: Говачины холили его для своих Досадейских проблем в течение длительного периода времени, и они были менее, чем искренни с ним относительно этого длительного процесса и их намерений.

Были всегда непостижимые тайны в общении с Говачинами.

Когда Маккай попытался тогда опять заснуть, то в беспокойных снах ему виделась сосредоточенная чувствительная плоть (как розовая, так и зеленая), абсолютно обнаженная и совершенно беззащитная перед нападением гигантских самцов Говачинов.

Послание сна было понятным. Говачины, возможно, могли разрушить Досади тем же путем (и по подобным причинам), каким они отсеивали своих собственных головастиков — отыскивая, бесконечно отыскивая самых сильных и гибких из уцелевших.

Проблема, которую они взвалили на плечи Маккая, связывала его. Если слабое подозрение о Досади просочилось в Консент без сопутствующего оправдания, то Федерация Говачинов будет безжалостно затравлена. У Говачинов была ясная и достаточная причина, чтобы уничтожить улики — или позволить им уничтожить себя.

ОПРАВДАНИЕ.

Где его найти? В неуловимых выгодах, заставивших Говачинов поставить этот эксперимент?

Даже если он нашел это оправдание, Досади все равно вызовет шумиху в Консенте. Он станет предметом большой драмы. Более двадцати поколений Людей и Говачинов изолировались без предупреждения. Их единственная история взволнует бесчисленных существ. Пределы языка будут исследованы, чтобы выдавить последнюю каплю эмоциональной сущности из этого открытия.

Не надо было объяснять, что мотивации Говачинов пройдут через бесчисленные изучения и подозрения. Почему они действительно делают это? Что случилось с их первоначальными добровольцами?

Люди оглянутся назад на своих предков — как Людей, так и Говачинов. «Это то, что случилось с дядей Элфредом?» Будут исследованы видовые записи Говачинов. «Да! Тут есть двое — прошедшие без записи!»

Люди Аритча допускали, что «очень небольшое меньшинство» оформило этот проект и хранило его в тайне. Были ли они достаточно здравомыслящими, эта клика Говачинов?

Короткие промежутки сна Маккая всегда прерывались заискивающим Говачином, низко кланявшимся ему и умолявшим его вернуться сразу же к чрезвычайным заседаниям, которые готовили его к выживанию на Досади.

Эти чрезвычайные заседания! Спрятанные в каждом из них предубеждения поднимали больше вопросов, чем отвечали. Маккай пытался сохранить осмысленное отношение, но раздражение постоянно овладевало им.

Почему Говачины на Досади принимали на себя Человеческие эмоциональные характеристики? Почему Досадийские Люди принимали общественные формы? Действительно ли на Досади сознавали, почему они меняли правилительственные формы?

Иронические ответы на эти частые вопросы бесили Маккаю.

«Все станет ясным, когда вы узнаете Досади по собственному опыту».

Под конец он раздраженно затараторил:

«Вы действительно не знаете ответ, не правда ли? Вы надеетесь, что я найду его для вас!»

Некоторые подробные описания надоедали Маккаю. Слушая объяснения Говачина о том, что было известно о взаимоотношениях Броя, он обнаруживал себя отвлеченным людьми, проходящими в многочувствительный путь доступа снаружи области заседания.

Однажды Сейланг вышла в комнату и села в сторонке, наблюдая за ним с молчаливой жадностью, которая доводила эмоции Маккаю до злости. Он страстно желал тогда голубую металлокаленную коробочку, но однажды торжественное посвящение накинуло мантию Легума защиты на него, и коробочка удалилась в священную нишу. Он не увидит ее больше, если только не вмешательство Кортарены. Сейланг оставила один из многих вопросов без ответа. Почему эта опасная самка Врева часто посещала его комнату без всяких приспособлений? Он подозревал, что они позволяли Сейланг наблюдать за ним посредством удаленных шпионских устройств. Почему она однажды решила войти лично? Чтобы дать ему понять, что за ним наблюдают?

Было что-то, что заставляло Говачин тренировать Вре-

вов. У них были в будущем какие-то проблемы, которые мог решить только Врев. Они холили этих Вревов, как они холили его. Почему? Какие способности Вревов могли привлечь Говачинов? Чем эта самка Врева отличалась от других Вревов? Почему она была так предана? Что такое «Пари Врева»?

Это привело Макка к другому пути, никогда достаточно не исследованному: какие человеческие способности привели Говачинов к нему? Упрямая настойчивость? Подоплека человеческого закона? Существенный индивидуализм Человека?

Не было удовлетворительных ответов на эти вопросы, не более чем на вопросы о Вреве. Тем не менее, ее присутствие продолжало занимать его. Маккай многое знал об обществе Вревов, не только общие сведения об их мирах. Кроме всего прочего, они были полноправными и значительными партнерами в Бюсабе. При выполнении заданий развивалось товарищество, которое часто подталкивало к доверительному обмену информацией. Кроме того факта, что Вревам требовалась триада для воспроизведения, он знал, что Вревы никогда не определяли заранее, кто из Триады будет кормить потомство.

Это составляло краеугольный камень Вревского общества. Периодически этот член триады обменивался на подобного из другой триады. Это обеспечивало их виду генетическое смешение и, что также важно, строило бесчисленные связи во всей их цивилизации. Каждая такая связь приносила необходимую поддержку в трудные времена.

Вревы на Вуро пытались объяснить это: «Возьмите, например, ситуацию, когда Врев убит, или, что еще хуже, лишен неотъемлемой сущности. Виновная сторона будет отвечать ЛИЧНО миллионам миллионов из нас. Где бы триадный обмен ни связал нас, нам необходимо ответить соответствующим образом на оскорбление. Ближайшей вещью, которая у тебя должна быть, как я понимаю, это — семейная ответственность. У нас есть повод для вендетты, когда такие оскорбления случаются. Вы не знаете, как тяжело было освободить тех из нас в Бюсабе от этого... ярма, этой сети ответственности».

Маккай был уверен, что Говачины знают это о Вревах. Эти ли характеристики привлекли Говачинов, или они выбрали невзирая на это, принимая решение из-за каких-то других качеств Вревов? Будет ли Врев-Легум продол-

жать разделять эту сеть семейной ответственности? Как это могло быть? Общество Вревов могло только оскорбить Говачина в лучших чувствах. Народ Лягушачьего Бога был даже более... эгоистичным и индивидуалистичным, чем люди. Для Говачина семья оставалась частной вещью, огражденной от незнакомца глухой стеной, которая исчезала, только когда вы входили в число избранных друзей.

Ожидая возле белой скалы на Досади, Маккай раздумывал над всем этим, дожидаясь своего часа, прислушиваясь. Чуждая жара, запахи и незнакомые шумы беспокоили его. Ему велели ждать звуков двигателя внутреннего сгорания. Внутреннего сгорания! Но на Досади такие устройства использовали вне города, потому что они были более мощными (хотя и более крупными), чем импульсно-лучевые двигатели, которые использовали внутри Чу.

«Топливом является алкоголь. Большинство сырья приходит с Границы. Не важно, как много яда находится в таком топливе. Они гонят спирт из кустов, деревьев, папоротников... всего, что поставляет Граница».

Сонная тишина сейчас окружала Маккаю. Долгое время он насмехался над собой, чтобы отважиться на дело, которое, как он знал, ему придется сделать однажды, когда он будет один на Досади. Маккай мог никогда больше не оказаться здесь один, вероятно, если только не очутится в Загонах Чу. Он знал тщетность попытки установить контакт с Тапризиотом, наблюдавшим за ним. Аритч, говоря ему, что Говачины знали, что Бюсаб давало «Тапризиотскую страховку», сказал: «Даже вызов Тапризиота не может проникнуть через Стену Бога».

В случае разрушения Досади, контракт Калеванца завершался. Тапризиот Маккаю мог даже получить время, чтобы окончить запись предсмертных воспоминаний Маккаю. Мог. Это был чисто теоретический вопрос для Маккаю в теперешних обстоятельствах. Калеванец был в долгу перед ним. «Звезда под Бичом» угрожала оказаться смертельной как для Калеванца, так и для всех, кто когда-либо использовал дверь для прыжка. Угроза была реальной и специфичной. Пользователи дверей для прыжка и Калеванец, который контролировал эти двери, были обречены. Фанни Мэ выразила свою благодарность Маккаю в своей собственной своеобразной манере:

«Благодаря мне твои связи не оканчиваются». Вероятно, Аритч насторожил своих досадийских хранителей

относительно любых попыток Маккай связаться с другим Калеванцем. Маккай сомневался в этом. Аритч установил запрет на вызовы Тапризиотов. Но все Калеванцы совместно участвовали в этом деле на некотором уровне. Если Аритч и К. были успокоены ошибочным предположением о надежности их барьера вокруг Досади...

Осторожно Маккай очистил свой мозг от любых мыслей о Тапризитах. Это было легко. Это требовало концентрирования мыслей на особой ПУСТОТЕ. Не должно быть случайного толчка его разума у Тапризита, ожидающего с бесконечным терпением в безопасности Централы Централей. Все должно быть пустым в его разуме, исключая чистую проекцию к Фанни Мэ.

Маккай представил ее зрительно: звезда Тайоун. Он вспоминал долгие часы их ментального общения. Он проецировал теплоту эмоциональной привязанности, вспоминая ее недавнюю демонстрацию «углового включения».

Вскоре Маккай закрыл глаза, усиливая тот внутренний образ, который сейчас заполнял его разум. Он почувствовал расслабление мышц. Теплая скала за его спиной, песок под ним постепенно изглаживались из сознания. В нем осталось только яркое присутствие Калеванца.

— Кто вызывает?

Слова касались его слуховых центров, но не ушей.

— Это Маккай, друг Фанни Мэ. Ты Калеванец Стены Бога?

— Я есть Стена Бога. Ты пришел поклониться?

Маккай почувствовал, что ничего не может сообразить. Поклониться?

Проекция этого Калеванца была отражающей и необыкновенной, совсем не похожей на зондирующее любопытство, которое он всегда чувствовал в Фанни Мэ. Маккай постарался вернуть этот первый яркий образ. Внутренняя яркость Калеванского контакта возвратилась. Он предположил, что Калеванец был чем-то почитаемым в этом эксперименте. Никогда нельзя было быть абсолютно уверенным в значении Калеванца.

— Это Маккай, друг Фанни Мэ,— повторил он.

Яркость внутри Маккай потускнела, затем:

— Но ты занимаешь точку на Досадийской волне.

Это был хорошо знакомый вид сообщения, к которому Маккай мог приложить предыдущий опыт с надеждой на взаимопонимание.

— Позволяет мне Стена Бога говорить с Фанни Мэ?
Слова отразились в его голове:

— Один Калеванец, все Калеванцы.

— Я хочу побеседовать с Фанни Мэ.

— Ты не удовлетворен своим настоящим телом?

Маккай почувствовал свое тело, дрожащую плоть, в состоянии, подобном трансу зомби, которое наступало от контакта с Калеванцем или Тапризиотом. Вопрос не имел значения для него, но соприкосновение тел было реальным, и это угрожало прервать связь. Медленно Маккай пробивался назад к тому тонкому присутствию разума.

— Я Джордж Маккай. Калеванцы в долгу у меня.

— Все Калеванцы знают этот долг.

— Тогда выполни его с честью.

Он ждал, пытаясь не увеличивать напряжения. Яркость в его голове сменилась новым присутствием.

Оно воскрешало в сознании Маккай нечто пронзительно знакомое — не полный ментальный контакт, но, возможно, оперирующий с теми участками мозга, где интерпретировались зрительные образы и звуки. Маккай узнал это присутствие.

— Фанни Мэ!

— Что нужно Маккаю?

Для Калеванца это было совершенно правдивым сообщением. Маккай, отметив это, сказал более прямо:

— Мне нужна твоя помощь.

— Объясни.

— Я могу быть убитым здесь... ах, встретить конец моего узла здесь, на Досади.

— На Досадийской волне,— поправила она его.

— Да. И если это случится, я умру здесь. У меня есть в Централи Централей... на волне Централи Централей... друзья, которые должны знать все, что есть в моем разуме, когда я умру.

— Только Тапризиот может сделать это. Досадийский контракт запрещает Тапризиотов.

— Но если Досади будет разрушен...

— Контракт обещает, что проходы не заканчиваются, Маккай.

— Ты не можешь помочь мне?

— Ты хочешь совет от Фанни Мэ?

— Да.

— Фанни Мэ способна поддерживать контакт с Маккаем, пока он занимает Досадийскую волну.

ПОСТОЯННЫЙ ТРАНС? Маккай был шокирован. Она заметила это.

— Без транса. Связи Маккай известны Фанни Мэ.

— Я думаю, нет. Я не могу здесь отвлекаться.

— Плохой выбор.

Она была обижена.

— Можешь ли ты обеспечить меня персональной дверью для прыжка в...

— Не с окончанием узла, близким для Досадийской волны.

— Фанни Мэ, ты знаешь, что Говачины делают здесь, на Досади? Это...

— Калеванский контракт, Маккай.

Ее неудовольствие было явным. Нельзя было сомневаться в честности Калеванского обещания. Досадийский контракт, несомненно, содержал специальные запреты против любых показаний и всего, что приближалось к этому. Маккай был напуган. Он испытал желание покинуть Досади немедленно.

Фанни Мэ так же восприняла это сообщение.

— Маккай может уйти сейчас. Вскоре Маккай не сможет уйти в его собственном теле-узле.

— Теле-узле?

— Ответ запрещен.

ЗАПРЕЩЕН!

— Я думал, ты была моим другом, Фанни Мэ!

Тепло залило его.

— Фанни Мэ обладает дружбой к Маккаю.

— Тогда почему ты не хочешь помочь мне?

— Ты желаешь покинуть Досади в этот момент?

— Нет.

— Тогда Фанни Мэ не может помочь.

Рассердившись, Маккай начал прерывать контакт.

Фанни Мэ уловила чувства расстройства и обиды.

— Почему Маккай отвергает совет? Фанни Мэ желает...

— Я должен идти. Ты знаешь, я нахожусь в трансе, пока мы в контакте. Это опасно здесь. Поговорим в другой раз. Я ценю твоё желание помочь и твою новую ясность, но...

— Никакой ясности. Очень маленькая дыра в понимании, но человек не сохраняет больше измерения!

Очевидная расстроенность сопровождала этот ответ, но она прерывала контакт. Маккай чувствовал себя пробуждающимся, его пальцы на руках и ногах дрожали от холода. Калеванский контакт замедлил его метаболизм до опасно низкого уровня. Он открыл глаза.

Странно одетый Говачин в желтом, вышедший из бронированного экипажа, стоял над ним.

Большая грязная машина громыкала и пыхтела рядом. Голубой дым окутывал ее. Маккай начал оправляться от шока.

Говачин товарищески кивнул.

— Ты болен?

Как только полуденные тени покрыли мраком глубины города, они двинулись наружу, на улицы. Трайя и шестеро тщательно отобранных компаньонов, все молодые человеческие самцы. Она надушилась мускусом, чтобы возбудить их, и вела из центра в тусклые малоизученные районы, где шпионы Броя были устранены. Все в ее отряде были в броне и вооружены на манер обычной команды для вылазки.

Часом раньше поблизости были беспорядки, не особенно разрушительные, чтобы привлечь основательное внимание военных, но из человеческого анклава было удалено вклинивание Говачина. Вылазка командой была чем-то таким, чего этот Уоррен мог ожидать в результате столь специфического видового приспособления. Трайя и ее шестеро компаньонов вряд ли позволят себе атаковать. Никто из бунтовщиков не хотел крупномасштабной чистки в этой зоне.

Что-то вроде притихшего, подозрительного ожидания наполняло улицы.

Они пересекли мокрый перекресток, где в водосточных желобах была зеленая и красная сукровица. Запах сырости подсказал ей, что открывали Гралус, чтобы его освобожденные воды промыли улицы.

Это навлечет возмездие. Некоторое количество человеческих детей определено будет убито в последующие дни. Старая схема.

Вскоре отряд пересек зону беспорядков, отметив места,

где упали тела, оценивая потери. Все тела были убраны. Для птиц не осталось ни клочка.

Вскоре после этого они появились из Уорренов, прошли сквозь ворота, охраняемые Говачином, людьми Броя. Пройдя несколько кварталов, они вышли еще через одни ворота, с человеческой охраной, все на жалованье Гара. Трайа понимала, что Брой скоро узнает о ее присутствии здесь, но она скажет, что направлялась в Уоррены. Вскоре она пришла к переулку напротив здания Второго Класса. Лишенная окон серость нижних этажей здания походила на слепое лицо, нарушенное лишь решетчатой броней входных ворот. Позади ворот лежал тускло освещенный проход. Его обманчиво гладкие стены скрывали в себе следящие устройства и автоматическое оружие.

Удерживая своих компаньонов движением руки, Трайа ожидала в темноте, пока не изучила вход в здание напротив себя. Ворота были на простой задвижке. В алькове слева возле двери был один охранник, едва видимый позади брони ворот. Силы обороны здания стояли, готовые прийти по вызову охранника у дверей или по вызову того, кто наблюдал через следящие устройства.

Информаторы Трайи сказали, что это убежище Джедрик. Вовсе не в глубоких Уорренах. Умно, ничего не скажешь. Но Трайа годами сохраняла агента в этом здании, как она держала агентов во многих зданиях. Обычная предосторожность. Теперь все зависит от согласованности. Предполагалось, что ее агент в здании уберет внутреннего охранника на станции наблюдения за следящими устройствами. Оставался только охранник у дверей. Трайа дождалась условленного момента.

Улица вокруг нее благоухала нечистотами: открытая утилизационная линия. Авария? Повреждение во время беспорядков? Трайе никогда не нравилось ощущение этого места. В какую игру играет Джедрик? Не встроены ли в это охраняемое здание неизвестные сюрпризы? Джедрик должна знать к этому времени, что она подозревается в подстрекательстве к беспорядкам — и в прочих делах. Но чувствует ли она себя в безопасности там, на своей собственной территории? Люди склонны чувствовать себя в безопасности среди своего собственного народа. Впрочем, вокруг нее не может быть очень уж больших сил. Тем не менее, на извилистых путях ума Джедрик выработался какой-то частный заговор, а Трайа пока еще не вникла в

него. Было достаточно поверхностных указаний, чтобы рискнуть на очную ставку, на переговоры. Вполне возможно, что Джекрик подставилась здесь, чтобы завлечь Трайу. Скрытый в этой возможности потенциал наполнял Трайу возбуждением.

ВМЕСТЕ МЫ БЫЛИ БЫ НЕПОБЕДИМЫ!

Да, Джекрик соответствует образу великолепного агента. При соответствующей организации вокруг нее...

Трайа еще раз взглянула налево и направо. Улицы были подходяще пусты. Она сверила время. Наступил ее момент. Движением руки Трайа послала фланговых направо и налево, а еще одного молодого самца — прямо через улицу к воротам. Когда они были на месте, она скользнула через улицу с тремя оставшимися компаньонами, выстроившимися впереди треугольным щитом.

Охранник у дверей был человеком с седыми волосами и бледным лицом, отблескивающим желтым в тусклом освещении прохода. Веки его отяжелели от недавней дозы его личного наркотика, поставляемого агентом Трайи.

Трайа открыла ворота и увидела, что охранник, как и ожидалось, держит «кнопку мертвеца» в правой руке. Он направил переключатель на нее, обнажив в ухмылке щербатые зубы. Она поняла, что тот узнал ее. Теперь многое зависело от точности ее агента.

— Ты хочешь умереть ради лягушек? — спросила Трайа.

Он знал про бунт и беспорядки на улицах. И он был человеком, с человеческой лояльностью, но знал, что работает на Броя, Говачина. Вопрос был точно рассчитан на то, чтобы наполнить его нерешительностью. Не перебежчик ли она? У него была человеческая лояльность и зависимость фанатика от этой должности охранника, не дававшей ему скатиться вниз. И была его личная пагубная привычка. Все дверные охранники имели привычку к чему-нибудь, но этот пристрастился к наркотику, притуплявшему его чувства и затруднявшему процесс связывания нескольких линий мышления. Не предполагалось, что он будет пользоваться наркотиком на дежурстве, и это его теперь беспокоило. Следовало дать оценку столь многим вещам, и Трайа задала правильный вопрос. Он не хотел умирать за лягушек.

Она вопросительно указала на «кнопку мертвеца».

— Это всего лишь сигнальное реле, — сказал он. — В нем нет никаких бомб.

Трайа по-прежнему молчала, вынуждая его сосредоточиться на своих сомнениях.

Охранник сглотнул.

— Что ты...

— Присоединяйся к нам, иначе умрешь.

Он всмотрелся мимо нее в остальных. Подобные вещи частенько случались в Уорренах, но не очень часто здесь, на склонах, ведущих к высотам. Охранник не относился к тем, кому охраняемые доверяют с полным пониманием. У него были соответствующие инструкции и реле мертвеца, чтобы предупреждать вторжения. Выполнение более точных распознаваний и принятие реальных решений были поручены другим. Это было слабое место здания.

— Присоединиться к кому? — спросил он.

В его голосе была фальшивая воинственность, и она поняла, что тот готов.

— К твоему собственному виду.

Это замкнуло его затуманенный наркотиком ум на его примитивные страхи. Охранник знал, что ему полагается сделать: открыть руку. Это приведет в действие устройство тревоги в кнопке мертвеца. Он мог бы сделать это по собственной воле, и это должно было удержать нападающих от убийства его. Рука мертвеца так или иначе открылась бы. Но в нем подогрели подозрения, чтобы усилить его сомнения. Устройство в руке могло быть не просто передатчиком сигнала. Что, если это и в самом деле бомба? Охранник размышлял над этим много долгих часов.

— Мы будем хорошо с тобой обращаться,— сказала Трайа.

Она по-приятельски положила руку ему на плечо, позволяя ему насладиться полным эффектом ее мускуса, пока вытягивала другую руку, чтобы продемонстрировать, что в ней нет оружия.

— Покажи моему приятелю, как ты поступаешь с этим при смене с дежурства.

Один из молодых самцов ступил вперед.

Охранник показал, как это делается, медленно объясняя с устройством.

— Это просто, стоит только усвоить, в чем тут хитрость.

Когда ее приятель все понял и крепко обхватил эту штуку, Трайа подняла свою руку с плеча охранника и коснулась его сонной артерии отравленной иглой, спрятанной

в ее ноге. Охранник успел только сделать задышающийся вдох, распахнув глаза, прежде чем скользнул вниз из ее объятий.

— Я ведь хорошо с ним обращалась, — сказала она.

Ее компаньоны ухмыльнулись. Они усвоили, что чего-то такого и надо ожидать от Трайи. Они оттащили тело из виду в альков охраны, а молодой самец с сигнальным устройством занял его место у двери. Остальные защищали своими телами Трайу, когда они ворвались в здание. Вся операция заняла меньше двух минут. Все было проделано гладко, как и ожидалось от операций Трайи.

Вестибюль и радиальные коридоры были пусты.

Хорошо.

Ее агент в этом здании заслужил поощрение.

Они пошли по лестнице, вместо того, чтобы довериться лифту. Там было только три коротких пролета. Верхний коридор также был пуст. Трайа направилась к необозначенной двери, воспользовавшись ключом, которым снабдил ее агент. Дверь беззвучно открылась, и они ринулись в комнату.

Внутри были опущены шторы, и не было искусственного освещения. Ее компаньоны заняли позиции у закрытой двери и вдоль обеих стен по бокам. Это был самый опасный момент, тут могла управиться только Трайа.

Через щели, там, где ставни неплотно закрывали южное окно, пробивался свет. Трайа различала неясные очертания мебели и кровать с неопределенным темным пятном на ней.

— Джедрик?

Ноги Трайи касались мягкой ткани, очевидно, сандалии.

— Джедрик?

Ее голень коснулась кровати. Ощупывая темное пятно, она держала оружие наготове. Это был всего лишь ворох постельного белья. Трайа обернулась.

Дверь ванной комнаты была закрыта, но она различала тонкую полоску света под дверью. Трайа обогнула валявшиеся на полу одежду и сандалии, встала с одной стороны и жестом послала своих компаньонов на другую сторону. До сих пор они действовали с минимумом шума.

Она мягко повернула дверную ручку и толчком открыла дверь. В ванне была вода и тело лицом вниз, одна рука вяло свисала через край ванны. Сзади и ниже

левого уха виднелся темно-багровый рубец. Трайа за волосы подняла голову, пристально посмотрела в лицо и аккуратно, избегая всплесков, опустила ее. Это была ее агент, та, которой была доверена разведка для организации этой операции. И смерть имела характерные признаки Говачинского ритуального убийства: тот самый рубец под ухом. Говачинский коготь, введенный туда, чтобы заставить жертву замолчать перед утоплением? Или все это просто устроено так, чтобы выглядеть похожим на Говачинское убийство?

Трайа почувствовала, как вся операция разваливается на части вокруг нее, ощутила беспокойство своих компаньонов. Она подумала было позвонить Гару прямо оттуда, где стояла, но ее одолели страх и отвращение. Прежде чем открыть свой коммуникатор и нажать на сигнал опасности, Трайа вышла из ванной комнаты.

— Центральная,— раздался в ее ушах возбужденный голос.

Ее голос был по-прежнему ровным.

— Наш агент мертв.

Молчание. Она могла представить себе, как они нацеливают локатор на ее передатчик, потом:

— Там?

— Да. Она убита.

Послышался голос Гара:

— Этого не может быть. Я разговаривал с ней меньше часа назад. Она...

— Утоплена в ванне с водой,— сказала Трайа.— Сначала ее ударили — вогнули что-то острое под ухо.

Снова последовало молчание, пока Гар переваривал эти известия. У него появятся те же сомнения, что и у Трайи.

Она взглянула на своих компаньонов. Они заняли сторожевые позиции лицом к проходу в холл. Да, если произойдет нападение, оно будет именно оттуда.

Канал связи с Гаром оставался открытым, и теперь Трайа слышала неясное бормотание отдаваемых кратких приказов, разобрать можно было лишь немногие слова:

— Команда... не позволять... время...— Потом совершенно отчетливо: — Они за это заплатят!

КТО ЗАПЛАТИТ? недоумевала Трайа.

Она начала по-новому оценивать Джедрик.

Гар снова вышел на связь:

- Есть ли непосредственная опасность для тебя?
- Я не знаю.— Это было неохотное признание.
- Оставайся там, где ты есть. Мы вышлем помощь.

Я известил Броя.

Так вот каким образом Гар это видит! Да. Это было, вероятнее всего, подходящим способом справиться с новым развитием событий. Джедрик от них ускользнула. Не было никакого смысла продолжать. Это теперь должно быть сделано методами Броя.

Трайа содрогалась, раздавая необходимые приказы своим компаньонам. Они приготовились дорого продать свою жизнь в случае нападения, но Трайа начала сомневаться, что немедленное нападение произойдет. Это было еще одним посланием от Джедрик. Трудности начинались при попытке истолковать послание.

Менталитет военного — это менталитет бандита и налетчика. Таким образом, вся военищина представляет собой форму организованного бандитизма, где не имеют силы общепринятые нормы. Военищина — это способ рационализированного убийства, изнасилования, грабежа и прочих форм кражи, всегда воспринимаемых как часть войны. Когда недостает внешних целей, военное мышление всегда обращается против своего собственного гражданского населения, используя идентичные рациональные объяснения для бандитского поведения.

***Руководство для Бюсаба, глава пять:
«Синдром военного вождя»***

Очнувшись от коммуникативного транса, Маккай сообщил, каким он должен был показаться этому странному Говачину, возвышавшемуся над ним. Разумеется, Досадийский Говачин должен был счесть его больным. В трансе он бормотал, его бил озноб, с него катился пот. Маккай сделал глубокий вздох.

— Нет, я не болен.

— Значит, это пристрастие к наркотикам?

Припомнив множество веществ, способных вызывать пристрастие у досадийцев, Маккай чуть не воспользовался этим извинением, но передумал. Этот Говачин может потребовать какое-нибудь вызывающее пристрастие вещество.

— Не пристрастие,— сказал Маккай. Он поднялся на ноги и осмотрелся. Солнце явственно продвинулось к горизонту за своей струящейся вуалью.

А к пейзажу добавилось кое-что новое — то гигантское транспортное средство на гусеницах, стоявшее, мерно рокоча и пыхая дымом из вертикальной трубы, позади вторгшегося Говачина. Тот по-прежнему был упорно и усиленно сосредоточен на Маккае, приводя его в смущение своей неуклонной прямоотой. Маккай был вынужден спросить себя: была ли это некая угроза или его Досадийский контакт? Люди Аритча говорили, что в точку контакта будет послано средство передвижения, но...

— Не болезнь, не наркомания,— сказал Говачин.— Это какое-то странное состояние, присущее только Человеку?

— Я БЫЛ болен,— произнес Маккай.— Но я выздоровел. Это состояние прошло.

— И часто это с тобой случается?

— Я годами могу жить без рецидивов.

— Годами? Чем вызывается это... состояние?

— Я не знаю.

— Я... э-э-э...— Говачин кивнул и вздернул подбородок.— Божье несчастье, наверное.

— Наверно.

— Ты был полностью уязвим.

Маккай пожал плечами. Пусть Говачин понимает это, как сумеет.

— Ты не был уязвим? — Это почему-то позабавило Говачина, добавившего: — Я Бахранк. Возможно, это самое удачное, что с тобой вообще случилось.

Бахранк было тем именем, которое помощники Аритча дали Маккаю для первого контакта.

— Я Маккай.

— Ты соответствуешь описанию, Маккай, за исключением твоего, э-э-э, состояния. Не хочешь ли ты сказать больше?

Маккай задумался, чего же ожидает Бахранк. Предполагалось, что это будет простой контакт, выводящий его на более влиятельных людей. Аритч, определенно, имел на Досади хорошо информированных наблюдателей, но не предполагалось, что Бахранк является одним из них. Предостережение насчет этого Говачина было особенным.

— Бахранк не знает о нас. Будь чрезвычайно остро-

жен с тем, что открываешь ему. Для тебя будет очень опасно, если он прознает, что ты прибыл из-за Вуали Бога.

Служащие двери для прыжка подтвердили предостережение.

— Если Досадиец проникнет под твоё прикрытие, тебе придется собственными силами возвращаться на твою точку подбора. Мы весьма сомневаемся, что ты сможешь это сделать. Пойми, что мы не много помощи сможем оказать тебе, как только переправим тебя на Досади.

Бахранк явно пришел к какому-то решению, кивнув сам себе.

— Джедрик ожидает тебя.

Это было еще одно имя, которым его снабдили люди Аритча.

— Твой лидер ячейки. Ей сказали, что ты новый. Проникший из Обода. Джедрик неизвестно твое истинное происхождение.

— А кому известно?

— Мы не можем тебе сказать. Если ты не знаешь, эту информацию нельзя вырвать у тебя. Впрочем, уверяем тебя, что Джедрик не является одним из наших людей.

Маккаю не понравилось звучание этого предупреждения: «...вырвать у тебя». Бюсаб, как обычно, посылает вас в пасть тигра, не давая полных указаний по длине тигриных клыков.

Бахранк указал жестом на свою гусеничную машину.

— Пойдем?

Маккай взглянул на машину. Это явно было военное устройство, в тяжелой броне, со щелями в металлической кабине и огнестрельным оружием, торчащим под нелепыми углами. Она выглядела приземистой и смертоносной. Люди Аритча упоминали о подобных штуках.

— Мы присматривали за тем, чтобы они получали только примитивные бронированные средства передвижения, огнестрельное оружие и залежалую взрывчатку, таким вот образом. Впрочем, они были весьма изобретательны в своих переделках подобного вооружения.

Бахранк еще раз указал на свою машину, явно стремясь поскорее удалиться.

Маккай вынужден был подавить внезапное чувство глубокой тревоги. Во что он ввязался? Он чувствовал, что, очнувшись, обнаружил, что ужасающим образом соскальзывает в опасность, не будучи в состоянии контролировать

и малейшей угрозы. Ощущение прошло, но оставило его потрясенным. Маккай мешкал, продолжая разглядывать машину. Она была около шести метров в длину, с тяжелыми гусеницами, плюс другие колеса, едва видимые в тени позади гусениц. Она щеголяла обычной антенной на заду для того, чтобы ловить сигнал мощного передатчика на орбите под ограждающей вуалью, но была еще вторичная система, сжигавшая вонючее топливо. Дым от этого горячего наполнял атмосферу вокруг них резким запахом.

— Чего мы ждем? — требовательно спросил Бахранк. Он сверкнул глазами на Маккай с явным страхом и подозрением.

— Теперь можем ехать, — сказал Маккай.

Бахранк повернулся и шустро забрался вверх по гусеницам в затененную кабину. Маккай последовал за ним, обнаружив, что внутренность представляет собой плотно загроможденное помещение, наполненное горьким маслянистым запахом. Там были два крепких металлических сиденья с изогнутыми спинками, выше головы сидящего человека или Говачина. Бахранк уже занял левое, орудуя переключателями и наборными дисками. Маккай рухнул в правое. Поперек его груди и талии сомкнулись откидные подлокотники, чтобы удержать его на месте; к затылку приладилась подставка. Бахранк щелкнул переключателем. Дверь, через которую они вошли, закрылась под скрип серводвигателей и твердое клацание запоров.

Маккай захлестнуло двойственное состояние духа. Он всегда ощущал легкую агорафобию на открытых местах вроде района вокруг скалы. Но тусклая внутренность этой военной машины, с ее жестокими напоминаниями о примитивных временах, задела какую-то атавистическую струнку в его психике, и он боролся с настоящей потребностью продрасться наружу. Это была ловушка!

Странное наблюдение помогло ему преодолеть это ощущение. Щели, дающие им обзор окружающего, были покрыты стеклом. Стекло. Он пощупал его. Да, стекло. Это было заурядным материалом в Консенте — прочное, но тем не менее хрупкое. Он видел, что это стекло не очень толстое. Значит, внешность этой машины была больше видимостью, чем действительностью.

Бахранк бросил быстрый взгляд на их окружение и двинул рычаги, приведя машину в шаткое движение. Она издала скрежещущий грохот, перекрытый завыванием.

От белой скалы к дальнему городу вели разнообразные следы. Это показывало, где недавно прошла эта машина, путь, чтобы следовать ему. Ярко освещенные скалы вдоль следа отбрасывали сверкающие блики. Бахранк выглядел очень занятым тем, что он делал, что бы это ни было, чтобы вывести их к Чу.

Маккай обнаружил, что его собственные мысли вернулись к полученным им на Тандалуре инструкциям.

«КАК ТОЛЬКО ТЫ ВОЙДЕШЬ В ЯЧЕЙКУ ДЖЕДРИК, ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ПОЛАГАТЬСЯ ТОЛЬКО НА САМОГО СЕБЯ...»

Да... он чувствовал себя весьма одиноко, в голове у него была сумятица данных, не имевших ни малейшей связи с его предыдущим опытом. А эта планета погибнет, если Маккай не найдет смысла в этих данных плюс все, что он сумеет узнать здесь.

Один, один... Если Досади умирает, там должны быть несколько разумных наблюдателей. Большая часть той финальной разрушительной вспышки будет удержана в темпокинетическом барьере Калеванцев. Фактически, Калеванец съест высвобожденную энергию. Это было одно из того, что он узнал от Фанни Мэ. Один истребительный взрыв, ПИЩА для Калеванца, и Бюсаб будет вынужден начинать все заново и без наиболее важной части физического свидетельства — Досади.

Машина под Маккаем грохотала, ее качало и заносило, но она всегда возвращалась на след, ведущий к далеким шпилям Чу.

Маккай тайком изучал водителя. Бахранк демонстрировал нехарактерное для Говачина поведение: более прямое, более человеческое. Вот в чем дело! Его Говачинские инстинкты были искажены контактами с Человеком. Безусловно, Аритч презирал это, боялся его. Бахранк вел с небрежной опытностью, пользуясь комплексной системой управления. Маккай насчитал восемь различных рычагов и ручек, задействованных Говачином. Некоторые активизировались коленями, другие головой. Он протягивал руки, а его локоть в это время отклонял рычаг. Военная машина реагировала.

Немного погода Бахранк проговорил, не отрывая внимания от вождения.

— На втором уступе мы можем попасть под огонь. Там немного раньше была настоящая полицейская акция.

Маккай пристально посмотрел на него.

— Я думал, у нас безопасный проход.

— Вы, Ободники, вечно торопите события.

Маккай выглянул в щель: кусты, бесплодная земля, тот одинокий след, по которому они шли.

Бахранк проговорил:

— Ты старше любого Ободника, которого я до этого видел.

Люди Аритча предупредили Маккая, что необходимость маскировать тонкие признаки возраста — это основной изъян его прикрытия.

Его обеспечили кое-какой гериатрической помощью и ответом, чтобы давать его на случай вызова. Этим ответом он теперь и воспользовался.

— Пребывание вне планеты легко старит.

— Должно быть.

Маккай почувствовал, что что-то в ответе Бахранка ускользнуло от него, но он не рискнул преследовать это. Это был непродуктивный обмен. И была та ссылка на «полицейскую акцию». Маккай знал, что чернь Обода, не допускаемая в Чу, устраивает периодические налеты, по большей части бесплодные. Варварство!

— Каким предлогом ты воспользовался, чтобы выйти отсюда? — спросил Маккай.

Бахранк стрельнул в него испытующим взглядом, поднял одну перепончатую руку от управления, чтобы указать на ручку в потолке над головой. Назначение ручки было Маккаю неизвестно, и он опасался, что уже выдал слишком большое невежество. Но Бахранк начал говорить.

— Официально я разведываю эту зону в поисках спрятанных сюрпризов, которые Ободники могли припасти тут снаружи. Я часто это делаю. Неофициально все считают, что у меня снаружи секретный пруд, полный плодовых самок.

Пруд... не Гралус. Это снова был относительно бес-
плодный обмен фразами со скрытым подтекстом.

Маккай молча всматривался вперед сквозь щель. Их пыльный след описывал широкий и плавный поворот налево, внезапно резко спускаясь на узкий выступ красной скальной стены. Бахранк выполнил серию быстрых смен скорости: медленно, быстро, медленно, быстро. Красная скальная стена осталась позади. Маккай всмотрелся наружу и вниз со своего бока. Далеко внизу лежала зелень

джунглей, а вдалеке виднелись дым и шпили Чу — рифленые здания высоко вздымались над неясными утесами на заднем плане.

Смены скорости показались Маккаю бесцельными. А головокружительный склон утеса с его стороны наполнил его благоговейным ужасом. Их узкий уступ обнимал утес, следуя всем его изгибам — то в тень, то на свет. Вокруг него ревела и стонала машина. Запах масла заставлял содрогаться его желудок. А далекий город казался немногим ближе, чем с вершины утеса, разве что стал выше и более загадочным в своей дымной мгле.

— Пока не доберемся до первой террасы, реальных неприятностей не ожидается, — сказал Бахранк.

Маккай взглянул на него. Первая терраса? Да, должно быть, это первая возвышенность снаружи городских стен. Ущелье, где поднялся Чу, спускалось на уровень реки широкими ступенями, каждая была пронумерована. Чу был привязан к изолированным холмам и равнинам в том месте, где река замедляла ход и распадалась на множество рукавов. А холмы, сопротивлявшиеся реке, состояли почти из сплошной железной руды так же, как и многие боковые террасы.

— Рад оттуда выбраться, — сказал Бахранк.

Их узкий уступ повернул направо, уходя от утеса на широкий склон, спускавшийся в серо-зеленые джунгли. Растительность сомкнулась вокруг них внезапными зелеными тенями. Маккай, смотревший в сторону, узнал волосатые вайи и широкие листья фикуса, гигантские шипы колючего красного цвета, никогда не виденные им раньше. Их след, как и почва в джунглях, являл собой серую грязь. Маккай глазел по сторонам; растительность на вид была почти равной смесью земной и тандалурской, ее разнообразило множество странных растений.

Он замигал от солнечного света, когда они выехали из-под нависающих сверху растений на заросшую высокой травой равнину, вытопанную, взорванную и сожженную недавними жестокими событиями. Маккай увидел груду разбитых машин неподалеку слева, покореженные осколки металла и там и сям, секции гусениц и колес, нацеленные в небо. Некоторые из обломков выглядели похожими на машину, в которой он сейчас ехал.

Бахранк обогнул взрывную воронку под углом, давшим Маккаю возможность заглянуть в ее глубину. Там лежали

разорванные тела. Бахранк никак не прокомментировал это, казалось, он едва ли заметил.

Внезапно Маккай увидел признаки движения в джунглях, бесшумное присутствие и людей, и Говачинов. Некоторые несли нечто, что выглядело как небольшое оружие — поблескивающая металлическая труба, патронташи выпуклых белых предметов вокруг их шей. Маккай не пытался запомнить все Досадийское вооружение; оно, в конце концов, было примитивным, но теперь он напомнил себе, что именно то примитивное оружие сотворило эти сцены разрушения.

Их след снова погрузился в нависшую сверху растительность, оставив позади поле битвы. Вокруг грохочущей, раскачивающейся машины сомкнулись глубокие зеленые тени. В памяти Маккая, бросаемого из стороны в сторону в его ограничителях, остался запах: глубокий мускусный запах крови и начинающегося гниения. Их тенистая авеню делала резкий поворот вправо, вырываясь на еще одну террасу, прорезанную рубящим ударом, куда Бахранк вывел их, повернув на еще один уступ, обнимающий утес.

Маккай всматривался в щели через Бахранка. Город теперь был ближе. Взгляд его метался во время их спуска враскачку вверх и вниз по башням Чу, вздымавшимся, словно серебряные органные трубы из холмов Совета. Дальний утес представлял собой серию затуманенных ступеней, тающих в серо-лиловом. Вокруг рифленых башен лежали в дыму и копоти Уоррены Чу. И он мог бы различить часть окружающей город внешней стены. Верх стены усеивали приземистые форты, предназначенные для продольного огня. Город внутри стены казался таким высоким. Маккай не ожидал, что он будет выглядеть таким, но это говорило о перенаселении так, что нельзя было понять неправильно. Их уступ привел их на еще одно поле битвы, усыпанное кусками металла и плоти, в страшной вони неизбежных испарений. Бахранк вертел свою машину налево, направо, увертываясь от груд рваного снаряжения, сторонясь воронок, где холмы плоти лежали под покрывалом насекомых. Папоротники и прочая невысокая поросль начинала пробиваться после чудовищного вытаптывания. Серые и желтые летающие создания резвились в верхушках папоротника, не обращая внимания на всю эту смерть. Помощники Аритча предупредили Маккая, что жизнь Досади существует среди избытка жестокости, но

действительность вызвала у него тошноту. Среди распростертых тел он узнал и человеческие, и Говачинские формы. Особенное неприятие у него вызвала гладкая зеленая кожа молодой самки Говачина, с проступающими вдоль ее рук оранжевыми отметинами способности к деторождению. Маккай резко отвернулся, обнаружив, что Бахранк изучает его с темно-желтой насмешкой в сияющих Говачинских глазах. Он проговорил, ведя машину:

— Разумеется, осведомители есть везде, и после этого...— Его голова кивнула налево и направо,— ...тебе придется двигаться с большей осторожностью, чем ты мог предполагать.

Ломкий звук взрыва подчеркнул его слова. Что-то ударило в броню машины со стороны Маккай. Они снова были мишенью. И снова. Заякание металла о металл становилось обильным, ударяя повсюду вокруг них, даже по стеклу на смотровой щели.

Маккай подавил свое потрясение. То тонкое стекло не разбилось. Он знал про существование толстых щитов из закаленного стекла, но это добавило новое измерение к тому, что ему говорили про Досади. Несомненно, весьма изобретательно!

Бахранк вел машину с видимым безразличием.

Откуда-то прямо перед ними последовала более энергичная атака, в джунглях за равниной мелькали оранжевые вспышки.

— Они испытывают,— сказал Бахранк. Он указал на одну из щелей.— Видишь? Они даже не оставили метки на этом новом стекле.

Маккай ответил из глубин своей горечи.

— Временами недоумеваешь, что же все это доказывает, если не считать того, что наш мир держится на недоверии.

— А кто доверяет?

Слова Бахранка звучали, как вопрос.

Маккай сказал:

— Надеюсь, наши друзья знают, когда прекратить испытания.

— Им сказали, что мы не могли бы взять больше восьмидесяти миллиметров.

— Разве они не согласились пропустить нас?

— Даже если и так, предполагается, что они попытаются сделать несколько выстрелов, хотя бы просто

для того, чтобы сохранить благосклонность ко мне моих начальников.

Бахранк еще раз провел их через серию виртуозных смен скорости и поворотов без видимых причин. Маккай навалился на свои ограничители, почувствовав боль от ушиба, когда его локоть врезался в стенку кабины. Взрыв прямо позади подкинул их вверх на левой гусенице. Когда они подпрыгнули, Бахранк крутанул их влево, избежав еще одного разрыва, попавшего бы прямехонько в них, останься они на прежнем месте. От взрывов у Маккай звенело в ушах; он почувствовал, как машина рывком остановилась и дала обратный ход, когда новые взрывы раздались впереди. Бахранк крутанул машину вправо, потом влево и снова на полной скорости понесся прямо в нетронутую стену джунглей. Окруженные разрывами, они проломились сквозь зелень и повернули направо вдоль еще одного затененного следа в грязи. Маккай утратил всякое чувство направления, но нападение прекратилось.

Бахранк сбавил скорость и глубоко, от всего сердца, вздохнул.

— Я знал, что они попытаются это сделать.

В голосе его прозвучали одновременно и облегчение, и веселье.

Маккай, потрясенный прикосновением смерти, не смог издать ни звука. Их тенистый путь змеился через джунгли, выводя на открытое пространство, и это дало возможность Маккаю прийти в себя. К этому времени он не знал, что и сказать. Он не мог понять веселости Бахранка, отсутствия продолжительного интереса к столь жестокой угрозе.

Немного погодя они выбрались на нетронутую наклонную равнину, ровную и зеленую, словно лужайка в парке. Она полого сбегала вниз к тонкой завесе растительности, через которую Маккаю был виден серебристо-зеленый узор реки. Однако, что привлекло и задержало внимание Маккай, так это выщербленные, без окон, стены крепости, вздымавшейся над равниной на середине расстояния. Она возвышалась над скрывающей реку растительностью. К ним протянулись снабженные подпорками вышки, замыкая черный металлический барьер.

— Это наши ворота,— сказал Бахранк.

Он повернул машину налево, став по центру между вышками.

— Девятые ворота, теперь через трубу, и мы дома,— сказал Бахранк.

Маккай кивнул. Стены, трубы и ворота: это были ключи к обороне Чу. У них на Досади были «барьерные и крепостные взгляды». Эта труба, видать, проходит под рекой. Он попытался определить ее положение на карте, которую люди Аритча внедрили в его мозг. Ему полагалось знать географию этого места, его геологию, религии, социальные структуры, сокровенное расположение систем защиты стран каждого острова, но он обнаружил, что ему трудно определить свое местоположение на этой мысленной карте. Он наклонился вперед у щели, всматриваясь вверх, когда машина начала набирать скорость, и увидел огромный центральный шпиль с горизонтальными часами. Все часы инструктажа по карте встали на место.

— Да, девятые ворота.

Бахранк был слишком занят управлением, чтобы ответить.

Маккай бросил взгляд на крепость и едва не задохнулся.

Грохочущая машина неслась вниз по склону в пугающем темпе, нацелившись напрямик в черный металлический барьер. В последнее мгновение, когда они, казалось, должны были врезаться в него, барьер подскочил вверх. Они влетели в тускло освещенную трубу. Ворота с грохотом закрылись за ними. Под гусеницами машины громко скрежетал металл.

Бахранк сбавил скорость и передвинул рычаг рядом с собой. Машина поднялась на колеса, и шум резко уменьшился, отчего Маккаю показалось, что он оглох. Ощущение это усилилось, когда он сообразил, что Бахранк уже несколько раз ему что-то сказал:

— Джедрик говорит, ты прибыл из-за дальних гор. Это правда?

— Джедрик это говорит.— Он постарался, чтобы это прозвучало неправильно, но получилось почти вопросительно.

Впрочем, Бахранк сосредоточился на своих мыслях, ведя машину по прямой по скрежещущему полу тусклой трубы.

— Ходят слухи, что вы, ободники, заложили там тайное поселение, что вы пытаетесь построить свой собственный город.

— Интересные слухи.

— Думаешь, не так?

Единственная линия светильников над головой в трубе оставляла внутренность кабины более темной, чем снаружи, освещенной лишь слабыми отражениями от инструментов и циферблатов. Но у Маккая было странное ощущение, что Бахранк отчетливо его видит и изучает каждое выражение его лица. Несмотря на невозможность этого, мысль эта не исчезала. Что стоит за испытующими вопросами Бахранка?

ПОЧЕМУ У МЕНЯ ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО ОН ВИДИТ МЕНЯ НАСКВОЗЬ?

Эти тревожные догадки закончились, когда они вырвались из трубы на улицы Уоррена. Бахранк развернул машину направо вдоль узкого проезда в глубокой серой тени.

Хотя Маккай видел много изображений этих улиц, действительность усугубила его дурные предчувствия. Такие грязные... угнетающие... так много людей. Они были повсюду!

Бахранк теперь медленно вел машину на бесшумных колесах, подняв гусеницы над мостовой. Большая машина осторожно прокладывала себе путь по узким улочкам, мощенным некоторые камнем, а некоторые — блестящими черными плитами. Все улицы были затенены нависающими верхними ярусами, чью высоту Маккай не мог оценить через щели. Он видел запертые и охраняемые магазины. Случайные лестницы, тоже охраняемые, вели вверх или вниз в отталкивающую темноту. Эти улицы заполняли только люди, и ни у одного из них не было на лице выражения случайного прохожего. Сжатые челюсти непреклонных ртов. Глаза тяжелым, вопрошающим взглядом всматриваются в проезжающую мимо машину. И женщины, и мужчины были одеты в универсальную, темную, цельную одежду из Трудового Резерва.

Заметив интерес Маккая, Бахранк заговорил:

— Это Человеческий анклав, а у тебя водитель — Говачин.

— Они могут видеть нас внутри?

— Они знают. И грядут неприятности.

— Неприятности?

— Говачины против Человека.

Это ужаснуло Маккай, и он задумался, что если это

источник тех предвестников беды, которые не объясняют Аритч и его помощники: разрушение Досади изнутри. Но Бахранк продолжал:

— Существует все растущее разделение между Людьми и Говачином, хуже чем когда-либо. Может быть, ты последний Человек, едущий со мной.

Аритч и компания подготовили Маккая к жестокости, голоду и недоверию на Досади, но они ничего не сказали о противостоянии видов друг другу... лишь то, что некто, чье имя они отказались назвать, может разрушить это место изнутри. Что пытался сказать ему Бахранк? Маккай не осмелился подвергать испытанию свое невежество, и эта несостоятельность пугала его.

Бахранк тем временем осторожно вывел машину из узкого проезда на улицу пошире, заполненную тележками с грудой зелени на каждой. При приближении бронированной машины тележки медленно сдвигались в сторону, и в глазах людей, отодвигавшихся вместе с тележками, была откровенная ненависть. Обилие людей изумило Маккая: на каждую тележку (а он сбился со счета, не проехав и квартала) приходилось по меньшей мере сотня людей, толпящихся вокруг, вздымающих ввысь руки, кричащих на людей, стоявших кольцом, плечо к плечу, вокруг каждой тележки, прижавшись спинами к груди содержимого и, очевидно, охраняющих это содержимое.

Маккай, уставившись на тележки, сообразил, потрясенный узнаванием, что смотрит на тележки, заваленные отбросами. Толпы людей покупали отбросы.

Бахранк снова сыграл роль туристического гида.

— Это так называемая Улица Голода. Это самые отборные отбросы, лучшие.

Маккай припомнил, как один из помощников Аритча говорил, что здесь есть рестораны, специализирующиеся на отбросах из отдельных зон города, что никакая пища, не содержащая яда, не пропадает.

Проплывающая мимо сцена приковала внимание Маккая: суровые лица, крадущиеся движения, ненависть и едва сдерживаемая жестокость, все это вовлекалось в нормальной коммерческой операции на основе отбросов. А количество этих людей! Они были повсюду вокруг: в дверных проемах, охраняющие и толкающие тележки, отпрыгивающие с дороги Бахранка. Нос Маккая атаковали новые запахи, острое зловоние, вонь, подобной которой он до сих

пор не испытывал. Еще одно удивило его: внешнее впечатление старины в этом Уоррене. Маккай задумался, воспринимает ли эту древность все население города, согнанное снаружи угрозами. По стандартам Консента, население Чу живет здесь лишь в течение немногих поколений, но город выглядит старше, чем любой, виденный им прежде.

Машина внезапно покачнулась, когда Бахранк повернул на узкую улицу и остановил ее. Маккай, выглянув в щель справа от себя, увидел арочный вход в запачканное сажей здание и лестницу, ведущую вниз во мрак.

— Там, внизу, ты встретишься с Джедрик,— сказал Бахранк.— Вниз по этой лестнице, вторая дверь налево. Это ресторан.

— Как я ее узнаю?

— Разве тебе не рассказали?

— Я...— Маккай оборвал себя. Он видел изображения Джедрик во время инструктажа на Тандалуре и теперь сообразил, что пытается оттянуть момент расставания с бронированным коконом Бахранка.

Казалось, Бахранк это почувствовал.

— Не бойся, Маккай. Джедрик тебя узнает. И, Маккай...

Маккай повернулся и взглянул в лицо Говачина.

— Иди прямо в ресторан, займи место и жди Джедрик. Без ее покровительства ты здесь долго не выживешь. У тебя темная кожа, а некоторые люди скорее предпочтут в этом районе зеленую, чем темную. Здесь помнят Ворота Пэйлаша. Пятнадцати лет недостаточно, чтобы изгладить это из их памяти.

В инструктаж Маккай не было включено ничего насчет Ворот Пэйлаша, и теперь он не осмелился спросить.

Бахранк сдвинул переключатель, открывший Маккаю дверь. Уличная вонь немедленно усилилась до почти невыносимой степени. Бахранк, видя, что он колеблется, резко сказал:

— Быстро выходи!

В состоянии какого-то обонятельного изумления Маккай спустился и обнаружил, что стоит на одной из сторон улицы, являя собой объект повсеместных подозрительных взглядов. Зрелище Бахранка, ведущего машину прочь, обрезало последнюю связь с Консентом и всеми хорошо знакомыми вещами, что могли бы защитить его. Никогда за свою долгую жизнь Маккай не чувствовал себя так одиноко.

Никакая правовая система не может поддерживать справедливость, если каждый участник — судьи, обвинители, Легумы, защитники, свидетели, — все они не рискуют жизнью сами в каком бы то ни было обсуждении, происходящем перед судебным барьером. В Судебном Зале нужно рисковать всем. Если какой-то элемент остается вне спора и без личного риска, правосудие неизбежно прогрызает.

Закон Говачина

Незадолго до заката пошел мелкий дождь, продолжавшийся и в темноте, а потом унесенный жадным ветром, очистившим небеса Досади. Он оставил после себя хрустальный воздух; на улицах капало в лужи с карнизов. Даже вездесущая вонь Уоррена ослабела и обитатели Чу, двигаясь вдоль улиц, демонстрировали хищную легкость.

Возвращаясь в штаб на бронетранспортере, где ехали лишь его наиболее доверенные Говачины, Брой отметил чистый воздух, даже несмотря на то, что он размышлял над сообщением, заставившим его сорваться с Холмов Совета. Войдя в комнату совещаний, Брой увидел, что там уже был Гар. Тот стоял спиной к темному окну, выходившему на восточные утесы. Брой задумался, давно ли Гар там находился. Ни человек, ни Говачин не проявили никаких признаков узнавания, но это только подчеркнуло растущее разделение видов. Оба они видели сообщения, содержащие ту наиболее тревожную информацию: убийство двойного агента-человека при обстоятельствах, указывающих на самого Броя.

Брой прошел во главу стола для совещаний и щелкнул переключателем, активирующим его коммуникатор, обратившись к видимому лишь ему экрану.

— Созовите Совет на совещание.

Ответом было искаженное жужжание, профильтрованное через скремблеры и приглушенное конусом уединения. Гар, стоя на другом конце комнаты, не смог бы выделить смысла из доносящегося по коммуникатору шума.

Ожидая, пока члены Совета выйдут на связь для совещания, Брой уселся к коммуникатору, вызвал на экран помощника-Говачина и говорил с ним приглушенным голосом, замаскированным конусом уединения.

— Начните проверку службой безопасности всех

людей, чье положение может позволить им угрожать нам. Используйте план Д.

Брой взглянул на Гара. Рот человека молча шевелился. Он был раздражен конусом уединения и своей неспособностью точно сказать, что делает Брой. Брой продолжал разговаривать со своим помощником.

— Я хочу, чтобы специальные силы развернулись, как я вам ранее рассказывал... Да...

Гар демонстративно повернулся спиной к этой беседе и устоялся в ночь.

Брой продолжал обращаться к помощнику на экране.

— Нет! Мы должны включить даже людей, участвующих в этом совещании. Да, это то сообщение, что сделал мне Гар. Да, я тоже получил эту информацию. Ожидается, что остальные люди взбунтуются и выгонят своих соседей-Говачинов, и последуют репрессии. Да, так я и подумал, когда увидел это сообщение.

Брой отключил конус уединения и скремблер. На его экране как раз появилась с оверрайдом Трайа, прервав его беседу с помощником по безопасности. Она говорила приглушенно, с поспешностью в голосе, так что стоящий в другом конце комнаты Гар мог разобрать лишь немногие слова. Но подозрения Броя становились очевидными. Он выслушал Трайу, потом произнес:

— Да... было бы логично предположить, что подобное убийство совершено так, чтобы походить на работу Говачина для... Понимаю. Но разбросанные случайности, которые... В самом деле? Что ж, при таких обстоятельствах...

Он оставил мысль незавершенной, но его слова провели черту между людьми и Говачинами, даже на высших уровнях его Консультативного Совета.

— Трайа, я должен принять собственное решение по этому вопросу.

Пока Брой говорил, Гар поднял кресло и поставил его возле коммуникатора, и потом сел. Однако Брой закончил свой разговор с Трайей и восстановил контур уединения, и даже сидя поблизости, Гар не мог проникнуть сквозь их защитный экран. Хотя теперь он было достаточно близко, чтобы слышать гудение системы уединения, и этот звук раздражал Гара. Он и не пытался скрыть свое раздражение.

Брой видел Гара, но не подавал виду, что одобряет или не одобряет его близость.

— Так, я понял,— сказал Брой.— Да... издам эти приказы, как только закончу здесь. Нет... Согласен. Это будет лучше всего.— Он выключил контур. Раздражающее гудение прекратилось.

— Джедрик намеревается натравить Говачина против людей, людей против Говачина,— сказал Гар.

— Если это так, то этому предшествовали долгие тайные приготовления,— сказал Брой.

Его слова подразумевали многое: что в высших кругах был заговор, что ситуация подошла к опасному моменту, не будучи замеченной, что теперь нельзя предвидеть все инерциальные силы.

— Ты полагаешь, что будет еще хуже,— сказал Гар.

— Многообещающе.

Гар долго, пристально смотрел на него, потом:

— Да.

Было ясно, что Брою нужно было, чтобы сложились вполне определенные условия, обеспечивающие четкое предвидение главных последствий. Он был к этому готов. Когда Брой понял, что ситуация его удовлетворяет, он воспользовался своей неоспоримой властью, чтобы приобresti как можно больше за время неразберихи.

Гар нарушил молчание.

— Но что, если мы неправильно поняли намерения Джедрик?

— Это помогает нам, когда страдает невинный,— сказал Брой, перефразировав часть старой аксиомы, известной каждому досадищу.

Гар закончил за него мысль.

— Но кто же невиновен?

Прежде, чем Брой смог ответить, на его экране засветились лица его Совета, каждое лицо в своем квадратике. Брой быстро провел совещание, позволяя лишь немногие помехи. Не было никаких домашних арестов, никаких обвинений, но его слова и поведение разделили их по видам. Когда он закончил, Гар представил себе свалку, которая должна была завариться сразу после в Чу, пока власти имущие соберут свои силы защиты.

Не зная, как он это ощутил, Гар почувствовал, что это было именно то, что нужно было Джедрик, и что со стороны Броя было ошибкой усиливать напряжение.

Выключив коммуникатор, Брой сел обратно и с большой осторожностью обратился к Гару:

— Трайа говорит, что Джедрик не могут найти.
— Разве мы этого не ожидали?
— Возможно,— Брой надул щеки.— Чего я не понимаю, так это того, как простой Лиантор смог ускользнуть от моих людей и Трайи.

— Думаю, мы недооценили эту Джедрик. Что, если она происходит из...— Его подбородок дернулся к потолку.

Брой это допускал. Он наблюдал за допросом Бахранка на защищенном посту глубоко в Холмах Совета, когда его прервал вызов в штаб. Накопившиеся сообщения указывали на какие-то неприятности, знакомые Чу в различные времена, но никогда не достигавшие такой мощи. А информация Бахранка была неутешительной. Он доставил этого внедренца с Обода по имени Маккай по такому-то и такому-то адресу. Безопасность не смогла проверить это вовремя из-за бунта. Убеждения Бахранка были очевидными. И возможно, Ободники ПЫТАЛИСЬ построить свой собственный город за горами. Брой считал это невероятным. Его источники в Ободе оказались, в общем, заслуживающими доверия, а его особый источник был надежен всегда. Кроме того, подобная авантюра потребовала бы гигантских запасов пищи, все это при условии подверженности регулярному учету. Это, в конце концов, было функцией Лиантора, почему он должен... Нет, это невозможно. Обод существовал на худших отбросах Чу и на том, что смог вырвать у ядовитой почвы Досади. Нет... Бахранк был не прав. Этот Маккай странный, но в совершенно ином отношении. И Джедрик это должно было быть известно прежде кого бы то ни было,— за исключением его самого. Первостепенным вопросом оставалось: кто ей помог?

Брой вздохнул.

— Мы давно знаем друг друга, Гар. Личность твоей силы, пробившая себе путь из Обода через Уоррены...

Гар понял. Ему говорили, что Брой взирает на него с активным подозрением. Между ними никогда не было настоящего доверия, но зато было кое-что еще: ничего открыто не сказано, ничего прямого или особенного, но смысл ясен. Это даже не было коварство, это просто была Досади.

Какое-то мгновение Гар не знал, куда повернуть. В его взаимоотношениях с Броем эта возможность всегда присутствовала, но долгое общение убаюкало Гара до опасной зависимости. Трайа была его самой ценной фишкой. Он

нуждался в ней сейчас, но у нее были другие, гораздо более настоятельные, обязанности в данный момент.

Гар сообразил, что ему придется ускорить свои собственные планы, взыскать все долги и обязательства, что ему причитались. Его отвлек шум множества людей, спешащих мимо во внешнем холле. По-видимому, вещи приходили в голову быстрее, чем ожидалось.

Гар встал и рассеянно уставился в окна на те темные тени в ночи, что были утесами Обода. Дожидаясь Броя, Гар наблюдал, как там опускается темнота, наблюдал за появлением оранжевых пятен там, где были очаги Обода. Гар знал эти очаги, знал вкус пищи, приготовленной на них, знал изматывающее уныние, царящее над существованием там, снаружи. Неужели Брой ожидает, что он вернется туда? Брой был бы изумлен альтернативами, открытыми для Гара.

— Теперь я тебя покину, — сказал Брой. Он поднялся и вперевалочку вышел из комнаты. Он хотел сказать вот что: «Чтоб тебя здесь не было, когда я вернусь».

Гар продолжал смотреть в окно. Казалось, он погрузился в раздраженную мечтательность. Почему Трайа до сих пор не докладывает? Вошел один из Говачинов, помощников Броя, и засуетился над бумагами на столе в углу.

На самом деле Гар оставался стоять таким образом не более пяти минут. Немного погодя он встряхнулся, повернулся и удалился из комнаты.

Едва только он шагнул во внешний проход, как мимо него в комнату совещаний ворвался отряд Говачинов Броя. Они дожидались, пока Гар уйдет.

Злясь на себя за то, что он знал, ему надлежит сделать, Гар повернул налево и зашагал по холлу к комнате, где, как ему было известно, он найдет Броя. Трое Говачинов с нарукавными повязками Безопасности следовали за ним, но не вмешивались. Еще двое Говачинов охраняли дверь Броя, но они не решились остановить его. Власть Гара чувствовали здесь слишком долгое время. А Брой, не ожидая, что Гар последует за ним, не отдал особых распоряжений. Гар на это и рассчитывал.

Брой, инструктирующий группу помощников-Говачинов, стоял над заваленным картами столом. Желтый свет от светильников над головой играл переменчивыми тенями на картах, когда помощники склонялись над столом и

делали пометки. Брой прервал инструктаж, явно удивленный.

Гар заговорил, прежде чем Брой смог распорядиться, чтобы его вывели.

— Я все еще нужен тебе, чтобы удержать тебя от совершения величайшей ошибки в твоей жизни.

Брой выпрямился, ничего не говоря, но в молчании его было приглашение Гару продолжать.

— Джедрик играет тобой, как на отличном инструменте. Ты делаешь в точности то, чего она от тебя хочет.

Брой надул щеки. Пожатие плечами разозлило Гара.

— Когда я впервые пришел сюда, Брой, то принял определенные меры предосторожности. Это страховка моего здоровья, на случай если ты попытаешься применить насилие.

Брой снова изобразил это доводящее до безумия Говачинское пожатие плечами. Все такое приземленное. Почему этот глупый человек до сих пор жив и на свободе?

— Ты никогда не был в состоянии выяснить, что же я сделал, чтобы обезопасить себя от тебя,— сказал Гар.— У меня нет пагубных пристрастий. Я человек гордый и, естественно, у меня есть средства умереть прежде, чем твои специалисты по боли смогут одолеть мой разум. Я сделал все, чего ты мог ожидать от меня... и кое-что еще, что тебе отчаянно нужно узнать.

— Я предпринял свои собственные предосторожности, Гар.

— Разумеется, и я допускаю, что не знаю, что они из себя представляют.

— Так что ты предлагаешь?

Гар издал короткий смешок, вовсе не злорадный.

— Ты знаешь мои условия.

Брой покачал головой из стороны в сторону в совершенно человеческом жесте.

— Разделить с тобой руководство? Ты меня изумляешь, Гар.

— Твое изумление еще не достигло своих пределов. Ты не знаешь, что я на самом деле сделал.

— И что же?

— Не удалиться ли нам в более уединенное место, чтобы спокойно все обсудить?

Брой посмотрел на своих помощников и взмахом руки приказал им удалиться.

— Будем говорить здесь.

Гар подождал, пока не услышал, что за последним уходящим помощником захлопнулась дверь.

— Ты, наверное, знаешь о фанатиках смерти, которых мы подготовили в человеческом анклав.

— Мы знаем, что с ними делать.

— При соответствующей мотивации фанатик может хранить большой секрет, Брой.

— Не сомневаюсь. Ты собираешься теперь открыть подобный секрет?

— Годами мои фанатики жили на урезанном рационе, сохраняя и экспортируя излишки в Обод. У нас там, снаружи, достаточно пищи, мегатонны. Имея целую планету, для того чтобы это спрятать, тебе понадобится много времени, чтобы все отыскать. Городская пища, и мы будем...

— Еще один город!

— Больше того. У нас есть оружие, какое только мы смогли собрать в Чу.

Жаберные щели Броя позеленели от злости.

— Так ты никогда не оставлял Обод?

— Рожденный в Ободе не может об этом забыть.

— После всего, что сделал для тебя Чу...

— Я рад, что ты не сослался на богохульство.

— Но ведь с нами говорил Бог Стены!

— Разделяй и властвуй, подразделяй и властвуй более властно, раздробь и властвуй абсолютно.

— Это не то, что я имел в виду.— Брой несколько раз глубоко вздохнул, чтобы восстановить душевное равновесие.— Один и только один город. Вот данный нам наказ.

— Но другой город будет построен!

— Будет ли?

— Мы покопались на заводах, чтобы обеспечить себя собственным оружием и пищей. Если ты атакуешь наших людей в Чу, мы атакуем тебя снаружи, разнесем ваши стены и...

— Что ты предлагаешь?

— Открытое сотрудничество по разделению видов. Один город для Говачинов, один для людей. Тогда то, что вы творите в Чу, станет вашим собственным делом. Но скажу тебе, в новом городе мы избавим себя от Демопола и его аристократии.

— Создадите новую аристократию?

— Возможно. Но мои люди будут умирать, видя сво-

боду, которую мы разделяем. Мы больше не будем предоставлять Чу свои тела!

— Так вот почему все ваши фанатики уроженцы Обода.

— Вижу, что ты еще не понимаешь, Брой. Мои люди не просто уроженцы Обода. Они желают, даже ЖАЖДУТ умереть за свое видение.

Брой обдумал это. Трудная концепция для Говачина, чей грех Гралуса всегда трансформировался в основательное уважение к стремлению выжить. Но Брой видел, к чему ведут слова Гара, и вызвал в уме образ волн человеческой плоти, бросающихся на все противостоящее, не сдерживаемые ни болью, ни смертью, ни выживанием в любом отношении. Они вполне могут захватить Чу. Мысль о бесчисленных иммигрантах из Обода, живущих внутри стен Чу в готовности к подобной жертве, наполнила Броя глубоким беспокойством. Потребовался усиленный самоконтроль, чтобы скрыть эту реакцию. Он ни на мгновение не усомнился в рассказе Гара. Это было нечто как раз в духе сухопарых Ободников. Но зачем Гар сейчас все это рассказывает?

— Что, Джедрик распорядилась подготовить меня к...

— Джедрик не является частью нашего плана. Она усложняет нам задачу. Но та разновидность неразберихи, которую она спровоцировала, есть как раз то, чем мы можем воспользоваться лучше вас.

Брой соотнес это с тем, что знал о Гаре. Он решил, что это обоснованно, но не дает ответа на основной вопрос.

— Почему?

— Я не готов жертвовать своими людьми,— сказал Гар.

Это отдавало полуправдой. Гар не раз демонстрировал, что может принимать нелегкие решения. Но несомненно, там, среди его орд фанатиков, были многие, обладающие определенными умениями, которые он предпочел бы не терять — пока. Да, Гар мыслил именно таким образом. И Гару следовало бы знать глубокое уважение к жизни, созревающее в груди Говачина после очищающего безумия. Говачин тоже мог бы принимать кровавые решения, но вина... о, чувство вины... Гар рассчитывает на чувство вины. Наверное, он слишком на многое рассчитывает.

— Ты, конечно, не ждешь, что я приму открытое и активное участие в вашем проекте города для Обода.

- Если и не открытое, тогда пассивное.
- И ты настаиваешь на разделении руководства Чу?
- На время.
- Невозможно!
- По существу, если не по названию.
- Ты был моим советником.
- Ты начнешь распри между нами с помощью Джедрик, выжидающей, чтобы подобрать все, что она сможет заполнить от нас?
- Эээ... — Брой кивнул.

Так вот в чем дело! Гар не является частью этой затеи Джедрик. Он боится Джедрик, даже больше чем Броя. Это дало Брою повод для осторожности. Гара не легко испугать. Что он знает о Джедрик такого, чего неизвестно Брою? Но теперь есть весомая причина для компромисса. Ответ на вопрос можно получить и позднее.

— Ты останешься моим главным советником, — сказал Брой.

Это было приемлемо. Гар подтвердил свое согласие отрывистым кивком.

Однако компромисс оставил ощущение пустоты в пищеварительных узлах Броя. Гар знал, что им манипулировали, чтобы он выдал свой страх перед Джедрик. Он мог быть уверен, что Брой попытается нейтрализовать проект города для Обода. Но размах заговора Гара превзошел все ожидания, оставив слишком много неясностей. Нельзя было принять правильное решение на основании недостаточных данных. Гар отдал информацию, не получив ничего ценного взамен. Это было на него не похоже. И правильно ли было все произошедшее здесь истолковано? Брой знал, что ему следует разобраться с этим, рискуя одним куском информации в качестве приманки.

— В Уоррене недавно было нарастание мистических впечатлений у Говачинов.

— Мог бы придумать что-нибудь и получше, чем пробовав на мне эту религиозную чепуху!

Гар действительно злился.

Брой не стал показывать, что это его позабавило. Значит, Гар не знает (или не приемлет), что Бог Стены иногда сотворяет иллюзии среди своей паствы. Что Бог правдиво говорит со своим помазанником и даже отвечает на некоторые вопросы.

Многое было здесь открыто. Больше, чем подозревал

Гар. Бахранк прав. И Джедрик тоже наверняка известно о проекте города Гара. Возможно, что Джедрик сама спровоцировала Гара на то, чтобы он раскрыл свой заговор Брою. Но этого явно было недостаточно, чтобы так его испугать.

«Для чего Бог открыл это мне? — подумал Брой. — Меня испытывают?»

Да, это должно было быть ответом. Теперь все определено.

«Я буду делать то, что советует Бог».

Люди всегда придумывают свои собственные оправдания. Фиксированный и неподвижный Закон просто обеспечивает удобную структуру, чтобы вешать внутри ее ваши оправдания, а за ними — предрассудки. Единственным универсально приемлемым Законом для смертных был бы тот, который соответствовал бы каждому оправданию. Что есть явная чепуха. Закон должен выявлять предрассудки и спорные оправдания. Таким образом, Закон должен быть гибким, должен изменяться, чтобы приспособливаться к новым требованиям. В противном случае он становится просто оправданием сильного.

Закон Говачина (перевод Бюсаба)

После отъезда Бахранка Маккаю потребовалось несколько секунд, чтобы восстановить ощущение целенаправленности. Над ним поднимались высокие и массивные здания, но расщелина, идущая на запад, позволяла клину солнечного света проникнуть на узкую улицу через завитки растительности этого Уоррена. Свет отбрасывал густые тени от каждого предмета, подчеркивая давление людского движения. Маккаю не нравилось, как на него смотрят люди. Словно каждый оценивал его с точки зрения какой-то личной выгоды.

Маккай медленно проталкивался через текущую мимо толпу к арочному входу. Он старался наблюдать за окружающими так, чтобы не привлекать внимания. После всех лет в Бюсабе, после всех тренировок и опытов, подготовивших его для столь утонченно влиятельного агентства, Маккай приобрел великолепное знание видов, которые входили в Консент. Он извлекал теперь это знание, ощущая мощную секретность, которая руководила этими людьми. К сожалению, его опыт был насыщен знаниями о

том, как вид может обращаться с другим видом, не говоря уже о том, что вид может сотворить сам с собой. Люди вокруг него, согласно его впечатлению, находились на грани взрыва.

Двигаясь в постоянной готовности защищать себя, Маккай спустился на короткий лестничный пролет в прохладные тени. Здесь легче было двигаться, но запахи гнили и плесени усилились.

«Вторая дверь налево».

Маккай пошел к дверному проему, куда направил его Бахранк. Он увидел там еще одну лестницу вниз. Почему-то это испугало Маккай. Чу вовсе не напоминал тот город, что нарисовали ему люди Аритча. Неужели они попытались его обмануть? А если так, то почему? Возможно ли, что они сами не знали этого города? Количество ответов на этот вопрос заставило Маккай содрогнуться. А если наблюдатели, засланные на Досади, предпочли извлечь личную выгоду из местного обучения?

За всю свою карьеру Маккай никогда прежде не пересекал мир, настолько полно отрезанный от остальной вселенной. Эта планета ОДИНОКА, лишена многих приятностей, украшающих прочие миры Консента. Здесь нет прыжковых дверей. Никакого скопления известных видов, никаких утонченных удовольствий или изощренных ловушек, которые захватывали бы обитателей других миров. Досади развивалась своим собственным путем. Инструкторы на Тандалуре слишком часто предупреждали, что это одинокие ПРИМИТИВЫ, вырвавшись во вселенную, одержали бы верх над Консентом.

«Их ничто не сдерживает. Ничто».

Наверное, это было преувеличением. Кое-что ограничивало досадийцев физически. Но их не сдерживали обычаи или нравы Консента. Здесь можно было приобрести все: любой запретный порок, какой только можно придумать. Эта мысль преследовала Маккай. Он думал об этом и о бесчисленных зельях, к которым имели пристрастия многие досадийцы. Мощный рычаг воздействия, который находился в руках беспринципных, ужасал.

Однако он не рискнул остановиться здесь, сражаясь со своей нерешительностью. Маккай шагнул в лестничную клетку с самоуверенностью, которой он не чувствовал, когда следовал указаниям Бахранка. У него не было другого выхода. Нижняя площадка была более широкой, в

глубоких тенях, с единственным источником света на черной двери. В креслах рядом с дверью дремали двое людей. Третий сидел на корточках рядом с ними, держа в руках то, что выглядело как огнестрельное оружие.

— Меня вызывала Джедрик,— сказал Маккай.

Охранник кивнул, позволяя пройти.

Проходя мимо, Маккай посмотрел на оружие. Длинная трубка с металлической коробкой на тыльной стороне и плоским курком, который удерживал большой палец охранника. Маккай чуть было не споткнулся. Это бомба мертвеца! Несомненно. Если палец охранника ослабнет, то взрыв убьет всякого на лестничной площадке. Маккай посмотрел на двоих спящих. Как они могут спать при подобных обстоятельствах?

Вниманием его теперь завладела черная дверь со своей единственной тусклой лампочкой. Все виды вони здесь перебивал сильный запах крепко приправленной стряпни. Маккай видел, что это была тяжелая дверь с поблескивающим глазком на уровне лица. При его приближении она распахнулась. Маккай шагнул в огромную комнату с низким потолком, заполненную — НАБИТУЮ БИТКОМ! — людьми. Они сидели за поставленными на козлы столами. Места было только-только пройти между скамьями. И везде, куда только ни смотрел Маккай, он видел людей, переправляющих ложки в свои рты содержимое небольших чашек. Официанты и официантки спешили по узким проходам, хлопая полными чашками о столы и убирая пустые.

Всей этой сценой руководила толстая женщина, сидевшая за небольшим столом на платформе слева от него. Она устроилась таким образом, чтобы держать под наблюдением входную дверь, всю комнату и вращающуюся дверь в боковой стене, через которую носился взад и вперед обслуживающий персонал. Она была чудовищная женщина и занимала свое положение так, словно никогда и не была нигде больше. Действительно, Маккаю легко было себе представить, что женщина и не может сдвинуться со своего места. Руки ее распухли в тех местах, где они выдавливались из коротких рукавов рабочего комбинезона. Щиколотки ее нависали складками на верх ее туфель.

ЗАЙМИ МЕСТО И ЖДИ.

Бахранк предупредил четко и ясно.

Маккай поискал просвет на скамьях. Прежде, чем он

смог шевельнуться, толстая женщина заговорила писклявым голосом.

— Твое имя?

Маккай посмотрел в прямо в глазки-бусинки, обрамленные толстыми складками жира.

— Маккай.

— Так и думала.

Она подняла палец. Откуда-то появился юный мальчик. Ему было не больше девяти лет, но в его глазах отражалась мудрость старика. Мальчик стоял, ожидая инструкций.

— Это он. Проводи его.

Мальчик повернулся. Он даже не посмотрел, следует ли за ним Маккай, и поспешил по узкому проходу туда, где двери качались взад-вперед, чтобы дать проход служащим. Маккай чуть не столкнулся с официантами. Его провожатый рефлекторно отскакивал в сторону всякий раз, когда дверь открывалась.

Еще одна черная дверь с глазком располагалась в конце этого прохода. За ней был небольшой коридор, с запертыми боковыми дверями. Коридор упирался в стену. Глухая стена скользнула перед ними в сторону, и они спустились на узкую, облицованную булыжником дорогу. Путь освещали большие лампы, расположенные вверху. От стен несло сыростью и вонью. Изредка попадались широкие помещения с охраной. Спустя некоторое время они выбрались в еще один небольшой коридор с боковыми дверьми. Мальчик открыл вторую дверь справа, подождал, пока Маккай войдет, и закрыл ее за собой. Все это было сделано молча. Маккай услышал, как вдали стихли шаги мальчика.

Комната была маленькой и тускло освещенной светом из окошка, расположенного высоко в стене напротив двери. Почти все пространство занимал стол на козлах около двух метров длиной. По обе его стороны располагались скамьи и кресла. Стены из серого камня не были украшены. Маккай прошел к креслу и сел. Несколько минут он продолжал молча сидеть, изучая это место. В комнате было холодно: Говачинская температура. Одно из высоких окон позади него треснуло, и сквозь него доносился уличный шум: проезжающий тяжелый транспорт, спорящие голоса, шарканье множества ног. Ощущение Уоррена, который словно втиснулся в эту комнату, усили-

лось. Из-за единственной двери Маккай слышал звяканье посуды и звуки, напоминавшие шипение пара.

Немного погодя дверь открылась и в комнату проскользнула высокая стройная женщина. На мгновение, когда она повернулась, свет из окон осветил ее лицо. Потом женщина села на правую скамью, спрятавшись в тени.

Маккай никогда прежде не видел у женщин столь твердых черт лица. Она была хрупкой скалой с хрустальными глазами бледнейшего голубого цвета. Ее черные волосы были коротко острижены. Маккай содрогнулся. Твердость ее тела усиливалась суровым выражением лица. Это не была суровость страдания, не одно это, но что-то, корнящееся в какой-то агонии, которая может взорваться от легчайшего прикосновения. На мирах Консента, где гериатрия была хорошо развита, ей можно было дать от тридцати пяти до ста тридцати пяти. Тусклый свет затруднял осмотр, но Маккай заподозрил, что ей меньше тридцати пяти.

— Так Ты и есть Маккай.

Он кивнул.

— Твое счастье, что люди Адрила получили мое сообщение. Брой уже разыскивает тебя. Меня не предупредили, что ты такой темный.

Маккай пожал плечами.

— Бахранк предупредил, что ты можешь всех нас убить, если мы не проявим осторожности. Он говорил, что у тебя нет даже начальной тренировки по выживанию.

Это удивило Маккай, но он промолчал.

— По крайней мере, у тебя есть здравый смысл, чтобы не протестовать. Что ж...— Женщина вздохнула.— Добро пожаловать на Досади, Маккай. Возможно, мне удастся сохранить тебя в живых достаточно долго, чтобы ты мог принести какую-то пользу.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ДОСАДИ!

— Я Джедрик, как ты уже, без сомнения, знаешь.

— Я тебя знал.

Это было правдой лишь отчасти. Ни одно из виденных им изображений не передавало излучаемую ею безжалостную жестокость.

На губах Джедрика промелькнула легкая усмешка.

— Ты не реагируешь, когда я приветствую тебя на этой планете.

Маккай покачал головой. Люди Аритча особо напирали

на свое предписание: «Она не знает твоего происхождения. Ни при каких обстоятельствах нельзя рассказывать, что ты прибыл из-за Стены Бога. Результат немедленно станет фатальным».

Маккай продолжал молча смотреть на нее.

По лицу Джедрик промелькнуло более холодное выражение.

— Посмотрим. Теперь: Бахранк сказал, что у тебя с собой что-то вроде бумажника. У тебя есть валюта, спрятанная в одежде. Во-первых, отдай мне бумажник.

«Мой набор инструментов?»

Джедрик протянула к нему раскрытую ладонь.

— Предупреждаю, Маккай. Если я сейчас отсюда уйду, то ты проживешь не больше двух минут.

С чувством внутреннего протеста, он вытянул бумажник и протянул ей.

— А я предупреждаю тебя, Джедрик. Я единственный человек, который может это открыть, оставшись в живых и сохранив в целости содержимое.

Она приняла набор и повертела его в руках.

— В самом деле?

Маккай ее заинтересовал. Он был еще меньшим, чем Джедрик ожидала. Наивный, разумеется, невероятно наивный. Но все люди из-за Стены Бога были такими. Это самое простое объяснение. В ситуации на Досади крылось что-то глубоко неправильное. Людям за Стеной следовало бы подбирать кадры получше. Или этот Маккай из их лучших? Восхитительно.

Джедрик подошла к двери и постучала.

Маккай наблюдал, как она передала набор кому-то снаружи. Он слышал какой-то разговор, но смог разобрать его только наполовину. В мимолетное мгновение нерешительности Маккай подумал, не стоит ли воспользоваться чем-то из защитного арсенала набора. Но что-то в поведении Джедрик и неясность обстановки остановили его.

Джедрик вернулась на свое место с пустыми руками. Она какое-то время пристально смотрела на него, склонив голову на бок, потом сказала:

— Я кое-что тебе скажу. Это, в некотором смысле, проверка. Если ты провалишься, то гарантирую, что на Досади ты долго не проживешь. Понятно?

Маккай промолчал, и Джедрик стукнула кулаком по столу.

— Понятно?

— Говори, что тебе нужно сказать.

— Очень хорошо. Для меня очевидно, что те, кто инструктировал тебя насчет Досади, предупреждали, чтобы ты не раскрывал своего истинного происхождения. Тем не менее, большинство из тех, кто поговорит с тобой больше нескольких секунд, сразу заподозрят, что ты не один из нас. Подобных тебе не найдешь ни в Чу, ни в Ободе, ни вообще на Досади.— Голос Джедрик приобрел новую жесткость.— Но я это знаю. Позволь сказать тебе, Маккай, что среди нас нет даже ребенка, который бы не сумел сообразить, что люди, изолированные на Досади, происходят не отсюда!

Маккай потрясенно уставился на нее.

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ.

Пока Джедрик говорила, он понял, что она рассказывает ему правду. Почему Аритч его не предупредил? Почему он сам этого не увидел? Если на Досади все было ядовито для людей и Говачинов то, разумеется, они родом не отсюда.

Прежде чем продолжить, Джедрик дала ему время переварить это.

— Среди нас есть твои соотечественники. Возможно, что некоторых мы еще не вычислили, они лучше тренированы. Но меня учили действовать только на основе уверенности. Насчет тебя я уверена. Ты не досадиец. Я поставила это под вопрос, и у меня есть нынешнее подтверждение моих собственных ощущений. Ты прибыл из-за Стены Бога. Твое поведение с Бахранком, с Адрилом, со мной...— Джедрик печально покачала головой.

«Аритч выдал меня за этого!»

Эта мысль принесла обратно вопрос, продолжавший изводить Маккаю — открытие Бюсабом Досадийского эксперимента. Так ли уж неуклюжи были Говачины? Сделали бы они подобные ошибки? Оригинальный план сокрытия этого проекта предполагал далеко идущие замыслы. Тем не менее, к агентам Бюсаба просочились ключевые факты. Маккай чувствовал, что переутомился, задавая одним и тем же вопросом. А теперь еще этот натиск Джедрик. Единственным подходящим ответом было, что люди Аритча с самого начала планировали поставить его в такое положение. Они умышленно допустили утечку информации о Досади. А их мишенью стал Маккай.

«С какой целью?»

— Могут ли нас подслушать? — спросил он.

— Не мои враги на Досади.

Маккай это обдумал. Джедрик оставила открытым вопрос, может ли подслушивать кто-либо из-за Стены Бога. Он в нерешительности поджал губы. Она с такой смехотворной легкостью отобрала у него его инструменты... тем не менее, какой у него выбор? Они ничего не получают из набора. Кто-то там, снаружи, один из подчиненных Джедрика умрет. Это может стать полезным эффектом и произвести впечатление на Джедрика. Маккай решил выиграть время.

— Я многое мог бы рассказать тебе. Я просто не знаю, с чего начать.

— Начни с того, что Расскажи, как ты прошел через Стену Бога.

Да, наверное, ее можно сбить с толку пространными рассказами о Калеканцах и дверях для прыжков. Ничто в Досадийском опыте не могло подготовить Джедрика к этому. Маккай вздохнул. Прежде, чем он заговорил, раздался стук в дверь.

Джедрик подняла руку, призывая к молчанию. Потом она наклонилась и отворила дверь. В комнату проскользнул тощий молодой мужчина с огромными глазами и тонкими светлыми волосами. Он положил инструменты Маккай на стол перед Джедриком.

— Это было не очень трудно, — сказал он.

Маккай шокированно уставился на набор. Тот лежал открытым, выставляя идеальный порядок своего содержимого на показ.

Джедрик жестом велела юноше сесть напротив. Она потянулась к лучемету.

Маккай больше не мог сдерживаться.

— Осторожно! Это опасно!

— Спокойно, Маккай. Ты ничего не знаешь об опасности.

Джедрик вытащила лучемер. Она изучила его, аккуратно вернула на место и посмотрела на молодого человека.

— Хорошо, Стигги. Расскажи мне.

Юноша быстро начал доставать из набора инструменты. С каждым он обращался правильно и объяснял его назначение.

Маккай старательно пытался уследить за беседой, но она велась на коде, ему непонятном. Однако их лица выглядели достаточно красноречиво. Досадейцы ликовали. Что бы там Стигги ни рассказывал насчет игрушек в наборе, это явно доставляло радость им обоим.

Сомнения, появившиеся во время поездки Маккай с Бахранком, достигли новой интенсивности. Ощущения укреплялись в нем как болезнь: беспокойство в желудке, нытье в груди и, напоследок, головная боль. Он некоторое время размышлял, не подхватил ли какой-нибудь досадейской болезни. Это не могла быть пища планеты, потому что Маккай еще ничего не ел. Когда он наблюдал за Джедриком и Стигги, то вдруг все понял. Реакция была попытками его собственной системы рассуждений отвергнуть что-то, какое-то предположение или набор предположений, воспринятых без сомнения. Маккай попытался опустошить свой ум, не задавая никаких вопросов. Пусть его сознание поглощает все, что может. Как ни как свежая оценка.

«Досади требует, чтобы ты был холодно жесток во всех своих решениях. Никаких исключений».

Что ж... Маккай позволил забрать инструменты в уверенности, что кто-нибудь погибнет, пытаясь открыть набор. Но ведь он предупредил. Предупреждение могло им и не помочь. Наверное, все-таки помогло.

«Я должен стать точь-в-точь как они, или не смогу выжить. И цель не будет достигнута».

Наконец Маккай почувствовал страх Аритча перед Досади, понял отчаяние Говачинов. Что за ужасный полигон для знакомства с властью и использования ее!

Джедрик и Стигги завершили свою беседу по поводу инструментов. Стигги закрыл набор и поднялся, держа его в руке. Он наконец начал разговаривать понятными Маккаю словами.

— Да, мы не должны терять времени.

Стигги ушел вместе с набором.

Джедрик повернулась к Маккаю. Набор инструментов и его содержимое помогли ответить на самый очевидный вопрос о Маккае и его происхождении. Люди за Стеной Бога были выродившимися потомками тех, кто изобрел подобные устройства. Это единственное объяснение. Джедрик почти пожалела этого бедного дурака. Но это была непозволительная эмоция. Его необходимо заставить

понять, что нет другого выбора, кроме как полностью подчиниться ей.

— Теперь, Маккай, ты ответишь на все мои вопросы.

— Да.

Это было полное повиновение, и Джедрик это прекрасно знала.

— Когда ты ответишь на все мои вопросы,— сказала она,— я дам тебе поесть и помещу в такое место, где ты будешь находиться в относительной безопасности.

На сердитого Броя, полного несдерживаемого гнева, стоило посмотреть. Большое количество его помощников-Говачинов имели это сомнительное удовольствие этой ночью. Сейчас он почти успокоился. Брой не спал уже два дня; но четвертая группа его помощников стояла перед ним в святилище, чтобы испытать в полной мере его недовольство ими. Слова уже прозвучали над их рядами, и они, как и все остальные, не пытались скрыть свой страх или желание восстановить хорошее отношение Броя.

Брой стоял у края длинного стола, за которым раньше встречался с Гаром и Трайей. Единственным видимым следом его бессонных часов было небольшое западение толстых бугорков между дыхательными отверстиями. Его взгляд был таким же острым, как и всегда, и его голос не утратил своей язвительности.

— Хотелось бы, чтобы мне объяснили, как это могло случиться без всякого предупреждения. И ведь мы не просто не сумели заметить это — мы продолжаем обрабатывать самодовольные доклады, доклады, прямо противоположные реальным событиям.

Помощники, скупившиеся у другого конца стола, все стоявшие, все нервничающие, не обманывались тем, что Брой использовал «Мы». Они понимали его ясно. Он говорил: «Вы! Вы! Вы!»

— Я не буду удовлетворен меньшим, чем информатор,— говорил Брой.— Я хочу иметь человека-информатора как в Чу, так и в Ободе. Мне наплевать, как вы найдете его. Мы должны найти этот склад пищи. Мы должны узнать, где они начали строить этот их богохульный город Ободного Сброда.

Один из его помощников, стройный молодой Говачин в первом ряду, отважился задать осторожный вопрос, кото-

рый много раз задавали в течение этой ночи другие сдержанные помощники.

— Если мы надавим слишком сильно на Людей в Уоррене, не приведет ли это к росту недовольства...

— Мы будем иметь больше восстаний, больше конфликтов между Говачинами и Людьюми,— согласился Брой.— Это положение дел, с которым мы склонны согласиться.

В этот момент они поняли, что Брой употребляет королевское «Мы». Брой склонен согласиться с таким положением дел. Некоторые из его помощников, так или иначе, были не готовы смириться с войной между расами внутри городских стен. Один из помощников в заднем ряду поднял руку.

— Возможно, нам нужно использовать только людей в Уоррене. Если мы...

— Кто сказал такую глупость? — воскликнул Брой.— Мы делаем необходимые шаги для поддержания нашего форпоста в Чу. У вас одна и только одна задача: найти этот склад пищи и тайные фабрики. А сейчас — вон отсюда! Я не желаю вас видеть, пока вы не доложите об успехе.

Они молча удалились.

Брой стоял и глядел вниз на пустой экран своего коммуникатора. Наконец-то оставшись один, он расслабил мышцы, тяжело дыша одновременно через рот и дыхательные отверстия.

«Какая неразбериха! Какая ужасная неразбериха!»

Глубоко в душе Брой понимал, что делает в точности то, что Джедрик хочет, чтобы он делал. Она не оставила ему другого выбора. Он мог только восхищаться тем, как она справлялась с ситуацией, пока он сидел и ждал откровения, которое, Брой знал, должно прийти. Но какой великолепный интеллект у этого человека. И к тому же женщины! Женщины Говачинов никогда не достигали таких вершин. Только в Ободе женщины Говачинов использовались не только для размножения. Женщины людей, с другой стороны, никогда не переставали поражать его. Эта Джедрик действительно умелый руководитель. Она единственный возможный кандидат в Электорат.

Брой обнаружил, что вспоминает тот жуткий момент осознания в Гралусе. Да, таковы пути мира. Если выбирать кандидата на выживание путем ужасного процесса тести-

рования, то погибнуть могут все. Это будет конец обеих рас. Конечно, только на Досади, но только Досади и имело значение.

Он ощущал утрату. Чувствовал себя преданным своим Богом. Почему Бог не сумел предупредить его? И, если уж на то пошло, как мог Бог ответить, что только зло может проникнуть в разум фанатика? Разве Бог не всемогущ? Разве Бог не всеведущ? Как может Бог при этом оставаться БОГОМ?

Я ТВОЙ БОГ!

Брой никогда не сможет забыть этот беззвучный голос, звучащий в его голове.

ЭТО ВСЁ БЫЛО ЛОЖЬЮ?

Мысль, что они были марионетками в руках фальшивого Бога, была не нова для него. Если это был именно тот случай, то понятно, почему Пчарки и другие избегали его. Какой смысл быть Говачином в форме Человека или наоборот, кроме как избежать Бога Стены? Вполне очевидно, Джедрик оперировала именно этой предпосылкой. Какие еще мотивы могли быть у нее для того, чтобы продолжать жить? Так как Город был в Ободе, то власть, для того, чтобы избежать Бога (фальшивого или истинного) была у тех, кто в Городе. Никакое другое предположение не подходило для оправдания Досади.

Наше общество зачумлено продажной верхушкой, которая проталкивает незаконные и/или аморальные привычки. Интересы общества фактически ничего не значат для правящей фракции. Действительные проблемы нашего мира не решаются стоящими у власти. Под видом служения обществу они используют все, что попадаетея им под руку, для личной выгоды. Они бредят властью и опьянены ею.

*Из тайных документов, циркулирующих
на Досади*

У же стемнело, когда замаскированная Джедрик и незамаскированный Маккай появились на улицах. Она вела его вниз по узким переулкам, ее разум был переполнен теми вещами, которые открыл ей Маккай. Джедрик одела светлый парик и сняла маскировку, делавшую ее тяжелой и сгорбленной.

Как только они прошли открытый двор, Маккай услышал музыку. Он чуть не споткнулся. Играл маленький оркестр — нежные темпаны, мягкие струнные и богатый хор духовых инструментов. Он не узнал мелодию, но она тронула его глубже, чем все слышанное им когда-либо. Как будто музыка звучала только для него. Аритч и компания ничего не говорили о такой великолепной музыке здесь.

Люди все еще толпились на улицах в количестве, которое поразило его, но сейчас они не уделяли ему много внимания.

Джедрик переключила часть своего внимания на Маккай, заметив дурней, игравших музыку, вместо того, чтобы заняться делом, увидела, как мало народу на улицах — большую часть их составляли ее патрули, посланные в этот квартал. Джедрик ожидала этого, но ее настроение все еще было мрачным из-за тусклой, беспорядочно разбросанной иллюминации. Она обдумывала обеспечение Маккай хоть какой-нибудь маскировкой, но он определенно был недостаточно ловок, чтобы провернуть двойной обман, в котором она нуждалась. Хотя Джедрик чувствовала в нем разведчика, Маккай был загадкой. Почему он ни разу не воспользовался возможностью усовершенствоваться в качестве разведчика? Чувствуя в нем это совершенство, она не могла отбросить ощущение, что пропустила что-то жизненно важное в его рассказах о социальной общности, которую он назвал Консентом. Происходило ли это от того, что он что-то скрывал, или из-за его неадекватности — она не бралась судить. Загадка бесила. И настроение на улицах несколько не облегчало ее эмоций. Джедрик была рада, когда они пересекли границу района, полностью контролируемого ее ячейкой.

Насмешка — тащиться по улицам с тем, кто оказался покорным подчиненным. Джедрик позволила себе немного расслабиться. Брой, наверное, уже узнал к этому времени об убийстве двойного агента Трайи. Он отреагирует на это и на новые насмешки. Почти настало время для второй фазы ее планов относительно Броя.

Маккай следовал за ней без вопросов, все еще опасаясь каждого необычного взгляда, брошенного на них по пути. Он был опустошен всем сопротивлением, зная, что ему не выжить, если не удастся следовать за Джедрик в вонючей отвратительной тьме ее улиц.

Еда из ресторана тяжело лежала в его желудке. Она

была вкусна: тушеное мясо странных форм с нарезанной зеленью, горячее, исходившее паром. Но Маккай не мог отделаться от ощущения, что оно было составлено из чьих-то отбросов.

Джедрик оставила ему очень мало. Она не узнала о Тапризиоте или о бусинке в его животе, которая скорее всего не соединит его с силами Консента, если Маккай умрет. Джедрик не узнала о стандартных имплантатах Бюсаба, которыми были усовершенствованы его органы чувств. И, странно, она не исследовала многое из рассказанного им о Бюсабе. Она казалась значительно больше заинтересованной деньгами, спрятанными на его теле, и забрала их. Джедрик тщательно исследовала их.

— Это настоящие.

Маккай не был уверен, но чувствовал, что она удивлена.

— Это было дано тебе ДО того, как ты был послан на Досади?

— Да.

Джедрик немного обдумала подразумеваемое, но была удовлетворена. Она дала ему немного мелких денег из собственного кармана.

— Никто не будет надоедать тебе с этим. Если тебе что-нибудь понадобится, спроси. Возможно, мы сможем удовлетворить некоторые твои нужды.

Было все еще темно, свет падал из окон домов, когда они пришли по адресу, который искала Джедрик. Серый свет заливал улицу. Юный Человек — мальчик лет десяти — сидел на корточках, прислонившись спиной к каменной стене на углу здания. Когда Джедрик и Маккай приблизились, он настороженно поднялся. Мальчик кивнул Джедрик.

Она не отреагировала, но по какому-то незаметному сигналу мальчик понял, что она получила его сообщение, и опять расслабился у стены. Когда Маккай обернулся через несколько шагов, мальчика не было. Без звука, без знака — просто исчез.

Джедрик остановилась у затененного входа. Перегороженный металлическими воротами вход охранялся двумя стражниками. Стража открыла ворота без единого слова. За воротами был большой крытый двор, освещаемый мерцающими трубами слева и справа. Три стороны двора были заставлены до крыши трубками разных размеров: одни —

высокие, в человеческий рост, другие — короткие и узкие. Сложенные в штабель как часть дворовой стены, они открывали узкий проход, ведущий к металлической двери напротив ворот. Маккай коснулся руки Джедрик:

— Что в коробках?

— Оружие.— Она говорила с ним, как с кретином.

Металлическая дверь открылась изнутри. Джедрик провела Маккай в большую комнату высотой, как минимум, в два этажа. Дверь звякнула, закрываясь за ними. Маккай ощутил присутствие нескольких человек на стенах двора по обе стороны от него, но его внимание было приковано к кое-чему другому. Над комнатой возвышалась гигантская клетка, подвешенная к потолку. Ее прутья искрились и мерцали спрятанной энергией. Одиноким Говачин-мужчина сидел в гамаке в центре клетки, скрестив ноги. Маккай редко видел в Консенте Говачинов такого возраста. Его носовой бугор покрывала бахрома из хлопьев желтой корки. Тяжелые морщины собрались у него под водянистыми глазами, начавшими дегенерировать, что часто случалось с Говачинами, жившими слишком долго вдали от воды. Его тело имело слабый вид: деградировавшие мускулы, запавшие узелки между его дыхательными отверстиями. Гамак подвешивал его над полом клетки, а пол искрился летучей энергией.

Джедрик замолчала, разделяя свое внимание между Маккаем и старым Говачином. Она, казалось, ожидала обычной реакции от Маккай, но он не был уверен, что она обнаружила то, что ожидала. Маккай некоторое время стоял, молча изучая Говачина. Узник? В чем была важность этой клетки и ее мерцающих энергий? Он оглядел комнату, запоминая. Шесть вооруженных Людей-мужчин стояли перед дверью, в которую он вошел с Джедрик. Примечательный ассортимент располагался на стенах комнаты. Предназначение многих из них было непонятно ему, но большинство из них однозначно были оружием: копья и мечи, фламеры, броня, бомбы, шариковые метатели...

Джедрик подошла поближе к клетке. Обитатель устался на нее со слабым интересом. Она прочистила свое горло.

— Привет, Пчарки. Я нашла мой ключик к Стене Бога.

Старый Говачин ничего не ответил, но Маккаю показалось, что он заметил искру интереса в полуослепших глазах.

Джедрик медленно покачала головой из стороны в сторону:

— У меня есть новые данные, Пчарки. Стена Бога была создана существами, называемыми Калеканцы. Они являются к нам как звезды.

Взгляд Пчарки скользнул на Маккай, потом обратно на Джедрик. Говачин знал источник ее новых данных. Маккай возобновил свои размышления о старом Говачине. Эта клетка, должно быть, тюрьма. Ее стены усилены опасными энергиями. Бахранк говорил о конфликте между расами. Люди контролировали эту комнату. Почему они пленили Говачина? Или... Не был ли этот посаженный в клетку Говачин, этот Пчарки, другим агентом Тандалура? С петель на шее Маккай думал: не несет ли ему судьба быть до конца своих дней заключенным в такой клетке. Пчарки хрюкнул, потом проквашал:

— Стена Бога — как эта клетка, только более мощная.

Его голос был хриплым и квакающим. Слова чистого Галача с ясным тандалурским акцентом. Маккай с усилившимися опасениями глядел на Джедрик, заметив, что она изучает его. Она заговорила:

— Пчарка живет с нами уже очень давно. Не рассказать, как много народу сбежало с Досади с его помощью. Скоро я склоню его к сотрудничеству со мной.

Маккай почувствовал себя шокированным до немоты возможностями, приоткрывающимися от этих слов. Было ли Досади фактически исследованием тайны Калеканцев? Было ли это секретом, который скрывали здесь люди Аритча? Маккай глядел на мерцающие прутья клетки Пчарки. Как Стена Бога? Но Стена Бога была усилена Калеканцами!

Еще раз Джедрик поглядела на плененного Говачина:

— Солнце обладает могучими энергиями, Пчарки. Разве твои энергии адекватны?

Но внимание Пчарки было приковано к Маккаю. Старый голос проквашал.

— Человек, скажи мне: ты прибыл сюда добровольно?

— Не отвечай ему, — огрызнулась Джедрик.

Пчарки закрыл глаза. Разговор был окончен.

Джедрик, соглашаясь с этим, повернулась и зашагала вокруг клетки.

— Итак, Маккай. — Она не обернулась, но продолжала

говорить.— Тебя не интересует то, что Пчарки сам создал свою собственную клетку?

— Он создал ее? Ведь это тюрьма?

— Да.

— Если он создал ее... как же она держит его?

— Он знал, что должен служить моим целям, если хочет остаться в живых.

Она подошла к другой двери, которая открылась на узкую лестницу. Лестница поднималась влево вокруг комнаты с клеткой. Они вошли в длинную прихожую с узкими дверьми по сторонам, тускло освещенными маленькими лампами над головой. Джедрик открыла одну из этих дверей и ввела его в комнату с полом, накрытым ковром, около шести метров в длину и четырех в ширину. Панели темного дерева покрывали стены до уровня пояса, над ними размещались полки с книгами. Маккай пригляделся внимательно: книги... в самом деле, бумажные книги. Он попытался вспомнить, где он последний раз видел такое собрание примитивных... Но, конечно, это не было примитивно. Это было одной из странностей Досади.

Джедрик сняла свой парик, остановилась посреди комнаты и повернулась к Маккаю.

— Это моя комната. Туалет здесь.— Она показала на проход между полками.— Это окно...— Джедрик опять показала рукой на проход напротив двери в туалет.— ...пропускает свет только в одну сторону, и это замечательно. По Досадийским меркам, это относительно безопасное место.

Маккай внимательно оглядел комнату.

«Ее комната?»

Маккай был поражен размерами комнаты — признаком могущества на Досади; отсутствием людей в прихожей. По стандартам планеты, это строение, комната Джедрик были просто цитаделью могущества.

Джедрик заговорила со странной нервной ноткой в голосе и манерах.

— До настоящего времени я имела и другие квартиры, престижные апартаменты в склонах Гор Совета. У меня был замечательный вид из окна, свои собственные шут и водитель. Я имела доступ ко всем, кроме наивысших уровней, кодам в главных банках. Это могущественный инструмент, если знаешь, как им воспользоваться. Сейчас...— она обвела рукой.— ...Вот то, что я выбрала.

Я должна есть помои с низайшими. Ни один мужчина моего уровня не обратит на меня ни малейшего внимания. Брой думает, я прячусь под соломенным тюфяком где-то в Уоррене. Но у меня есть это... — Джедрик опять жестом показала на обстановку. — ...и это. — Она коснулась пальцем головы. — Мне не требуется больше ничего для того, чтобы свергнуть тех, в Горах Совета.

Джедрик взглянула Маккаю в глаза.

Он обнаружил, что верит ей.

Она еще не закончила разговор.

— Ты человек, Маккай, и определенно мужчина.

Он не знал, что из этого следует, но ее хвастовство очаровало его.

— Как ты утратила остальное...

— Я не утратила. Я отбросила это в сторону. Я больше не нуждалась во всем этом. Я делала свои дела быстрее, чем наш драгоценный Избиратель, или даже твои люди могли воспрепятствовать. Брой думает, ему будет откровение относительно меня? — Джедрик покачала головой.

Зачарованный, Маккай следил за тем, как она подошла к окну, открыв вентилятор над ним. Джедрик нажала на выступ пониже книжной полки, опустив секцию деревянной стены, которая оказалась двуспальной кроватью. Стоя между кроватью и Маккаем, она начала раздеваться. Джедрик бросила парик на пол, сняла одежду, содрала выпирающую телесную маскировку со своего тела. Ее кожа была бледно-кремовой.

— Маккай, я твой учитель.

Он молчал. У нее была узкая талия, она была стройной и грациозной. На кремовой коже, слева от треугольника волос, выделялись два неясных шрама.

— Снимай свою одежду.

Он сглотнул.

Джедрик покачала головой.

— Маккай, Маккай, для того, чтобы выжить здесь, ты должен стать досадийцем. У тебя не так много времени. Снимай свою одежду.

Не зная, чего ожидать, Маккай подчинился.

Она тщательно осмотрела его.

— Твоя кожа светлее, чем я ожидала, там, где ее не коснулось солнце. Мы отбелим кожу на твоем лице и руках завтра.

Маккай посмотрел на свои руки, на четкую линию там,

где манжеты защитили его кожу. Темная кожа. Он вспомнил разговор Бахранка о темной коже и месте, называемом Врата Пилаша. Для того, чтобы скрыть необычную робость, которую Маккай испытывал, он спросил Джедрик о Вратах Пилаша.

— Так Бахранк заметил это? Да, это была глупая ошибка. В Обод были посланы десантные отряды, и защитникам ворот были даны дурацкие приказы. Только один отряд выжил там, все темнокожие, как ты. Естественно, заподозрили предательство.

— Ох.

Он обнаружил, что его внимание приковано к кровати. Темно-коричневое одеяло покрывало ее.

Джедрик подошла к нему на расстоянии около фута от кровати. Она остановилась на расстоянии меньше чем ладонь от него... кремовая плоть, полная грудь. Маккай взглянул в ее глаза. Джедрик стояла на расстоянии в полголовы от него, с выражением холодной задумчивости на лице.

Маккай почувствовал, что ее мускусный запах возбуждает его. Она посмотрела вниз, заметила это, засмеялась и резко толкнула его на кровать. Она приземлилась рядом с ним, и ее тело опустилось на него, горячее, твердое и требовательное.

Это был наиболее странный сексуальный опыт в жизни Маккай. Не занятие любовью, а жестокая атака. Джедрик стонала, кусалась, царапалась. И когда он попытался ласкать ее, она стала даже более жестокой и яростной. Вместе с тем она странно заботилась о его удовольствии, внимательно наблюдая за его реакцией, «читая» его. Когда все кончилось, Маккай лежал усталый и выжатый. Джедрик села на угол кровати. Шерстяное одеяло было дико скомкано. Она схватила одеяло, отбросила прочь, встала, резко повернулась и посмотрела вниз, на него.

— Ты очень робок и застенчив, Маккай.

Он издал дрожащий вздох, не сказав ни слова.

— Ты пытался поймать меня мягкостью,— обвинила она.— Тебе лучше не пробовать это со мной. Это не работает.

Маккай собрался с силами, сел и попытался восстановить хоть какой-то порядок на кровати. Царапины на его плечах болели. Он чувствовал боль от укуса на шее. Маккай приподнялся на кровати, повесил простыни на спинку.

Она была абсолютно безумной женщиной. Сумасшедшей.

Наконец Джедрик прекратила разглядывать его. Она подняла покрывало с пола, положила его на кровать. Маккай удивился, почему она глазееет на него с удивленным выражением на лице.

— Расскажи мне об отношениях между мужчинами и женщинами в твоём мире.

Он припомнил несколько историй о любви и рассказал их, все время прилагая усилия, чтобы не уснуть и с трудом удерживаясь от зевка. Джедрик продолжала дергать его.

— Я не верю этому. Ты выдумал все это.

— Нет... нет. Это правда.

— У тебя была собственная женщина там?

— Моя женщина... Ну, это не совсем так, не «собственная». У нас такое не встречается.

— А что насчет детей?

— Что именно?

— Как их воспитывают, учат?

Он, вздохнув, рассказал немного о своем детстве.

Через некоторое время Джедрик позволила ему уснуть. Ночью Маккай несколько раз просыпался, оглядывая комнату, прислушиваясь к мягкому дыханию Джедрик. Однажды ему показалось, что ее плечи содрогаются в подавленном рыдании.

Как раз перед рассветом из соседнего блока послышался вскрик, жуткий звук агонии, достаточно громкий, чтобы разбудить всех, кроме самых уставших и жестокосердных. Маккай, проснувшийся и прислушивающийся, услышал изменившееся дыхание Джедрик. Он лежал спокойно, вслушиваясь и ожидая повторения или другого звука, который объяснил бы причину этого жуткого вопля. Угрожающее молчание заполняло ночь. Маккай представил себе, что происходит в соседнем блоке, как лежат в настороженном молчании разбуженные люди.

Наконец Маккай поднялся, вглядываясь во тьму, покрывающую комнату. Его беспокойство передалось Джедрик. Она подняла голову, взглянув на него в бледном рассветном сумраке.

— В Уоррене есть много звуков, которые ты должен научиться не замечать,— сказала Джедрик.

Исходя от нее, это было почти словами дружбы.

— Кто-то кричал,— пробормотал Маккай.

— Да, что-то вроде этого.

- Как ты можешь спать под такие звуки?
- А я и не спала.
- Но как ты можешь игнорировать это?
- Ты должен игнорировать те звуки, которые не несут в себе немедленной угрозы для тебя и которые ты не можешь устранить.
- Кто-то пострадал.
- Очень похоже на то. Но ты не должен обременять свою душу вещами, которые ты не в состоянии исправить.
- Неужели ты не хочешь изменить... это?
- Я это делаю.

Ее тон, ее голос был в точности как у лектора в школе, и не было сомнений, что Джедрик действительно может сделать это. Ну что ж, она сказала, она его учитель. И он должен действительно стать досадищем, чтобы выжить.

— Как ты изменяешь это?

— Ты еще не готов понять. Я хочу, чтобы ты делал один шаг в одно время, один урок.

Маккай не мог не спрашивать себя:

«Чего она хочет от меня сейчас?»

Он надеялся, что Джедрик не потребует от него снова заниматься с ней сексом.

— Сегодня,— сказала она,— я хочу, чтобы ты встретился с родителями трех детей, работающих в нашей ячейке.

Аритч внимательно изучал Сейланг в мягком свете своей комнаты отдыха с зелеными стенами. В ответ на его вызов она сразу же после вечерней трапезы спустилась вниз. Им обоим была известна причина этого вызова: обсуждение самого свежего рапорта относительно поведения Маккая на Досади.

Старый Говачин подождал, пока Сейланг усядется, наблюдая, как она аккуратно натягивает свое красное одеяние на длинные конечности. Ее лицо выглядело спокойным, бойцовые жвалы расслабились в своих складках. В целом создавалось впечатление прочного материального положения — Врев из правящих классов, если бы Вревы признавали подобные классы. Аритча беспокоило то, что Вревы не признают сословий лишь по причине запутанного понимания разумного поведения, жестких стандартов поступков, основанных на древнем ритуале. О действительном происхождении можно было только догадываться — письменных источников не было.

Но потому-то ее и выбрали.

Аритч хрюкнул и сказал:

— Какое твое мнение по поводу рапорта?

— Маккай быстро учится.

В ее разговорном Галаке проскальзывал акцент легкого присвистывания.

Аритч кивнул.

— Я бы даже сказал, что он быстро ПРИСПОСАБЛИВАЕТСЯ. Потому мы его и выбрали.

— Я слыхала, как ты говорил, что он больший Говачин, чем сами Говачины.

— Я думаю, скоро он станет большим досадищем, чем сами досадищцы.

— Если выживет.

— Да, это уж точно. Ты все еще ненавидишь его?

— Я его никогда не ненавидела. Ты не разбираешься в спектре эмоций Вревов.

— Так просвети меня.

— Он оскорбил мою неотъемлемую гордость собой. Это требует качественно иной реакции. Ненависть лишь притупила мои способности.

— Но ведь это Я отдал тебе распоряжения, которые подлежат отмене.

— Моя присяга на службу Говачину содержит особый запрет, гласящий, что я не могу требовать ни от кого из своих учителей ответственности за понимание или соблюдение протокола этикета Вревов. Это тот же запрет, что освобождает нас от служения Бюро Маккай.

— Ты не рассматриваешь Маккай как одного из своих учителей?

Она какое-то время изучала его, потом ответила:

— Я не только исключаю его, но знаю как человека, немало знающего о нашем протоколе.

— А что, если бы я сказал, что он — один из твоих учителей?

Сейланг снова пристально посмотрела на него.

— Я бы пересмотрела свое мнение не только о нем, но и о тебе.

Аритч сделал глубокий вдох.

— Тем не менее, ты должна изучать Маккай, представить, что ты вошла в его шкуру. В противном случае — ты нас подведешь.

— Я вас не подведу. Я знаю, по какой причине меня выбрали. Даже Маккай со временем узнает. Он не осмелится пролить мою кровь в Судебном Зале или просто подвергнуть меня публичному позору. Если он это проделает, то половина вселенной Вревов бросится по его следам со смертью в жвалах.

Аритч медленно покачал головой из стороны в сторону.

— Сейланг! Разве ты не слышала, как он предупреждал тебя, что ты должна сбросить свою кожу Врева?

Она переваривала это достаточно долго, и он заметил признаки надвигающегося гнева Вревов: подрагивание челюстей, напряжение в ножных развилках...

Немного погодя Сейланг сказала:

— Расскажи мне, что это значит, Учитель.

— Тебе будет поручено действовать в условиях Закона Говачина. Действовать, словно ты второй Маккай. Он приспособливается! Ты это наблюдала? Он в состоянии сокрушить тебя — и нас — таким образом. ТАКИМ ОБРАЗОМ, что твоя вселенная Вревов будет праздновать его победу. Этого нельзя допустить. На карту поставлено слишком многое.

Сейланг задрожала и продемонстрировала признаки страдания.

— Но я Врев!

— Если дело дойдет до Зала Суда, ты больше не сможешь быть Вревом.

Она сделала несколько мелких вдохов, чтобы успокоиться.

— Если я стану слишком похожей на Маккая, то не боишься ли ты, что я не стану его убивать?

— Маккай бы не колебался.

Сейланг обдумала это.

— Значит, есть только одна причина, по которой вы выбрали на эту задачу меня.

Аритч ждал, что она именно так и скажет.

— Потому что мы, Вревы, лучшие во вселенной, если надо понять поведение других — явное и скрытое.

— И ты не рискуешь полагаться на запреты, которые у него могут быть, а могут и не быть!

После долгой паузы Сейланг сказала:

— Ты даже лучший Учитель, чем я подозревала. Возможно, даже лучший, чем Ты! подозревал.

Их закон! Это опасный фундамент для неверных традиций. Это не более чем средство оправдать фальшивую этику!

Говачинский комментарий Закона Консента

О деваясь в тускнеющем свете единственного окна, Маккай начал допытываться, что имела в виду Джедрик, говоря о том, что будет его учителем.

— Ты ответишь на любой мой вопрос о Досади?

— Нет.

Что же она собирается от него утаить? Маккай наконец понял: те области, где она приобрела и удерживает личную власть.

— Будет ли кто-нибудь возмущен, что мы... занимались вместе сексом?

— Я не...

— Отвечай на мой вопрос!

— Зачем мне нужно отвечать на каждый твой вопрос?

— Чтобы остаться в живых.

— Ты уже знаешь все, что я...

Джедрик просто отмахнулась.

— Значит, людей в твоём Консенте интересуют сексуальные взаимоотношения других. Значит, они хотят использовать секс, чтобы удержать над другими власть.

Маккай мигнул. Ее быстрый, беспощадный анализ был разрушителен.

Джедрик посмотрела ему в глаза.

— Маккай, что ты можешь здесь сделать без меня? Неужели ты не понимаешь, что тот, кто тебя послал, рассчитывал, что ты погибнешь?

— Или выживу на свой собственный экстравагантный манер.

Она это обдумала. Это была еще одна мысль о Маккае, отложенная ею для последующей оценки. Несомненно, он вполне может иметь скрытые таланты, еще не выявленные ее вопросами. Джедрик раздражало понимание того, что она слишком мало знает о Консенте, чтобы выяснить это. Это было словно так, будто ее дергали за марионеточные нити неведомые силы. Возможно, что ее водили за нос так же, как она водила за нос Броя... так же, как те таинственные Говачины из Консента, очевидно, провели Маккая... бедный Маккай. Джедрик резко оборвала эту мысль, как не имеющую ценности. Очевидно, что ей следует, наконец,

начать выискивать скрытые таланты Маккая. Все, что она обнаружит, добавит многое к пониманию Консента.

— Маккай, у меня огромная власть среди людей и даже среди некоторых Говачинов в Уорренах — и кое-где еще. Для этого я должна содержать определенные боевые силы, в том числе те, что сражаются физическим оружием.

Он кивнул. Тон ее был такой, словно она читала лекцию ребенку, но Маккай принял это, распознав заботу о себе.

— Сначала мы пойдем, — сказала Джедрик, — в ближайшую тренировочную зону, где мы поддерживаем необходимое преимущество власти над одним из моих отрядов.

Повернувшись, она вывела его в холл и вниз по лестнице, сторонящейся помещения клетки. Однако мысли о том гигантском расходе пространства с его странным обитателем напомнили Маккаю о Пчарки.

— Почему ты держишь Пчарки в заточении? — спросил он, обращаясь к спине Джедрик.

— Таким образом исключается возможность побега.

Она не стала детально отвечать на столь нелепый вопрос.

Немного погодя они вышли во внутренний двор, который приютился между прочных стен возвышавшихся зданий. Лишь далеко вверху виднелся квадратик неба. Освещение обеспечивали светящиеся трубки на стенах. Здесь было две команды, стоявшие лицом друг к другу в центре двора. Это были люди, мужчины и женщины. Каждый был вооружен чем-то вроде трубки с жезлообразным выступом. Несколько людей заняли позицию наблюдателей вокруг двух команд. У дверей, через которые прошли Джедрик и Маккай, был пост охраны с пультом управления.

— Это штурмовой отряд, — пояснила Джедрик, указывая на команды во дворе. Она повернулась и посоветовалась с двумя молодыми мужчинами на посту.

Маккай сделал грубый подсчет численности команд: около двухсот человек. Было очевидным, что все остановилось из-за присутствия Джедрик. Он подумал, что отряд состоит из подростков, едва понюхавших крови в жестокой нищете Досади. Это вынудило его произвести переоценку своих способностей.

По тому, как Джедрик вела себя с двумя мужчинами, Маккай догадался, что она хорошо их знает. Они пристально внимали всему, что она говорила. Еще они пора-

зили его тем, что были слишком молоды для такой ответственности.

Другое дело тренировочная зона. Она была угнетающе похожа на другие такие же помещения, виденные им в тихих заводах Консента. Военные игры были постоянным соблазном среди некоторых видов, соблазном, который Бюсаб до сих пор ухитрялся переводить в такие отвлечения, как фетишизация оружия.

Среди преследующего его зловония Маккай уловил слабый запах стряпни. Он принялся.

Повернувшись к нему, Джедрик сказала:

— Курсантов только что кормили. Это часть их платы.

Похоже было, что она читала его мысли и теперь наблюдала за ним, ожидая какой-нибудь реакции.

Маккай мельком оглядел тренировочную зону. Их здесь только что кормили? На земле не осталось ни крошки. Его поразила осторожность в обращении с пищей, которую он видел и совершенно оставил без внимания раньше.

Джедрик снова продемонстрировала легкость, с какой она читала его самые потаенные мысли.

— Ничего не пропадает,— пояснила она и отвернулась.

Маккай проследил за ее взглядом. У дальней стороны двора стояли четыре женщины с оружием в руках. Вдруг Маккай сосредоточился на женщине слева, внушительно выглядевшей даме средних лет. У нее в руках было... этого не могло быть, но...

Джедрик направилась через двор к женщине. Маккай поплелся следом, разглядывая ее оружие. Это была увеличенная версия пентрата из его набора! Джедрик коротко переговорила с женщиной.

— Это новое?

— Да. Сигги принес его сегодня утром.

— Пригодно?

— Мы думаем, да. Оно каким-то образом фокусирует взрыв с большей концентрацией, чем наше снаряжение.

— Хорошо, продолжай.

Возле стены за спиной женщины стояли еще курсанты. Один, пожилой однорукий мужчина, попытался привлечь внимание Джедрики, когда она вела Маккай к ближайшей двери.

— Не могли бы вы сказать, когда мы...

— Не сейчас.

В проходе за дверью Джедрик повернулась и встала перед Маккаем.

— Твои впечатления о нашем обучении. Быстро!

— Не слишком разностороннее.

Она явно зондировала его подсознательные реакции, требуя инстинктивного ответа, не контролируемого рассудком. Ответ вызвал сердитое выражение на ее лице, эмоциональную искренность, которую она сможет оценить только в ближайшем будущем. Немного погодя Джедрик кивнула.

— Это коммандо. Функции коммандо должны были бы быть взаимозаменяемы. Жди здесь.

Она вернулась на тренировочную площадку. Маккай, наблюдая через открытую дверь, видел, как она говорила с женщиной с пентратом. Вернувшись, Джедрик одобительно кивнула Маккаю.

— Что-нибудь еще?

— Они все чертовски молоды. Тебе следовало бы позаботиться о нескольких ветеранах, чтобы они обуздывали импульсивность новобранцев.

— Да, я уже сама думала об этом. Маккай, я хочу чтобы ты в будущем каждый день заходил сюда на часок, понаблюдать за тренировкой. Но не вмешивайся. Просто докладывай мне о своих впечатлениях.

Маккай кивнул. Ясно, что она посчитала его полезным, а это шаг в нужном направлении. Но назначение это было идиотским. Эти жестокие дети владеют оружием, способным превратить Досади в пепелище. Хотя такое положение дел прямо-таки возбуждало. Маккай даже не пытался этого отрицать. Что-то в человеческой психике отзывалось на массовое насилие — собственно, на насилие любого сорта. Это было связано с человеческой сексуальностью — древнее волнение из самых примитивных времен.

Джедрик, однако, шла вперед.

— Держись рядом.

Теперь они взбирались по внутренней лестнице. Маккай старался не отставать, но все его мысли были заняты пентратом в руках одного из людей Джедрик. Его поразила скорость, с которой они скопировали и увеличили устройство. Это лишний раз подтверждало опасения Аритча насчет Досади.

На верху лестницы Джедрик постучала в дверь. Отозвался мужской голос.

— Входите.

Дверь открылась и, немного погодя, Маккай обнаружил, что находится в небольшой необитаемой комнате с открытым порталом в дальней стене. Этот портал вел в нечто, выглядящее большей по размерам, хорошо освещенной зоной. Оттуда доносились голоса, настолько приглушенные, что практически ничего нельзя было разобрать. Маленькую комнату заполнили стол и пять стульев. Окон не было, но светильник над головой обеспечивал приличное освещение. Низкий стол был накрыт огромным листом бумаги с нанесенным на нем линиями цветных диаграмм.

Шелест ткани привлек внимание Маккай к portalу. Вошла невысокая стройная женщина в белом рабочем комбинезоне. У нее были седые волосы и темный пронизывающий взгляд человека, привыкшего командовать. Она следовала за высоким мужчиной в таком же белом одеянии. Он выглядел постарше женщины, но волосы его сохранили глянцевую черноту. В его глазах светилась та же привычка командовать. Женщина заговорила.

— Прости за задержку, Джедрик. Мы меняли итог. Теперь нет точки, где Брой может предвидеть и изменить переход от бунта к полномасштабным военным действиям.

Маккай был удивлен униженной почтительностью, сквозившей в ее голосе. Эта женщина считала себя намного ниже Джедрик. Мужчина взял тот же самый тон, указав рукой на кресло.

— Садитесь, пожалуйста. Это карта — итог нашей работы.

Когда женщина повернулась к нему, Маккай уловил сильное дуновение чего-то едкого в ее дыхании, отнюдь не незнакомый запах. Он несколько раз улавливал следы его, когда они проходили через Уоррены. Она продолжала говорить, когда Джедрик и Маккай опустились в кресла.

— Это не неожиданно, — женщина указала на узор на бумаге.

— Мы предупреждали, чтобы для тебя это сейчас не было неожиданностью, что Трайа готова перейти.

— Она — это проблема.

— Но Гар...

Женщина начала было возражать, но Джедрик резко ее прервала:

— Я знаю: Гар делает все, что она ему приказывает. Дочь руководит отцом. Он благоговеет перед ней, считает самой замечательной, способной...

— Ее способности не являются предметом обсуждения,— заметил мужчина.

Женщина нетерпеливо воскликнула:

— Да, это ее влияние на Гара в том, что...

— Ни один из них не предвидит моих ходов,— сказала Джедрик,— но я предвижу все их ходы.

Мужчина наклонился через стол, приблизив лицо к Джедрик. Неожиданно он показался Маккаю большим, опасным животным — опасным, потому что его действия невозможно было предсказать. Пока мужчина говорил, он яростно сжимал кулаки.

— Мы рассказали тебе о каждой детали добытых нами сведений, о каждом источнике, каждом заключении. Неужели ты теперь говоришь, что не разделяешь нашей оценки...

— Ты не понимаешь,— прервала его Джедрик.

Женщина подалась назад и кивнула.

— Я уже не в первый раз переоцениваю ваши заключения,— продолжила Джедрик.— Послушайте меня: Трайа оставит Броя, когда будет готова она, а не когда будет готов он. То же относится к любому служащему, даже к Гару.

— Оставит Гара? — спросили они в унисон.

— Оставит кого угодно. Трайа служит только Трайе. Никогда не забывайте об этом. Особенно если она переходит к нам.

Мужчина и женщина молчали.

Маккай подумал о том, что сказала Джедрик. Эти слова были еще одним указанием на то, что кто-то на Досади мог иметь иные цели, кроме личных. В интонации Джедрик нельзя было ошибиться: она осуждала Трайу и не доверяла ей из-за того, что Трайа служила ТОЛЬКО собственным амбициям. Следовательно, Джедрик (и, предположительно, эта пара) служила каким-то неуставленным общим целям. Было ли то, чему они служили, формой патриотизма, видовой ориентации? Агенты Бюсаба всегда были настороже относительно этой опасной формы племенного безумия. Не то чтобы его необходимо было подавлять, но надо было быть уверенным, что оно не взорвется смертельным для Консента насилием.

Женщина в белом халате, поразмышляв над своими собственными мыслями, заговорила:

— Если Трайу нельзя будет завербовать для... Я хочу сказать, мы можем использовать ее собственное служение себе для сдерживания ее.— Она поправилась.— Если вы не уверены в том, что сможете ее убедить в нашем преимуществе над Броем.— Женщина прикусила губу, в глазах у нее мелькнул испуг.

Лицо Джедрик словно выплеснуло злобу.

— Ты что-то подозреваешь?

Женщина указала на разложенную на столе карту.

— Гар пока не принимает участия в принятии главных решений. Этого быть не должно, но это так. Если он...

Мужчина заговорил с раболепной горячностью.

— У него есть какое-то влияние на Броя!

Женщина покачала головой.

— Или Брой играет в иную игру, чем та, что мы предвидели.

Джедрик посмотрела на женщину, на мужчину, на Маккаю. Она заговорила словно бы для Маккай, то тот сообразил, что она обращается к воздуху.

— Это особое дело. Гар что-то открыл Брою. Я знаю, что он открыл. Ничто больше не смогло бы вынудить Броя вести себя подобным образом.— Она кивнула в сторону карты.— Они наши!

Женщина отважилась задать вопрос.

— Мы хорошо все сделали?

— Лучше, чем вы думаете.

Мужчина улыбнулся и сказал:

— Наверное, пора спросить, нельзя ли нам выделить комнату побольше. Проклятые дети постоянно двигают мебель. Мы стукаемся...

— Не сейчас.

Джедрик поднялась. Маккай последовал ее примеру.

— Позвольте взглянуть на детей,— сказал Джедрик.

Мужчина повернулся к открытому portalу.

— Выходите оттуда, вы! Вы нужны Джедрик!

Трое детей появились из другой комнаты. Женщина даже не посмотрела на них. Мужчину удостоил их раздраженным взглядом. Он говорил с Джедрик.

— Они уже почти неделю не приносят в дом никакой еды.

Маккай внимательно изучал детей. Он видел, что тоже

самое делает Джедрик. Дети выстроились в ряд. Выражения их лиц не позволили определить подлинную реакцию на подобное обращение. Две девочки и мальчик. Девочке справа было, наверное, девять лет, второй — пять или шесть. Мальчик был несколько старше — примерно двенадцать-тринадцать лет. Он мельком взглянул на Макка. Это был взгляд хищника, распознавшего потенциальную добычу, но уже плотно поевшего. Все трое были больше похожи на женщину, чем на мужчину, но сходство с родителями было очевидным: глаза, уши, носы...

Джедрик завершила свое изучение. Она сделала жест мальчику.

— Начинайте посылать его во вторую тренировочную команду.

— Пора, — согласилась женщина. — Мы будем рады убрать его отсюда.

— Пойдем, Маккай.

В холле Джедрик сказала:

— В ответ на твой вопрос: они весьма типичны.

Маккай, несказанно удивившись, попытался сглотнуть, в горле у него пересохло. Мелкие цели этих людей: получить комнату побольше, где они могли бы жить, не ударяясь о мебель. Он не чувствовал в этой паре привязанности друг к другу. Они были компаньонами по убеждению. В их разговорах не было ни малейшего намека на эмоции в отношении друг к другу. Маккаю трудно было представить их занимающимися любовью, но они, по-видимому, все это как-то проделывали. Результат — трое детей.

Понимание пришло ему в голову подобно взрыву. Разумеется, они не демонстрируют никаких эмоций! Разве у них есть другая защита? На Досади любую привязанность превратят в оружие манипулирования объектом. И была еще одна вещь.

Маккай обратился к спине Джедрики, когда они спускались по лестнице.

— Та пара — они пристрастились к чему-то?

Удивленная Джедрика остановилась и оглянулась назад.

— А как бы еще, ты думаешь, я держала такую парочку? Вещество это называется дис. Оно очень редкое. Его приносят далеко из... Обод посылает отряды детей, чтобы добывать для меня дис. Если в отряде пятьдесят человек, то тридцать, как правило, умирают. Улавливаешь масштаб, Маккай?

Она снова направилась вниз по лестнице.

Маккай понял, что получил только что еще один урок Досади. Ошеломленный, он последовал за ней в комнату, где техники отбелили потемневшие на солнце участки его кожи.

Когда они вышли, на нем больше не было клейма Пайлэш Гейт.

Когда средства великого насилия широко распространены, ничто не представляет такой опасности для власть имущих, как то, что они творят произвол и несправедливость. Ибо произвол и несправедливость непременно спровоцируют возмездие той же монетой.

Руководство Бюсаба

— Это больше нельзя рассматривать как бунт,— сказал помощник.

Это был невысокий Говачин с мелкими чертами лица. Он смотрел через комнату на сидящего перед мертвым коммуникатором Броя. На стене позади помощника была карта. Ее краски сверкали в резком утреннем свете, льющемся через восточные окна. Пониже карты из стены выступал терминал компьютера. Время от времени он щелкал.

В комнату из холла вошел Гар, огляделся вокруг, словно кого-то ища, и вышел.

Брой отметил вторжение и взглянул на карту.

— Все еще никаких признаков, где она залегла на дно?

— Ничего определенного.

— Тот, кто водил Маккай по улицам...

— Чисто рядовой подчиненный.

— Куда они пошли?

Помощник ткнул пальцем в карту, в группу зданий в Уорренах на северо-западе.

Брой уставился в пустоту коммуникационного экрана. Его снова провели. Он знал это. Та чертова человеческая самка! Насилие в городе балансировало на грани полномасштабной войны: Говачины против людей. И по-прежнему ничего, даже намек на местонахождение Ободовских складов Гара и богохульных заводов. Это было неустойчивое положение, которое не могло сохраняться слишком долго.

Его коммуникационный экран ожил сообщением: жесткая схватка у двадцать первых ворот. Брой взглянул на карту. Это составило больше сотни четко определенных битв между видами вдоль неустановленного периметра. В сообщении говорилось о новом оружии и безуспешных попытках захватить образцы.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЕ ВОРОТА?

Это было недалеко от того места, где Маккая провели внутрь...

В голове Броя мысли образовали новый узор. Он посмотрел на своего помощника, который покорно ожидал у карты.

— Где Гар?

Вызвали помощников, приказав пошевеливаться. Но Гар найден не был.

— Трайа?

Она тоже была недоступна.

Фанатики Гара соблюдали нейтралитет, но проявилась еще часть схёмы Джедрик. Все указывало на законченное понимание его слабости, скрытой в поведении Гара и Трайи.

«А я-то думал, что был единственным, кто это видел!» Брой заколебался.

Почему бы Богу не поговорить с ним по-иному, вместо того чтобы сказать: «За мной наблюдают».

В глубине души Брой чувствовал себя обманутым и преданным. Это оказалось очищающий эффект на его рассудок. Рассчитывать он мог только на самого себя. Брой начинал понимать, что в действиях Джедрик прослеживается определенная структура. Возможно ли, что Джедрик разделяет ЕГО цели? Эта возможность его взволновала.

Брой посмотрел на помощников, которые прибежали с отрицательной информацией о Гаре и Трайе, и начал издавать приказы.

— Отзовите всех наших людей из всех этих Уорренов, кроме того коридора на северо-запад. Усиьте ту зону. Все остальным отступить к вторичным стенам. Не позволять ни одному человеку находиться внутри этого периметра. Блокировать все ворота. Шевелитесь!

Последнее слово он прокричал, потому что помощники пребывали в нерешительности.

Возможно, что уже поздно. Брой понял, что Джедрик

его обхитрила. Было ясно, что она сумела создать в своем мозгу почти точную имитационную модель Броя. И проделала это из положения Леаитора! Невероятно. Он почти что пожалел Гара и Трайу. Джедрик управлялась с ними, словно с марионетками.

«Я был не лучше».

Брой вдруг подумал, что модель Джедрик, возможно, включает и этот самый момент понимания. Он восхитился ею.

«Великолепно!»

Брой спокойно отдал распоряжения по изоляции Говачинских женщин во внутренних бастионах Гралуса, которые предусмотрительно подготовил. Его люди должны быть ему благодарны.

Те, кто выживет в ближайшие несколько часов.

Атака тех, кто хочет умереть — это атака, против которой нельзя приготовить совершенной защиты.

Человеческий афоризм

На третье утро Маккай почувствовал, что мог бы прожить на Досади всю свою жизнь. Это место требовало малейших крох внимания, которые он мог собрать.

Маккай стоял в одиночестве в комнате Джедрик, отсутствующе посматривая на незаправленную кровать. Джедрик ожидала, что он приведет все в порядок к ее возвращению. Маккай это знал. Она велела ему ждать здесь и удалась по неотложным делам. Он мог только подчиниться.

Впрочем, его смущали иные заботы, нежели незаправленная постель. Маккай почувствовал, что понял корни страха Аритча. Тандалурские Говачины вполне могли уничтожить это место, даже если бы понимали, что, сделав это, распахнут тот кровавый район, где каждый разумный прячет свои тайные страхи. Теперь он ясно это видел. Каким образом, по ожиданиям Руководящего Филума, Маккай избежит того чудовищного решения, — это было более неуловимым вопросом.

Здесь — тайны.

Маккаю Досади казалась зловредным организмом под его ногами, ревностно хранящим эти секреты от него. Это место было врагом Консента, но он обнаружил, что эмоционально на стороне Досади. Это было предательством

Бюсаба, его Легумной присяги, всего. Но Маккай не мог бы предотвратить это ощущение или признание его. В течение лишь нескольких поколений Досади стала чем-то особенным. Чудовищным? Только если вы держитесь за ваши собственные драгоценные мифы. Досади может стать величайшей очистительной силой, какую только испытывал на себе Консент.

Перспектива развития Консента начала вызывать у него тошноту. И Говачины Аритча. Говачинский закон? Дерьмовый Говачинский закон!

В комнате Джедрик было тихо. Болезненно тихо.

Маккай знал, что снаружи, на улицах Чу, идут жестокие военные действия между Говачинами и людьми. Через тренировочный двор был стремительно доставлен раненый, пока они были там с Джедрик. После этого она взяла его на свой командный пост, комнату над клеткой Пчарки. Маккай стоял рядом, наблюдая за ее представлением, словно Джедрик была звездой эстрады, а он одним из восторженных поклонников. Это было увлекательно. Брой это сделает. Брой отдаст приказ. И каждый раз рапорты показывали, насколько точно она предвидела действия своего оппонента.

Изредка Джедрик упоминала Гара или Трайу. Маккай сумел уловить тонкое отличие в ее отношении к этой парочке.

Во вторую совместно проведенную ночь Джедрик мягко и ловко разожгла его сексуальные аппетиты. Она довела его до ворчливой уступчивости, а после наклонилась над ним, опершись на локти, чтобы холодно улыбнуться.

— Видишь, Маккай, я могу играть в твою игру.

Потрясающе, это открыло внутри его зону сознания, о которой он и не подозревал. Как будто Джедрик выставила всю его предшествующую жизнь на доскональное обозрение.

А он был наблюдателем!

Прочие существа создавали длительные взаимоотношения и действовали из безопасной эмоциональной базы. Но Маккай был продуктом Бюсаба, Говачина... и многого другого, что минуло ранее. Для него становилось все более очевидным, почему Говачины выбрали его для подготовки к этой особой роли.

«Мне был нанесен ущерб, а они сумели заново построить меня, как им было нужно!»

Что ж, Говачины могли по-прежнему удивляться, что же они создали. Досади был тому свидетельством. Они могут даже не подозревать, что же собой представляет Маккай на самом деле.

Ему было горько той горечью, что, как он знал, вызрела в нем годами. Одиночество этой тюремной планеты было сравнимо с одиночеством его собственной жизни, в центре которой была верность Бюсабу. Невероятная путаница эмоций рассортировалась, и Маккай почувствовал, как в нем зарождается новое предназначение.

Власть!

Аххх... Так вот что значит почувствовать себя досадищем!

Маккай отвернулся от холодной улыбки Джедрик и натянул на плечи одеяло.

«Спасибо, милая учительница».

Подобные мысли бродили в его голове, когда Маккай на следующий день стоял один в комнате, а потом начал застилать постель. После своих откровений Джедрик возобновила свой интерес к его воспоминаниям, засыпая лишь для того, чтобы разбудить его новыми вопросами.

Несмотря на неважные перспективы, Маккай все еще чувствовал себя обязанным изучать ее поведение в различных возможных ситуациях, какие только могло создать его воображение. Относительно Досади никакое предположение не выглядело слишком абсурдным. Ему нужно было построить поточнее картину этого общества и его движущих сил.

Прежде чем вернуться в комнату Джедрик, Маккай проделал еще одно путешествие по тренировочному двору вместе ней. Там было еще больше нового оружия, приспособленного из его набора. Он понял, что двор — испытательный полигон Джедрик, что должно быть намного больше тренировочных зон для ее последователей.

Маккай еще не открыл ей, что люди Аритча могут уничтожить Досади. Она сосредоточилась на этом на рас свете. Даже пока они делили крохотный туалетный отсек рядом с ее комнатой, Джедрик давила его вопросами.

Маккай на время отвлек ее вопросами о Пчарки. Каковы возможности этой клетки? На одно мгновение он поразил ее.

— Пчарки знает что-то ценное, что он надеется продать тебе в обмен на свою свободу.

— Откуда ты знаешь?

— Это очевидно. Я тебе еще кое-что скажу: он прибыл сюда по своей собственной воле... для определенной цели.

— Ты быстро учишься, Маккай.

Джедрик смеялась над ним, и он сердито глянул на нее.

— Ну хорошо! Я не знаю той цели, но это может быть нечто, о чем ты лишь думаешь, будто знаешь его.

Легчайшим мерцанием из ее глаз свирепо глянуло что-то опасное.

— Твои ДВЕРИ ДЛЯ ПРЫЖКОВ привели к нам многих дураков, но Пчарки один из наибольших. Я знаю, почему он прибыл. Было много подобных ему. Теперь... есть только один. Брой, при всей своей власти, не может выследить своего собственного Пчарки. А Кейла Джедрик — та, кто его расстраивает.

Она слишком поздно сообразила, что Маккай спровоцировал ее на это представление. Как он это сделал? Маккай отыскал слишком многое слишком рано. Опасно недооценивать наивного пришельца из-за Стены Бога.

Джедрик снова принялась допытываться того, что он еще не рассказал. Его спасло время. Пришли помощники, спеша на раннюю инспекцию нового оружия. Они были нужны.

После они ушли на командный пост, а потом на завтрак в столовую Уоррена. На протяжении всего завтрака Маккай атаковал Джедрик вопросами о ходе сражений. Каковы масштабы? Можно ли увидеть одного из заключенных? Использовали ли они оружие, сделанное по образцам из его набора? Побеждали ли они?

Временами Джедрик просто игнорировала его вопросы. Большинство ее ответов были короткими и сбивающими с толку. Да. Нет. Нет. Да. Маккай понял, что она отвечает односложно, чтобы отделаться от него. Он ее отвлекал. Ей было сообщено что-то важное, а Маккай это пропустил. Хотя он и разозлился, но постарался замаскировать эмоции, прилагая усилия, чтобы проникнуть сквозь стену ее озабоченности. Странно, но Джедрик отреагировала, когда Маккай сменил направление своих расспросов: он стал спрашивать о родителях троих детей и состоявшегося там разговора.

— Ты начала описывать какое-то место: «Позади...» Позади чего?

— Это кое-что, о чем, по мнению Гара, я не знаю. Он

думает, что только у его фанатиков смерти есть подобные связи с Ободом.

Маккай пристально смотрел на нее, захваченный внезапной мыслью. К этому моменту он узнал многое о Гаре и Трайе. Джедрик искренне отвечала на его вопросы о них, зачастую открыто используя его, чтобы уточнить свои собственные мысли. Но фанатики смерти?

— Эти фанатики — гомосексуалисты?

Джедрик подскочила.

— Как ты узнал?

— Догадался.

— И какая в том разница?

— Так да?

— Да.

Маккай вздрогнул.

Джедрик властно сказала:

— Объясни!

— Когда люди по какой-то причине доходят до черты, где вопрос уже стоит о выживании вида, то относительно легко спровоцировать ЖЕЛАНИЕ умереть.

— Ты говоришь на основании исторических свидетельств?

— Да.

— Например.

— За редкими исключениями, примитивные люди племенных эр сохраняли своих гомосексуалистов как последние шоковые войска отчаяния. Это были солдаты последней надежды, посылаемые в бой как берсеркеры, ждущие, ЖЕЛАЮЩИЕ смерти.

Пришлось объяснить ей термин БЕРСЕРКЕРЫ. Поведение Джедрик продемонстрировало, что она ему верит. Она все обдумала и спросила:

— И что же твой Консент делает относительно этого уязвимого места?

— Мы тщательно заботимся о том, чтобы проводить все естественные сексуальные варианты в конструктивные, направленные на выживание, действия. Мы защищаем их от любого рода давления, способного извратить их, привести к поведению, разрушительному для вида.

Лишь позднее Маккай вспомнил, что Джедрик так и не ответила на его вопрос: ПОЗАДИ ЧЕГО? Она утащила его в комнату совещаний, где собралось больше двадцати человек, в том числе двое родителей, которые составляли

карту относительно Гара и Трайи. Маккай вспомнил, что даже не знает их имен.

Незнание стольких людей в лицо и по именам поставило его в невыгодное положение. Они, разумеется, хорошо друг друга знали и часто, обращаясь, пользовались намеками и кивками, непонятными для Маккай. Впрочем, он приспособливался. Их воспоминания подкреплялись подробными упоминаниями о соответствующих способностях окружающих, о подстерегающих опасностях. И они не столько скрывали свои эмоции, сколько УПРАВЛЯЛИ ими. В их воспоминаниях не могло быть никаких эмоциональных помех, вроде любви и дружбы. Подобные мысли ослабляют. Каждый действовал на основе своих собственных интересов, и лучше бы вам сразу подготовиться к допросу. Маккай, задавленный со всех сторон вопросами людей в комнате совещаний, знал, что у него есть только одно ценное качество: он был ключом, которым они могли воспользоваться, чтобы открыть Стену Бога. Весьма значительная ценность, но, к несчастью, принадлежащая идиоту.

Теперь им нужна была информация о фанатиках смерти. Они выдоили его досуха, а потом отослали прочь, словно ребенка, выступившего перед старшими, но отосланного в свою комнату, когда на обсуждение были поставлены важные вопросы.

Чем больше контроля, тем большему требуется контроль. Это дорога к хаосу.

Афоризм Пан Спечи

На четвертое утро битвы за Чу Трайа была в отвратительном настроении. Ее силы имели установившиеся границы, удерживая около одной восьмой общей территории Уоррена. Это были главным образом низкие здания, за исключением тех, что расположены вдоль Броева коридора в Обод. Ей не по душе была мысль, что люди Джедрик имеют беспрепятственный обзор большей части территории фанатиков смерти. А большинство тех лидеров, что связали судьбу с Трайей, начинали менять свое мнение, особенно с тех пор, как они пришли к пониманию того, что этот анклав просто не в состоянии сам себя прокормить. Плотность населения после приема союзников стала устрашающей: почти тройная норма для Уоррена.

До сих пор ни Брой, ни Джедрик не двинули против нее войска. Трайа, в конце концов, пришла к неизбежному заключению, что вместе с Гаром расположилась там, где было намечено Джедрик. Они были отрезаны от контроля Гара чисто и аккуратно, словно ножом. Пути назад не было. В нынешних обстоятельствах Брой никогда не примет помощи людей. Это тоже говорило об утонченной тщательности, с какой Джедрик проводила свои планы в жизнь.

За ночь Трайа передвинула свой командный пост в высокое здание, смотрящее на северные стены каньона. От Обода ее отделяла только река, со всего одними воротами на ней. Она плохо спала, голова ее была полна заботами. Главным среди ее забот был тот факт, что ни одна контактная партия, посланная в Обод, не вернулась. На террасах Обода в ту ночь не было ни одного огня. Ни слова НИ ОТ ОДНОГО из ее людей оттуда.

Почему?

Трайа еще раз рассмотрела свое положение, страстно желая иметь преимущество, любое преимущество. Одна из ее границ была привязана к Броеву коридору в Обод, одна граница на речной стене, с единственными воротами, остальной ее периметр извивался серией опасных выступов от пятой стены до реки.

Ей были слышны звуки битвы вдоль дальней стороны Броева коридора. Люди Джедрик использовали слишком шумное оружие. Изредка на территорию Трайи попадал снаряд со взрывчаткой. Это случалось редко, но были потери, а воздействие на моральное состояние разрушительно. В этом главная проблема с фанатиками: они требовали, чтобы их использовали, чтобы их потратили.

Трайа пристально смотрела вниз на реку, видя несомые ее ядовитыми струями тела — и тела Говачинов, и тела людей. Но Говачинов было больше. Немного погодя она отвернулась, бросилась в соседнюю комнату и разбудила Гара.

— Мы должны войти в контакт с Джедрик,— сказала она.

Гар протер глаза, сбрасывая остатки сна.

— Нет! Мы должны ждать, пока не установим контакт с нашими людьми на Ободе. Тогда мы можем...

— Пааа!

Трайа редко демонстрировала перед ним такое отвращение.

— Мы не установим контакта с нашими людьми на Ободе. Джедрик и Брой проследили за этим. Меня бы не удивило, если бы они договорились, чтобы изолировать нас.

— Но у нас есть...

— Заткнись, отец! — Трайа подняла руки, пристально смотря ему в глаза. — Я никогда не была настолько хороша, чтобы претендовать на роль советника Броя. Я всегда это подозревала. Я всегда умудрялась пережить. Прошлой ночью я заново просмотрела как можно больше своих решений. Джедрик умышленно заставила меня выглядеть хорошо. О, как красиво она это проделала!

— Но наши войска на Ободе...

— Могут нам не подчиниться! Они могут уже принадлежать Джедрик.

— Даже Говачины?

— Даже Говачины!

Гар никак не мог опомниться. Контакт с Джедрик? Отказаться от всей своей власти?

— Я достаточно хороша, чтобы распознать слабость войск, подобных нашим, — продолжила Трайа. — Мы можем бесполезно растратить силы. Этого даже Брой не понял, но Джедрик все прекрасно уяснила. Посмотри на выступления вдоль ее периметра.

— Что выступления...

— Их можно пережать и сгладить! Это даже ТЫ должен понимать.

— Тогда отойдем назад и...

— Урезать нашу территорию? — Трайа ошеломленно уставилась на Гара. — При малейшем намеке на это, наши союзники начнут дезертировать толпами. Как раз сейчас они...

— Тогда атаковать!

— И что нам это даст?

Гар кивнул. Джедрик отступит через минированные зоны, заманив туда фанатиков. Она удерживает достаточно большую территорию, чтобы смириться с разрушениями. Ясное дело, именно на этом Джедрик и основывала свой план.

— Тогда мы должны пережать коридор Броя.

— Именно этого Джедрик от нас и добивается. Из

того, что может служить предметом сделки, у нас осталось только это. Вот почему мы должны вступить в контакт с Джедрик.

Гар в отчаянии затряс головой.

Однако Трайа не закончила.

— Джедрик может возвратить нас за долю власти в городе Обода, если мы сейчас к этому готовы. Брой никогда этого не сделает. Теперь ты понимаешь, как оплошал с Броем?

— Но Брой собирался...

— Ты не смог следовать моим приказам, отец. Теперь ты должен понять, почему я всегда старательно удерживала тебя от принятия независимых решений.

Гар в замешательстве замолчал. Это была его дочь, но он почувствовал в ее словах опасность для себя.

Трайа говорила.

— Я скоро отдам приказы командирам. Им будет велено держаться любой ценой. И я объясню им причины.

— Но как можно...

— Мы не позволим себе быть захваченными.

ВОПРОС: Кто правит правителями?

ОТВЕТ: Энтропия.

Говачинская загадка

Все словно сговорились действовать Маккаю на нервы. На его вопросы вместо Джедрик отвечало сразу несколько человек. Большинство относились к нему как к крестину. Джедрик обращалась с ним как с ребенком, у которого неплохие перспективы. Временами было видно, что Маккай ее попросту забавляет. В другой раз Джедрик карала его гневным взглядом, игнорируя или просто удаляясь прочь — или, хуже того, отсылая его.

Сейчас было далеко за полдень дня битвы за Чу. Войска Броя все еще удерживали свой узкий коридор к Ободу. Маккай знал это из подслушанных сообщений. Он стоял в небольшой комнате недалеко от командного поста Джедрик. В комнате было четыре раскладушки, где она или ее командиры время от времени урывками дремали. Однако высокое узкое окно выходило на юг Обода. Маккай не мог поверить, что был там всего шесть дней назад.

Над террасированными эскарпами Обода начали соби-

ратся облака, верный признак драматической перемены погоды. Маккаю хорошо это было известно, по крайней мере из инструктажей на Тандалуре. Досади не знала такой роскоши, как управление погодой. Сознание этого оставляло у него странное ощущение уязвимости. Природа может быть так чертовски капризна и опасна, если не держать ее причуды в кулаке.

Маккай мигнул и затаил дыхание.

ПРИЧУДЫ ПРИРОДЫ.

Говачинов на этот эксперимент подвигли причуды разумной природы. Неужели они надеялись держать под контролем тот обширный, бурлящий конгломерат мотивов? Или у них была какая-то иная причина для устройства Досади, причина, до которой он еще не добрался? Не было ли это, в конце концов, проверкой Калеванских тайн? Маккай решил, что нет.

Он знал, каким образом, ПО СЛОВАМ Аритча и помощников, обеспечивался этот эксперимент. Наблюдения здесь лишь подтверждали их объяснения. Ни одни из этих данных не согласовывались с попыткой понять Калеванцев. Лишь то короткое столкновение с Пчарки, что-то, что Джедрик больше не желала обсуждать.

Несмотря на усталость, Маккай не мог избавиться от ощущения, что нечто существенное кроется в том, как эта планета была переведена на путь эксперимента; нечто, о чем не рассказывали Говачины, нечто, чего они и сами, возможно, не понимали. Что они сделали для начала? У них была Досади, субъекты, Праймери... да, Праймери. В умах Говачинов властвовала врожденная неодинаковость личностей. И был тот чертов Демопол. Как они получили на это мандат? Или лучше: как они сохранили тот мандат?

Люди Аритча надеялись выявить внутренние механизмы работы социальных систем разумных. Так они сказали. Но Маккай начинал смотреть на это объяснение глазами Досадийца, с досадийским скептицизмом. Что имела в виду Фанни Мэ, говоря о неспособности покинуть это место в его собственном теле-узле? Как он может быть для Джедрика КЛЮЧОМ к Стене Бога? Маккай знал, что ему нужно больше информации, чем он может надеяться получить от Джедрика. Имеется ли эта информация у Броя? Маккай задумался, не может ли так случиться, что ему придется карабкаться за ответами на высоты Холмов Совета. Было ли это теперь хотя бы возможно?

Когда он спросил об этом, Джедрик устроила ему обход почти всего здания, предупредив:

— Не вмешивайся.

ВМЕШАТЬСЯ ВО ЧТО?

Маккай спросил об этом, Джедрик лишь пристально на него посмотрела.

Впрочем, она провела его везде, чтобы ознакомить каждого с его новым статусом. Маккай так и не понял, что представляет собой этот статус, что-то между гостем и заключенным.

Джедрик требовалось минимум разговоров с ее людьми. Зачастую она пользовалась лишь взмахом руки, чтобы передать необходимый сигнал о своем проходе. Весь маршрут был уроком для Маккай. Начался он с охраны у дверей.

— Маккай.— Жест в его сторону.

Охранник кивнул.

У Джедрик были другие заботы.

— Команда Девять?

— Возвращается в полдень.

— Сообщите.

Каждый подверг Маккай внимательному изучению. Маккай чувствовал, что это позволит им идентифицировать его с минимальной задержкой.

Там было два лифта: один экспресс с тщательно охраняемого входа с улицы в боковой стене здания, другой начинался выше четвертого уровня на потолке клетки Пчарки. Они воспользовались вторым и поднялись, оставиваясь на каждом этаже, чтобы охрана смогла их увидеть.

Вернувшись в помещение с клеткой, Маккай увидел, что прямо посреди дверного проема установлен стол. За ним сидел отец тех троих детей, наблюдавший за Пчарки и делавший время от времени пометки в тетради. Маккай знал теперь его имя — Ардир.

Джедрик задержалась у стола.

— Маккай может входить и выходить с обычными предосторожностями.

Маккай, наконец, смог обратиться к Джедрик.

— Благодарю за потраченное на меня время.

— В сарказме нет необходимости, Маккай.

Он и не имел в виду сарказма, и напомнил себе еще раз,

что обычные любезности Консента подвергаются здесь иному толкованию.

Джедрик проглядела заметки Ардира, подняла взгляд на Пчарки и снова посмотрела на Маккай. Выражение ее лица при этом не изменилось.

— Встретимся за обедом.

Затем она покинула его.

Со своей стороны, Маккай приблизился к клетке Пчарки, отметив вызванное этим поступком напряжение охранников и наблюдателей в комнате. Старый Говачин сидел в своем гамаке с выражением безразличия на лице. Заграждения клетки испускали почти неразличимое шипение, мерцая и светясь.

— Что случится, если ты коснешься загородки? — спросил Маккай.

Щеки Говачина слегка надулись.

Маккай показал пальцем.

— В этих заграждениях есть энергия. Что это за энергия? Как она поддерживается?

Говачин в ответ квакнул:

— Как поддерживается вселенная? Возникает ли вещь тогда, когда вы впервые ее видите?

— Это Калеванская вещь?

Пожатие.

Маккай обошел вокруг клетки, внимательно ее изучая. На узлах решетки заграждения были блестящие пузыри. Прутья, на которых был растянут гамак, выходили из потолка. Они проходили через потолок, но не касались его. Сам гамак на вид был вроде матерчатый, бледно-голубого цвета. Маккай вернулся на свою позицию лицом к Пчарки.

— Они тебя кормили?

Никакого ответа.

Арدير заговорил из-за его спины:

— Его пища спускается с потолка. Его выделения смываются в утилизационную линию.

— Я не вижу двери в клетку. Как он туда попал?

— Она была построена вокруг него в соответствии с его собственными инструкциями.

— Что это за пузыри в узлах решетки?

— Они появились, когда он активировал клетку.

— Как он это сделал?

— Мы не знаем. А ты?

Маккай отрицательно покачал головой.

— Как Пчарки это объясняет?

— Он этого не делает.

Маккай повернулся к Ардиру, пытаясь перевести разговор с Пчарки на само планетарное общество. Ответы Ардира, особенно по вопросам религии, были на редкость банальными.

Позднее, стоя в комнате возле командного поста и заново пересматривая впечатления, Маккай обнаружил, что его мысли касаются проблемы, совершенно не затронутой в расспросах.

Джедрик и ее люди уже давно знали, что Досади является творением Говачинов. Они узнали это задолго до появления на сцене Маккай. Это было очевидным в том, как они сосредоточились на Пчарки, в том, как они противодействовали Брою. Маккай добавил одну существенную информацию: что Досади является Говачинским ЭСК-ПЕРИМЕНТОМ. Но люди Джедрик не воспользовались Маккаем так, как он мог ожидать. Она сказала, что он является ключом к Стене Бога, но каким образом?

У Ардира он ответа не нашел. Тот не пытался уклоняться от расспросов Маккай, но его ответы выдавали несколько ограниченный масштаб знаний и воображения Ардира.

Понимание этого глубоко беспокоило Маккай. Дело было не столько в том, что этот человек сказал, сколько в том, чего он не сказал, когда поводы говорить открыто в деталях были наиболее настоятельными. Ардир не был болваном. Он был человеком, высоко поднявшимся в иерархии Джедрик. В голову ему приходило много соображений. Тем не менее, он совершенно не обращал внимания на более очевидные из них. Ардир не поднимал вопроса о том, каким образом история Досади сходится к единственно конечной точке в прошлом без каких бы то ни было следов эволюционных начал. Он не походил на религиозного фанатика, а даже если бы и был таким, Досади не позволила бы явных религиозных запретов. Тем не менее, Ардир отказывался изучать наиболее явные противоречия в тех открытых религиозных отношениях, которых Маккай ожидал по рассказам. Ардир правильно разыгрывал позиции, но под ними не было фундамента. Все это было поверхностным.

Маккай внезапно отчаялся вообще получить исчерпывающий ответ от кого-то из этих людей — даже от Джедрик.

Внимание Маккая привлек усилившийся шум из командного поста. Он открыл дверь и встал на пороге, изучая другую комнату.

На дальней стене появилась новая карта. Поверх карты помещалась прозрачная плоскость, покрытая желтыми, красными и синими пятнами. Пятеро мужчин и женщин — все с наушниками на голове — работали над ней, перемещая цветные маркеры. Джедрик стояла спиной к Маккаю, разговаривая с несколькими командирами, только что вошедшими с улицы. На них все еще были оружие и ранцы. Их беседа и привлекла внимание Маккая. Он оглядел комнату, отметив два коммуникационных экрана у левой стены, оба выключенные. Раньше их здесь не было. Маккай задумался, пытаясь понять, для чего они предназначались.

В комнату заглянул помощник и выкрикнул:

— Только что доложили Двадцать Первые Ворота. Там все затихло. Они хотят знать, следует ли им держать резервы в состоянии готовности.

— Пусть уходят, — сказала Джедрик.

— Сюда доставили двоих пленных, — добавил помощник.

— Вижу, — буркнула Джедрик.

Она кивнула в сторону карты.

Маккай, проследив за ее взглядом, увидел, что два желтых маркера передвинуты вместе с восемью синими компаньонами. Сам не понимая как, он сообразил, что эти два желтых маркера должны изображать пленных и их сопровождение. В командном посту ощущалось напряжение, сказавшее ему, что это было важное событие. Кто же были эти пленники?

— Я видел монитор... — сказал один из командиров Джедрик.

Но она не обратила внимания и ему пришлось оборвать фразу. Двое людей у карты сменили места, обменявшись наушниками. Посыльный, выкрикнувший информацию про ворота и пленных, ушел. Вскоре появился еще один посыльный и начал тихо переговариваться с людьми у дверей.

Через несколько секунд вошли восемь молодых мужчин, которые несли Трайу и Гара, надежно связанных чем-то похожим на светящуюся проволоку. Маккай узнал пару, фигурировавшую в инструктаже Аритча. Эскорт нес своих

пленников, словно охотники волка. Восемь конечностей пленных были в надежных руках восьмерых охранников.

Эскорт пересек комнату, не заботясь о сохранности мебели. Посыльный искал причины, чтобы задержаться. Ему ужасно не хотелось уходить из комнаты. Он узнал пленников и понимал, что должно случиться нечто важное.

Гара и Трайу бросили в два кресла.

— Развяжите их,— приказала Джедрик.

Сопровождающие повиновались.

Джедрик ждала, пристально вглядываясь в карту. Два желтых и восемь синих маркеров были убраны. Однако она продолжала смотреть на карту. Что-то там было более важным, чем эти двое пленных. Джедрик указала на скопление красных маркеров в верхнем углу.

— Посмотрите на это.

Один из ее командиров покинул комнату.

Маккай сделал глубокий вдох. Он засек вспышку ее движения в сторону повиновавшегося командира. Так вот как она это делает! Маккай переместился дальше в комнату, чтобы Джедрик была видна ему в профиль. Она никак не отреагировала на это движение, но он понимал, что Джедрик сознает его присутствие. Маккай шагнул ближе к тому, что, как он знал, было пределом ее терпимости, отметив слабую улыбку, когда она повернулась к пленникам.

Наступило внезапное молчание, один из тех неуютных моментов, когда люди понимают, что должны кое-что сделать, но всем отчаянно не хочется приступать. Посыльный все еще стоял у двери в холл, явно дожидаясь, чтобы посмотреть, что здесь произойдет. Эскорт, принесший пленных, остался в комнате. Охранники сбились тесной кучкой сбоку от кресел. Они выглядели странно подавленными и словно искали защиты у присутствующих. Джедрик взглянула через комнату на посыльного.

— Ты можешь идти.

Потом кивнула эскрту.

— И вы.

Маккай выжидательно сохранял безопасную дистанцию, но Джедрик его не замечала. Он понял, что ему не только позволят остаться, но и ожидают, что он воспользуется своим умом, своими знаниями из внешнего мира. Джедрик догадалась о его состоянии, лишь взглянув на

него: нормальное недоверие, осторожность, терпение. И страх, разумеется.

Теперь Джедрик занялась пленными. Она подалась вперед, разглядывая сначала Трайу, потом Гара. По тому, как Джедрик на них смотрела, Маккаю стало ясно, что она взвешивает различные возможности того, как вести себя с этой парочкой. В комнате царила настороженная атмосфера и это тоже возымело свой эффект. Гар не выдержал.

— У Броя есть способ описания подобных тебе людей,— сказал Гар.— Он называет вас «ракетами», имея в виду, что вы, словно компоненты фейерверка, устремляетесь в небо, чтобы упасть оттуда обратно на землю.

Джедрик ухмыльнулась.

Маккай понял. Гар не мог как следует управлять своими эмоциями. В этом была его слабость.

— В этой вселенной много ракет должны умереть неувиденными,— сказала Джедрик.

Гар сердито посмотрел на нее. Ему не понравилась такая реакция. Он взглянул на Трайу и по выражению ее лица понял, что совершил ошибку.

Теперь заговорила Трайа, слегка улыбаясь.

— У тебя личный интерес к нам, Джедрик.

Для Маккая это было так, словно он вдруг пересек порог понимания другого языка. Заявление Трайи было чисто Досадийским, оно несло в себе множество смыслов. Она сказала, что Джедрик видит здесь возможность личной выгоды и что Трайа об этом знает. Началом заявления была легкая улыбка. Маккай чувствовал новое восхищение особым гением Досадийского сознания. Он придвинулся еще на шаг ближе к своей цели. В Трайе было что-то еще... что-то странное.

— Чем для тебя является вот этот?

Она говорила, обращаясь к Джедрик, но быстрое движение глаз указало на Маккая.

— От него есть определенная польза,— сказала Джедрик.

— По этой причине ты и держишь его при себе?

— Это не единственная причина.

— Были определенные слухи...

— Каждый пользуется тем, что ему доступно,— сказала Джедрик.

— Ты планируешь завести с ним детей?

Джедрик затряслась в молчаливом веселье. Маккай

понял, что зондируя слабости, Трайа ничего не обнаружила.

— Период размножения выводит женщину из строя,— сказала Трайа.

Тон был умышленно подстрекательским, и Маккай ждал ответа.

Джедрик кивнула.

— Отпрыск порождает много последствий во всех последующих поколениях. Те из нас, кто не понимает, никогда не принимают непродуманных решений.

Джедрик посмотрела на Гара, вынудив Маккаю сменить объект внимания.

Лицо Гара внезапно побледнело. Маккай истолковал это как потрясение и гнев. Однако мужчина быстро восстановил контроль над собой. Он пристально посмотрел на Маккаю, адресовав вопрос Джедрик.

— Выгодна ли будет нам его смерть?

Джедрик взглянула на Маккаю.

Потрясенный его прямолинейностью, Маккай, тем не менее, был заинтригован предположением, прозвучавшим в вопросе Гара. «НАМ!» Гар полагал, что у него с Джедрик есть общее дело. Джедрик взвешивала это предположение, и Маккай, наполняясь восторгом, понял. Он распознал еще кое-что и сообразил, что может отплатить теперь ей за все ее терпеливое обучение.

ТРАЙА!

Что-то в манере Трайи держать голову, в интонациях ее разговорного Галака зацепило какую-то струну в памяти Маккаю. Она была человеком, обученным Пан Спечи — то, как у нее двигались глаза перед тем, как шевельнуться голове, необычные ударения в манере ее речи. Но на Досади не было Пан Спечи. Или были?

Ничего этого не отразилось на лице Маккаю. Он продолжал излучать недоверие, осторожность, терпение. Но уже начинал спрашивать себя, не может ли это быть концом еще одной ниточки в этой Досадийской тайне. Маккай увидел, что Джедрик смотрит на него и, не думая об этом, подал ей глазами чисто Досадийский сигнал следовать за ним, после чего вернулся в смежную комнату. Мера понимания ею его отразилась в том, что Джедрик, не задавая вопросов, пошла за ним.

— Да?

Он рассказал ей про свои подозрения.

— Эти Пан Спечи — это те, которые могут вырастить тело, чтобы оно было похоже на тело другого вида?

— За исключением глаз. У них фасеточные глаза. Любой Пан Спечи, способный действовать свободно и подражать другим видам, был бы лишь поверхностным проявлением. Свободно передвигающийся является лишь одним из пяти тел. Это держатель эго, личности. Оно периодически переходит к кому-то другому из пятерых. Предотвращение подобного перехода хирургическим закреплением эго в одном лишь теле является для Пан Спечи преступлением.

Джедрик посмотрела в дверной проем.

— Ты уверен насчет нее?

— Там характерный стиль.

— Можно ли замаскировать фасеточные глаза?

— Способы есть: контактные линзы или довольно тонкая операция. Впрочем, меня научили определять подобные вещи, и я могу сказать тебе, что тот, кто обучал ее, был не Гар.

Джедрик посмотрела на него.

— Брой?

— Гралус был бы отличным местом, чтобы укрыть креше, но...— Маккай покачал головой.— Не думаю. Из того, что ты мне рассказала про Броя...

— Говачин,— согласилась она.— Тогда кто?

— Кто-то, имевший на нее влияние, когда она была еще совсем молодой.

— Хотел бы ты допросить пленных?

— Да, но я не знаю их потенциальной ценности.

Джедрик уставилась на него с неприкрытым изумлением. Он в совершенстве усвоил Досадийский стиль заявлений. Выглядело так, словно Маккай, которого она, по ее мнению, знала, преобразился внезапно прямо у нее на глазах. Он еще не был достаточно досадицем, чтобы полностью доверять ему, но Джедрик никак не ожидала, что он продвинется так далеко за столь короткое время. Маккай заслужил более детальной оценки военной ситуации и соответственных способностей Трайи и Гара. Джедрик предоставила ему эту оценку на Досадийский манер: сухими словами, торопливо, стремясь к немногословности, предполагающей глубокое понимание со стороны слушателя.

Усвоив это, Маккай почувствовал, где она ограничила

свое изложение, подкroив по его способностям. В известном смысле, это было подобно ответу его Дневного Расписания на Централ Централей. Он не мог видеть себя с ее позиции, понимать, как она оценивает его. Джедрик удостоила его ограниченным, вынужденным уважением, смягченным некоторой нежностью родителя к своему ребенку. И Маккай знал, что как только они вернутся в другую комнату, нежность будет упрятана под покров совершенной маскировки. Хотя она там была. И он не рискнул предавать ее доверие расчетом на эту нежность, иначе она навсегда будет упрятана под замок.

— Я готов,— сказал Маккай.

Они вернулись на командный пост. У Маккая теперь было более четкое представление о том, как действовать. Не было ничего, подобного взаимному безоговорочному доверию. Сомневались всегда. Всегда управляли. Уважение проявлялось иногда в некоторых вынужденных совместных действиях. Вместе трудились только ради выживания, или тогда, когда было совершенно ясно, что взаимодействие приносит личную выгоду. Даже объединяясь, они оставались фанатичными индивидуалистами. С подозрением относились к любому подарку, потому что никто не отдавал бесплатно. Наибезопаснейшими отношениями были те, где места в иерархии были четкими и прочно закрепленными — минимум угрозы и снизу, и сверху. В целом это напоминало Маккаю рассказы о поведении в человеческих бюрократиях классического периода до путешествий в глубокий космос. И за много лет до того, как он встретился с многовидовой корпорацией, ведшей себя подобным образом, пока помощь Бюсаба не продемонстрировала им ошибочность их образа действий. Они использовали каждую доступную им грязную уловку: подкуп, слежку и прочие формы явного и скрытого шпионажа, разжигание разногласий в оппозиции, убийства, шантаж, похищения. Не много нашлось бы в Консенте тех, кто не слышал о Межгосударственном Снабжении, которое ныне не функционировало.

Маккай остановился в трех шагах от пленников.

Первой заговорила Трайа.

— Вы уже решили, что с нами делать?

— В вас обоих есть полезный потенциал,— сказал Маккай.— Но у нас есть другие вопросы.

Это «нас» не ускользнуло ни от Трайи, ни от Гара. Оба

они посмотрели на Джедрик, которая невозмутимо стояла рядом с Маккаем.

Маккай обратился к Гару.

— Трайа действительно твоя дочь, твой родной ребенок?

Трайа выглядела удивленной. Своим новым пониманием, Маккай сообразил, что она говорит ему, что ее не волнует, видит ли он реакцию, что ее устраивает, если он это увидит. Гару, однако, не удалось скрыть своего потрясения. По стандартам Досади, он был ошарашен. Значит, Трайа не его родная дочь, но до этого момента Трайа никогда не сомневалась в их взаимоотношениях.

— Расскажи нам,— сказал Маккай.

Досадийская немногословность поразила Гара, как удар. Он посмотрел на Джедрик. Она всячески продемонстрировала признаки готовности ждать его повиновения вечно, что должно было означать, что она никак не реагирует ни на слова Маккай, ни на поведение Гара.

Явно потерпевший поражение Гар снова обратил свое внимание к Маккаю.

— Я ушел с двумя женщинами через дальние горы. Мы пытались наладить там свое собственное производство чистой пищи. В те дни многие на Ободе пытались это сделать. Редко, кто возвращался назад. Вечно что-нибудь случалось: растения погибали без причины, источники воды пересыхали, что-то крало выращенное. Бог ревнив. Так мы всегда говорили.

Он посмотрел на Трайу, изучавшую его с полнейшим равнодушием.

— Одна из двух женщин умерла в первый год. Другая заболела во второй сезон урожая, но выжила к следующей весне. Это было во время того урожая... мы пошли в сад... ха! Сад! Там был этот ребенок. Мы не имели представления, откуда она пришла. Она выглядела лет на семь, на восемь, но ее реакции были младенческими. Это довольно часто случалось на Ободе — сознание пряталось от чего-то слишком ужасного, чего не было возможности терпеть. Мы забрали ее. Иногда можно обучить такого ребенка, чтобы он снова стал полезен. Когда женщина умерла, а урожай погиб, я взял Трайу и направился обратно на Обод. Это было очень скверное время. Когда мы вернулись... я был болен. Трайа тогда помогала мне. С тех пор мы не расставались.

Маккай обнаружил, что это повествование его растрогало, и попытался скрыть свою реакцию. Он не был уверен, что это ему удалось. Своим новым Досадийским сознанием Маккай читал внутреннюю сагу в том скупом отчете о событиях, бывших, вероятно, заурядными по стандартам Обода. Он обнаружил, что его привела в ярость другая информация, которую можно было прочитать в словах Гара.

ОБУЧЕННАЯ ПАН СПЕЧИ!

Это был ключ. Люди Аритча хотели сохранить чистоту эксперимента: допускались только два вида. Но было бы поучительно изучить применение Пан Спечи. Так просто. Взять человеческого ребенка женского пола. Поместить ее исключительно под влияние Пан Спечи на семь-восемь лет. Подвергнуть этого ребенка избирательному стиранию памяти. Подкинуть ее подходящим суррогатным родителям на Досади.

И было еще кое-что. Аритч лгал, когда говорил, что мало знает об Ободе, что Обод не входит в эксперимент.

Когда все эти мысли промелькнули у него в голове, Маккай вернулся в смежную комнату. Джедрик последовала за ним. Она подождала, пока он соберется с мыслями.

Немного погодя Маккай посмотрел на нее и выложил свои умозаключения. Закончив, он бросил взгляд на дверь.

— Мне нужно знать все, что можно, об Ободе.

— Те двое — хороший источник сведений.

— Но разве они не требуются тебе для твоего другого плана, нападения на коридор Броя?

— Два дела могут делаться одновременно. Ты вернешься в их анклав с ними в качестве моего лейтенанта. Это собьет их с толку. Они не будут знать, как это понимать. Они ответят на твои вопросы. И в замешательстве они откроют многое, что в противном случае было бы сокрыто от тебя.

Маккай переварил это. Да... Джедрик, не колеблясь, подвергает его риску. Это было основным сообщением для всякого. Маккай будет целиком и полностью отдан на милость Гара и Траии. Джедрик говорила, «Смотрите! Никакая ваша угроза Маккаю не может оказать воздействия на меня». В известном смысле это защищало его. На чрезвычайно окольный Досадийский манер, это устраняло многие возможные угрозы для Маккая, и многое поведало

об истинных чувствах Джедрик по отношению к нему. Он сказал:

— Ненавижу холодную постель.

В ее глазах сверкнуло нечто, легчайшее прикосновение влаги. Потом Джедрик проворчала, взяв его под руку:

— Что бы ни случилось со мной, Маккай,— освободи нас!

Приложив надлежащее усилие в надлежащей точке, любое разумное сознание может взорваться изумительным самопониманием.

Из древней человеческой мистики

— Если она не сделает ошибки или мы не найдем какого-то неожиданного преимущества, то нас сотрут с лица земли,— сказал Брой.

Он сидел в своем вознесенном ввысь командном пункте на самой высокой точке здания, доминировавшего над Холмами Совета. Комната представляла собой бронированный овал с единственным окном примерно в пятнадцати метрах перед Броем, смотревшим на закат через стены речного каньона. Слева от Броя стоял небольшой стол с коммуникатором. Большую часть оставшегося пространства комнаты занимали карты и прочие принадлежности командования.

Разведка Броя только что принесла ему рапорт о том, что Трайа и Гар захвачены Джедрик.

Один из его командиров, худощавый для Говачина, и с другими отметками лишений, оставшимися от рождения на Ободе, взглянул на своих компаньонов и прочистил горло.

— Пора капитулировать?

Брой покачал головой в человеческом жесте отрицания.

«Это время, о котором я вам говорил»,— подумал он.

Брой чувствовал себя опустошенным. Бог отказался говорить с ним. Ничто в его мире не повиновалось прежним наказам.

«С нами сыграли злую шутку».

Силы Стены Бога сыграли злую шутку с ним, сыграли злую шутку с его миром и всеми его обитателями. Они...

— Это Маккай,— сказал командир.

Брой сглотнул, потом проговорил:

— Сомневаюсь, что Маккай хотя бы в малейшей степени понимал, как она его использует.

Он взглянул на стопку рапортов на столе, большинство из них касались Маккай. Разведка Броя была активна.

— Если бы мы захватили или убили его...— рискнул заметить командир.

— Для этого слишком поздно,— буркнул Брой.

— Есть ли шанс, что нам не придется капитулировать?

— Этот шанс есть всегда.

Ни одному из четверых командиров не понравился этот ответ. Еще один из них, толстый и бархатисто-зеленый, высказался:

— Если нам придется капитулировать, как мы можем знать...

— Мы никогда не должны капитулировать, и должны сделать так, чтобы она это знала,— рявкнул Брой.— Она хочет нас уничтожить.

Вот! Он сказал им.

Они были шокированы, но начинали понимать, какие рассуждения привели его к такому выводу. Брой видел, как признаки понимания появляются на их лицах.

— Коридор...— осмелился один из них.

Брой пристально посмотрел на него. Глупец должен знать, что они не могут послать больше, чем часть своих войск, на Обод, прежде чем Джедрик и Трайа закроют этот проход. И даже если бы они смогли улизнуть в Обод, что могли бы они сделать? У них не было ни малейшего представления, где захоронены эти чертовы заводы и продуктовые склады.

— Если бы мы могли спасти Трайу,— сказал худой командир.

Брой фыркнул. Он умолял Трайу вступить с ним в контакт, начать переговоры. Никакого ответа, даже после того, как она отступила в тот анклав. Следовательно, Трайа утратила свой контроль над людьми вне города. Все прочие свидетельства подтверждали это заключение. Не было контакта с Ободом. Там верховодили люди Джедрик. Трайе следовало бы с ним связаться в тот момент, когда она поняла всю тяжесть своего положения. Если бы она подумала, просмотрела всю информацию, то сразу бы сообразила, кто может ей предложить наибольшую цену.

Кто же предложил самую высокую цену? Трайа, в конце концов, человек.

Брой вздохнул.

И Маккай — идиот-ученый из-за Стены Бога, специалист ПО ОРУЖИЮ. Джедрик, скорее всего, знала. Но как? Говорили ли с ней Боги? Брой в этом сомневался. По всем свидетельствам, Джедрик слишком умна, чтобы прислушиваться к Богам-обманщикам.

«Более умная, более осторожная, более Досадийка, чем я».

Она заслужила победу.

Брой поднялся и подошел к окну. Его командиры за спиной встревоженно переглянулись. Мог ли Брой ПРИДУМАТЬ что-нибудь, чтобы выбраться из этой неразберихи?

Брою был виден угол его узкого коридора в Обод. Он не мог слышать грохота битвы, но оранжевые цветы разрывов сказали ему, что сражение продолжается. Брой знал, в какую авантюру ввязалась Джедрик. Те Говачины за Стеной Бога, создатели этого адского места, были медлительными — ужасающе медлительными. Но в конечном счете они не смогут ошибиться в намерениях Джедрика. Вступят ли они сюда, те недоразвитые Говачины извне, попытаются ли остановить Джедрика? Она явно считает, что да. Все, что она делала, говорило Брою о тщательности, с какой Джедрик подготовилась к появлению тупиц из Внешнего Мира. Брой почти желал ей успеха, но его не устраивала цена, какую придется заплатить ему и его народу.

Джедрик получила только временное преимущество. У нее был Маккай. Она играла на Маккае, как на музыкальном инструменте. А что сделает Маккай, когда узнает, каким образом собиралась его использовать Джедрик? Да... Маккай был идеальным инструментом для Джедрика. Она явно дожидалась этого идеального инструмента, знала, когда он придет.

«Боги! Она была великолепна!»

Брой поскреб свои наросты. Что ж, оставалось еще кое-что, что смогут сделать пойманные в ловушку люди. Он вернулся к своим командирам.

— Оставьте коридор. Сделайте это тихо, но быстро. Отступайте к внутренним стенам.— Когда командиры начали уже разворачиваться, Брой остановил их.— Мне еще нужно несколько добровольцев. Следует объяснить им наше затруднительное положение таким образом,

чтобы не было недопониманий. Они должны пожертвовать собой таким образом, какого не знали раньше Говачины.

— Как?

Это был худой.

Брой обратился к нему. Говачин, рожденный в Ободе, поймет первым.

— Мы должны заставить Джедрик платить подороже. Сотню ее людей за ОДНОГО нашего.

— Самоубийственная миссия,— сказал худой.

Брой кивнул, продолжая:

— Еще одно. Я хочу, чтобы сюда доставили Хевви и чтобы было издано распоряжение об увеличении выдачи продуктов нашим людям в резерве.

Два командира одновременно воскликнули:

— Они бы не пожерт...

— Я придумал кое-что для них.

Брой задумчиво кивнул. Да, несомненно. Некоторые из тех Людей могли еще послужить его целям. Конечно, не так, как Маккай служил Джедрик, но все же был шанс... да, шанс. Джедрик не может быть уверена в том, что Брой может сделать со своими Людьми. С Хевви, например. Джедрик презрительно отбросила того в сторону. Это было полезно. Брой жестом отослал командиров для выполнения своих распоряжений. Они увидели в нем новую решимость. Они передали это нижестоящим. Это тоже служило его целям. Это оттянет тот момент, когда его люди поймут, что за отчаянную авантюру он затеял.

Брой вернулся к коммуникатору, вызвал своих розыскников и подтвердил свои распоряжения. Они все еще могли достичь того, что Джедрик достигла с Пчарки... если они смогут найти Пчарки.

Маккай сказал себе, что можно было догадаться о том, что задание, полученное от Джедрик, не может быть простым. Там должны были быть Досадейские сложности.

— Они не должны сомневаться в том, что ты на самом деле мой лейтенант.

— Значит, я должен быть твоим лейтенантом.

Это доставило ей удовольствие. Джедрик представила ему в общих чертах свой план, предупредив, что предстоящее столкновение не может быть просто спектаклем. Мак-

кай должен реагировать так, словно полностью сознает требования, которые предъявляет ему Досади.

Пока она готовила его, на Чу спустилась ночь, и когда они вернулись в командный пост, где дожидались Гар и Трайа, оказия представилась, как и говорила Джедрик. Это была вылазка людей Броя на Восемнадцатые ворота. Джедрик отдала последние распоряжения и послала его туда.

— Выясни, что они хотят этим добиться!

Маккай задержался лишь для того, чтобы забрать четверых охранников, которые дожидались его у дверей командного поста, отметив неприкрытое удивление у Гара и Трайи. Они сформировали особое мнение о положении Маккая, и теперь им пришлось искать новую оценку. Трайа будет больше всех выведена этим из равновесия, сбита с толку сомнениями в себе. Маккай знал, что Джедрик немедленно усилит эти сомнения, рассказав Гару и Трайе, что Маккай уйдет с ними, вернувшись от Восемнадцатых ворот.

— Вы должны считаться с его приказами так же, как и с моими.

Восемнадцатые ворота, вопреки ожиданиям, представляли собой серьезную проблему. Брой захватил сами ворота и прилегающие к ним два здания. Один из нападавших бросился из окна в центр группы людей Джедрик. Взрыв огромной силы разбросал вокруг множество тел.

— Больше сотни убитых,— выдавил запыхавшийся курьер.

Маккаю не нравился скрытый смысл этой самоубийственной атаки, но у него не было времени, чтобы все обдумать. Им следовало устранить угрозу. Он отдал приказы двум отвлекающим, пока третий отряд взрывал захваченное здание, предварительно завалив ворота булыжником. Второе захваченное здание оказалось в изоляции. Стремительность успеха поразила войска Джедрик и теперь они беспрекословно повиновались Маккаю. Он отдал приказ захватить пленных и привести к нему для допроса.

По команде Маккая один из его собственных охранников принес карту зоны, прикинув ее на стену. С тех пор, как он покинул Джедрик, прошло менее часа, но Маккай чувствовал, что вошел в иной мир, даже более примитивный, чем окружающий невероятную женщину, приводящую все это в движение. Между тем, что он видел вокруг себя и тем, что рассказывали курьеры на команд-

ном посту, была огромная разница. Взрывы и шипение фламеров вдоль улицы раздражали Маккай.

Пристально глядя на карту, Маккай сказал:

— Тут есть все признаки ловушки. Уберите из зоны все отряды, оставьте только наблюдателей. Сообщите Джедрик.

Люди поспешно повиновались,

Один из охранников и два субкомандира остались.

— Как насчет этого места? — поинтересовался охранник.

Маккай огляделся. Это была квадратная комната с коричневыми стенами. Два окна выходили на противоположную от битвы сторону. Когда его доставили сюда для устройства командного пункта, он не успел все здесь осмотреть. От места главной битвы его ограждали четыре улицы с изолированными ходами. Они могли перебросить канатный мост на соседнее здание и эвакуироваться, если здесь станет слишком жарко. Но если Маккай останется в опасной зоне, то это поддержит моральный дух войск.

— Спустись вниз ко входу, — сказал он одному из субкомандиров. — Спусти все лифты вниз и выведи их из строя. Оставь только один. Охраняй его вместе с отрядом поддержки и поставь солдат на лестнице. Будь наготове, чтобы доставить пленных. Твои соображения?

— Я пошлю наверх две команды, чтобы убедиться, что два прилегающих здания безопасны.

«Разумеется!» Маккай кивнул.

Боги! Как эти люди реагируют в опасных ситуациях! Они были целенаправленны и остры, как ножи.

— Сделай это, — сказал Маккай.

Ему пришлось ждать не больше десяти минут, пока два специальных отряда безопасности Джедрик доставили первого пленника, молодого Говачина с любопытными шрамами на веках — похожими на завитушки, бледными на фоне зеленой кожи.

Двое людей из безопасности остановились в дверном проеме. Они крепко держали Говачина, хотя он, похоже, и не сопротивлялся. Субкомандир, доставивший их наверх, вышел и закрыл за собой дверь.

Один из захвативших пленного, мужчина с узким лицом, кивнул, видя, что привлек внимание Маккай.

— Что с ним делать?

— Привяжите его к креслу.

Пока выполнялось распоряжение, Маккай внимательно изучал Говачина.

— Где вы его захватили?

— Он пытался выбраться из того здания через сточную канаву периметра.

— Один?

— Не знаю. Он первый из группы пленников. Остальные ждут снаружи.

Они связали молодого Говачина и встали позади него.

Маккай продолжал изучать пленника. Тот был одет в черный комбинезон с характерным клинообразным вырезом для жаберных щелей. Вся его одежда была порезана и изорвана. Он явно был выслежен со стремительной и беспощадной основательностью. Маккай подавил приступ жалости. Линии шрамов на веках пленника отнюдь не скрывали его происхождения.

— Устраняя татуировку твоего Филума, проделали плохую работу,— сказал Маккай. Он уже распознал узор: Глубокие Пловцы. Это был относительно незначительный Филум, небольшой по численности и болезненно относящийся к статусу своих членов.

Молодой Говачин моргнул. Вступительная ремарка Маккая была сказана настолько между прочим, обыденным тоном, что шок от его слов наступил после. Это было явно заметно по виду рта пленника.

— Скажи пожалуйста, как тебя зовут? — спросил Маккай все тем же ровным, беззаботным тоном.

— Гриник,— выдавил пленник.

Маккай попросил у одного из охранников тетрадь и ручку, вписал туда имя Говачина, прибавив идентификацию Филума.

— Гриник из Глубоких Пловцов,— сказал он.— Давно ты на Досади?

Говачин с шумом пропустил воздух через жаберные щели и промолчал. Люди из безопасности были явно озадачены. Этот допрос проходил совсем не так, как они думали. Маккай и сам не знал, чего ожидать. Он все еще не пришел в себя от удивления, опознав плохо сведенную татуировку Филума.

— Это очень маленькая планета,— продолжил Маккай.— Вселенная, откуда мы оба прибыли, очень велика и может быть очень жестокой. Уверен, ты прибыл сюда не намереваясь умереть.

Если этот Гриник не знаком со смертоносными планами своих начальников, это быстро проявится. Слова Маккая могли быть истолкованы как личная угроза, не затрагивающая в целом интересов Досади. Оставалось посмотреть, как прореагирует Гриник.

Молодой Говачин все еще колебался.

«Когда сомневаешься, молчи».

— Похоже, что тебя специально готовили для этого проекта,— сказал Маккай.— Но я сомневаюсь, что тебе рассказали все. Я даже сомневаюсь, что ты знаешь о таких вещах, которые тебе бы сейчас очень пригодились.

— Кто ты? — потребовал ответа Гриник.— Как ты смеешь говорить здесь о... — Он замолк, взглянув на стоящих за его плечами охранников.

— Им о нас все известно,— солгал Маккай.

Он теперь чуял слабый аромат Говачинского страха, цветочный аромат, с которым встречался всего лишь несколько раз в своей жизни. Двое охранников тоже почувствовали его и улыбнулись, продемонстрировав свою осведомленность.

— Твои хозяева послали тебя сюда на смерть,— сказал Маккай.— Они могут за это поплатиться. Ты спрашиваешь, кто я? Я Джордж Маккай, Легум Говачинской Адвокатуры, Чрезвычайный Агент, старший лейтенант Джедрик, будущей правительницы Досади. Я предупреждаю. Отвечай на мои вопросы, ибо Закон в опасности.

В мирах Говачинов это было несокрушимым аргументом. Гриник был потрясен.

— Что бы ты хотел узнать?

Он с трудом буквально выдавливал слова.

— Твоя миссия на Досади. Точные инструкции, которые ты получил и кто их тебе дал.

— Нас здесь двадцать. Мы посланы Мррегом.

Знакомое имя! Это ошеломило Маккая. После небольшой паузы он сказал:

— Продолжай.

— Еще двое из двадцати там, снаружи.

Гриник сделал движение в сторону двери, несомненно беспокоясь о своих товарищах.

— Твои инструкции?

— Забрать наших людей из этого ужасного места.

— Когда?

— Через... шестьдесят часов осталось.

Маккай медленно выдохнул. Значит, Аритч и компания махнули на него рукой. Они собираются уничтожить Досади.

— Где остальные члены твоей группы?

— Не знаю.

— Вы были, разумеется, резервной командой, обученной и подготовленной для этой миссии. Ты понимаешь, насколько плохо вас обучили?

Гриник промолчал.

Маккай подавил ощущение отчаяния и взглянул на двоих охранников. Он понял, что они доставили ему этого пленника потому, что он не был Досадицем. Разумеется, Джедрик их проинструктировала. В свете этого понимания, ему многое стало ясно. Джедрик оказала достаточное давление на Говачинов за Стеной Бога. Она просто не представляла, на что способны Говачины, чтобы ее остановить. Пора Джедрик узнать, какой фитиль она подожгла. И Брой тоже должен узнать об этом. Особенно Брой, прежде чем отправит свои новые команды камикадзе.

Наружная дверь приоткрылась, и в комнату заглянул субкомандир.

— Ты был прав насчет ловушки. Мы заминировали зону перед отступлением. Хорошо их подловили. Ворота теперь безопасны, и мы очистили последнее здание.

Маккай поджал губы и сказал:

— Забери пленников к Джедрик. Передай ей, что мы идем.

В глазах субкомандира промелькнуло удивление.

— Она знает.

Мужчина все еще колебался.

— Да?

— Там один пленник-человек. Тебе следовало бы допросить его, прежде чем уходить.

Маккай ждал. Джедрик знала, что он прибывает, знала, что произошло здесь, знала насчет пленника-человека снаружи. Она хотела, чтобы Маккай допросил этого человека. Да... разумеется. Джедрик ничего не оставляла на волю случая... по ее стандартам. Что ж, ее стандарты скоро изменятся, но она могла и знать об этом.

— Имя?

— Хевви. Брой содержал его, но когда-то он служил Джедрик. Она велела передать тебе, что Хевви отверженный, что он был заражен.

— Приведи.

Хевви удивил его. Внешне это было пустолицее ничтожество, бахвальство, проглядывающее из-под маски тайного знания. Хевви носил зеленую форму с нарукавной повязкой водителя. Форма была помята, но цела. С ним обращались с большей осторожностью, чем с Говачином. Хевви занял место в кресле. Маккай махнул, чтобы его развязали.

Мысли Маккай были в беспорядке. Он обнаружил, что физически ощущает течение времени. Шестьдесят часов! Но Маккай чувствовал, что уже приблизился к решению тайны Досади, что всего лишь через несколько минут он узнает имена и реальные мотивы тех, кто сотворил этого монстра. Хевви? Он служил Джедрик. Каким образом? Почему признан отверженным? Заражен?

Слишком много вопросов.

Хевви сидел в напряженном ожидании, бросая время от времени взгляд на комнату, на окна. Снаружи больше не было взрывов.

Когда Маккай изучил его более внимательно, то сделал кое-какие выводы. Хевви был невысок, но крепок, один из тех людей не крупного телосложения, чья обманчивая внешность скрывала крепкую мускулатуру. Возраст его определить было затруднительно, но он явно не был Досадицем. Член команды Гриника? Сомнительно. Хотя, точно не Досадиец. Хевви не изучал окружающих, автоматически оценивая статус. Его реакции были медленными. Слишком многое из того, что следовало бы скрывать, явно проступало на его лице. Да, это была крайняя степень раскрытости. Маккай беспокоило, что оставалось слишком много неясностей, слишком много того, к чему не готовили его Аритч с компанией. Потребовалась бы вся жизнь, чтобы разобраться во всех особенностях этого места, а у него оставалось меньше шестидесяти часов.

Все это промелькнуло в голове Маккай за пару секунд. Он принял решение и приказал охранникам удалиться.

Один из охранников начал было протестовать, но Маккай взглядом заставил его замолчать. Затем он подтянул стул и сел лицом к пленнику.

Дверь за охранниками закрылась.

— Тебе послали сюда специально, чтобы отыскать меня,— сказал Маккай.

Такого начала Хевви не ожидал. Он пристально по-

смотрел Маккаю в глаза. Снаружи хлопнула дверь. Слышны были хлопающие звуки, шарканье ног. Кто-то прокричал:

— Уберите отсюда пленников!

Хевви прикусил верхнюю губу. Он даже не пытался протестовать. Глубоко вздохнул и спросил:

— Ты Джордж Маккай из Бюсаба?

Маккай поджал губы. Неужели Хевви сомневается в собственных глазах? Удивительно. Маккай покачал головой, продолжая изучать пленника.

— Ты не можешь быть Маккаем! — воскликнул Хевви.

— Ах. — Маккай потерял дар речи.

Что-то странное с этим Хевви: тело движется, голос звучит, а глаза как будто живут своей отдельной жизнью.

Маккай подумал о том, что сказала Калеванка, Фанни Мэ. **ЛЕГКОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ.** Он был охвачен внезапной уверенностью: кто-то другой, не Хевви, смотрит через глаза мужчины. Да. Люди Аритча контролировали Калеванку, которая поддерживала барьер вокруг Досади. Калеванка могла бы контактировать здесь с отобранными людьми. Она имела постоянную информацию обо всем, что узнавали эти люди. На Досади должно быть много подобных шпионов, натренированных не выдавать контакт с Калеванкой — никаких судорог, никакого впадения в транс. Никаких разговоров о том, сколько агентов имеется здесь у Аритча.

Впрочем, останутся ли прочие люди на Досади в неведении о подобных вещах? Это спорный вопрос.

— Но ты должен быть Маккаем. Джедрик по-прежнему разрабатывает... — Хевви замолчал.

— Ты, должно быть, изрядно позабавил ее своей неуклюжестью, — усмехнулся Маккай. — Однако, уверяю тебя, Бюсаб вовсе не смеялся.

На лице Хевви промелькнуло выражение тайного злодательства.

— Нет, она еще не совершила переход.

— Переход?

— Разве ты еще не рассчитал, как Пчарки предполагает купить свою свободу?

Маккай был выбит из равновесия столь странным поворотом разговора.

— Объясни.

— Предполагается, что он переведет твою личность в тело Джедрик, а ее личность в твоё тело. Думаю, она собиралась испытать это на мне, но...— Хевви пожал плечами.

Это было подобно вспышке в сознании Маккай. Отверженный! Зараженный! Обмен телами!

— Тебя послал Брой!

— Разумеется.— Это было оскорбление.

Маккай сдержал свой гнев. Досадийские усложненности больше не ставили его в тупик, как в былые времена. Это было похоже на отдираание маскировки, слой за слоем. С каждым новым слоем ожидаешь найти ОТВЕТ. Но это ловушка, приготовленная всей вселенной для неосторожного. Это была последняя тайна, а Маккай ненавидел тайны. Были такие, что утверждали, что это является особенностью всех агентов Бюсаба. Ты уничтожаешь то, что ненавидишь. Но все, что Маккай выяснил об этой планете, демонстрировало ему, как мало он знал о любой тайне. Теперь он понял кое-что новое о Джедрик. Сомнений в том, что посланец Броя говорит правду, не было.

Пчарки проник в лабиринт передачи эго Пан Спечи. Он сделал это не имея Пан Спечи в качестве субъекта, если только... да... это объясняет пробелы в истории Трайи. Их эксперимент с Пан Спечи приобрел даже еще более гротескные пропорции.

— Я буду говорить напрямую с твоим Калеванским монитором,— сказал Маккай.

— Моим чем?

Это было столь явным притворством, что Маккай только фыркнул. Он подался вперед.

— Я буду говорить напрямую с Аритчем. Смотри, чтобы он получил это послание без единой ошибки.

Глаза Хевви остекленели. Он содрогнулся.

Маккай почувствовал в своем сознании внутренние щупальца пробного Калеванского контакта и вышвырнул их вон.

— Нет! Я буду говорить открыто через твоего агента. Обрати пристальное внимание, Аритч. Те, кто сотворил этот Досадийский ужас, не могут бегать достаточно далеко, достаточно быстро или достаточно долго, чтобы сбежать. Если ты желаешь превратить каждого Говачина во вселенной в мишень для насилия, то ты действуешь правильно. Прочие, включая Бюсаб, могут применить массовое насилие, если их на это вынудят. Не самая приятная

мысль. Но если ты не будешь придерживаться вашего собственного Закона, честных взаимоотношений между Легумом и Клиентом, твой позор будет выставлен на всеобщее обозрение. Невинные Говачины, так же как и прочие, чей статус еще подлежит определению — все заплатят кровавую цену.

Брови Хевви озадаченно выгнулись.

— Позор?

— Они собираются уничтожить Досади.

Хевви вжался в спинку кресла и сердито посмотрел на Маккай.

— Ты лжешь.

— Даже ты, Хевви, способен распознать правду. Я собираюсь освободить тебя и направить обратно к Брою. Расскажешь ему обо всем.

— Это ложь! Они не собираются...

— Попроси Аритча за себя.

Хевви не спросил: «Кто такой Аритч?» Он встал.

— Я сделаю это.

— Скажи Брою, что у нас меньше шестидесяти часов. Никому из нас, кто может сопротивляться стиранию сознания, не будет позволено бежать.

— Нас?

Маккай кивнул, подумав: «Да, я теперь Досадиец». Он сказал:

— Убирайся отсюда.

Его немало позабавило, что субкомандир открыл дверь как раз, когда Хевви добрался до нее.

— Присмотри за ним сам, — сказал Маккай, указав на Хевви. — Я буду готов через минуту.

Не заботясь о том, понял ли субкомандир характер поручения, Маккай закрыл глаза, размышляя. Оставалась еще проблема Мррега, пославшего с Тандалура двадцать Говачинов, чтобы забрать ЕГО ЛЮДЕЙ с планеты. Мррег. Это было имя мифического чудовища, испытывавшего первый примитивный народ Говачинов почти до вымирания, закладывая структуру их глубочайших инстинктов.

МРРЕГ?

Было ли это кодом или какой-то Говачин действительно использовал это имя? Или это была роль, исполняемая каким-то Говачином?

Дает ли население осведомленное согласие, когда правящее меньшинство действует втайне, чтобы разжечь войну, делая это для оправдания существования военных сил меньшинства? История уже ответила на этот вопрос. Каждое общество в Консенте сегодня отражает исторический приговор, гласящий, что эта неспособность предоставить полную информацию для осознанного согласия по такому вопросу является предельным преступлением.

Из Суда Судов

Менее чем через час после закрытия Восемнадцатых Ворот Маккай и его эскорт прибыли обратно в здание штаба Джедрик. Он провел их по усиленно охраняемому боковому входу с его экспресс-лифтом, не желая проходить в этот момент мимо Пчарки. Пчарки был ненужным отвлекающим фактором. Маккай оставил эскорт в коридоре, дав инструкцию для получения пищи, и просигналил лифту. Дверь лифта открыла невысокая человеческая женщина лет пятнадцати.

Маккай, хорошо замаскировав свое естественное недоверие даже к молодежи на этой планете, тем не менее, получив приглашение, держал ее под наблюдением. Ребенок с улицы — грязное лицо и руки, рваное цельное одеяние серого цвета, обрезанное у колен. Само ее существование говорило о том, что она, чтобы получить пищу, неоднократно торговала собственным телом. Но Маккай не мог ее осуждать. Только теперь он понял, как сильно изменился под влиянием Досади. Ты делаешь то, чего требуют окружающие условия, когда эти условия непреодолимы. Основной вопрос: это или смерть? И, определенно, некоторые из них выбирают смерть.

— Джедрик, — сказал он.

Она что-то сделала со своими кнопками, и он вскоре обнаружил себя в незнакомом коридоре. Впрочем, там стояли два знакомых охранника. Они не проявили к Маккаю ни малейшего интереса, когда он прошмыгнул мимо них.

Это была крохотная комната, пустая, но в ней была еще одна дверь. Маккай открыл ее с большей уверенностью и прошел в большее помещение, заполненное мраком проекционной комнаты, с туманными фигурами, сидящими лицом к голографическому фокусу слева от него.

Маккай узнал Джедрик по ее профилю и скользнул в кресло рядом с ней.

Ее внимание было приковано к Г-фокусу, где стояла проекция Броя, который смотрел на что-то, находящееся над их головами. Маккай узнал компьютерную модель по слабому скольжению. Там, в фокусе, был не Брой из плоти и крови.

У дальней стены кто-то встал и пересек комнату, чтобы сесть рядом с еще одной фигурой во мраке. Маккай узнал Гара, когда тот пересек один из проекционных лучей.

— Зачем модель? — шепотом спросил Маккай у Джедрик.

— Она начинает делать то, чего я не предвидела.

МИССИЯ КАМИКАДЗЕ. Маккай смотрел на модель, недоумевая, почему нет никакого синх-звука. Ах, да. Они читают по губам. Да, Джедрик переработала модель Броя, которую хранила в своей голове. Она также будет хранить одну модель, даже более точную, чем Броя, которая даст ей время на приспособление к реакциям некоего Джорджа Маккая.

— Ты действительно это сделаешь? — спросил он.

— Почему ты отвлекаешь меня подобной чепухой?

Маккай задумался. Да, это хороший вопрос. Он уже знает ответ. Джедрик это сделает: обменяется с ним телами и сбежит во внешний мир, за Стену Бога, в качестве Маккая. Она все еще сможет сделать это, если он не сумеет разобраться в механизме передачи.

На данный момент Джедрик узнала про шестидесятичасовой предел и заподозрит его значение. Меньше шестидесяти часов. А Досадиец может сделать чрезвычайно сложный проекцию-план на основе ограниченных данных. Свидетельством тому служила модель Броя.

Фигура в фокусе разговаривала с толстой человеческой женщиной, державшей трубку, в которой Маккай узнал полевой коммуникатор.

Джедрик обратилась к Гару.

— Она еще с ним?

— Пристрастилась.

Диалог из двух фраз, а вмещает целую беседу о возможных использованиях той женщины. Маккай не спрашивал, к чему она пристрастилась. На Досади было слишком много подобных веществ, каждое с необычными характеристиками, зачастую вызывающих к жизни странные

монополии, знакомые, кажется, каждому. Это был предательский пробел в инструктаже Аритча: монополии и их использование.

Когда Маккай переварил происходящее в фокусе, причины этого заседания стали очевидны. Брой отказался поверить рапорту от Хевви.

А в фокусе появился Хевви.

При появлении модели Хевви Джедрик удостоила Маккая мимолетным взглядом. Определенно, она включила Маккаю в свои расчеты.

Маккай стиснул зубы. «Она знала, что Хевви заразит меня. Они не могут сказать на своей чертовой планете: «Я тебя люблю». О, нет. Им придется создать специальный Досадийский Кодекс».

— Большая часть данных для этого получена до развала, — сказал Маккай. — Это бесполезно. Вместо того, чтобы просить компьютер показывать милые картинки, почему не исследовать наши собственные воспоминания? Уверен, где-то в обобщенных впечатлениях о Брое...

Его остановило хихиканье где-то слева.

Маккай слишком поздно увидел, что у каждого сиденья в комнате подлокотник был оборудован клавиатурой для моделирования. Они делали именно то, что он предлагал, но более изощренно. Фигуры в фокусе соответствовали комбинированным воспоминаниям. На кресле Маккая тоже был установлен такой пульт. Он внезапно понял, насколько занудным и бестактным должен показаться этим людям. Они не тратили энергию на ненужные слова. Любой, кто это делал, ненормален, плохо обучен или... или не с Досади.

— Он всегда утверждает очевидное? — спросил Гар.

Маккай размышлял, не потерял ли он возможность исследовать тайну Обода, утратив свое лейтенантство, но... нет, на это сейчас нет времени. Ему придется проникнуть в Обод другим путем.

— Он новичок, — сказала Джедрик. — Но не такой уж наивный, тебе следовало бы знать.

— Он заставляет тебя делать это сейчас, — заявил Гар.

— Опять угадал.

Маккай положил руку на пульт и проверил клавиши. На это ушло не больше секунды. В Консенте были подобные приспособления, а эта штука, без сомнения, была слегка переделанной модификацией ввода Демопола. Он

медленно изменил Броя в фокусе — более неуклюжий, обвисшие щеки и узловатые бородки половозрелого самца Говачина. Маккай зафиксировал изображение.

— Пробный? — спросил Гар.

Ответила ему Джедрик.

— Это знание, которое он принес с собой сюда. — Она что-то проделала со своим пультом, остановила проекцию и усилила освещение комнаты.

Маккай отметил, что Трайа в комнате отсутствовала.

— Говачины где-то изолировали своих женщин, — сказал Маккай. — Но их местонахождение не трудно определить. Пошлите Трайе сообщение, что она не должна атаковать коридор Броя.

— Зачем задержка? — спросил Гар.

— К этому моменту в коридоре уже не будет солдат Броя.

Гар был зол и даже не пытался этого скрывать.

— Ни один из них не уйдет через эти ворота в Обод.

— Не в Обод, — процедила Джедрик.

Теперь ей все стало ясно. Маккай предоставил ей недостающие данные. Пора было использовать пришельца, как она с самого начала и намеревалась. Джедрик посмотрела на Маккай.

— У нас есть незаконченное дело. Ты готов?

Маккай промолчал. Что он мог ответить на такой досадийски продуманный вопрос? На этой планете пользовались столькими уловками, что суть разговора мог уловить только местный уроженец. Маккай снова почувствовал себя тупым пришельцем, ребенком сомнительного потенциала среди нормальных взрослых.

Джедрик встала и посмотрела через комнату на Гара.

— Отправь сообщение Трайе держаться в готовности для нового назначения. Расскажи Брою. Вызови его по открытой линии. У нас есть теперь отличное применение для твоих фанатиков. Если хотя бы несколько твоих людей пробьются в комплекс Гралуса, то этого будет достаточно. Брой поймет.

Маккай заметил, что Джедрик разговаривала с Гаром со знакомыми поучающими интонациями. Это была любопытно продуманная манера, однажды использованная на Маккае, но больше она против него подобного не применяла. То, что он это понял, позабавило Джедрик.

— Пошли, Маккай. У нас не так уж много времени.

Дает ли население осведомленное согласие, когда это население не научено знанию внутренних механизмов своей монетарной системы, а потом втянуто, совершенно невежественное, в экономические авантюры?

Из Суда Судов

После утренней трапезы Аритч почти час наблюдал, как Сейланг работает с моделью Маккая. Она усердно продвигалась, уверенная, что на карте стоит честь Вревов, и почти достигла желательной для Аритча степени.

Сейланг соорудила свою собственную модельную ситуацию: Маккай беседовал с пятью Говачинами Броя. Она заставила Говачинов прийти к Маккаю сдаваясь, вытянув руки, перепончатые пальцы выставлены, чтобы показать, что когти втянуты.

Модель-Маккай просто исследовал военные преимущества.

— Почему Брой атакует в такой манере?

Или отворачивался к какому-то месту за пределами Г-фокуса.

— Пошлите в ту зону подкрепление.

Об Ободе ничего.

Ранее Сейланг испробовала ситуацию с моделью пленника, где пятеро Говачинов пытались сбить Маккаю с толку, представив сценарий, по которому Брой сосредоточил свои силы у коридора. Приготовления к прорыву в Обод выглядели очевидными.

Модель-Маккай спросил пленников, зачем они лгут.

Сейланг очистила моделирующий блок и перевела назад. Она увидела Аритча в окошке наблюдения и открыла канал связи.

— Должно быть, что-то не в порядке с моделирующим блоком. Маккай не проявляет склонности к расследованию ситуации Обода.

— Я уверяю тебя, что модель замечательно точна. Замечательно.

— Тогда почему...

— Возможно, он уже знает ответ. Почему бы тебе не попробовать его с Джедрик? Здесь...— Аритч повозился с панелью управления в комнате наблюдения.— Это может помочь. Это запись Маккаю во время недавней акции на Досади.

Модельный блок представил вид вдоль крытого прохода

через здание. Искусственный свет. В дальнем конце прохода темнота. К объективу приблизился Маккай в сопровождении двух охранников.

Сейланг узнала сцену. Она наблюдала эту акцию у Восемнадцатых ворот под несколькими углами, видела этот проход пустым перед битвой, знакомясь с доступными точками обзора. Потом, когда Сейланг наблюдала, проход был заполнен защитниками,— людьми. За объективом были малые ворота, и она знала, что сами объективы представляют собой лишь блестящее пятно, крапинку блестящей грязи в обычно желтовато-сером кирпиче над аркой ворот.

Теперь, без толчеи защитников, длинный проход казался Сейланг странным. Когда по нему шел Маккай, там было несколько рабочих. Они ремонтировали трубы на потолке. В дальнем конце прохода команда уборщиков смывала пятна крови, там было самое горячее место во время атаки Говачинов. Возле объектива прислонился к стене скучающий офицер. Выражение его лица не ввело Сейланг в заблуждение. Он был там, чтобы наблюдать за Маккаем. Рядышком примостились на корточках трое солдат, которые играли в кости на кучку монеток, лежащих перед ними. Время от времени одному из игроков следовало передавать монетку наблюдающему офицеру. Спина к объективу стоял ответственный за ремонт с тетрадью в руке, записывая список необходимого для завершения работы. Маккай с охранниками были вынуждены обходить этих людей. Когда они прошли мимо, офицер повернулся, посмотрел прямо в объектив и улыбнулся.

— Этот офицер один из наших людей? — спросила Сейланг.

— Нет.

Точка обзора сместилась, теперь они смотрели на сами ворота. Маккай был виден в профиль. Привратником был подросток со шрамом на правой щеке и сломанным носом. Маккай не проявлял никаких признаков узнавания, но юнец знал Маккаю.

— Ты настаиваешь на просьбе.

— Когда она звонила?

— В десять.

— Пропусти нас.

Ворота открылись. Маккай и его охранники прошли в них, выйдя из фокуса объектива.

Юный привратник встал и разбил объектив. Г-фокус опустел.

Аритч минуту смотрел вниз из наблюдательной комнаты, прежде чем заговорить.

— Кто звонил?

— Джедрик.— Сейланг говорила не раздумывая.

— О чем говорит тебе эта беседа? Быстро!

— Что Джедрик предвидела его передвижения, наблюдая за ним все время.

— Что еще?

— Этот Маккай... знает об этом, знает, что она может предсказать его.

— Его модель у нее в голове лучше нашей... там.— Аритч указал на зону Г-фокуса.

— Но они так много оставляют недоговоренным! — воскликнула Сейланг.

Аритч промолчал.

Сейланг закрыла глаза. Это походило на чтение мыслей и сбивало с толку.

Аритч прервал ее размышления.

— Что насчет того офицера и привратника?

Она покачала головой.

— С вашей стороны мудро использовать там живых наблюдателей. Кажется, они все знают, что за ними наблюдают. И как это сделано.

— Даже Маккай.

— Он не смотрел на объективы.

— Потому что он первым делом предположил, что мы держим его под постоянным наблюдением. Его не заботит механическое вторжение. Он выстроил собственную модель Маккая, действующую на поверхности настоящего Маккая.

— Это твой вывод?

— Мы пришли к этому, наблюдая за Джедрик в ее отношении к Маккаю. Она сдирает слои модели по одному, приближаясь все более и более к действительности в середине.

Сейланг беспокоило еще одно наблюдение.

— Почему привратник как раз тогда разбил объектив?

— Очевидно, потому что Джедрик велела это сделать. Сейланг вздрогнула.

— Временами мне кажется, что эти Досадийцы играют на нас, как на точном инструменте.

— Разумеется! Вот почему мы и послали к ним Маккая.

Музыка цивилизации имеет далеко идущие последствия для сознания и, таким образом, воздействует на базовую природу общества. Музыка и ритмы подчиняют сознание, описывая пределы, внутри которых сознание, увлеченное таким образом, может действовать. Возьмите под контроль музыку и тогда вы будете владеть мощным инструментом для формирования общества.

Анализ Досади, документы Бюсаба

Это было за полчаса до того, как Джедрик и Маккай обнаружили, что находятся в коридоре, ведущем в их жилище. Маккай, сознавая, какие усилия она прилагает, чтобы скрыть глубокую обеспокоенность, внимательно за ней наблюдал. Джедрик сосредоточилась на изображении энергичности, ее внимание было приковано к виду впереди. Не было никакого способа, чтобы узнать, что у нее на уме. Маккай не делал попыток нарушить молчание. У него были свои поводы для беспокойства.

Где была настоящая Джедрик? Как она собирается использовать Пчарки? Сможет ли он ей сопротивляться?

Маккай знал, что близок к разгадке тайны Досади, но перспектива двойной авантюры, которую он собирался предпринять, наполняла его сомнениями.

При выходе из комнаты они обнаружили, что попали в какую-то странную ситуацию, задерживающую их, словно это было что-то спланированное, чтобы вызвать их раздражение. Все было готово к тому, чтобы они двинулись — охранники предупреждены, лифт ждет, двери открыты. Но каждый раз, когда они считали, что путь свободен, то всякий раз сталкивались с помехой. Если не считать очевидной важности вопросов, задерживающих их, было легко вообразить себе заговор.

Группа Говачинов у Семидесятых Ворот хотела сдать, но сначала потребовала переговоров. Одной из помощниц Джедрик не нравилась ситуация. Ее беспокоило что-то в оценке предложения и она хотела обсудить это с Джедрик. Она остановила их на полдороге в первом коридоре снаружи проекционной комнаты.

Помощница была пожилой женщиной, неуловимо напомнившей Маккаю лаборанта Врева из Бюсаба, всегда с подозрением относившегося к компьютерам, даже испытывавшего к ним неприязнь. Этот Врев перечитал каждый бит истории эволюции подобных инструментов, какой

только смог отыскать, и любил напоминать своим слушателям о злоупотреблениях Демопола. Человеческая история в изобилии снабдила его аргументами вследствие своих периодических бунтов против «порабощения машинами». Однажды он загнал Маккай в угол.

— Посмотри сюда! Видишь этот знак: ГИГО*. Это очень старый знак, висевший над одним из ваших древних компьютеров. Это акроним: «Отбросы внутри, отбросы снаружи». Видишь! Они знали!

Да. Помощница Джедрик напомнила ему того Врева.

Маккай прислушался к ее тревогам. Она ходила вокруг да около центрального повода для беспокойства, так и не подходя к сути дела. Сознывая установленный Аритчем крайний срок и усталость Джедрик, Маккай чувствовал наваливающееся на него давление. Данные помощницы были точны. Их проверили другие. Наконец, он больше не смог сдержать нетерпения.

— Кто вводил эти данные в ваш компьютер?

Помощница вздрогнула при вмешательстве, но Джедрик выжидательно повернулась к нему.

— Думаю, это Хольянс,— проговорила помощница.— Зачем?

— Приведи его сюда.

— Ее.

— Значит, ее! Убедись, что она действительно вводила эти данные.

Хольянс была узколицей женщиной с глубокими морщинами вокруг очень ярких глаз. Волосы у нее были темными и жесткими, кожа почти такого же цвета, как и у Маккай. Да, это она вводила данные в компьютер, потому что они поступили в ее смену и она сочла их слишком важными, чтобы поручать это кому-либо.

— Это то, чего вы хотели? — спросила Хольянс.

Маккай не увидел в этом грубости. Это была прямота Досадийца. Повсюду происходило что-нибудь важное. НЕ ТЕРЯЙ ВРЕМЕНИ.

— Ты видела эту оценку предложения о сдаче? — спросил Маккай.

— Да.

— Ты удовлетворена ею?

— Данные введены правильно.

* Garbage In, Garbage Out.

— Я спрашиваю не об этом.

— Разумеется, я удовлетворена!

Хольянс стояла, готовая защищаться против любого обвинения в недобросовестном отношении к своим обязанностям.

— Скажи мне,— произнес Маккай.— Если бы ты хотела, чтобы компьютер Говачинов выдал недобросовестную оценку, что бы ты сделала?

Она подумала над этим минуту, моргнула, украдкой посмотрела на Джедрик, похоже, ушедшую в размышления.

— Ну, сэр, у нас есть регулярная процедура фильтрации для предотвращения...

— Вот оно,— сказала Джедрик.— Если бы я была Говачином, то не делала бы этого прямо сейчас.

Джедрик повернулась и пролаяла приказы стоящим позади нее охранникам.

— Это еще одна ловушка! Позаботьтесь об этом.

Выйдя из лифта, они столкнулись с еще одной задержкой в лице одного из сопровождающих, бывших с Маккаем у Восемнадцатых Ворот. Его звали Тоду Пеллас, и Маккай обратился к нему по имени, отметив легкое проявление вызванного этим удовольствия. У Пелласа тоже были сомнения насчет выполнения отдельного приказа.

— Нам предложено поддержать движение Трайи атакой через верхний бульвар, но там уже два дня все завалено деревьями.

— Кто свалил эти деревья? — спросил Маккай.

— Мы.

Маккай понял. Они отвлекали внимание. Говачинам предложили поверить в то, что это обеспечит прикрытие для атаки, но никакой атаки за два дня не было.

— Они, должно быть, пребывают в весьма сильном напряжении,— сказала Джедрик.

Маккай кивнул. Это тоже имело смысл. Для Говачинов альтернативным заключением было, что люди пытались заставить их поверить в атаку в этой точке. Но укрытие два дня не перемещалось ни к одной из сторон.

Джедрик вздохнула.

— У нас превосходство в огневой мощи и когда Трайа... что ж, вы сумеете проложить себе дорогу прямо через это, чтобы...

— Останови эту атаку,— вмешался Маккай.

— Но...

— Останови!

Джедрик поняла направление его рассуждений. Брой многому научился от-того отряда, который обучали Гар и Трайа. А Джедрик сама предоставила финальный акцент урока. Она поняла, что нет необходимости изменять свои приказы Пелласу.

Пеллас взял на себя ответственность подчиниться Маккаю, не дожидаясь ответа Джедрик, хотя она и была его командиром. Он уже извлек из пояса свой коммуникатор и торопливо говорил в него.

— Да! Окопайтесь для акции поддержки.

Пеллас сказал в сторону, для Джедрик.

— Я могу управиться с этим отсюда.

Маккай и Джедрик в несколько шагов преодолели остаток пути до ее комнаты. Джедрик прислонилась к двери, не пытаясь больше скрывать усталость.

— Маккай, ты становишься настоящим Досадийцем.

Он подошел к панели и выдвинул кровать.

— Тебе надо отдохнуть.

— Нет времени.

Да, Джедрик знала про шестидесятичасовой срок — теперь уже меньше пятидесяти пяти часов. Уничтожение Досади было реакцией, которой она не ожидала от «Икса», и она винула в этом себя.

Маккай повернулся, изучая ее, и увидел, что Джедрик перешла какой-то предварительно определенный предел личной выносливости. Она не обладала усилителями мышц или чувств, ничем из той изощренной помощи, которую Маккай мог призвать в случае опасности. У нее не было ничего, кроме ее великолепного ума и тела. И Джедрик их почти истощила. Она спешила. Это многое говорило о ее побудительных мотивах.

Маккай обнаружил, что его глубоко тронул тот факт, что Джедрик ни разу не выбрала его за утаивание той крайней угрозы, которую Аритч держал над Досади. Для нее было приемлемо, что кто-то в положении Аритча мог бы уничтожить целую планету, что Маккаем соответственно маневрировали, скрывая это.

Предложенная ею альтернатива наполнила Маккаю недобрыми предчувствиями.

ОБМЕНЯТЬСЯ ТЕЛАМИ?

Он понимал теперь, что в этом состояла функция

Пчарки, цена, заплаченная старым Говачином за свое выживание. Джедрик объяснила.

— Он исполнит эту службу еще один раз. В обмен мы освободим его с Досади.

— Если он один из подлинных... Я хочу сказать, почему бы ему просто не уйти?

— Мы не обеспечили его телом, которое он может использовать.

Маккай ужаснулся. Из истории Досади, раскрытой Джедрик, становилось ясно, что в Калеванском контракте, заточившем эту планету, была оставлена умышленная лазейка. Фанни Мэ даже сказала это. Он мог бы уйти в другом теле. Это было основной целью Досадийского эксперимента.

НОВЫЕ ТЕЛА ДЛЯ СТАРИКОВ!

Аритч ожидал, что это будет решающим соблазном, привлекая Маккай в Говачинский заговор, вербуя высочайшие способности Маккай и его сильную позицию в Бюсабе.

Новое тело за его старое.

Все, что ему нужно было сделать, это сотрудничать в уничтожении планеты, скрывать настоящее назначение этого проекта и помочь оборудовать еще одну более замаскированную планету для обмена телами.

Но Аритч не предвидел, что могут натворить Джедрик плюс Маккай. Теперь они разделяли особую ненависть и побудительные мотивы.

Джедрик все еще стояла у двери, дожидаясь его решения.

— Расскажи, что мне делать,— попросил Маккай.

— Ты уверен, что желаешь...

— Джедрик!

Ему показалось, что он увидел появляющиеся на глазах слезы. Не то, чтобы Джедрик их прятала, но она им и не поддавалась. Она обрела голос и указала.

— Панель рядом с кроватью. Нажимная защелка.

Панель широко распахнулась, открыв два мерцающих стержня около двух сантиметров в диаметре. Стержни были полны той же энергией, что и клетка Пчарки. Они выходили из пола и изгибались под прямым углом где-то на уровне талии, а когда панель открылась, завращались, вытягиваясь в комнату — две сияющие рукоятки на расстоянии метра друг от друга.

Маккай уставился на них. Он чувствовал стеснение в

груди. Что, если он неправильно понял Джедрик? Можно ли быть уверенным хоть в одном Досадийце? Эта комната казалась ему теперь такой же знакомой, как и его жилище на Централ Централ. Это здесь Джедрик преподавала ему некоторые самые существенные уроки Досади. Тем не менее... Маккай знал прежнюю схему того, что она предлагала. Сброшенное тело вместе с донорским эго всегда немедленно убивалось. Почему?

— Ты получишь ответ на этот вопрос, когда мы это сделаем.

Досадийский ответ, двусмысленный, перегруженный альтернативами.

Маккай оглядел комнату, обнаружив, что нелегко поверить, что он знал это место лишь эти несколько дней. Его внимание снова обратилось к мерцающим стержням. Еще одна ловушка?

Маккай знал, что время уходит, что ему придется пройти через это. На что это будет похоже, обнаружить себя во плоти Джедрик, нося ее тело, как он сейчас носит свое собственное? Пан Спечи передают эго от тела к телу. Но с донором происходит что-то такое, что они тщательно скрывают.

Маккай судорожно вздохнул.

Это должно быть сделано. Он и Джедрик разделяли общие цели. У нее было много возможностей использовать Пчарки просто для того, чтобы сбежать или продлить себе жизнь... способ, каким он теперь понял, Брой использовал секрет Досади. Факт, что Джедрик ждала, пока Маккай вынудит его поверить ей. Последователи Джедрик доверяли ей — а они были Досадийцы. И если Маккай сбежит к ней, Аритч может обнаружить, что столкнулся лицом к лицу с Маккаем, далеко отличным от того, кто так наивно пересек Обод. Они еще смогут остановить Аритча.

Соблазн, однако, был реален. Никаких сомнений. Сбросить прежнее тело, получить новое. А Обод был главным источником СЫРЬЯ: сильных, жизнерадостных тел. Выживших.

— Что я делаю? — спросил Маккай.

Он почувствовал руку на своем плече, и Джедрик заговорила рядом с ним.

— Ты настоящий Досадиец, Маккай. Изумительно.

Он взглянул на нее и увидел, чего ей стоило подойти сюда от двери. Маккай обвил рукой ее талию и осторожно

устроил ее в сидячем положении на кровати и в пределах досягаемости стержней.

— Скажи мне, что делать.

Джедрик пристально смотрела на стержни, и Маккай сообразил, что ею двигала ярость, ярость против Аритча, воплощения «Икса», воплощения придуманной судьбы. Он понимал это. Разгадка тайны Досади оставила ему ощущение пустоты, но по краям была такая ярость, какой Маккай прежде никогда не испытывал. Впрочем, он все еще был Бюсабом. Маккай не хотел больше кровопролития из-за Досади, не хотел больше Говачинских оправданий.

Его размышления прервал голос Джедрик, и он увидел, что она также разделяет некоторые из его дурных предчувствий.

— Я происхожу из длинного ряда еретиков. Никто из нас не сомневался, что Досади является преступлением, что где-то есть правосудие, чтобы покарать преступников.

Маккай чуть не вздохнул. Только не старые мечты о Мессии! Только не это! Он не будет исполнять эту роль, даже для Досади.

Джедрик словно прочла его мысли. Наверное, учитывая хранящуюся в ней модель Маккай, именно так оно и было.

— Мы не ожидали, что придет герой и спасет нас. Мы знали, что любой, кто придет, будет страдать от той же неполноценности, что и другие виденные нами здесь не-Досадийцы. Вы были такими... медлительными. Скажи мне, Маккай, что движет Досади?

«Власть»,— чуть было не произнес Маккай.

Джедрик видела его колебания и ждала.

— Власть изменить свои условия,— сказал он.

— Ты заставляешь меня гордиться, Маккай.

— Но откуда ты знаешь, что я был...

— Маккай!

— Да, я полагаю, что был для тебя самой легкой ролью,— с трудом проглотив комок в горле, проговорил он.

— Отыскать твои способности и сформировать из тебя Досадийца было намного труднее.

— Но я мог быть...

— Расскажи мне, как я это делала, Маккай.

Это была проверка. Он это понимал. Как Джедрик может быть уверена, что он тот, кто ей нужен?

— Я был послан сюда способом, которого не смог предусмотреть Брой.

— А это нелегко.— Она посмотрела на потолок.— Нас пытались, время от времени, поймать на крючок. Хевви...

— Скомпрометированный, оскверненный...

— Беспольный. Временами из глаз Хевви смотрел чужак.

— Мои глаза — мои собственные.

— Первое, что сообщил о тебе Бахранк.

— Но даже до этого...

— Да?

— Они использовали Хевви, чтобы сказать тебе о моем прибытии... и он сказал тебе, что ты могла бы использовать мое тело. Ему пришлось быть правдивым с тобой до конца. Ты могла читать Хевви! Какими умными они себя считали! Я должен был быть уязвим... по-настоящему уязвим.

— Первым делом...

— ...ты навела справки обо мне.— Маккай кивнул.— Подозрения подтвердились. Наживка. Я был кем-то, подлежащим устранению. Я был могущественным врагом твоих врагов.

— А ты был рассержен нормами Досади.

— Ты это видела?

— Маккай, вас, людей, так легко читать. Так ЛЕГКО!

— И оружие, принесенное мною. Вам предложили его, чтобы уничтожить себя. Скрытый смысл...

— Я бы увидела это, если бы хорошо знала Аритча. Ты ЗНАЛ, что он предназначил для нас. Ошибкой с моей стороны было читать твой страх как чисто личный. Со временем...

— Мы теряем время.

— Боишься, что опоздаем?

Джедрик еще раз посмотрела на сверкающие стержни. Что же сделал Пчарки? Маккай почувствовал, что не в состоянии проконтролировать бурно текущий поток событий. Какую сделку на самом деле заключила Джедрик с Пчарки? Она увидела вопрос на его лице.

— Мои люди все время знали, что Пчарки был всего лишь орудием Бога, который заточил нас. Мы вынудили к сделке этого Бога — эту Калебанку. Ты думал, что мы не узнаем, что силы той клетки идентичны силам Стены Бога? Больше никаких задержек, Маккай. Пора проверить нашу сделку.

Гериатрическое или иное продление жизни власть имущим представляет для разумных обществ такую же угрозу, как та, что исторически обнаружена в доминировании самоувечивающейся бюрократии. И та, и другая присваивают себе prerogативы бессмертия, набирая с каждым прошедшим мгновением все больше и больше власти. Это власть, рядящаяся в теологические одежды: неприступный Закон, богоданный мандат лидера, очевидная неизбежность судьбы. Удерживаемая в узких пределах власть все дальше и дальше расходится с адаптивными требованиями изменившихся условий. Лидеры становятся еще более параноидальными, подозрительно относятся к нововведениям, испуганно защищают личную власть и, с ужасом избегая всего, что кажется им рисковом, слепо ведут свой народ к уничтожению.

Руководство Бюсаба

— **О**чень хорошо, я расскажу тебе, что меня беспокоит,— сказала Сейланг.— В этой проблеме слишком много такого, чего я не в состоянии понять.

Она посмотрела через небольшую круглую комнату на Аритча, спокойно возлежащего в крохотном голубом бассейне. Его голова, пристроенная на бортике бассейна, была почти на одном уровне с головой Сейланг. Они снова заработались до поздней ночи. Она понимала причины этого. Время явно поджимало, но необычный Говачинский привкус ее обучения почти постоянно держал ее в состоянии раздраженного сомнения.

Все это было таким не-Вревским!

Сейланг разгладила одеяние на своем длинном теле. Оно теперь было синим, один шаг прочь от Легумного черного. Соответственно, все вокруг нее было синим: стены, потолок, бассейн Аритча.

Верховный Магистр пристроил на краю бассейна подбородок, чтобы говорить.

— Мне требуются специфические вопросы, прежде чем я смогу хотя бы проникнуть в смысл твоей озадаченности.

— Будет ли Маккай защищать или обвинять? Эта модель...

— К черту модель! Он скорее всего допустит ошибку в обвинении. Силы твоего собственного разума были бы...

— Но что, если он не сделает ошибки?

— Тогда выбор списка присяжных станет жизненно важным.

Сейланг изогнула тело на одну сторону, чувствуя, как кресло-собака приспосабливается, чтобы ей было удобно. Как обычно, ответ Аритча только углубил ее ощущение неуверенности. Теперь Сейланг это высказала.

— У меня по-прежнему странное ощущение, что ты предназначил мне играть какую-то роль, которую я, предполагается, не открою до последнего момента.

Аритч шумно выдохнул через рот, плеснул себе на голову водой.

— Все это может быть спорно. Послезавтра к этому времени Досади и Маккай могут уже больше не существовать.

— Значит, я не продвинулся в Легум?

— О, я уверен, что ты будешь Легумом.

Сейланг разглядывала его, почувствовав иронию, потом сказала:

— Ну, и по тонкому же канату ты ходишь, Верховный Магистр.

— Вряд ли. Мой путь широк и ясен. Ты знаешь вещи, которые я не могу одобрять. Я не могу предать Закон своего народа.

— У меня тоже есть подобные запреты. Но это Досадийское дело так заманчиво.

— Так опасно! Наденет ли Врев человеческую плоть, чтобы изучить человеческое состояние? Позволите ли вы проникнуть человеку в общество Вревов в этом...

— Есть кто-то, кто мог устроить заговор! Есть даже Говачины, которые...

— Возможностям неправильного использования нет числа.

— К тому же ты говоришь, что Маккай уже больше Говачин, чем сами Говачины.

Перепончатые кисти Аритча охватили край бассейна, когти вытянулись.

— Мы многим рисковали, обучая его для выполнения этой задачи.

— Больше, чем рисковали со мной?

Аритч подтянул руки и пристально уставился на Сейланг.

— Так вот что тебя беспокоит.

— Именно.

— Подумай, Сейланг, насколько близко к сердцу Вревства ты позволила мне подойти. Вот настолько и не далее мы позволим тебе.

— А Маккай?

— Он уже мог зайти слишком далеко, чтобы было возможно разрешить его дальнейшее существование.

— Я учту твоё предостережение, Аритч. Но я все еще пребываю в недоумении относительно того, почему Калеванцы не могли предотвратить...

— Они признаются в непонимании передачи эго. Но кто может понять Калеванца, не говоря уже о том, чтобы контролировать в столь деликатном вопросе? Даже того, кто создал Стену Бога...

— Ходят слухи, что Маккай понимает Калеванцев.

— Он это отрицает.

Сейланг потеряла свою левую шербающую скулу хватательной жвалой, чувствуя множество шрамов от ее прохождения через триады Вревов. Особь к паре, пар к ячейке, пока все не стало единой гигантской семьей. Тем не менее, все были Вревами. Это Досадийское дело было чудовищной пародией на Вревство. Все же...

— Так увлекательно,— пробормотала Сейланг.

— В этом его угроза.

— Нам следует молиться о смерти Досади.

— Наверное.

Сейланг была испугана.

— Что...

— Это не может умереть вместе с Досади. Наш священный долг гарантирует, что ты уйдешь отсюда с этим знанием. Об этом знают многие Говачины.

— И Маккай.

— У инфекций есть пути распространения,— сказал Аритч.— Помни об ЭТОМ, если дело дойдет до Зала Суда.

Существуют некоторые формы безумия, которые, будучи доведены до крайнего выражения, могут стать новыми моделями нормальности.

Руководство Бюсаба

— **М**аккай? Это было знакомое присутствие Калеванки в его сознании, словно Маккай слышал и чувствовал кого-то или ЧТО-ТО, чего там не было.

Приготовления были обманчиво просты. Он и Джедрик сцепили руки, его правую и ее левую, и каждый ухватил другой рукой один из мерцающих стержней.

У Маккая не было готовой идентификации для этой Калеванки, и он задумался над сомнением в ее голосе. Впрочем, он согласился, что он, несомненно, Маккай, оформил мысли как субвокальный разговор. Разговаривая, Маккай остро осознавал присутствие рядом с ним Джедрик. Она теперь была чем-то большим, нежели просто еще одной личностью. В нем была ее пробная модель, иногда предвещающая его реакции.

— Вы пришли к взаимному согласию? — спросила Калеванка.

Затем Маккай почувствовал Пчарки: далекое присутствие, контроль за этим экспериментом. Как будто Пчарки редуцировался до схемы, которой следовала Калеванка, до набора сложных правил, многие из которых нельзя было перевести в слова. Какая-то часть Маккая реагировала на это, словно пробудившееся внутри него чудовище, спящее чудовище, поднявшееся исполненное гнева на подобное пробуждение, вопрошая:

— Кто это осмелился разбудить меня?

Маккай чувствовал, как дрожит его тело, чувствовал, как рядом с ним дрожит Джедрик. Калеванско-Тапризотская дрожь, тяжкая реакция на транс! Теперь он видел это явление в ином свете. Когда подходишь к краю этой бездны...

Пока эти мысли проносились у него в голове, Маккай почувствовал легкий сдвиг, не более чем неясное отражение чего-то, что не было собственно движением. Теперь, все еще ощущая вокруг себя свою собственную плоть, он также чувствовал себя овладевшим внутренним контактом с телом Джедрик и знал, что она разделяет это впечатление.

Паника, какую Маккай даже не считал возможной, грозила захлестнуть его. Он чувствовал, что Джедрик пытается разорвать контакт, остановить это отвратительное соучастие, но они были беспомощны в хватке не, молимои силы.

Разум ни разу не прикоснулся к этому ощущению, но их почти одновременно одолел фаталистический покой. Маккай чувствовал, что осознание Джедрик-плоти углубилось. Его разобрало любопытство.

«Так это и есть женщина!»

«Это мужчина?»

Они делились мыслями через смутный мостик.

Маккая охватило очарование. Он попробовал глубже.

Он/она могли чувствовать, как он/она дышат. А различия! Это были не гениталии, наличие или отсутствие грудей. Она лишилась грудей. Он ощущал острое раздражение из-за их присутствия, застенчивое осознание глубинных помыслов. Ощущение различия ушло обратно за пределы гаметы Маккай-Джедрик.

Маккай чувствовал ее мысли, ее реакции.

Джедрик: «Ты бросаешь свою сперму в поток времени».

Маккай: «Ты окружаешь и выкармливаешь...»

«Я бросаю/Я выкармливаю».

Как будто они смотрели на объект с противоположных сторон, с запозданием осозная, что исследуют одно и то же.

«Мы бросаем/Мы выкармливаем».

Ограждающие слои развернуты, и Маккай обнаружил себя в сознании Джедрик, она — в его. Их мысли стали единой сущностью.

Отдельные жизненные опыты Досади и Консента переплавились в единую связь.

«Аритч... ах да. Видишь? Я твой друг Пан Спечи, Билдун. Отметь это. Ты подозревал, но теперь ты знаешь...»

Каждый набор впечатлений питался другим, увеличиваясь в объеме, очищаясь... сгущаясь, отбрасывая, творя...

«Так вот что такое обучение Легума».

«Любящие родители? Ах, да, любящие родители».

«Я/мы приложим давление там... и там... Они должны быть поставлены в положение, когда этот будет выбран судьей. Да, это даст нам требуемый рычаг. Пусть они взламывают свой собственный код».

И разбуженное чудовище зашевелилось внутри них. Оно не имело никакой размерности, никакого места, только существование. Они почувствовали его мощь.

«Я делаю то, что делаю!»

Сила окутала их. Никакого другого сознания не допускалось. Они почувствовали главный поток, непоколебимую силу, способную перевесить все, что угодно в их вселенной. Это был не Бог, не Жизнь, не какой-то особый вид. Оно было настолько далеко за пределами подобных формулировок, что Джедрик-Маккай не могли бы даже

предполагать это, без ощущения, что следующий миг принесет уничтожение. Они почувствовали, как в их объединенное, испуганное сознание ворвался вопрос. Вопрос был квадратом обрамлен в гнев, изумление, холодное развлечение и угрозу.

«Для ЭТОГО вы разбудили МЕНЯ?»

Теперь они понимали, почему старое тело и донор — эго всегда немедленно убивались. Это ужасное соучастие создавало... создавало шум. Шум пробуждал вопрошающего.

Они поняли вопрос без слов, зная, что никогда не ухватят полного знания и эмоционального заряда, что это сожжет их, если они хотя бы попытаются. Гнев... изумление... холодное развлечение... угроза. Вопрос, как истолковало их собственное объединенное сознание, являл собой предел. Он был всем, что Джедрик-Маккай могли воспринять.

Вторгшийся вопрошающий удалился.

Впоследствии они так толком и не были уверены, были ли они изгнаны или же бежали в ужасе, но в их комбинированном сознании горели прощальные слова.

«ПУСТЬ СПЯЩИЕ СПЯТ».

Затем они мягко ушли в свои сознания. Они поняли предупреждение, но понимали, что никогда не сумеют довести смысл угрозы до сознания разумных существ своей вселенной.

Сопутствующий фактор: Маккай-Джедрик чувствовали проекцию ужаса от Калеванки, создавшей Стену Бога. Это было новое впечатление в коллективной женско-мужской памяти. Калеванка Фанни Мэ никогда не излучала подобного на подлинного Маккай. Даже когда чувствовала себя обреченной.

Сопутствующий фактор: Маккай-Джедрик чувствовали перегоревшее угасание от Пчарки. Что-то в этом ужасном контакте ввергло Пчарки в его смертельное падение. Старый Говачин умер в тот момент, когда Маккай-Джедрик сообразили это. Это была захлопнувшаяся дверь. Но это пришло после сверкающего понимания Маккаем-Джедрик, что Пчарки принимал участие в первоначальном решении о проведении Досадийского эксперимента.

Маккай обнаружил, что облачен в живую, дышащую плоть, посылавшую свои сообщения через его сознание. Он не был уверен в том, каким из двух тел владеет, но тело, определенно, было отдельным. Оно окутало его челове-

скими ощущениями: вкус соли, запах пота и вездесущая вонь Уоррена. Одна рука держала холодный металл, другая вцепилась в руку собрата-человека. Это тело орошал пот, сцепившиеся руки были скользкими от него. Маккай чувствовал, что знать, какая рука держит другую руку, было крайне важным, но он не был готов встретиться лицом к лицу с этим знанием. Осознание себя, этого нового себя, и целой жизни новых воспоминаний требовало нового внимания, какое он смог мобилизовать.

Фокус: Обод-Сити, никогда не выходящий из-под контроля Джедрик, потому что она с изощренной осторожностью пропускала сигналы к Гару и Трайе и потому что те, кто отдавал распоряжения на Обод, участвовали в поколениях селективного выведения, породивших Джедрик. Она была биологическим оружием, чьей единственной целью была Стена Бога.

Фокус: Любящие родители могут подвергать своего ребенка смертельному риску, когда знают, что сделано все возможное, чтобы подготовить этого ребенка к выживанию.

Странностью для Маккай было то, что он чувствовал подобное как личные воспоминания.

— Я это сделал.

Джедрик испытывала похожие муки.

«Которое тело?»

Так вот что такое обучение агента Бюсаба. Умно... почти адекватно. Сложно и полно тем, что было для нее внове, но почему оно всегда останавливается перед полным развитием?

Джедрик заново просмотрела занятия с Аритчем и Сейланг. Парочка под стать друг другу. Выбор Сейланг и выбранная для нее роль казались очевидными. Как наивно! Джедрик даже пожалела Сейланг. Это была интересная эмоция. Она никогда прежде не испытывала жалости в чистом виде.

Фокус: Маккай на самом деле ее любил. Она смаковала эту эмоцию в ее Консентовской сложности. Искреннее течение эмоций очаровало ее. Им никогда не приходилось быть обузданными!

В и вне этого творческого обмена сплетались интимность, чистая сексуальность без запретов.

Маккай, смакуя позабавленность Джедрик от предположения Трайи о размножении Маккай-Джедрик, обнару-

жил, что захвачен требованиями мужского эротизма и понял, что сохранил свое прежнее тело.

Джедрик, понимая долгий поиск Маккаем женщины, которая бы его дополняла, обнаружила, что ее позабавленность превратилась в желание продемонстрировать такое дополнение. Когда она повернулась к нему, отпустив тусклый стержень, некогда мерцавший в контакте с Пчарки, то обнаружила себя в теле Маккая, смотрящей в свои собственные глаза.

Маккай задохнулся от зеркального ощущения.

И тут же вдруг, под воздействием шока, они переместились в знакомую плоть: Маккай в мужскую, Джедрик в женскую. Это мгновение стало предметом исследования — назад — и вперед. В этой новой игре эротизм отошел на второй план.

«Мы можем сами выбрать себе пол!»

Это было что-то за пределами Тапризиотов и Калембанцев, много большее, чем ползучая прогрессия эго Пан Спечи через их тела из их креше.

Они поняли источник этого странного дара в ту минуту, когда опустились на кровать, удовлетвовавшись на время пребыванием в знакомой роли мужчины и женщины.

СПЯЩИЙ МОНСТР.

Это был колющий дар, нечто, что могли бы дать своему ребенку ЛЮБЯЩИЕ РОДИТЕЛИ, зная, что пришла пора этому уроку. Тем не менее, они чувствовали себя заново ожившими, понимая, что на мгновение прикоснулись к беспредельному источнику энергии.

Эту совместную мечтательность прервал громкий стук в дверь.

— Джедрик! Джедрик!

— Что там?

— Это Брой. Он желает поговорить с Маккаем.

Они мгновенно вскочили с кровати.

Джедрик взглянула на Маккаю, зная, что не может иметь секретов от него. Исходя из взаимного понимания на этой основе, она заговорила за обоих.

— Он спрашивает, зачем?

— Джедрик...

Это был голос доверенной помощницы. Он дрожал от страха.

— ...скоро день, а солнца нет. Бог погасил солнце!

— Запечатали нас...

— ...чтобы скрыть финальный взрыв.

Джедрик открыла дверь и предстала перед перепуганной помощницей.

— Где Брой?

— Здесь — на твоём командном посту. Он пришел один, без сопровождения.

Джедрик взглянула на Маккаю.

— Ты будешь говорить за нас.

Брой ждал на командном посту возле карты. Бдительные Люди стояли в пределах дистанции поражения. Когда Маккай и Джедрик вошли, он повернулся. Маккай отметил, что тело Говачина действительно было тяжелым от семенных соков, как он и предвидел. Нарушение распорядка для Говачина.

— Каковы твои условия, Маккай?

Голос Броя был гортанным, сам он тяжело дышал.

Лицо Маккай оставалось по-Досадийски невыразительным, но он подумал: «Брой считает меня ответственным за темноту. Он в ужасе».

Прежде, чем заговорить, Маккай взглянул на окружающую черноту за окнами. Он знал этого Говачина, так как Джедрик кропотливо изучала его. Брой был извращенцем, коллекционером извращений, окружившим себя столь же извращенными людьми. Он был профессиональным извращенцем, читавшим все с помощью этого необычного Досадийского Экрана. В его круг не мог войти никто, не разделявший его позиции. Все прочие оставались снаружи и в подчинении. Брой был отъявленным Досадийцем, квинтэссенцией, почти столь же человек, сколь и Говачин, потому что явно некогда носил человеческое тело. Хотя был Говачином по происхождению — вне всякого сомнения.

— Ты следовал по моим следам,— сказал Маккай.

— Отлично!

Брой просиял. Он не ожидал встретить Досадийский обмен репликами, урезанный до лишенной эмоциональной окраски сути.

— К несчастью,— продолжил Маккай,— у тебя нет позиции, с которой можно вести переговоры. Будут сделаны определенные вещи. Ты уступишь по доброй воле. Ты вынужден будешь уступить, иначе мы будем действовать без тебя.

Со стороны Маккая это было умышленной провокацией, избрать не-Досадийские формы для сокращения этого противостояния. Это более, чем что-либо другое, говорило о том, что он прибыл из-за Стены Бога, что темнота, украшая дневной свет, была слабым оружием из его арсенала.

Брой заколебался.

— Итак?

Единственное слово повисло в воздухе вместе с бесчисленными подтекстами: весь обмен отброшен, надежды разрушены, намек на печаль об утраченных силах и все еще с той извращенной скрытностью, бывшей отличительным признаком Броя. Это было более тонко, чем пожатие плечами, более сильно в своих намеках, чем двухчасовая говорильня.

— Вопросы? — поинтересовался Маккай.

Брой, явно удивленный, посмотрел на Джедрик. Он как будто взывал к ней: они оба были Досадийцами, разве не так? У этого пришельца грубые манеры, ему недостает Досадийского понимания. Как можно с ним разговаривать? Он обратился к Джедрик.

— Разве я уже не доказал свою покорность? Я пришел один, я...

Но Джедрик поддержала Маккая.

— Есть определенные... странности в нашем положении.

— Странности?

Мигательная мембрана Броя дернулась.

Джедрик позволила себе изобразить легкое замешательство.

— Некоторые тонкости положения на Досади должны быть опущены. Мы все сейчас униженные просители... и мы имеем дело с людьми, говорящими не так, как мы, поступающими не так, как мы...

— Да.— Брой указал вверх.— Умственно заторможенные. Значит, мы в опасности.

Это не было вопросом. Брой всматривался вверх, словно пытаясь увидеть что-то сквозь потолок и мешающие этажи. Он вздохнул.

— Да.

Это опять было сжатое сообщение. Любой, кто смог установить там Стену Бога, может взорвать и всю планету. Следовательно, Досади и все ее обитатели приведены

к покорности. Лишь Досадиец мог бы быстро воспринять это без лишних вопросов, а Брой был истинным Досадийцем.

Маккай повернулся к Джедрик. Когда он заговорил, она предвидела каждое слово, но ждала его.

— Вели своим людям прекратить все атаки.

Он посмотрел в лицо Брою.

— И твои люди.

Брой переводил взгляд с Джедрик на Маккай, обратно на Джедрик. Он был явно озадачен, но повиновался, не задавая вопросов.

— Где коммуникатор?

Там, где господствует боль, агония может быть ценным учителем.

Досадийский афоризм

Маккаю и Джедрик не было нужды обсуждать это решение. Они соучаствовали в этом выборе и знали, что соучаствуют, посредством селекции памяти, отныне общей для них обоих. В Стене Бога была лазейка, и хоть сейчас стена окутала Досади темнотой, Калеванский контракт все еще был калеванским контрактом. Сейчас было важно, ответит ли Калеванка Стены Бога.

Джедрик в теле Маккай стояла на страже снаружи собственной комнаты, пока воплощенный в Джедрик Маккай сидел, пытаясь выйти на контакт. С кем ему следует связаться? Фанни Мэ? Абсолютная темнота, окружавшая Досади, намекала на уход охранницы Калеванки. И времени было мало.

Маккай сел, скрестив ноги, на пол комнаты и попытался очистить свое сознание. Концентрации мешали постоянные странные открытия в женском теле, которое он сейчас носил. Момент обмена оставил после шок, Маккай сомневался, что шок этот вообще измерим. Им ничего не оставалось, кроме как разделить желание поменяться теперь, и это произошло. Но это иное тело — ах, множество отличий создают такую путаницу. Это зашло намного дальше приспособления к иному росту и весу. Мышцы его/ее рук и бедер были словно неправильно прикреплены. Телесные ощущения направлялись различными подсознательными процессами. Анатомия создавала свой собствен-

ный шаблон, свое собственное инстинктивное поведение. К примеру, Маккай обнаружил, что необходимо развивать сознательно контролируемые движения, защищавшие его/ее груди. Движения напоминали мужские приемы для защиты паха. Эти приемы мужчина приводил в шаблоны автоматического поведения. Проблема с женским телом заключалась в том, что ему приходилось ДУМАТЬ о подобном поведении. И дело было не только в сцепке грудь/пах.

Когда Маккай пытался очистить свое сознание для Калеванского контракта, вмешивались эти спутанные сгустки памяти. Это доводило его до безумия. Ему нужно было избавиться от телесных раздражителей, но женское тело требовало постоянного внимания. В отчаянии Маккай проделал гипervентиляцию и попытался погрузиться в медитацию. Это был способ перманентной потери личности, если состояние слишком затянется. Однако это привело к ясности, достаточной для того, чтобы Маккай смог заполнить свое сознание образами Фанни Мэ.

Молчание.

Он чувствовал ход времени, словно каждое биение сердца было ударом.

По краям молчания затаился страх.

Маккай понял, что кто-то испугал Калеванку Стены Бога.

Он почувствовал гнев.

— Калеванка! Ты мой должник!

— Маккай?

Ответ был настолько слаб, что он поначалу подумал, что это надежды сыграли с ним дурную шутку.

— Фанни Мэ?

— Ты — Маккай?

Это было сильнее, и он узнал знакомое присутствие Калеванки в своем сознании.

— Я Маккай, а за тобой должок.

— Если ты правда Маккай... почему ты так... странно... изменился?

— Я ношу другое тело.

Маккай не был уверен, но ему показалось, что он почувствовал испуг. Потом Фанни Мэ ответила более сильно.

— Я теперь забираю Маккай с Досади? Контракт позволяет.

— Я разделю судьбу Досади.

— Маккай!

— Не спорь со мной, Фанни Мэ. Я разделю судьбу Досади, если ты не заберешь еще одну узловую точку/личность вместе со мной.

Затем Маккай спроецировал образ Джедрик, несложный процесс с тех пор, как он разделил все ее воспоминания.

— Она носит тело Маккая!

Это звучало обличительно.

— Она носит ЕЩЕ ОДНО тело,— сказал Маккай. Он знал, что Калбанка видела его новые взаимоотношения с Джедрик. Теперь все зависело от истолкования Калбанского контракта.

— Джедрик Досадийка,— запротестовала Калбанка.

— Я тоже Досадиец... теперь.

— Но ты Маккай!

— И Джедрик тоже Маккай. Войди в контакт с ней, если мне не веришь.

Он прервал контакт с сердитой внезапностью и обнаружил себя распростертым на полу, все еще дергающимся. Женское тело, которое Маккай все еще носил, плавало в поту. Голова болела.

Сделает ли Фанни Мэ, как он велел? Маккай знал, что Джедрик способна проецировать его сознание, как он проецировал ее. Как Фанни Мэ интерпретирует Досадийский контракт?

Боги! Боль в этой голове была ужасающей. В теле Джедрик Маккай чувствовал себя чуждым, неправильно употребленным. Боль не отступала, и он задумался, не нанес ли непоправимого вреда мозгу Джедрик своей интенсивной медитацией.

Маккай медленно выпрямился и встал на ноги. Ноги Джедрик подгибались от усталости. Он подумал о Джедрик, которая стояла снаружи двери и дрожала в зомбиподобном трансе, необходимом для этого контакта сознания к сознанию. Как долго это будет продолжаться? Отступила ли Калбанка?

НЕУЖЕЛИ МЫ ПРОИГРАЛИ?

Маккай направился к двери, но прежде чем успел сделать второй шаг, вокруг вспыхнул свет. На какую-то секунду он решил, что это финальный огонь для уничтожения Досади, но свет устойчиво сохранялся. Маккай огля-

нулся вокруг и обнаружил, что находится на открытом воздухе. Он сразу же узнал это место: внутренний двор в компаунде Сухая Голова на Тандалуре. Маккай увидел знакомые узоры Филума на окружающих стенах: зеленый говачинский шрифт на желтых кирпичках. Был слышен плеск воды в угловом бассейне. Прямо перед ним в арочном входе стояла группа Говачинов, и он узнал одного из своих прежних учителей. Да — это был санктус Сухой Головы. Эти люди защитили его, обучили, поделились своими неприкосновенными секретами.

Говачины взволнованно двинулись во двор. Их внимание было сосредоточено на распростертой рядом с ним фигуре. Фигура шевельнулась, села.

Маккай узнал свое собственное тело.

ДЖЕДРИК!

Это была интенсивная обоюдная потребность. На обмен телами потребовалось меньше, чем мгновение ока. Маккай обнаружил себя в своем собственном теле и сел на холодном кафеле. Приближающиеся Говачины забрасывали его вопросами.

— Маккай, что это такое?

— Ты выпал через дверь для прыжка!

— Ты не пострадал?

Маккай отмахнулся от вопросов, скрестил ноги и впал в транс долгого вызова, сфокусированный на том шарике в его желудке. Билдун никак не ожидал, что он воспользуется этим шариком!

В соответствии со своими обязанностями Тапризиот, ожидавший на Централ Централ, охватил его сознание. Маккай отказался от контакта с Билдуном и сделал шесть вызовов через чуткого Тапризиота. Вызовы ушли к ключевым агентам Бюсаба. Все агенты были честолобивы и изобретательны, все полностью лояльны к мандату агентства. Маккай передал свою информацию по Досади полными вспышками, используя полученную во время своего обмена с Джедрик технику — сознание к сознанию.

Вопросов было немного и ответить на них было легко.

— Калеванка, держащая Досади в заточении, разыгрывает из себя Бога. Такова буква контракта.

— Одобряет ли это Калеванка?

Этот вопрос пришел от особо проникательного агента — Врева. Он был чувствителен к сложностям, которые

подразумевались в факте, что Говачины обучают Сейланг, женщину-Врева, в качестве Легума.

— Концепции одобрения или неодобрения здесь неприменимы. Калеванка должна выполнять контракт.

— Это была игра?

Агент-Врев выразил благородное негодование.

— Наверное. Одно определено: Калеванцы не понимают этику так, как понимаем ее мы.

— Мы всегда это знали.

— Но теперь мы на самом деле это усвоили.

Сделав шесть вызовов, Маккай послал свой запрос на Аритча. Он обнаружил Верховного Магистра в совещательном бассейне Филума Бегущих.

— Приветствую, Клиент.

Маккай спроецировал позабавленность. Он чувствовал потрясение Говачина.

— Есть определенные вещи, сделать которые тебе дает инструкцию твой Легум, властью священной печати наших отношений.

— Значит, ты вызовешь нас в Судебный Зал?

Верховный Магистр был восприимчив и воспользовался некоторыми дарами Досади, хотя и не был Досадийцем. Маккай обнаружил, что теперь Аритчем относительно легко манипулировать, задействовав глубочайшие мотивации Верховного Магистра. Когда Аритч запротестовал против аннулирования контракта на Стену Бога, Маккай показал только первый слой упрямой решимости.

— Ты не станешь добавлять трудностей своему Легуму.

— Но что же удержит их на Досади?

— Ничего.

— Тогда ты будешь защищать, а не обвинять?

— Спроси своего любимчика Врева. Спроси Сейланг.

Потом Маккай прервал контакт, зная, что Аритч может только безоговорочно ему подчиниться. Остальные варианты для Верховного Магистра были еще более неприемлемы. А Закон Говачинов предотвратило его пренебрежение приказами Легума, как только был определен характер спора.

Маккай очнулся от вызова и обнаружил, что его друзья из Сухой Головы сгрудились вокруг Джедрик. Она объясняла затруднительное положение. Да... Были свои преимущества в том, чтобы иметь два тела, особенно, если есть

единая цель. Маккай встал. Джедрик увидела его и заговорила.

— Моей голове уже лучше.

— Это была трудная штука,— сказал Маккай и добавил: — И по-прежнему трудная. Но Досади свободна.

В давние времена у власть имущих была привычка подталкивать фишки власти (деньги или другие экономические табуляторы, пункты статуса и т. д.) в случающиеся время от времени насильственные пертурбации, из которых немногие осведомленные извлекали прибыль. Человеческие отчеты об этом опыте выявляют поучительные примеры такого поведения. Лишь Пан Спечи, похоже, избежали этого явления, возможно, по причине креше-рабства.

Сравнительная история, Текст Бюсаба

Следующую серию вызовов Маккай сделал из комнаты, оставленной для него Сухими Головами. Это было относительно большое помещение, зарезервированное для людей, в ней были хорошо обученные кресла-собаки и широкая собака-кровать, которую Джедрик разглядывала с подозрением, невзирая на все воспоминания Маккай о подобных вещах. Она знала, что у этих штук есть только рудиментарный мозг, но тем не менее, они были... ЖИВЫЕ.

Джедрик стояла у единственного окна, которое выходило на бассейн во внутреннем дворе. Она повернулась, когда услышала, что Маккай очнулся от своих вызовов.

— Подозрения подтвердились,— сказал он.

— Оставят ли твои друзья-агенты Билдуна для нас?

— Да.

Джедрик повернулась обратно к окну.

— Я все еще думаю, как должно выглядеть теперь небо Досади... без Стены Бога. Такое же яркое, как это.— Она кивнула в сторону окна.— А когда мы получим прыжковые двери...

Джедрик замолчала. Маккай, разумеется, разделяет подобные мысли. Эта новая близость требовала значительного приспособления.

— Я размышляла насчет твоего обучения в качестве Легума,— сказала она.

Маккай понял направление ее мыслей.

Говачины, выбранные для его обучения, все выглядели открытыми в своих взаимоотношениях. Ему сказали, что его учителя были избранной группой, выбранной за свои отличия, лучшие из доступных для этой задачи: создания Говачинского Легума из не-Говачина.

«Шелковый кошель из свиного уха!»

Его учителя, казалось, вели жизнь добропорядочных Говачинов. Содержали обычное количество плодovitых самок в семейных резервуарах, выпалывая детей Гралуса с необходимой Говачинской несдержанностью. На поверхность взгляд, в целом это вызывало ощущение обыденности. Они ввели его в интимные аспекты своей жизни, когда он попросил, отвечали на его вопросы с обезоруживающей искренностью.

Теперь усиленное Джедрик сознание Маккай видело все это в ином свете. Резко выделялись споры между Филумами Говачинов. И Маккай теперь знал, что не сумел подобрать правильных вопросов. Его учителя были подобраны по иным принципам, чем те, что ему внушались. Их частные инструкции от их Говачинских начальников содержали жизненно важные нюансы, утаенные от ученика.

Бедная Сейланг.

Это были огорчительные размышления. Они изменили его понимание Говачинской чести, подвергли сомнению все те произвольные сравнения Говачинских форм и мандата его собственного Бюсаба. Его обучение в Бюсабе подверглось столь же придирчивому исследованию.

Почему... почему... почему... почему...

Закон? Говачинский Закон?

Ценность агента Бюсаба в качестве Легума Говачина приобрела новое измерение. Маккай видел эти вопросы теперь, как некогда Джедрик видела сквозь Стену Бога. Существовали иные силы, лишь смутно различимые за видимым экраном. Где-то вне лежала невидимая структура власти — люди, редко появляющиеся на публике, творцы решений, чей малейший каприз имеет ужасную важность для бесчисленных миров. Многие миры будут удержаны в различных степенях зависимости. Досада была просто крайним случаем специального назначения.

Новые тела для стариков. Бессмертие. И учебный полигон для людей, принимающих ужасные решения.

Но никто из них не будет столь полным Досадищем, как этот, усиленный Джедрик, Маккай.

Он задумался, где же было принято решение по Досади. Аритч в этом не участвовал: это очевидно. За Аритчем стояли другие — Говачины и не-Говачины. Существовала группа теневой власти. Она могла располагаться на любом из миров Консента. Торговцам властью необходимо было время от времени встречаться, но не обязательно лично. И никогда на глазах общественности. Секретность была их первым правилом. Они используют многих людей, живущих на открытых краях их власти, людей для выполнения грязных работ — людей наподобие Аритча.

И Билдун.

Что надеялся получить Пан Спечи? Перманентное удержание эго эго креше? Разумеется. Это... плюс новые тела — человеческие тела, несомненно, свободные от клейма эго Пан Спечийского происхождения.

Поведение Билдуна — и Аритча — выглядело теперь таким понятным. И поблизости должен был быть Мррег, создающий течения, где плавал Аритч. Марионетка вела к Кукловоду.

Мррег.

Тот бедный дурачок, Гриник, открыл больше, чем думал.

И Билдун.

— У нас есть две точки входа, — сказал Маккай.

Джедрик согласилась.

— Билдун и Мррег. Последний более опасен.

У Маккая зачесалась складка рядом с носом. Он с отсутствующим видом поскреб ее, начиная осознавать, что что-то изменилось. Маккай осмотрелся вокруг и обнаружил себя стоящим у окна. Он был одет в женское тело.

Проклятье! Это произошло так легко.

Джедрик пристально посмотрела на него эго собственными глазами. Она говорила эго голосом, но интонации были чисто Джедрик. Оба они нашли ситуацию весьма забавной.

— Власти твоего Бюсаба.

Маккай понял.

— Да, сторожевые псы правосудия.

— Где же были эти сторожевые псы, когда моих предков заманили в Досадийский капкан?

— Сторожевые псы весьма опасны.

— Ты понимаешь наше ощущение надругательства, — сказала Джедрик.

— И я понимаю, что такое иметь любящих родителей.

— Помни об этом, когда разговариваешь с Билдуном.

Маккай опять обнаружил себя на кровати в своем привычном теле.

Немного погодя он почувствовал ментальные щупальца вызова, ощутил, как в контакт с ним входит сознание Билдуна. Маккай не терял времени. Силы тьмы проглотили наживку.

— Я определил местонахождение Досади. Дело пойдет в Зал Суда. В этом нет никаких сомнений. Я хочу, чтобы ты сделал предварительные приготовления. Проинформируй Верховного Магистра Аритча, что я делаю формальное наложение Легума. Один из членов судейской коллегии должен быть Говачином с Досади. Я имею в виду особенного Говачина. Его зовут Брой.

— Где ты?

— На Тандалуре.

— Разве это возможно?

Маккай замаскировал свою печаль. «Ах, Билдун, как же легко тебя читать».

— Досади временно вне опасности. Я принял определенные ответные предосторожности.

Маккай прервал контакт.

Джедрик задумчиво проговорила:

— Ну и кашу же мы заварили.

У Маккая не было времени на подобные раздумья.

— Брою поднадобится помощь, команда поддержки. Я хочу, чтобы ты подобрала для него людей понадежней.

— Хорошо. А как насчет Трайи и Гара?

— Пусть они действуют независимо. Брой подберет их позднее.

Регулируемые экономики всегда более разрушительны для общества, чем те, которые управляются жадностью. Вот о чем говорит Досади: жадность устанавливает свои собственные пределы, являясь саморегулирующейся.

Анализ Досади, Текст Бюсаба

Маккай осмотрел назначенный ему офис Легума. В открытое окно доносились запахи папоротниковых джунглей Тандалура. Низкий барьер отделял его от Судебного Зала. Его офис и примыкающее жилое помещение

были невелики, но имелся терминал к библиотекам и инфраструктуре, чтобы вызывать свидетелей и экспертов. Это была комната с зелеными стенами, столь обманчиво заурядная, что не одного не-Говачина обманула уверенностью, что он знает, как себя здесь вести. Но эти апартаменты представляли собой обманчивую внешность, скользящую на говачинских течениях. И пускай Пакт Консента определил, что Говачины могут делать здесь, это был Тандалур, где люди-лягушки являлись господствующей расой.

Усевшись за единственный стол в помещении офиса, Маккай почувствовал, как под ним умачивается кресло-собака. Хорошо было снова иметь кресло-собаку после безжалостной мебели Досади. Он щелкнул тумблером и обратился к Говачину, лицо которого показалось на экране, встроенном в стол.

— Мне нужны свидетельские показания тех, кто принимал действительное решение проводить Досадийский эксперимент. Готовы ли вы принять этот запрос?

— У вас есть имена этих людей?

Неужели этот дурак думает, что он собирается выпалить: «Мррег?»

— Если вы вынудите меня на это,— предупредил Маккай.— Я обяжу Аритча Законом и получу имена от него.

Это не произвело на Говачина никакого впечатления. Он обратился к Маккаю по имени и титулу, прибавив:

— Оставляю формальности на вас. Любой вызываемый мною свидетель должен иметь имя.

Маккай подавил улыбку. Подозрения подтверждались. Это был факт, поздно распознанный бдительным Говачином на экране. Однако кто-то еще правильно понял обмен репликами. Еще одно лицо. Говачина постарше, сменило на экране первое.

— Что ты делаешь, Маккай?

— Определяю, как мне вести это дело.

— Ты будешь вести его как Легум Говачинской Адвокатуры.

— В точности.

Маккай ждал.

Говачин пристально всматривался в него с экрана.

— Джедрик?

— Ты говоришь с Джорджем Маккаем, Легумом Говачинской Адвокатуры.

Говачин с запозданием понял, насколько Досади изменила Маккая.

— Ты хочешь, чтобы я ввел тебя в контакт с Аритчем?

Маккай покачал головой. Насколько тупы эти подчиненные!

— Аритч не принимал решения о Досади. Аритч был выбран на роль козла отпущения, если дело не выгорит. Я не приму ничего меньшего, чем тот, кто принимал окончательное решение, запустившее Досадийский эксперимент.

Говачин холодно посмотрел на него и сказал:

— Одну минуту. Я посмотрю, что можно сделать.

Экран опустел, но звук остался. Маккай услышал голоса.

— Привет... Да, я извиняюсь, за вторжение в такое время.

— В чем дело?

Это был глубокий, высокомерный Говачинский голос, полный досады из-за непредвиденной помехи. Также в нем присутствовал акцент, который Досадиец мог бы узнать, несмотря на тщательно наложенные маскировочные интонации. Здесь был тот, кто использовал Досади.

Голос Говачина с экрана Маккай продолжал:

— Связанный с Аритчем Легум поднимает чувствительную линию вопросов. Он желает говорить с вами.

— Со мной? Но я готовлюсь к Лаупаку.

Маккай не имел никакого представления о том, что же такое Лаупак. Это открывало для него новые неизвестные стороны из быта Говачинов. Здесь промелькнуло нечто утонченное, что было скрыто от него все эти годы. Этот крохотный проблеск уверил Маккай, что он выбрал правильный курс.

— Он слушает нас сейчас.

— Слушает... зачем?

Интонация была угрожающей, но Говачин, перехвативший требования Маккай, продолжал, не дрогнув.

— Чтобы сэкономить объяснения. Ясно, что он все равно добьется разговора с вами. Этот вызывающий — Маккай, но...

— Да?

— Вы поймете.

— Полагаю, что правильно истолковал положение дел. Очень хорошо. Включай его.

Экран Маккая вспыхнул, явив широкую панораму Говачинской комнаты, подобной которой он раньше никогда не видел. На дальней стене висели копья и холодное оружие, длинные ленты цветных выпелов, блестящие камни, изделия из черной блестящей субстанции, покрытые замысловатой резьбой. Все это было фоном для полуоткинутой креслособаки, занятой пожилым Говачином. Он сидел, расставив ноги, пока два Говачина помоложе смазывали его. Два служителя поливали его густым золотистым веществом из зеленых хрустальных флаконов. Флаконы были в виде спиралей. Содержимое их мягко втиралось в кожу человека-лягушки. Старый Говачин блеснул от этой штуки, а когда моргнул, то Маккай увидел, что у него отсутствуют татуировки Филума.

— Как ты можешь видеть,— сказал он.— Я готовлюсь к...

Говачин прервался, увидев, что говорит с не-Говачином. Так как его известили заранее, то у него была явно замедленная реакция, с точки зрения Досадийца.

— Это ошибка,— проквакал Говачин.

— В самом деле,— вежливо кивнул Маккай.— Ваше имя?

Старый Говачин нахмурился при такой бестактности, потом хихикнул.

— Имя мое Мррег.

Маккай именно это и подозревал. В самом деле, почему бы Тандалурскому Говачину не присвоить имя, нет, ТИТУЛ, мифического чудовища, которое вдохнуло в людей-лягушек тягу к жестокому испытанию? Такое толкование выходило далеко за пределы этой планеты, затрагивало также и Досади.

— Вы принимали решение по Досадийскому эксперименту?

— Кому-то надо было это сделать.

Это не было приемлемым ответом, и Маккай решил идти напролом.

— Вы не оказываете мне никакой помощи! Я теперь знаю, что значит быть Легумом Говачинской Адвокатуры, и я намереваюсь воспользоваться своей властью так, как ее только можно использовать.

Маккай как будто сотворил какую-то странную магию, заморозившую сцену на экране. Два служителя прекратили лить мазь, но не смотрели в сторону передающего объектива, записывающего их действия для Маккая. Что

же до Мррега, то он сидел совершенно неподвижно, уставившись немигающим взглядом на Маккая.

Тот ждал.

Немного погодя Мррег повернулся к служителю слева от себя.

— Пожалуйста, продолжай. Времени мало.

Маккай сделал вид, что принял это на свой счет.

— Вы мой Клиент. Почему вы послали своего заместителя?

Мррег продолжал изучать Маккая.

— Понимаю, что хотел сказать Экрис.— Он продолжил более оживленно.— Что ж, Маккай, я с интересом следил за твоей карьерой. Теперь вижу, что следил недостаточно пристально. Возможно, если бы мы не...

Мррег оставил мысль незаконченной.

Маккай продолжал атаковать.

— Было неизбежно, что я найду способ выбраться с Досади.

— Возможно.

Служители закончили свою работу и удалились, забрав с собой хрустальные флаконы.

— Отвечай на мой вопрос,— приказал Маккай.

— Я не обязан отвечать на твои вопросы.

— Тогда я выхожу из этого дела.

Мррег содрогнулся.

— Ты не можешь! Аритч не...

— У меня нет никаких дел с Аритчем. Моим Клиентом является Говачин, который принял решение по Досадийскому эксперименту.

— Для Легума ты ведешь себя довольно странно. Да, принеси его.— Последняя фраза была адресована кому-то за пределами экрана. Появился еще один служитель, неся одеяние, что-то вроде длинного передника с рукавами. Слуга принялся надевать это на Мррега. Тот никак не прореагировал, сосредоточившись на Маккае.

— Ты имеешь хоть какое-то представление о том, что делаешь, Маккай?

— Готовлюсь действовать в интересах своего Клиента.

— Вижу. Кто тебе рассказал обо мне?

Маккай покачал головой.

— Неужели ты на самом деле был уверен, что я не в состоянии выявить твое присутствие или истолковать то, что подсказывают мне мои чувства?

Маккай понимал, что Говачин не в состоянии разглядеть то, что скрывается под внешней насмешливостью. Мррег повернулся к слуге, который завязывал зеленые ленты на спине фартука. Для этого Старому Говачину пришлось наклониться вперед.

— Чуть туже,— распорядился он.

Слуга затянул ленту.

Обращаясь к Маккаю, Мррег сказал:

— Извини, что я отвлекся. Это должно происходить в определенном темпе.

Маккай выслушал, оценив на Досадийский манер. Он видел здесь подготовку к важному Говачинскому ритуалу, абсолютно для него неизвестному. Неважно. Время еще есть. Маккай продолжал говорить, прощупывая оборону этого Мррега.

— Когда вы нашли свои собственные необычные применения для Досади...

— Необычные? Это же универсальная побудительная причина, Маккай, что кто-то пытается снизить конкуренцию.

— Правильно ли ты определил цену, ту цену, которую тебя, может быть, попросят заплатить?

— О да. Я знаю, что мне, может быть, придется заплатить.

В голосе Говачина сквозило смирение, редкость для расы людей-лягушек. Маккай колебался. Слуга, принесший фартук, покинул комнату, так ни разу и не посмотрев в сторону Маккая. А ведь там был экран, чтобы показывать, видит ли Мррег того, кто его вызвал.

— Тебя интересует, почему я послал заместителя нанять Легума? — спросил Мррег.

— Почему именно Аритча?

— Потому что он является кандидатом для... большей ответственности. Знаешь, Маккай, ты меня изумляешь. Ты, несомненно, знаешь, что я мог бы сделать с тобой за эту дерзость. Тем не менее, это тебя не пугает.

Это открыло больше, чем могло входить в намерения Мррега, но он по-прежнему не признавал (или его не заботило), что же видит Маккай. Со своей стороны, Маккай сохранял вежливую мину, столь же невыразительную, как у любого Досадийца.

— У меня единственная цель. И даже мой Клиент не заставит меня от нее отказаться.

— Функция Легума,— согласился Мррег.

Вернулся слуга белого передника, неся острую бритву. Маккай мельком увидел украшенную драгоценностями рукоятку и блестящую кривую режущего лезвия около двадцати сантиметров длиной. Бритва изгибалась крутой дугой. Слуга встал лицом к Мррегу, спиной к Маккаю. Он заслонил собой инструмент.

Левый бок Мррега был частично загорожен от Маккая слугой. Мррег склонился вправо и всматривался в экран.

— Тебя никогда не информировали о церемонии, называемой нами Лаупак. Она очень важна, и мы проявили небрежность, изъев упоминания о ней из твоего обучения. Лаупак была весьма важна до того, как такой... проект, как Досади, смог бы быть приведен в движение. Попытайся понять этот ритуал. Я помогу тебе подготовить твое дело.

— Каков был твой Филум? — спросил Маккай.

— Это больше не важно, но... хорошо. Это был Великий Пробуждающийся. Я был Верховным Магистром в течение двух декад до того, как мы приняли решение по Досади.

— Сколько тел Обода ты использовал?

— Мое последнее. Это тоже уже не важно. Скажи мне, Маккай, когда ты заподозрил, что Аритч только замести-
тель?

— Когда я понял, что не все Говачины были рождены Говачинами.

— Но Аритч...

— Ах, да: Аритч готовится сделать карьеру.

— Да... разумеется. Понимаю. Досадийское решение должно было выйти далеко за пределы нескольких Филумов или единственного вида. Там должно было быть... Я уверен, что вы, Люди, называете это «Верховным Командованием». Да, это должно было быть очевидным для того, кто так же насторожен, как ты теперь. Думаю, нас ввели в заблуждение твои многочисленные браки. Это было умышленно?

Будучи в безопасности под Досадийской маской, Маккай решил солгать.

— Да.

— Ахххх.

Мррег напоминал воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Но он сумел взять себя в руки.

— Понимаю. Нас заставили поверить, что ты что-то вроде дилетанта с извращенными эмоциями. Это было расценено как порок, который можно использовать. Значит, есть другое Верховное Командование, о котором мы даже не подозревали.

В концепции вселенной Консента в Мрреговом представлении обнаружили колесики внутри колесиков. Маккай подивился тому, как много сумели вместить, казалось бы, немногочисленные слова их беседы. Говачин долгое время был вдали от Досади и не был там рожден, но было нечто, давившее на Мррега сейчас, вынуждая его подойти к пределу своих знаний о Досади.

Маккай не прерывал его.

— Мы не ожидали, что ты проникнешь в сущность личности Аритча. Но это не было нашим намерением, как ты знаешь. Полагаю...

Что бы там Мррег ни полагал, он решил об этом не говорить, размышляя вместо этого вслух.

— Можно почти поверить, что ты родился на Досади.

Маккай сохранял молчание, позволяя заключенному в этой догадке страху наполнять сознание Мррега.

— Ты обвиняешь всех Говачинов? — немного погодя спросил Мррег.

Маккай по-прежнему молчал.

Мррег разволновался.

— Мы являемся смешанным правительством, мое Верховное Командование. Людей можно заставить не сомневаться в правительстве.

Маккай решил подействовать ему на нервы.

— Правительства всегда компрометируют все свое население целиком, когда требования становятся достаточно тяжелыми. С их молчаливого одобрения это население становится неразрывно связанным со всем, что сделано от его имени.

— Ты предоставил Досади свободное пользование прыжковыми дверями.

— Калеканцы сознают свой долг, — кивнул Маккай. — Джедрик сейчас инструктирует своих соотечественников.

— Ты думаешь натравить Досади на Консент и выследить мое Верховное Командование? Будь осторожен, Маккай. Я прошу тебя не пренебрегать своими обязанностями Легума и не поворачиваться спиной к Аритчу.

Маккай продолжал молчать.

— Не делай этой ошибки, Маккай. Аритч твой Клиент. Через него ты представляешь весь Говачин.

— Легуму требуется ответственный Клиент,— сказал Маккай.— Не заместитель, а Клиент, чьи действия поставлены под сомнение рассматриваемым делом.

Мррег высказал Говачинские признаки глубокого огорчения.

— Слушай внимательно, Маккай. У меня осталось мало времени.

Испытывая внезапный приступ дурного предчувствия, Маккай сосредоточился на слуге с бритвой, который частично загораживал сидящего Говачина. Слова Мррега лились стремительным потоком.

— По нашим стандартам, Маккай, ты не слишком хорошо разбираешься в потребностях Говачинов. Это наша ошибка. Теперь ты... импульсивно поставил себя в положение, которое непригодно для защиты.

Слуга слегка переместился. Маккай мельком увидел кончик бритвы у его правого плеча.

— У Говачинов нет семей, как у людей или хотя бы как у Вревов,— продолжал Мррег.— У нас есть последовательное продвижение в группы, обладающие все большей и большей ответственностью перед нижестоящими. Эту схему переняло наше Верховное Командование. То, что ты видел в качестве Говачинской семьи, является только группой для размножения со своими собственными ограниченными правилами. Каждый шаг вверх по ступеням ответственности сопровождается необходимым условием, что за неудачи мы платим возрастающую цену. Ты спрашиваешь, знаю ли я о цене? Ах, Маккай. Самец Говачина, участвующий в размножении, удостоверяется, что выживают лишь самые проворные, самые бдительные дети. Магистр поддерживает формы Закона. Верховное Командование дает ответы... Мррегу. Понимаешь? А Мррег должен принимать только лучшие решения. Никаких провалов. Поэтому... Лаупак.

Когда он произнес финальное слово, бритва в руках слуги, вспыхнув, прочертила мерцающую дугу. Она коснулась шеи сидящего Говачина. Голова Мррега, аккуратно отделенная, была поймана в петлю на конце бритвы, высоко поднята, затем опущена на белый передник, залепанный теперь зеленой кровью.

На экране появилось лицо Говачина, который соединял Маккаю с Мррегом.

— Аритч желает проконсультироваться со своим Легумом.

В изменчивой вселенной только изменяющийся вид может надеяться на бессмертие, и К ТОМУ ЖЕ только, если его зародыши выращены в широком спектре окружающих условий. Это залог изобилия уникальных индивидуальностей.

Проникновения (проблеск ранней человеческой философии), Текст Бюсаба

Джедрик вошла в контакт с Маккаем, пока он ожидал прибытия Аритча и Сейланг. Маккай с отсутствующим видом пялился в потолок, сугубо по-Досадийски прикидывая, как бы извлечь личную выгоду из предстоящей встречи, когда почувствовал прикосновение ее сознания к своему.

Маккай замкнулся в своем теле.

— Никаких переходов.

— Разумеется.

Это было нечто крохотное, едва уловимая тень в контакте, ее мог проглядеть кто угодно с менее точной моделью Джедрик.

— Ты сердись на меня,— сказал Маккай.

Он спроецировал иронию, зная, что Джедрик прочитает это правильно.

Когда она ответила, ее гнев уменьшился до обычного раздражения. Дело было не в эмоциональном затенении, а в том, что Джедрик позволила подобной эмоции обнаружиться.

— Ты напоминаешь мне одного из моих прежних любовников,— заявила она.

Маккай подумал о том, где в этот момент находится Джедрик: покачивается в безопасности в благоухающей цветами атмосфере его плавучего острова на море планеты Туталси. Каким же странным должно быть подобное окружение для Досадийки — никакой угрозы, фрукты можно собирать и есть, не думая о ядах. Полученные от него воспоминания придадут острову ощущение хорошо знакомого места, но ее плоть будет по-прежнему находить странным

это впечатление. Его воспоминания — да. Остров напомнит ей о всех тех женах, которых он брал туда, в коттедж для медового месяца.

Маккай заговорил исходя из этой предпосылки.

— Не сомневаюсь, что прежний любовник не сумел продемонстрировать достаточное понимание твоих способностей, вне спальни то есть. Кто же был этот...

И он припомнил несколько эпизодов, предварительно покопавшись в памяти Джедрик.

Теперь она рассмеялась. Маккай почувствовал незамутненный ответ, настоящее необузданное веселье.

Он припомнил одну из своих прежних жен, и это заставило его задуматься о ситуации с размножением, в которой воспитывалась Джедрик. Никакого смешивания выбора партнера для продолжения рода с заведением любовника ради доступного наслаждения сексом. К партнеру для продолжения рода, как правило, испытывалась активная неприязнь.

Любовники... жены... В чем разница, если не считать общественно запечатленных условностей, результатом которого явились эти роли? Но Джедрик напомнила ему ту особую женщину. Он исследовал это воспоминание, размышляя, может ли это помочь во взаимоотношениях с Джедрик. Ему было тридцать с небольшим, ему было поручено первое персональное дело в Бюсабе. Маккай действовал без опеки и контроля кого-нибудь из ветеранов. По слухам, он был самым молодым агентом-человеком в истории Бюсаба, который мог действовать самостоятельно. Планета принадлежала к Йлирской группе, весьма непохожая на что-либо из предыдущего опыта Маккай: зарывшееся в землю место, с норами-входами и давящей тишиной повсюду. Ни животных, ни птиц, ни насекомых — лишь то устрашающее молчание, в котором, по сообщениям, формировался фанатичный культ. Все беседы велись приглушенным голосом. Они были полны неуловимых интонаций, предполагавших наличие внутренней коммуникации, необычной для Йлира и как-то высмеивающей всех пришельцев, не посвященных в их частный код. В этом проявлялось большое сходство с Досадийцами.

Его тогдашняя жена, устроенная в безопасности на Туталси, была полной противоположностью: общительная, игривая, шумная.

Что-то в этом Йлирском деле вернуло Маккая к этой жене с обостренным осознанием ее нужд. Брак благополучно продолжался длительное время, дольше, чем любой другой. И теперь он понимал, почему Джедрик напоминает ему ее. Они обе защищали себя крепкой броней женственности, но за этим фасадом были чрезвычайно ранимы. Когда броня обрушивалась, она обрушивалась полностью. Это понимание озадачило Маккая, потому что он отчетливо прочитал свою собственную реакцию: испуг.

Эта оценка заняла какое-то мгновение, но Джедрик успела прочитать ее.

— Мы не покинули Досади. Мы забрали ее с собой.

Так вот зачем Джедрик установила этот контакт. Чтобы быть уверенной, что он присоединит эту информацию к своей оценке. Маккай выглянул в открытое окно. Здесь, на Тандалуре, скоро стемнеет. Родная планета Говачинов тысячи стандартных лет сопротивлялась переменам. В некотором смысле она напоминала застоявшееся болото.

КОНСЕНТ УЖЕ НИКОГДА НЕ БУДЕТ ПРЕЖНИМ.

Тонкая струйка Досадийцев, которую Аритч и его люди надеялись перекрыть, превратилась в ревущий водопад. Народ Досади незаметно проникнет в одну нишу цивилизации Консента за другой. Кто сможет противостоять даже самому захудалому Досадийцу? Законы изменятся. Во взаимоотношениях появятся основательные и едва уловимые отличия. Все, от самой случайной дружбы до самых сложных деловых связей приобретет несколько Досадийский характер.

Маккай припомнил прощальный вопрос, заданный Аритчем, когда тот отправил Маккая к прыжковой двери, перенесшей его на Досади.

— Спроси себя, существует ли цена, слишком высокая, чтобы заплатить ее за урок Досади.

Это стало для Маккая первым ключом к действительным мотивам Аритча. Слово УРОК обеспокоило его, но он упустил подтекст. С некоторым смущением припомнил Маккай свой бойкий ответ на вопрос Аритча:

— Это зависит от урока.

Правда, но как же слеп он был к тому, что увидел бы любой Досадиец. Как невежествен. Теперь Маккай дал Джедрик почувствовать, что он понял, почему она привлекла его внимание к подобным вещам.

— Аритч не смотрел как следует дальше использования насилия и несправедливости...

— И как повернуть такие вещи к собственной выгоде.

Джедрик, разумеется, была права. Маккай устался в сгущающиеся сумерки. Да, каждый вид пытается сделать все для собственного сохранения. Если он терпит неудачу, то приходит другой вид, и так до бесконечности.

Я ДЕЛАЮ ТО, ЧТО ДЕЛАЮ.

Эти слова спящего монстра вспомнились Маккаю с содроганием. Он почувствовал также ужас Джедрик. Впрочем, у нее против этого выработался хороший иммунитет.

— Чем силен был твой Консент?

Прошедшее время, правильно. И не НАШ Консент, потому что это уже было прошлым. Кроме того... Джедрик — Досадийка.

— И иллюзии власти,— сказала она.

Маккай наконец понял, что Джедрик имеет в виду. Их собственное, объединенное сознание сделало урок вдвойне впечатляющим. Она точно знала, что мог пропустить персональный эгофокус Маккай. Тем не менее, это было тем, что удерживало Консент на плаву.

— Кто может гарантировать себе защиту от возмездия? — процитировал Маккай из Руководства Бюсаба.

Джедрик ничего не ответила.

Маккай больше не нуждался ни в каких подсказках с ее стороны. Урок истории был ясен. Насилие порождало насилие. Если насилие распространялось бесконтрольно, то рано или поздно ослабевало в своей бесконечно повторяющейся схеме. Такой ход событий был чаще всего беспощаден к невинным, так называемая «фаза вербовки». Экс-невинные разжигали все больше и больше насилие, пока не побеждал разум. Или уничтожалось все. Существовало достаточно много кучек золы на месте некогда процветающих планет. Это был урок для остальных. Досади чуть было не пополнила этот мрачный список.

Прежде, чем прервать контакт, Джедрик решила доказать еще одно положение.

— Помнишь, в последние дни Брой приказал увеличить пищевой рацион человеческим наемникам? Этим он им сказал: «Вас скоро выгонят на Обод, где вы сами будете о себе заботиться».

— ЧИСТО ДОСАДИЙСКИЙ способ сказать такое.

— Правильно. Мы всегда подсознательно считали, что, чем больше будем размножаться, тем больше шансов на выживание. Следовательно, мы начнем производство вида, способного выжить там без города Чу... или любого другого города, рассчитанного на производство неядовитой пищи.

— Но в тени есть силы, которые когда-нибудь выйдут на свет.

— Не сомневайся, Аритч это прекрасно понимает.

Если насилия нельзя избежать, то выбирайте насилие, которое можно контролировать. Лучше это, чем эпидемия зверства.

Уроки Выбора, Руководство Бюсаба

Старший служитель Судебного Зала, приземистый и исполненный достоинства Говачин из Филума Высокомерных, предстал перед Маккаем с признанием:

— Я не успел проинформировать тебя о том, что некоторые из твоих свидетелей были исключены по отводу Обвинения.

Служитель, чье имя было Дарак, изобразил Говачинское пожатие плечами и стоял, выжидая.

Маккай посмотрел за его спину в Судебный Зал. Места для зрителей были заполнены. На этой первой утренней сессии судебного разбирательства он надеялся на что-то подобное этому отводу и увидел в словах Дарака жизненно важное откровение. Его гамбит приняли. Дарак просигналил о рискованной линии атаки тех, кто руководил выступлением Сейланг. Они ожидали от Маккая протеста. Он оглянулся на Аритча, стоявшего совершенно смиренно в трех шагах позади своего Легума. Аритч всем своим видом показывал, что заранее принимает все решения Суда.

ФОРМАЛЬНОСТИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СОБЛЮДЕНЫ.

В основе этого лежали древние традиции Говачинского Закона: «Виновный невиновен. Правительства всегда творят зло. Законники ставят на первое место свои собственные интересы. Защита и обвинение — брат и сестра. Все под подозрением».

Легум Аритча контролировал первоначальное положение, и Маккай выбрал защиту. Его не удивило, когда ска-

зали, что Обвинителем будет Сейланг. Маккай нанес встречный удар, настояв на том, чтобы в судейской коллегии, состоящей из трех членов, сидел Брой. Это вызвало задержку, во время которой Билдун вызвал Маккаю, выискивая какое-нибудь предательство. Подход Билдуна был столь очевиден, что Маккай первым делом заподозрил маневр внутри маневра.

— Маккай, Говачины опасаются, что у тебя в комнате есть Калеванец. Это сила, которую они...

— Чем больше они опасаются, тем лучше.

Маккай пристально посмотрел на обрамленное экраном лицо Билдуна, наблюдая признаки напряжения. Джекрик права: не-Досадийца очень легко читать.

— Но мне сказали, что ты оставил эту Досадийку вопреки Калеванскому контракту, запрещающему...

— Бог с ними, пускай себе беспокоятся.

Маккай внимательно наблюдал за Билдуном, сохраняя на своем лице маску беспристрастности. Не было никаких сомнений, что этот разговор подслушивается. Пускай они посмотрят, с чем столкнулись. Марионетка Билдун вовсе не намерен открывать намерения тех теневых сил. Однако, Билдун здесь, на Тандалуре, а это весьма существенный факт. Пан Спечи, шеф Бюсаба, предложен в качестве наживки. А кукловоды по-прежнему опасались, что у Маккай в кармане спрятан Калеванец.

Никакого сомнения, кукловоды пытались расспросить Калеванку Стены Бога. Маккай подавил улыбку, представив себе, как должен был проходить этот разговор. Калеванке надо было только цитировать букву контракта. Если бы спрашивающие превратились в обвинителей, то Калеванка в гневе отказалась бы с ними разговаривать. К тому же речь Калеванцев так переполнена двусмысленностями, что кукловоды не могли бы быть уверенными в том, что услышали.

Уставившись на терпеливо ждущего Дарака, Маккай видел, что у тех теневых сил, стоящих за Аритчем, есть проблема. Лаупак изъяслялся из их совещаний Мррега, чьи советы могли бы спасти положение. Маккай сообразил, что вероятным претендентом на звание «Мррег» является Аритч. Аритч мог быть Досадийски обученным, но не был рожден на Досади. В этом заключался урок, который вскоре предстоит усвоить Консенту.

И Брой в качестве судьи по этому делу оставался неизменяемым фактом. Он уроженец Досади. Калеванский контракт удерживал Броя на его ядовитой планете, но не ограничивал его Говачинским телом. Брой знал, что такое быть и Говачином, и Человеком. Он знал про Пчарки, которых использовали тюремщики Досади. И Брой теперь Говачин. Силы, противостоящие Маккаю, не осмелятся назвать другого Говачинского судью. Они должны выбирать из других видов. У них интересное затруднение. А без помощи Калеванки у них больше нет Пчарки, чтобы держать их на Досади. Самая ценная МОНЕТА, которую кукловодам пришлось предложить, потеряна для них. Они в отчаянии. Некоторые из тех, кто постарше, в большом отчаянии.

За поворотом коридора позади Аритча раздались шаги. Маккай оглянулся и увидел Сейланг в сопровождении помощников. Он насчитал вокруг нее не меньше двадцати Легумов. Все они были решительно настроены. На повестке дня стояли не только гордость и единство Говачинов, но и их священное видение Закона. Сзади маячили отчаявшиеся — подстрекатели. Маккаю показалось, что он различает смутные тени в толпе этой свиты.

Он видел, что на Сейланг черное одеяние и капюшон в полоску, одеяние Легума-Обвинителя. Она откинула капюшон назад, чтобы освободить жвалы. В ее движениях сквозило напряжение. Сейланг сделала вид, что не узнает Маккаю, но он видел ее Досадийскими глазами.

«Я пугаю ее. И она права».

Он повернулся к ожидающему служителю и громко сказал, чтобы слышала приближающаяся группа:

— Каждый закон должен быть проверен. Я воспринимаю это, как сделанное тобой формальное объявление предела моей защиты.

Дарак, ожидая оскорбленного протеста и требования списка исключенных свидетелей, выказал явное замешательство.

— Формальное объявление?

Сейланг со свитой подошли и остановились за спиной Аритча.

Маккай продолжал тем же громким голосом.

— Мы находимся в сфере действия Судебного Зала. В этом месте все вопросы, касающиеся обсуждения в суде, являются формальными.

Служитель посмотрел на Сейланг, словно умоляя о помощи. Этот ответ был потенциальной угрозой. Дарак, который лелеял мечты однажды занять пост Верховного Магистра, должен был теперь признать свое несоответствие. Он никогда не сделал бы этого в свете политики Говачинских Филумов, особенно в наступающую эру Досади.

— Информация, которую должны удостоверить мои свидетели, известна мне во всей полноте. Я сам представлю свидетельства,— объяснил Маккай.

Сейланг, остановившаяся, чтобы выслушать приглушенный комментарий одного из своих Говачинских советников, продемонстрировала свое удивление. Она подняла один из своих усов и крикнула:

— Я протестую! Легум защиты не может давать...

— Как ты можешь протестовать? — прервал ее Маккай.— Мы стоим здесь не перед судейской коллегией, уполномоченной руководить любыми протестами.

— Я заявляю **ФОРМАЛЬНЫЙ** протест! — настаивала Сейланг. Она проигнорировала своего советника, который энергично дергал ее за рукав.

Маккай позволил себе холодно улыбнуться.

— Очень хорошо. Тогда мы должны вызвать Дарака в Зал как свидетеля. Он является единственной присутствующей стороной, находящейся вне нашего обсуждения.

Рот Аритча скривился в Говачинской гримасе.

— В конце концов, я же предупреждал их, чтобы не шли с Вревом,— сказал он.— Они не могут сказать, что шли сюда непредупрежденными.

Сейланг поняла, что произошло. Маккай сможет допросить Дарака по отводам его свидетелей. Некоторые из этих отводов, определенно, будут отвергнуты. Самое меньшее, Маккай узнает, кого боится Обвинение. Он узнает вовремя и сможет это использовать. Не будет такой ценной для Обвинения задержки. Напряжение, страх и гордость заставили Сейланг поступить опрометчиво. Аритч был прав, предупреждая, но они рассчитывали на страх Маккай перед сомкнутыми триадами Вревов. Пусть себе рассчитывают. Пусть тупят свое сознание на этом и на бесполезном беспокойстве над исключенными свидетелями.

Маккай жестом велел Дараку пройти в Судебный Зал и услышал, как тот произнес: «Боже мой!» Причина стала

очевидной, когда Маккай протолкался в столпившуюся группу представителей Обвинения. Ниже места судей на своем древнем стеллаже были разложены в боевом порядке инструменты Правды-через-Боль. Редко вынимаемые в эти дни из своих чехлов даже для показа именитым сановникам, эти инструменты очень давно не использовались в Суде. Маккай ожидал этой выставки. Было очевидно, что Дарак и Сейланг — нет. Интересно было наблюдать за членами свиты Сейланг, которые пытались определить реакцию Маккай.

Он выдал для них ухмылку удовлетворения.

Маккай обратил свое внимание к судейской коллегии. Броя ему дали. Консент, действуя через Бюсаб, владел правом одного назначения. Их выбор доставил Маккаю удовольствие. Наживка, ну конечно! Билдун занимал место справа от Броя. Пан Спечи, шеф бюро, сидел там весь вежливый и сдержанный, в Говачинских одеждах цвета застоявшейся воды. Фасетчатые глаза Билдуна блестя в резком освещении Зала. Третий судья был выбором Говачинов (хотя, как и Билдуна, его явно определили на это место кукловоды). Человек. Маккай узнал его и сбился с шага, с трудом сохранив равновесие.

Что они делают?

Третьего судью звали Мордес Парандо. Это был известный оспариватель акций Бюсаба. Иногда он действовал открыто, но чаще конспиративно подрывал силы бюро. Парандо прибыл с планеты Лират, что не слишком удивило Маккай. Лират, по-видимому, был логовом для теневых сил. Это было место громадного достатка и огромных частных имений, которые охраняла небольшая армия вооруженных телохранителей. У Парандо были несносные манеры, которые могли скрывать либо на самом деле тонкого, умного и эрудированного человека, либо совершенно безжалостного автократа наподобие Броя. Он определенно обучался на Досади. Его лицо несло на себе отпечаток Досадийского Обода.

Существовал еще один факт относительно Парандо, о котором, как предполагалось, не было известно за пределами Лирата. Маккай набрел на него совершенно случайно, расследуя дело телохранителя Паленки. Черепашкоподобные Паленки прославились своей тупостью и могучей мускулатурой. Но этот был исключением.

— Парандо делает ссылку на Говачинский Закон.

Это был ответ на вопрос о взаимоотношениях Парандо с находящимся под следствием телохранителем. Маккай, не зная как использовать подобную информацию, приберег ее для будущего расследования. Это его заинтересовало, поскольку ходили слухи о существовании анклава законников на Лирате. Как известно, никто не нарушает закон больше, чем законники.

Люди, стоящие за Аритчем, будут ожидать, что Маккай узнает Парандо. Будет ли для них сюрпризом то, что он опознает его как законника? Определенно, они знали об опасности помещения Парандо на Говачинскую судебную скамью. Профессиональные законники были помехой для Говачинской судебной службы.

«Пусть народ выносит приговор».

Зачем им здесь был нужен законник? Или они ожидали, что Маккай узнает Ободское происхождение тела Парандо? Или они хотели предупредить Маккай, чтобы он не поднимал здесь ЭТОТ вопрос? Обмен телами, который подразумевал бессмертие, был ящиком со змеями. Открывать его никто не хотел. А возможность одному виду шпионить за другим... Здесь таился распад Консента. Более чем одним способом.

«Если я дам отвод Парандо, его заместитель может оказаться еще опаснее. Если я разоблачу его как законника перед началом судебного процесса... Могли ли они ожидать этого от меня? Давай-ка разберемся».

Зная, что за ним наблюдают бесчисленные глаза, Маккай посмотрел на Зал. Над поглощающим овалом неяркого зеленого цвета, где он стоял, ярус за ярусом поднимались скамьи. Все места были заняты. Приглушенный утренний свет, проникающий через полупрозрачный куполообразный потолок, освещал ряды Людей, Говачинов, Паленки, Собарипов.. Маккай заметил скопление Вревов. Они будут вести наблюдение. Но здесь должны быть представлены каждый вид и группировка в Консенте. Те, кто не сможет прибыть лично, будут наблюдать за происходящим посредством поблескивающих глаз передатчиков, смотрящих вниз с краев потолка.

Маккай посмотрел направо, на загородку для свидетелей, встроенную в стену под ярусами скамей. Он заметил каждого вызванного им свидетеля, даже получивших отвод. Формальности были соблюдены. Несмотря на то,

что Соглашение Консента потребовало проведения определенных модификаций, в этом Зале по-прежнему властвовал Говачинский Закон. Как раз для того, чтобы подчеркнуть это, голубой металлический ящик из Филума Бегущих и занял почетное место перед Судейской Коллегией.

«Кто же здесь попробует ножа?»

Протокол требовал, чтобы Обвинитель и Защитник приблизились к точке под судьями, принизив себя, и выкрикнули принятие условий Зала. Однако, партия Обвинения была в замешательстве. Двое советников о чем-то озабоченно перешептывались.

Члены Судейской Коллегии совещались, поглядывая на зал. Формально они не могли действовать, пока не высказано почтение.

Маккай посмотрел на них и обратил внимание на позу Броя. Известная жадность Досадийского Говачина была для него, словно якорь. Она была похожа на Говачинский Закон, способная лишь к поверхностным изменениям. А Брой был не чем иным, как верхушкой Досадийской консультативной группы, одобренной Джедрик.

Держа руки простертыми в стороны, Маккай промаршировал вперед, опустил лицо на пол, встал и выкрикнул:

— Я признаю этот Зал своим другом. Условия здесь есть мои условия, но Обвинение осквернило священные традиции этого места. Дает ли мне суд разрешение открыто убивать?

Позади него раздались восклицания, топот бегущих ног, внезапный звук падения тела на покрытый циновками пол Зала. Сейланг не могла обратиться к суду прежде этого выражения почтения и прекрасно это понимала. Она и еще кое-кто знали теперь еще кое-что, столь же важное — Маккай готов убить ее, несмотря на угрозу вендетты Вревов.

Задушенным голосом Сейланг высказала свое принятие условий Суда, но потом крикнула:

— Я протестую против этой уловки Легума Защиты!

Маккай видел, как зашевелились Говачины в зрительном зале. Уловка? Разве Сейланг еще не знает, как нежно Говачины любят легальные уловки?

Членов судейской коллегии тщательно проинструктировали относительно поверхностных требований Говачинских формальностей. Сомнительно, чтобы Билдун понял в

достаточной степени, что лежит за этими формальностями. Пан Спечи подтвердил это, когда наклонился вперед и заговорил.

— Почему старший служитель этого суда входит впереди Легумов?

Маккай отметил мимолетную усмешку на лице Броя и оглянулся назад, чтобы посмотреть на Дарака. Тот стоял в стороне от группы обвинения, одинокий и дрожащий.

Маккай шагнул вперед.

— Не направит ли суд Дарака в загородку для свидетелей? Он здесь по причине формального требования Обвинителя.

— Это старший служитель вашего суда,— запротестовала Сейланг.

— Он охраняет дверь... служителя,— сказал Маккай.— Как служитель, Дарак стоит вне конфликтующих интересов. Он является единственным достойным доверия свидетелем.

Брой пошевелился и посмотрел на Сейланг. Маккай подумал, насколько же странно должен выглядеть Врев для Досадийца. Однако, это не остановило Броя.

— Ты заявляла протест?

Это был прямой вопрос с судейской скамьи. От Сейланг требовали ответа. Она посмотрела на Билдуна с просьбой о помощи, но тот продолжал молчать. Парандо также не выказал никакого желания помочь. Сейланг посмотрела на Дарака. Служитель в ужасе не отрывал глаз от инструментов боли. Наверное он знал что-то особенное относительно их присутствия в Зале.

Сейланг попыталась объяснить.

— Когда Легум Защиты предложил незаконный...

— Ты протестовала?

— Но...

— Все вопросы законности решает этот суд. Ты заявляла протест?

— Да.

Из нее это вытянули. По стройному телу Врева прошла волна дрожи.

Брой махнул Дараку в сторону перегородки свидетелей, но был вынужден отдать и устный приказ, поскольку перепуганный служитель ничего не мог понять. Дарак почти бегом кинулся к убежищу загородки.

Зал охватило молчание. Молчание публики — штука взрывоопасная. Они сидели в нерешительности в наблюда-

тельных овалах, все эти виды и группировки со своими особыми страхами. К этому времени среди них распространилось множество слухов. Досадийские эмигранты, используя прыжковые двери, разбрелись по всему Консенту. Представителей средства информации не допустили на Досади и в суд по доводу Говачинов, что те стали «жертвой неосведомленных субъективных реакций». Сейчас они наблюдали за происходящим через глазки передатчиков на потолке.

Маккай осмотрелся вокруг, впитывая каждую деталь. В этом зале было больше, чем трое судей. Сейланг, определенно, тоже это поняла. Говачинский Закон развернулся на самого себя, существуя «только чтобы быть измененным». Но это наблюдающее множество было совершенно иным делом. Сейланг нужно было заставить понять, что она стала жертвоприношением для зала. Мнение Консента висело над ней, словно тяжкий молот, готовый обрушиться вниз.

Настала очередь Парандо.

— Скажут ли теперь противостоящие Легумы свои вступительные слова?

— Мы не можем приступать, пока не решен вопрос с формальным протестом, — ответил Маккай.

Парандо понял. Он взглянул на зрителей, на потолок. Его действия стали прямым сигналом: Парандо знал, кто здесь настоящие СУДЬИ. Чтобы подчеркнуть это, он провел рукой спереди от шеи вниз по груди. Это был уникальный салют Налетчика из Обода на Досади, означающий «сдаваться только мертвыми». Неуловимые намеки в этом движении тела дали Маккаю еще одну информацию: Парандо был Говачином в человеческом теле. Они рисковали включить в коллегияу двух Говачинов!

С Досадийской проницательностью, Маккай понял, зачем это сделано. Они приготовились предъявить здесь Калеванский контракт. Маккаю было сказано, что ОНИ разоблачат секрет обмена телами, если он их на это вынудит. Все увидят ту лазейку в Калеванском контракте, который держал взаперти рожденных на Досади, но выпускал пришельцев в Досадийской плоти.

«Они считают, что моим телом управляет Джедрик!»

Парандо выдал даже больше. Его люди намеревались найти тело Джедрик и убить его, оставив это тело МАККАЯ навечно под сомнением. Он может заявлять о своей

подлинности как Маккай сколько захочет. Все что им нужно, это потребовать от него доказательств. Без другой личности... Что же им рассказала Калебанка Стены Бога?

«Он Маккай, она Маккай. Он Джедрик, она Джедрик».

В голове у него царила неразбериха. Маккай задумался, осмелится ли он рискнуть немедленно установить контакт с Джедрик. Вместе им было бы легче распознать опасность. Джедрик спряталась в убежище Маккай, на плавучем острове Туталси. У нее был заготовлен специальный Тапризиотский контракт, запрещающий нежелательные вызовы, которые могут нечаянно выдать ее местонахождение.

Однако, судьи, ведомые Парандо, действовали, ходатайствуя о немедленном допросе Дарака. Маккай принудил себя действовать как Легум.

Служитель, карьера которого рухнула, отвечал словно автомат. В конце концов, Маккаю удалось вернуть большинство своих свидетелей. За двумя примечательными исключениями: Гриник (та нить, что могла привести к Мррегу) и Стигги. Маккай не был уверен в мотивах исключения Досадийского оружейного гения, сумевшего превратить содержание Бюсабовского бумажника в инструменты победы. Не потому ли, что Стигги взломал НЕВЗЛАМЫ-ВАЕМЫЙ код? Это имело смысл лишь в том случае, если Обвинение намеревалось не показывать врожденное Досадийское превосходство.

Все еще неуверенный, Маккай приготовился к отступлению. Он искал способа избежать гамбита Парандо, но Сейланг обратилась к судьям.

— Вопрос о свидетелях был вынесен на рассмотрение Защитой,— сказала она.— Обвинение желает исследовать этот вопрос. Мы заметили, что Защита вызвала многих свидетелей от Досади. Существует заслуживающее внимания упущение. Это имя не было вынесено здесь на рассмотрение. Я говорю о человеке по имени Джедрик. Обвинение желает вызвать Кейлу Джедрик в качестве...

— Минуточку!

Маккай лихорадочно рылся в памяти в поисках приемлемого выхода. Он знал, что вырвавшийся у него протест открыл больше, чем ему хотелось. Они двигались быстрее, чем Маккай ожидал. Обвинению на самом деле не нужна была Джедрик в качестве свидетельницы. Во всяком случае, не в Говачинском Судебном Зале, где все было не

так, как выглядело для не-Говачинов. Это было недвусмысленное послание для Маккай.

«Мы собираемся найти ее и убить».

Совместными усилиями Билдуна и Парандо была вызвана прыжковая дверь, и Сейланг разыграла свой козырь.

— Защите известно местонахождение свидетеля Кейлы Джедрик.

Они форсировали вопрос, создавая эмоциональную связь между Маккаем и Джедрик. У него был выбор: возразить, что личные взаимоотношения со свидетельницей исключают ее. Но в таком случае Обвинению и всем судьям пришлось бы действовать сообща. А они явно не хотели этого — пока. Взяв эмоции под строгий контроль, Маккай дал инструкции для прыжковой двери.

Немного погодя Джедрик предстала перед судьями. Она воспользовалась гардеробом дачного коттеджа. Желто-оранжевый саронг подчеркивал ее рост и грацию. Ноги защищены открытыми коричневыми сандалиями. Огненно-красный цветок за левым ухом. Джедрик ухитрялась выглядеть одновременно и экзотичной, и хрупкой.

Брой проговорил для судей.

— Осведомлена ли ты о предмете этого судебного разбирательства?

— Каков же предмет этого разбирательства?

Джедрик спросила это с детской наивностью, не одурачившей даже Билдуна. Однако они были вынуждены объяснить, ради тех других СУДЕЙ, для которых каждый нюанс здесь был жизненно важен. Джедрик молча выслушала их.

— Опыт, проводимый на разумной популяции, заключенной на планете, называемой Досади... отсутствие согласия для этого подвергшихся эксперименту, обвинение в заговоре против определенных Говачинов и прочих, пока не поименованных...

Прижав два пальца к глазам под предлогом напряженного слушания, Маккай установил контакт с Джедрик, предлагая, совещаясь. Они должны найти выход из этой ловушки! Подняв глаза, он увидел подозрения на лице Парандо: «КОТОРОЕ ТЕЛО, КОТОРОЕ ЭГО? МАККАЙ? ДЖЕДРИК?»

Под конец Сейланг довела до сведения частное послание, потребовав у Джедрик ответа, имела ли она «любые личные отношения с Легумом Защиты?»

Джедрик ответила в решительно не-Досадийской манере.

— Зачем... Да. Мы любовники.

Само по себе это было недостаточным для того, чтобы отстранить ее от суда, если Обвинение и вся судейская коллегия этого не одобряют. Сейланг предложила отстранение. Билдун и Парандо были предсказуемы в своем согласии. Маккай посмотрел на Броя.

— Согласен.

Значит, у Броя был частный договор с теневыми силами. Джедрик и Маккай ожидали этого, но не предвидели, какую форму примет подтверждение.

Маккай попросил перерыва до следующего утра.

Просьба эта была милостиво удовлетворена. Брой объявил решение и улыбнулся для Джедрик. Издержками Досадийской тренировки Маккай было то, что он не смог бы порицать Броя за то, что тот хочет личной победы над тем, кто одолел его на Досади.

Вернувшись в его жилище, Джедрик положила руку Маккаю на грудь и проговорила, опустив глаза.

— Не вини себя, Маккай. Это неизбежно. Эти судьи не приняли бы от тебя никаких протестов, пока не увидели бы меня в Судебном Зале.

— Я знаю.

Она посмотрела на него и улыбнулась.

— Да, разумеется. Ведь мы одна личность.

Они пересмотрели оценку помощников, выбранных для Броя. Разделенные воспоминания были перебраны до мелочей. Нельзя ли улучшить какой-либо выбор? Ни один не был заменен — ни Человек, ни Говачин. Все эти советники и помощники — уроженцы Досади. Можно рассчитывать на их лояльность своему происхождению, своему обучению, себе лично. Для выполнения подобной задачи они лучшие из имеющихся.

Маккай решил довести все до логического конца.

— Я не могу покинуть Судебный Зал до окончания слушания.

Джедрик это знала, но это требовалось сказать вслух.

К его офису примыкала небольшая ячейка. Там была собакокровать, приборы связи, помещение туалета для людей. Они задержались по пути в спальню, вновь споря о благоразумности обмена телами. Это было взаимное промедление, результат известен заранее. Знакомая плоть

была знакомой плотью, менее сбивающей с толку. Она давала каждому из них преимущество, которым они не осмеливались пожертвовать. Маккай мог бы изображать Джедрик, и Джедрик могла бы изображать Маккая, но теперь это опасная игра.

Уединившись, они занялись любовью. Это был самый нежный опыт, какой они оба испытали. Не было никакой покорности, только отдача, разделение, открытый обмен, стиснувший Маккаю горло радостью и страхом, ввергнувший Джедрик в приступ не-Досадийских рыданий.

Придя в себя, она повернулась к нему на кровати и дотронулась пальцем до его правой щеки.

— Маккай.

— Да?

— Мне никогда не приходилось говорить такого раньше, но...— Джедрик предотвратила его попытку вмешаться и ударила его по плечу. Она приподнялась на локте и посмотрела на него. Это напомнило Маккаю их первую совместную ночь. Он увидел, что Джедрик опять спряталась в свою Досадийскую раковину... но было что-то... некое отличие в выражении глаз.

— Что такое?

— Просто я тебя люблю. Это очень интересное ощущение, особенно когда можно позволить его себе открыто. Как странно.

— Оставайся здесь со мной.

— Мы оба знаем, что я не могу. Здесь нет безопасного места ни для кого из нас, кроме того, что...

— Тогда давай...

— Мы уже решили против обмена.

— Куда же ты отправишься?

— Лучше тебе не знать.

— Если...

— Нет! В качестве свидетеля я не буду в безопасности. Я не в безопасности даже у тебя под боком. Мы оба...

— Не возвращайся на Досади.

— Где теперь Досади? Это единственное место, где я вообще могла чувствовать себя дома, но Досади больше не существует.

— Я хочу сказать...

— Я знаю.

Джедрик села, обняла колени, показав рельефные мышцы плеч и спины. Маккай изучал ее, пытаясь проник-

нуть в то, что она прятала в той Досадийской раковине. Вопреки интимности их разделенных воспоминаний, что-то в ней ускользало от него. Как будто Маккай и не хотел узнать это. Джедрик сбежит и спрячется, разумеется, но... Он внимательно прислушался, когда она заговорила отстраненным голосом.

— Интересно было бы вернуться однажды на Досади. Отличия...

Джедрик посмотрела на него через плечо.

— Существуют те, кто боится, что мы переделаем Консент по образу Досади. Мы попытаемся, но результат не будет Досади. Мы возьмем то, что сочтем ценным, но это изменит Досади больше, чем она изменит вас. Ваши массы менее бдительны, более медленны, менее изобретательны, но вы так многочисленны. В конце концов Консент победит, но он больше не будет Консентом. Интересно, что это будет, когда...

Джедрик рассмеялась собственным размышлениям, тряхнула головой.

— И есть Брой. Им придется иметь дело с Броем и той командой, что мы ему дали. Брой Плюс! Твой Консент не имеет и малейшего представления, что мы выпустили среди них.

— Хорек в курятнике.

— Для Броя ваши люди являются тем же, что и Обод — естественным ресурсом.

— Но у него пока нет Пчарки.

— Пока.

— Я сомневаюсь, чтобы Калеванка когда-либо снова приняла участие в...

— Могут быть другие способы. Смотри, как легко это продельваем мы.

— Но мы были отпечатаны друг на друга...

— Точно! А они продолжают подозревать, что ты в моем теле, а я в твоём. Весь их опыт не допускает свободного обмена взад и вперед, одно тело на другое...

— Или еще это...

Маккай ласково коснулся сознания Джедрик.

— Да! Брой даже не заподозрит, пока не станет слишком поздно, какой его ожидает сюрприз. Они долго будут усваивать, что не существует способа отделить тебя... от меня!

С этим ликующим воплем Джедрик повернулась и упала на Маккай. Это напоминало их первую совместную ночь. Маккай даже не пытался себя контролировать. Не было выбора, не оставалось времени для смутных мыслей.

Утром ему пришлось подключить свои имплантированные усилители, чтобы довести свое сознание до уровня, необходимого для Суда. Процесс занял несколько минут, пока он одевался.

Джедрик легко двигалась, занимаясь своими собственными приготовлениями, расправляя собакокровать и лаская ее упругую поверхность. Потом она вызвала прыжковую дверь, но задержала Маккай длительным поцелуем. Когда открылась прыжковая дверь, Джедрик быстро оттолкнула его от себя.

Маккай учуял знакомые запахи, увидел коттеджи своего острова на Туталси. Дверь мигнула и исчезла, спрятав от него и Джедрик, и остров. Туталси? Мгновение потрясенного понимания задержало его. Джедрик рассчитывала на это! Маккай опомнился и рывком послал свое сознание за нею.

«Я заставлю ее обменяться! Всеми Богами...»

Сознание Маккай встретило боль — всепоглощающую, слепящую боль. Он даже и вообразить себе не мог, что существует такая агония.

«Джедрик!»

Его сознание держало обеспамятевшую Джедрик, чье сознание убежало от боли. Контакт был очень слаб, словно новорожденный младенец. Маккай знал, что стоит лишь немного расслабиться, и он потеряет ее... Он чувствовал, как тот ужасающий монстр первого обмена ждет где-то в тени, но любовь помогла ему перебороть страх.

Обезумевший Маккай держал этот тонкий контакт, пока вызывал прыжковую дверь. Небольшая задержка. Когда дверь открылась, то перед его глазами возникли черные скрученные обломки того, что было его дачным островом. Жаркое солнце освещало дымящиеся уголья. На заднем плане покореженный металлический предмет, похожий на один из туталсийских четырехместных флиттеров, перевернутый, затонувший. Время от времени из него вырывались пузырьки воздуха. Судя по виду обломков, средством разрушения послужил пентрат, быстрый и всепоглощающий. Вокруг острова вода до сих пор бурлила. Пока Маккай наблюдал, остров начал разламываться, его

обгорелые обломки разносило в стороны на пологой волне. Ветерок развеял клубящийся дым. Вскоре уже ничто не указывало на былую красоту острова. После пентрата здесь нечего будет восстанавливать... нет даже тел, чтобы...

Маккай колебался, все еще удерживая свою непрочную хватку на бессознательном присутствии Джедрик. Боль осталась в прошлом. Была ли это настоящая Джедрик в его сознании или лишь ее отпечаток в его памяти? Маккай попытался пробудить спящее присутствие и не сумел. Но возникли ниточки памяти, и он увидел, что разрушение было делом Джедрик, в ответ на нападение. Нападающим был нужен живой заложник. Они не предвидели такого жестокого, безошибочного послания.

«Вы не сможете удержать МЕНЯ без согласия Маккая».

Но если там не осталось тел...

Маккай снова попытался разбудить то бессознательное присутствие. Ее воспоминания остались, но сама она была в спячке. Однако попытка усилила его хватку на ее присутствие. И Маккай сказал себе, что это должна быть Джедрик, иначе он не узнает, что же случилось на дачном острове.

Маккай еще раз осмотрел поверхность воды. Ничего. После пентрата мало что остается. Только осколки металла, плоть, съевшаяся в рассыпанные угольки...

«Джедрик мертва. Она должна быть мертва. Пентрат...»

Но в его сознании лежало в дремлющем сознании то знакомое присутствие.

Его размышления прервал стук в дверь. Маккай отпустил прыжковую дверь и повернулся, чтобы посмотреть через объектив рядом с кроватью, что ж происходит снаружи его Легумской берлоги. Прибыла ожидаемая депутация. Самоуверенные кукловоды действовали, не дожидаясь подтверждения своего гамбита на Туталси. Они еще не знали об осведомленности Маккая. ТАМ не могло быть никаких прыжковых дверей или любых других ниточек, позволяющих связать эту группу с Туталси.

Маккай внимательно их изучил, с трудом сдерживая ярость. Их было восемь, таких сдержанных, так хорошо вышколенных в Досадийском самоконтроле. Таких прозрачных для Маккая, усиленного Джедрик. Четверо людей и четверо Говачинов. Сверхсамонадеянно. Джедрик заботилась о таком, не оставляя никого в живых.

Маккай снова попытался разбудить бессознательное присутствие. Джедрик не отвечала.

«Неужели это всего лишь комбинация моих воспоминаний?»

Для подобных теоретизирований не оставалось времени. Джедрик сделала свой выбор на Туталси. Ем предстояло сделать другой выбор здесь и сейчас — за них обоих. Этому призрачному присутствию, запертому у него в мозгу, придется подождать.

Маккай стукнул по коммуникатору, связывающему его с Броем, и дал сигнал согласия.

— Пора.

Потом он собрался и пошел к дверям.

Они не послали подчиненных. Маккай соглашался на это. Но они обращались с ним, как с Джедрик, выполнив возможные требования, злорадствуя по поводу своей власти над ним. Лишь сейчас Маккай понял, насколько точно Джедрик оценила этих людей. Она сыграла на Маккае в их последние часы, как на хорошо настроенном инструменте. Теперь он понял, почему Джедрик сделала тот жестокий выбор.

Как и предвиделось, члены делегации были чрезвычайно удивлены, когда на них без предупреждения свалились люди Броя.

Для Говачина выстаивать в одиночку против всех напастей есть наиболее священный момент существования.

Говачин, анализ Бюсаба

На пол свалили восьмерых пленников, связанных и скованных. Маккай стоял рядом с ними, ожидая прибытия Сейланг. Еще не рассвело. Потолок в зале оставался темным. Несколько глазков передатчиков вокруг верхнего периметра поблескивали, выдавая, что они активированы. Через мгновение ожили остальные. Лишь несколько свидетельских мест были заняты, но когда передали сообщение, то люди начали прибывать. Судейская скамья оставалась пустой.

Вокруг стоял гул, создаваемый приходящими и уходящими отрядами безопасности Судебного Зала, выкрикивающими приказы людьми, лязганьем оружия. Все это

оставляло ощущение полнейшей неразберихи, которая постепенно стихла, когда Брой вывел своих коллег-судей на их скамью. Свидетельская загородка еще заполнялась. Люди протирали глаза, Говачины откровенно широко зевали.

Маккай посмотрел на людей Броя, приведших пленников. Он кивком разрешил им удалиться, подав Досадийский знак рукой, чтобы они оставались в пределах досягаемости. Люди ушли. Сейланг торопливо вбежала в зал, на ходу застегивая свое одеяние. Она дождалась, пока усядутся судьи и только потом спросила:

— Что все это значит? Мои служащие...

Брой просигналил Маккаю.

Маккай шагнул вперед, чтобы обратиться к судейской скамье. Он указал на восемь связанных фигур, которые начали шевелиться.

— Здесь вы видите моего Клиента.

Парандо начал было говорить, но Брой заставил его замолчать резким словом, которого Маккай не уловил. Оно звучало как «бешенство».

Перепуганный Билдун сидел как зачарованный, не в состоянии оторвать взгляда от связанных фигур. Те сохраняли молчание. Да, Билдун мог бы опознать тех восьмерых пленников. На свой ограниченный, консентовский манер, шеф Бюсаба был достаточно проницателен, чтобы понять, когда он подвергается личной опасности. Парандо, разумеется, тут же это понял и наблюдал за Броем с огромным вниманием.

Брой опять кивнул Маккаю.

— На этом суде было совершено мошенничество,— сказал Маккай.— Это мошенничество, совершенное против великого и доблестного народа, Говачинов. Его жертвами стали и Обвинение, и Защита. Но основная жертва — Закон.

В зале стало куда тише. Места наблюдателей забиты, все глазки передатчиков ожили. Полупрозрачного потолка коснулись едва заметные лучи рассвета. Маккай задумался, сколько же времени. Он забыл свои часы.

Позади Маккая что-то зашевелилось. Он оглянулся и увидел служителей. Они доставили Аритча в зал с явным опозданием. О да — можно было рискнуть на любую проволочку, чтобы посоветоваться с Аритчем. Предполагалось, что он является одним из экспертов Маккая. Слишком

скверно, как они считали, что этот Человек, который выглядел как Маккай, больше не был Маккаем.

Сейланг больше не могла молчать. Она подняла усик, попросив внимания.

— Этот трибунал...

— ...составлен из троих. Только из троих.— Прервал ее Маккай.

Он дал им мгновение, чтобы усвоить напоминание о том, что в этом зале по-прежнему властвуют Говачинские судебные формальности, не похожие на прочие подобные формальности в Консенте. На этой скамье могло бы быть до пятидесяти судей. Маккай был очевидцем Говачинских судебных разбирательств, где людей, сидящих в суде, набирали наугад с улиц. Подобные юристы подходили к своим обязанностям серьезно, но их внешнее поведение могло бы ввести другой разумный вид в смятение. Говачины болтались туда-сюда, образовывали группки, обменивались шуточками, задавали друг другу неприличные вопросы. Это был древний шаблон. Требовалось, чтобы юристы становились «единым организмом». У Говачинов существовали свои методы ускорения этого процесса.

Но этот трибунал был составлен лишь из троих судей. И лишь один из них был Говачином на вид. У них были разные сущности, их действия затрудняла манерность, чуждая Говачинам. Даже Брой, испорченный Досади, не показался бы своим для Говачинского наблюдателя. Не существовало никакого «единого организма», который бы придерживался неизменных формальностей, лежащих за Говачинским Законом. Это должно сильно обеспокоить Легумов, консультировавших Сейланг.

Брой наклонился вперед, обращаясь к арене.

— Мы обойдемся без обычных споров, пока не будет изучено это новое развитие событий.

Парандо снова попытался вмешаться. Брой взглядом заткнул ему рот.

— Я вызываю Аритча из Филума Бегущих,— сказал Маккай.

Он повернулся.

Сейланг стояла в молчаливой нерешительности. Ее советники по-прежнему беседовали на задворках зала. Кажется, у них были какие-то расхождения во мнениях.

Аритч прошаркал к центру зала, месту, где полагалось стоять каждому свидетелю. Он взглянул на инструменты

боли, разложенные под судейской скамьей и настороженно посмотрел на Маккай. Старый Верховный Магистр выглядел измотанным и полностью утратил свою чопорность. То поспешное совещание для изучения этого положения дел было, наверное, нелегким испытанием для Старого Говачина.

Маккай занял формальное место рядом с Аритчем и обратился к судьям.

— Здесь у нас Аритч, Верховный Магистр Филума Бегущих. Нам сказано, что если в этом зале будет отыскана вина, то Аритч понесет ее. Он, так нас уверили, был тем, кто принял решение о изоляции Досади. Но как это может быть? Аритч стар, но не так стар как Досади. Тогда, возможно, его предполагаемая вина состоит в сокрытии изоляции Досади. Но Аритч вызвал агента Бюсаба и открыто послал его на Досади.

Восемь закованных пленников заволновались. Несколько из них пытались подняться на ноги, но цепи оков были слишком короткими.

На судейской скамье Парандо начал было подниматься, но Брой оттащил его назад.

Да, Парандо и прочие припомнили истины Говачинского Судебного Зала, постоянное перевертывание концепций, обычных для всего остального Консента.

«Быть виновным значит быть невиновным. Следовательно, быть невиновным, значит быть виновным».

Повинуясь резкой команде Броя, пленники несколько успокоились.

Маккай продолжил.

— Аритч, сознающий священные обязанности, которые он нес на своей спине, как мать носит своих детей, был умышленно назван для получения наказания. Это наказание не должно было быть направлено на всех Говачинов. Кто же избрал этого невиновного Верховного Магистра страдать за всех Говачинов?

Маккай указал на восьмерых закованных пленников.

— Кто эти люди? — потребовал ответа Парандо.

Маккай позволил этому вопросу на долгое мгновение повиснуть в воздухе. Парандо знал имена людей в этой восьмерке. Неужели он думает, что может изменить нынешний ход событий столь очевидной уловкой?

Немного погодя Маккай заговорил.

— Я проинформирую суд должным порядком. Однако, мои обязанности на первом месте. НЕВИНОВНОСТЬ моего клиента на первом месте.

— Минутку.

Брой поднял перепончатую руку.

Один из советников Сейланг поспешил мимо Маккая, испросил и получил разрешение посовещаться со своим клиентом. Парандо, которому помешали привести в исполнение свои планы, сидел, как приговоренный, ожидая этого разговора, словно надеялся отыскать там отсрочку приговора. Билдун наклонился вперед, положив голову на руки. Брой явно управлял трибуналом.

Маккай узнал Легума — советника. Некий Лэгег, имевший репутацию посредственности, чиновник по рождению. Его слова, обращенные к Сейланг, были приглушенными и энергичными, требовательными.

Совещание закончилось. Лэгег поспешил обратно к своим компаньонам. Теперь они поняли направление ЗАЩИТЫ Маккая. Аритч должен был все время знать, что его в любой момент могут принести в жертву. Соглашение Консента больше не позволяло древнего обычая, когда Говачинские зрители врывались в зал, чтобы голыми руками убить НЕВИНОВНОГО ПОДЗАЩИТНОГО. Но пускай только Аритч выйдет отсюда с клеймом невинности. Он не успеет пройти и десяти шагов за пределами зала, как его разорвут на куски.

Во взгляде Лэгега сквозило встревоженное восхищение. Да... теперь они поняли, зачем Маккай добивался небольшой и уязвимой судейской коллегии.

Восьмерка опять подняла шум. Брой окриком заставил их замолчать. Он просигналил Маккаю, чтобы тот продолжал.

— Расчет Аритча был на то, что я разоблачу Досади, вернусь и защищу его от обвинения в том, что он позволил проведение незаконного психологического эксперимента над ничего не подозревающим населением. Он приготовился пожертвовать собой ради других.

Маккай искоса посмотрел на Аритча. Пусть-ка Верховный Магистр попытается бороться в условиях полуправды этой защиты!

— К несчастью, население Досади НЕ БЫЛО ничего не подозревающим. Фактически, силы под командованием Кейлы Джедрик пришли в движение, чтобы взять контроль

над Досади. Судья Брой подтвердит, что она добилась в этом успеха.

Маккай снова указал на скованных пленников.

— Но эти заговорщики, эти люди, разработавшие Досадийский эксперимент и получавшие выгоды от него, распорядились убить Кейлу Джедрик! Она была убита этим утром на Туталси, чтобы предотвратить использование ею мною в надлежащий момент для доказательства НЕВИНОВНОСТИ Аритча. Судья Брой является свидетелем правдивости сказанного мною. Кейла Джедрик была вчера доставлена в этот зал лишь затем, чтобы ее можно было выследить и убить!

Маккай воздел обе руки кверху в красноречивом жесте завершения.

Аритч был в шоке. Маккай это видел. Если восьмерка пленников отвергнет обвинения, то их ждет судьба Аритча. К этому времени они должны уже понять, что Броя они нужны **ВИНОВНЫМИ ПО-ГОВАЧИНСКИ**. Они могли бы предъявить Калеванский контракт и разоблачить заговор с обменом тел, но это было чревато тем, что их будет защищать или обвинять Маккай, потому что он уже связал их своим действительным **КЛИЕНТОМ**, Аритчем. Брой это тоже подтвердил бы. Они были отданы на милость Броя. Если они будут признаны **ВИНОВНЫМИ ПО-ГОВАЧИНСКИ**, то смогут ходить лишь здесь, на Тандалуре. Будучи **НЕВИНОВНЫМИ**, они здесь умрут.

Восьмерка, словно единый организм повернула головы и посмотрела на Аритча. В самом деле! Что сделает Аритч? Если он согласится пожертвовать собой, восьмерка сможет жить. Сейланг тоже сосредоточилась на Аритче.

Было такое ощущение, что весь зал затаил дыхание.

Маккай наблюдал за Сейланг. Насколько искренни были люди Аритча со своим Вревом? Знает ли она полную историю Досади?

Сейланг нарушила молчание, выдав свое знание. Она предпочла провести атаку на Маккай. Сейланг действовала на основе хорошо известного изречения, гласящего, что, когда все потеряно, попытайтесь дискредитировать противостоящего Легума.

— Маккай, так вот как ты защищаешь этих людей, которых только **ТЫ** называешь **КЛИЕНТАМИ**?

Так, положение становилось деликатным. Продолжит ли Брой эту линию?

Маккай встретил ее попытку своим собственным вопросом.

— Ты предлагаешь считать, что ты будешь обвинять этих людей?

— Я не обвиняю их! Это ты!

— Чтобы доказать невиновность Аритча.

— Но ты называешь их КЛИЕНТАМИ. Будешь ли ты их защищать?

От скопления советников позади нее, у дверей зала, донесся коллективный вздох. Они увидели ловушку. Если Маккай примет вызов, у суда не будет иного выбора, кроме как привести восьмерку под действие Говачинских формальностей. Сейланг попалась в ловушку положения обвинителя этой восьмерки. В сущности, она сказала, что подтверждает их вину. Поступая так, Сейланг проигрывала свое дело против Аритча и на ее карьере можно было поставить крест. Она попалась.

В ее глазах сверкал невысказанный вопрос.

«Что сделает Маккай?»

«Пока нет,— подумал Маккай.— Пока нет, моя драгоценная Вревская простофиля».

Он посмотрел на Парандо. Осмелятся ли они предъявить Калеванский контракт? Восьмерка пленников была лишь выявленной вершиной айсберга теневых сил, уязвимой вершиной. Ими могли пожертвовать. Было ясно, что они это поняли, и им это не нравится. Не было здесь Говачинских Мррегов с той железной покорностью ответственности! Они любили жизнь и власть, особенно те, кто носил человеческие тела. Как же драгоценна жизнь для тех, кто прожил несколько жизней!

Для Досадийски тренированных глаз Маккай это было все равно, что читать мысли пленников. Безопаснее всего для них сохранять молчание. Доверять Парандо. Довериться жадности Броя. В самом худшем случае, они могли бы прожить здесь, на Тандалуре ту жизнь, что будет им оставлена. Останется надежда получить новые тела прежде, чем их нынешняя плоть умрет. До тех пор, пока они живы, они могли надеяться и планировать. Возможно, удастся нанять другого Калеванца, найти еще Пчарки...

Аритч прервал молчание, не желая терять то, что уже ему принадлежало.

Тандалурский акцент Верховного Магистра был протестующе резок.

- Но я заведовал тестами на населении Досади!
- На какие тесты ты ссылаешься?
- Досади...

Видя ловушку, Аритч замолчал. Уже больше миллиона Досадийских Говачинов покинули свою планету. Подставит ли Аритч их под удар? Все сказанное им может открыть двери доказательству, что Досадийцы превосходят не-Досадийцев. Любой Говачин (или Человек, если на то пошло) вполне может в ближайшие несколько минут превратиться в мишень. Стоит лишь раскрыть отдельного Говачина или Человека как Досадийца. Остальное довершат страхи Консента. И любой из его доводов может быть направлен на разоблачение настоящего назначения Досади. Он явно понял риск такого поворота, увидел его в первую очередь.

Верховный Магистр подтвердил этот анализ, тревожно посмотрев на Феррет Вревов в зрительном зале. Какая паника начнется среди скрытных Вревов, если выяснится, что под их внешностью могут прятаться особи других видов!

Однако Маккай не мог оставить дела в таком положении. Он подбросил Аритчу вопрос.

— Информировали ли первых ссыльных на Досади о природе проекта?

— Об этом могут рассказать только ОНИ.

— У них стерли воспоминания. У них не осталось исторических свидетельств по этому вопросу.

Аритч продолжал молчать. Восемь подлинных создателей Досадийского проекта сидели около него на полу зала. Сделает ли он разоблачение, чтобы спасти себя? Маккай считал, что нет. Личность, которая способна стать Мррегом, не может обладать подобным изъяном. Или может? Это на самом деле была та точка, откуда уже нет возврата.

Верховный Магистр подтвердил суждение Маккай, повернувшись спиной к трибуналу в жесте покорности Говачинов древних времен. Каким же шоком поведение Аритча должно было оказаться для тех, кто рассматривал его как возможного Мррега.

Маккай ждал, зная, что сейчас должно произойти. Наступил момент истины для Сейланг.

Брой обратился к ней.

— Ты предположила, что будешь обвинять этих восьмерых пленников. Этот вопрос в руках Легума Защиты.

Брой посмотрел на Маккая.

— Что скажешь, Легум?

Наступил момент проверить Броя. Маккай задал встречный вопрос.

— Может ли Судебный Зал предложить другое расположение для этих восьмерых пленников?

Сейланг затаила дыхание.

Брой был доволен. Он наконец восторжествовал над Джедрик. Брой был уверен, что Джедрик не занимает тела этого Легума. Теперь он мог продемонстрировать кукловодам, на что способны уроженцы Досади. И Маккай видел, что Брой собирается действовать быстро, намного быстрее, чем кто-нибудь ожидал.

Кто-нибудь, но не Джедрик, хотя она и была лишь молчанием в сознании Маккая.

Сделав вид, что размышляет, Брой сказал:

— Я могу распорядиться, чтобы этих восьмерых передали под юрисдикцию Консента. Конечно, если согласен Маккай.

Восьмерка зашевелилась, потом снова затихла.

— Я согласен,— ответил Маккай. Он посмотрел на Сейланг. Она не делала никаких попыток протестовать, понимая их тщетность. Единственная надежда ее была на устрашающее присутствие Вревов.

— Значит, так я и распоряжусь,— произнес Брой. Он не стал демонстрировать свое торжество над Парандо.— Пусть юрисдикция Консента решит вопрос о виновности этой восьмерки в убийствах и прочих заговорах.

Он отнюдь не вышел за границы Соглашения между Консентом и Говачином, но Говачинской части аудитории это не понравилось. Их Закон был лучшим из лучших! По всему залу пронеслись гневные выкрики.

Брой приподнялся со своего места и указал на инструменты боли, разложенные перед ним. Говачины в зрительном зале притихли. Они лучше, чем кто бы то ни было, знали, что ни один из присутствующих, даже зрители, не находились вне власти трибунала. И многие теперь поняли, зачем вообще были выставлены здесь эти инструменты. Думающие люди предвидели проблемы с поддержанием порядка в этом зале.

В ответ на молчаливое признание своего авторитета Брой опустил обратно на свое место.

Парандо уставился на Броя, словно только что обнаружил присутствие монстра в этой Говачинской личине. Многие теперь изменяют свое мнение о Брое.

Аритч сохранял свою позу полной покорности.

Мысли Сейланг почти что гудели в воздухе вокруг нее. Куда бы она ни повернула глаза, всюду видела путаницу неуправляемых усиков и заблокированный проход.

Маккай понял, что пора довести дело до конца. Он подошел к судейской скамье и поднял короткий дротик из разложенных там инструментов боли. Маккай взмахнул колючим, бритвенно-острым оружием.

— Кто сидит в этом трибунале?

Аритч некогда уже проделывал подобное. Маккай, повторая его, указал дротиком, отвечая на свой собственный вопрос.

— Выбранный мною Говачин, предположительно пострадавший от Досадийского проекта. Ты пострадал, Брой?

— Нет.

Маккай повернулся лицом к Парандо.

— А здесь у нас человек с Лирата. Верно, Парандо?

— Да, я с Лирата.

Маккай кивнул.

— Я приготовился доставить сюда ряд свидетелей, чтобы подтвердить род твоих занятий на Лирате. Не хочешь ли ты рассказать сам?

У Парандо побагровело лицо. Он свирепо уставился на Маккая.

— Ответь на его вопрос,— вмешался Брой.

Парандо посмотрел на Билдуна, который все еще понурившись, сидел, спрятав лицо в ладонях. Что-то в этом Пан Спечи вызывало у Парандо неприязнь, но он знал, что ему понадобится голос Билдуна, чтобы одолеть Броя. Парандо подтолкнул Пан Спечи локтем. Тот никак не отреагировал.

Маккай понял.

Взглянув в лицо судьбе, Билдун удалился в креше. Где-то неподготовленное тело Пан Спечи внезапно заставили принять эту раздавленную личность. Появление нового Билдуна потребует значительного времени. Когда из креше появится новая личность, то она не унаследует ни грамма прежней власти Билдуна в Бюсабе.

Парандо бросили на произвол судьбы. Он уставился на дротик в руке Маккая.

Маккай, прежде, чем снова заговорить с Парандо, быстро взглянул на зал.

— Я цитирую известного специалиста по Говачинскому Закону, Верховного Магистра Аритча: «Закон Консента всегда делает из своих юристов аристократов. Говачинский Закон стоит ниже этой претенциозности. Говачинский Закон вопрошает: кто знает людей? Лишь такой подходит на роль судьи». Это Говачинский Закон согласно Верховному Магистру Аритчу. Это закон этого места.

Маккай снова дал возможность Парандо заговорить, но тот опять промолчал.

— Возможно, ты на самом деле годишься для того, чтобы судить здесь, — предположил Маккай. — Ты ремесленник? Философ? Может, ты писатель? Художник? А, ты наверное из тех непритязательных работников, которые обслуживают автоматы?

Парандо смотрел на дротик и продолжал молчать.

— Никто из перечисленных? — спросил Маккай. — Тогда я подскажу ответ. Ты профессиональный законник, который дает юридические консультации по Говачинскому Закону. Ты, человек, даже не Легум, осмеливаешься говорить о Говачинском Законе!

Маккай прыгнул вперед и метнул дротик. Тот глубоко вонзился в грудь мужчины.

ОДИН ЗА ДЖЕДРИК!

Парандо издал булькающий вздох и упал под скамью.

Брой, опасаясь Маккая, дотронулся до голубого ящика перед собой.

НЕ БОЙСЯ, БРОЙ. ПОКА НЕТ. ТЫ МНЕ ЕЩЕ НУЖЕН.

Но теперь в этой плоти был Маккай, более настоящий, чем его знал Брой. Не Джедрик. Члены теневой силы, наблюдающие эту сцену и способные планировать, сделают ожидаемый вывод, потому что они не знают, как широко и полно объединены Маккай и Джедрик. Теневые силы сочтут, что Маккаю известна подноготная Парандо. Они тотчас же выследят ту ошибку. Так что в зале был Маккай. Но он покинул Досади. Заговорщики могут решить только одно.

«У Маккая есть помощь Калеванки!»

А они боятся Калеванцев.

«Вам надо бояться только меня», — подумал Маккай.

Он услышал как по всему залу прокатилось одобрительное похрюкивание. Они приняли его как Легума, следовательно, они приняли его доводы. Подобный судья заслуживает смерти.

«Аритч создал прецедент. Маккай его улучшил».

Оба нашли способ убить негодного судью, но поступок Маккай ввел Говачинский прецедент в юридические рамки Консента. Компромисс, приведший Говачин и Консент в Соглашение совместной ответственности за дело в этом зале, увидится Говачинами как первый шаг к тому, чтобы их Закон стал превыше всех прочих законов.

Аритч, полуобернувшись, посмотрел на скамью с оценивающим блеском в глазах, сказавшим, что Говачин после всего что-то еще спас. Маккай прошествовал обратно и предстал перед Сейланг. Он встал лицом к ней, как того требовали формальности, пока взывал к решению суда.

— Билдун?

Молчание.

— Парандо?

Молчание.

— Брой?

— Решение в пользу защиты.

Досадийский акцент звонко прозвучал в зале. Говачинская Федерация была единственным членом Консента, осмелившимся позволить жертве судить тех, кто обвиняется в ее мучениях. Гордость Говачинов была ранена. Но они также получили кое-что, что будет рассматриваться как неоценимое приобретение. Плацдарм для их Закона в Консенте, плюс впечатляющее судебное представление, которое, похоже, закончится их любимой драмой.

Маккай шагнул в пределы досягаемости Сейланг. Он вытянул свою правую руку, ладонью кверху.

— Нож.

Служители засуетились. Раздался лязг открываемого голубого ящика. Вскоре на ладонь Маккай шлепнулась увесистая рукоять ножа. Он сжал ее в руке, подумав о всех своих бесчисленных предшественниках в этом зале.

— Сейланг?

— Я подчиняюсь решению этого суда.

Маккай увидел, как Вревы поднялись со своих мест. Они стояли, готовые спрыгнуть вниз и отомстить за Сей-

ланг, невзирая на последствия. Они ничего больше не могли сделать, кроме как исполнить роль, написанную для них Говачинами. Мало кто в зале неправильно понял смысл их присутствия здесь. Каковы бы ни были размеры раны, Говачины без особого удовольствия терпели подобные вещи.

Маккай и Сейланг обменялись странно товарищескими взглядами. Они стояли здесь, двое единственных не-Говачинов во вселенной Консента, прошедших через ту необычайную алхимию, превращающую личность в Легума. Одному из них полагалось умереть немедленно. Другой ненадолго переживет своего соперника. Тем не менее, они понимали друг друга, словно дети одних родителей. Каждый сбросил тщательно сработанную КОЖУ, чтобы стать чем-то еще.

Медленно и осторожно Маккай вытянул кончик своего клинка к левой щеке Сейланг, отметив на ней мириады ямок от триадных обменов. Сейланг задрожала, но не сдвинулась с места. Маккай молниеносным движением добавил ей на кожу еще одну ямку.

Первыми все поняли Вревы. Они опустились обратно на свои места.

Сейланг задохнулась и дотронулась усиком до ранки. Ей уже много раз приходилось переживать нечто подобное.

На мгновение Маккаю показалось, что она могла этого не принять. Нарастающий гул в зале развеял его сомнения. Шум этого одобрения, прежде чем утихнуть, достиг почти оглушительного крещендо. К нему присоединялись даже Говачины. Как нежно они любили подобные юридические нюансы!

Понизив голос, чтобы слышала только Сейланг, Маккай заговорил:

— Тебе следовало бы обратиться за местом в Бюсабе. Новый директор благосклонно рассмотрит твоё прошение.

— Ты?

— Готов заключить Вревское пари.

Она удостоила его гримасы, служащей у Вревов улыбкой, и произнесла традиционные слова триадного прощания.

— Мы были вполне и истинно соединены.

Так Сейланг тоже увидела правду в их уникальной близости.

Маккай полной мерой выдал свои эзотерические знания, произнеся правильный ответ.

— Я знаю это по твоей метке.

Она не выказала удивления. Там хороший мозг, не по Досадийским стандартам, но хороший.

ВПОЛНЕ И ИСТИННО СОЕДИНЕННЫ.

Держа эмоции под крепким замком (тут ему помогли Досадийские рефлексy), Маккай подошел к Аритчу и встал перед ним.

— Клиент Аритч, ты невиновен.

Маккай продемонстрировал пятнышко крови Врева на кончике ножа.

— Формальности были соблюдены, и ты полностью реабилитирован. Я радуюсь вместе с теми, кто любит справедливость.

В прежние дни, в этот момент ликующие зрители обрушились бы на незадачливого Клиента и сражались бы за кровавые ошметки, чтобы пройти с ними через город. Вне всяких сомнений, Аритч предпочел бы это. Он был традиционалистом. Теперь Аритч это подтвердил.

— Я рад расстаться с этими временами, Маккай.

— Кто же будет Мррегом теперь, когда ты... неспособен? — размышлял вслух Маккай. — Кто бы он ни был, сомневаюсь, что будет столь же хорош, как тот, чье место он займет. Следующему Мррегу стоило бы задуматься над хрупкостью и непрочностью того, что приобретаешь, когда манипулируешь другими.

Серdito на него посмотрев, Аритч повернулся и побрел к двери.

Некоторые Говачины уже покинули зрительный зал, чтобы поприветствовать Аритча снаружи. У Маккая не было желания становиться очевидцем этого пережитка старого ритуала. У него были и другие заботы.

ВПОЛНЕ И ИСТИННО СОЕДИНЕННЫ.

Что-то жгло ему глаза. И Маккай все еще чувствовал то легкое спящее присутствие в своем сознании.

«Джедрик?»

Никакой реакции.

Он взглянул на Броя, который, верный своему долгу судьи, покинет зал последним. Брой сидел, вежливо созерцая это место, где он продемонстрировал первые замыслы своей кампании за достижение верховной власти в Консенте. Он не примет ничего меньшего, если его не остано-

вит смерть. Эти теневые кукловоды первыми почувствуют на себе его правление.

Это соответствовало плану, разработанному Маккаем и Джедрик. В известном смысле, это все еще был план тех, кто вывел и обучил Джедрик, подготовив ее к решению задач, с которыми она так блестяще справилась.

Маккай подумал, что те безымянные, безликие Досадийцы, стоящие призрачными рядами за Джедрик, сделали достойный выбор. Столкнувшись со свидетельствами повсеместного обмена тел, они рассудили, что консерватизм вымирания был бы смертельным выбором. Вместо этого они доверились сперме и яйцеклетке, вечно стремясь к новому и лучшему, измененному, приспособленному. И они запустили свою одновременную кампанию по истреблению Пчарки в их мире, сохранив лишь только одного для финальной авантюры.

Хорошо, что этот взрывоопасный секрет сохранился. Маккай был благодарен Сейланг. Она знала, но молчала, даже когда это могло ей помочь. У Бюсаба теперь есть время, чтобы справиться с этой проблемой. Сейланг там пригодится. И возможно, мы узнаем что-то новое о Пан Спечи, Калеванцах, Тапризютах. Если бы только Джедрик...

Маккай почувствовал, что кто-то копошится в его воспоминаниях.

«Если бы только Джедрик — что?»

Она была по-прежнему насмешлива.

Маккай чуть не упал от неожиданности.

— Осторожнее с нашим телом, — сказала Джедрик. — Оно теперь у нас одно.

— Чье тело?

Она ласково коснулась его сознания.

— Наше, любовь моя.

Это что, галлюцинация? Маккай до боли жаждал держать ее в объятиях, чувствовать, как ее руки обнимают его, как ее тело прижимается к нему.

— Это для нас потеряно навсегда, любовь моя, но смотри, что у нас есть взамен.

Когда он не ответил, Джедрик сказала:

— Один всегда может наблюдать, пока другой действует... или спит.

— Но где же ты?

— Там же, где и всегда была, когда мы обменивались. Видишь?

Маккай почувствовал ее параллельность в совместной плоти и, добровольно отступив, устроился на отдых в контакте с ее взаимными воспоминаниями. Он по-прежнему глядел из своих собственных глаз, но сознавал, что кто-то еще тоже всматривался оттуда, что кто-то еще повернул его тело лицом к Брою.

Маккай испугался, что это ловушка. Джедрик вернула ему контроль над их телом.

— Ты сомневаешься во мне, любовь моя?

Маккаю стало стыдно. Она ведь ничего не могла от него утаить. Маккай знал, что Джедрик чувствовала, чем она желала пожертвовать ради него.

— Ты стал(а) бы их идеальным Мррегом.

— Даже не предлагай.

Джедрик протекла сквозь его воспоминания о суде. Ее радость доставила ему удовольствие.

— О, чудесно, Маккай. Прекрасно! Я бы лучше не сделала. А Брой все еще ничего не подозревает.

Служители вывели из зала все еще скованных восьмерых пленников. Зрительный зал опустел.

Маккай начало переполнять ощущение радости.

«Я кое-что потерял, но кое-что приобрел».

— Ты не потерял столько, сколько Аритч.

— Я приобрел больше.

Потом Маккай позволил себе уставиться на Броя, изучая Говачинского судью Досадийскими глазами и двумя комплектами сознаний. Аритч и восьмерка обвиняемых в убийстве — дело прошлое. Они и многие другие, вроде них, еще до следующей декады будут либо мертвы, либо бессильны. Брой уже продемонстрировал, с какой скоростью собирается действовать. При поддержке своего отряда набранных Джедрик помощников, Брой займет место власти, закрепляя линии контроля в теневом правительстве, устраняя каждый потенциальный источник оппозиции, какой только сможет. Он уверился в смерти Джедрик, и, несмотря на то, что Маккай умен, Маккай и Бюсаб не являлись первостепенной заботой. Каждый стремится к власти. Будучи Досадийцем, Брой не мог действовать иначе. И он был лучшим из тех, кого только произвела его планета. Почти.

Джедрик-Внутри хихикнула.

Да, с уверенностью джаггернаута Брой создаст единственную мишень для Бюсаба. А Джедрик улучшит модельную схему, по которой можно предсказать Броя. В должный момент тот обнаружит, что его уже поджидает Маккай.

За Маккаем будет новый Бюсаб. Агентство, направляемое человеком, чьи воспоминания и способности усилены личностью, которая превосходит Броя. Лучшей личностью, какую только могла породить Досади.

Стоя в молчаливом зале суда, Маккай думал: «Когда до Броя дойдет, что он делает за нас нашу работу?»

— Когда мы покажем ему, что он не сумел убить МЕНЯ!

В полнейшем соответствии с Говачинскими формальностями, не выказывая никаких признаков спаренных мыслей, бушующих в его сознании, Маккай поклонился Брою, повернулся и удалился. И все это время Джедрик-Внутри планировала... замышляла... планировала...

Б^{ЕЗ}
ОГРАНИЧЕНИЙ

В то утро, когда проблема космического скафандра свалилась на голову агентства, Гвен Эверест завтракала в ресторане, автоматизированном заведении с изолированными местами, излюбленном месте одиноких девушек. Из отверстия на ее стол выскочил заказ, и на поверхности стола немедленно включилось проект-меню, рекламирующее новейший истолковывающий телелог к Интердреме.

— Ваш собственный переводчик личных снов! Тайный компаньон для любого невроза!

Гвен уставилась на дюймовой высоты слова, проносящиеся в танце над ее яичницей. Она сама же придумала этот текст. Под рекламным объявлением ее еда стала выглядеть ужасно неаппетитно. Гвен отодвинула тарелку.

На движущемся тротуаре в Манхэттен рядом с ее ухом летел юсикер, чувства его робофлаера были запрограммированы на ее восприимчивость. Он рекламировал годовой запас Герамила — «напитка для завтрака, помогающего жить дольше!»

В это утро Гвен придумала новый рекламный трюк: полис страхования жизни с премиальными выплатами в первый год — «абсолютно БЕСПЛАТНО, если вы примете предложение сейчас!»

С внезапной злостью она выключила робофлаер, прошептав кодовую фразу, которую выманила у одного инженера, обслуживающего эти штуки. Робофлаер рванулся вверх и, беспорядочно кувыркаясь, врезался в стену здания.

Маленькая прореха в ее контроле. Начало.

Вдоль частного коридора в исполнительные офисы Сигналмастера, Хакстинга и Батлемонта Гвен поджидали экспонаты недавней кампании за Религию Месячного Клуба. Она пробиралась сквозь целую гамму адюкелов, макетов, лозунгов, скиннеров. Механизмы непрерывно вопили:

— Подпишитесь теперь и получите эти святыни «абсолютно БЕСПЛАТНО! Полный текст Черной Мессы плюс Сокращенный Мистицизм!»

Ей пришлось пройти сквозь адюкел, объявляющий: «Не

будь спасен лишь наполовину! Верь во Все! Ты уверен, что африканское колдовство Банту не есть Истинный Путь?»

На повороте коридора стояло эротическое пугало со стимулирующими плоть приспособлениями. Оно вещало вкрадчивым голосом:

— Обрети мир через Тантризм!

От этих призывов по коже Гвен пробежали мурашки.

Она влетела в свой кабинет и рухнула в кресло. С нарастающим ужасом Гвен сообразила, что она сама либо написала, либо отвечала за написание каждого слова или выдала каждую рекламную идею вдоль того коридора.

Интерфон на ее столе издал трель «Доброе утро!» Она щелкнула выключателем затемнения, чтобы не дать прибору воспроизвести изображение.

Последнее, чего Гвен сейчас хотелось, это видеть одного из своих сотрудников.

— Кто это? — рявкнула она.

— Гвен? — Ошибиться в этом голосе было нельзя: Андрэ Батлемонт, нижнее имя на тотеме агентства.

— Что тебе надо? — спросила она.

— Наша Гвенни нынче утром отвратительно себя чувствует, не так ли?

— О Фрейд! — Гвен хлопнула по кнопке разъединения, наклонилась, опершись локтями на стол и спрятала лицо в ладонях. «Посмотри на это трезво, — подумала она. — Мне сорок восемь, я не замужем и являюсь движущей силой в индустрии, которая удушает вселенную. Я профессиональный душитель».

— Доброе утро, — чирикнул интерфон.

Гвен его проигнорировала.

— Душитель, — буркнула она.

Гвен узнала здесь основную проблему. Она была ей известна с детства. Ее вселенная была постоянным переигрыванием «Нового платья короля». Она видела наготу.

— Доброе утро, — чирикал интерфон.

Гвен отвела руку от лица и щелкнула переключателем.

— Ну что еще?

— Это ты меня отключила, Гвен?

— Что, если это так?

— Гвен, пожалуйста! У нас проблема.

— У нас всегда проблемы.

Голос Батлемонта понизился на одну октаву.

— Гвен. Это Большая проблема?

«Он каким-то сверхъестественным способом говорит прописными буквами»,— подумала она и сказала:

— Убирайся.

— Ты оставила исключенной свою Интердрему! — обвиняюще произнес Батлемонт. — Ты не должна так делать. К тебе может подкрасться невроз!

— Ты мне ради этого звонишь? — спросила Гвен.

— Разумеется, нет.

— Тогда убирайся.

Тут Батлемонт сделал такое, что, как было известно каждому, от Синглмастера до самых низов, опасно было пытаться продельвать с Гвен Эверест. Он нажал «подавление», чтобы отправить свое изображение танцевать над ее интерфоном.

После мгновенной вспышки гнева Гвен правильно истолковала этот поступок как проявление отчаяния. Она обнаружила, что заинтригована. Гвен пристально посмотрела на круглое лицо, блеклые глаза (определенно, они слишком малы, эти глаза), курносый нос и широкий разрез рта над почти отсутствующим подбородком. Плюс линия волос в полном отступлении.

— Андрэ, ты сволочь,— сказала Гвен.

Он проигнорировал оскорбление. По-прежнему настойчивым тоном Андрэ вещал:

— Я созвал полное собрание штата агентства. Ты должна присутствовать.

— Зачем?

— Тут двое военных, Гвен.— Он проглотил комок.— Положение отчаянное. Или мы решим их проблему, или они нас погубят. Они призовут на службу каждого мужчину из агентства!

— Даже тебя?

— Да!

Она шевельнула правой рукой в сторону экстренного разъединения интерфона.

— До свидания, Андрэ.

— Гвен! Боже мой! Ты не можешь бросить меня в такое время!

— Почему бы и нет?

Он проговорил, задыхаясь от поспешности:

— Мы повысим тебе оплату. Премия. Кабинет побольше. Дадим много новых помощников.

— Ты не можешь сейчас позволить себе меня,— отрезала она.

— Я умоляю тебя, Гвен! Неужели нужно меня так унижать?

Она закрыла глаза, подумав: «Насекомые! Проклятые мелкие насекомые со своими мелкими эмоциями! Почему я не могу послать их во всеобщий ад?» Гвен открыла глаза и сказала:

— И что за паника у военных?

Батлемонт промокнул свой лоб пастельно-голубым носовым платком.

— Это Космическая Служба. Женское отделение. ВОМС. Вербовка упала почти до нуля.

Гвен неожиданно заинтересовалась.

— Что случилось?

— Что-то с космическим скафандром. Я не знаю. Я так расстроен.

— Почему это они наезжают на нас подобным образом? Я имею в виду ультиматум.

— По слухам, это они проверяют новую теорию, что творческие люди лучше работают в условиях чрезвычайного стресса.

— Снова Психологическая Служба. Эти ослы!

— Но что мы можем поделать?

— Свистать всех наверх! — предложила Гвен. — Ты идешь на совещание?

— А ты там будешь?

— Через несколько минут.

— Не задерживайся слишком долго, Гвен. — Он снова промокнул лоб голубым платком. — Гвен, я так напуган.

— И для этого есть причины. — Она покосилась на него. — Могу себе представить: на тебе ничего, кроме свинцовой набедренной повязки, и ты забрасываешь топливо в радиоактивную печь. Фрейд, что за картинка!

— Это не шутка, Гвен!

— Знаю.

— Ты собираешься помочь?

— На свой собственный специфический манер, Андрэ. — Она произвела экстренное разъединение.

Андрэ Батлемонт отвернулся от интерфона и пересек свой кабинет, направившись к подлинному мусульманскому молитвенному коврику. Он уселся на него лицом к окну во всю стену, смотревшему на восток через центр Манхэттена. Это был тысяча четыреста семьдесят девятый этаж здания Звезд Космоса, и как только поднимались

облака, оттуда открывался замечательный вид. Но в это утро город оставался скрытым под низким потолком облаков.

Впрочем, здесь наверху было солнечно — если не считать настроения Батлемонта. По его нервной системе с воем раскатывал страх.

На молитвенном коврике он занимался тем, что отрабатывал дыхание йогов для успокоения своих нервов. Военные могут подождать. Им придется подождать. Сидеть лицом по направлению к Мекке Андрэ начал два месяца назад. Занятиям йогой был месяц от роду. Всегда был какой-то пережиток.

Батлемонт приобщился к Религии Месячного Клуба почти год назад. Он соблазнился кампанией глубокой мотивации, проведенной его же собственным агентством плюс знак одобрение Совета Братства.

В этом месяце это был Реинспирированный Нео-Кульٹ Святого Фрейда.

На облачный пейзаж под ним наложился пробный адюкел. Он начал разыгрывать самый последний созданный Гвен Эверест питч ИБМавзолея. Гигантские радужные буквы танцевали на фоне кудрявой облачной завесы.

— Сделайте ваш совет бессмертным! Позвольте нам сохранить ваш голос и мысли в схемах вечной электронной памяти! Когда вы уйдете, ваши близкие смогут слушать ваш голос. Вы ответите на их вопросы точно так же, как ответили бы при жизни!

Батлемонт покачал головой. Агентство, напуганное своей зависимостью от живой Гвен Эверест, тайно записало ее однажды на совещании персонала. Совершенно незаконно. Профсоюзы, если бы узнали об этом, смешали бы все руководство с грязью. Но ИБМавзолей провалился с первым же вопросом, положенным на призрак-голос Гвен.

— У некоторых людей слишком сложная мысленная структура. Практически невозможно сделать точную психозапись, — объяснил инженер.

Батлемонт не обманывал себя. Исключительная гениальность троих владельцев агентства заключалась в распознавании гениальности Гвен Эверест. Она и была агентством.

Иметь такого служащего было равносильно езде верхом на тигре. Синглмастер, Хакстинг и Батлемонт сидели верхом на этом тигре уже двадцать два года. Батлемонт закрыл глаза и представил себе Гвен: высокая женщина,

худая, но с определенной грацией. На длинном лице царили голубые глаза, обрамленные волнами темно-рыжих волос. Ее остроумие могло бы располосовать вас на ленточки. Она обладала бесценной способностью — гениально вытягивать рекламный смысл из полнейшей неразберихи.

Батлемонт вздохнул.

Он был влюблен в Гвен Эверест. Все эти двадцать два года. По этой причине Андрэ так и не женился. Его Интердрама объясняла, что все это из-за его желания быть подавляемым сильной женщиной.

Но это лишь объясняло. Это не помогало.

На мгновение Андрэ с тоской подумал о Синглмастере и Хакстинге, которые проводили свой ежегодный трехмесячный отпуск в гериатрическом центре на Оаху. Батлемонт задумался, осмелится ли он попросить Гвен провести свой отпуск вместе с ним. Лишь один раз.

Нет.

Он сообразил, какую жалкую фигуру представляет на молитвенном коврике. Толстый маленький человек в довольно непривлекательном костюме.

Портные делали для него то, что называлось «улучшением ваших хороших сторон».

Гвен его, конечно, отвергнет.

Этого Андрэ страшился более всего. До тех пор, пока остается возможность...

Воспоминание об ожидающих. Вторгшаяся депутация Космической Службы. Батлемонт задрожал, нарушив схему дыхания йогов. Упражнение возымело свой обычный эффект — головокружение. Он встал.

— От судьбы не убежишь,— пробормотал Андрэ.

Это был пережиток от Кармического месяца.

По утверждению Гвен, конференц-зал в агентстве был скопирован с императорской комнаты флорентийского борделя. Это было гигантское помещение. Углы все были в шелковистых завитушках тяжелой позолоты. Эффект был перенесен на глубокую резьбу на стенных панелях. На потолке сочетались купидоны Челлини с пейзажами Дали.

Антикварная вещь.

В это окружение в стиле барокко был водворен изготовленный из цельного куска древесины стол — шесть футов в ширину и сорок два фута в длину. Это был увеличенный кусочек Уоллстритании Двадцатого Века, окруженный забором из тяжелых деревянных стульев. Каждое

место украшали пресс-папье в виде мешка бобов и пепельница в виде золотого колеса.

Воздух в комнате пропитался синевой от дыма мудсигар. Сидевший вокруг стола персонал боролся с угнетающим впечатлением от двух генералов Космической Службы, мужчины и женщины, сидевших с флангов пустующего стула Батлемонта. В воздухе повисло удивительное отсутствие всяческих переговоров и шелеста бумаг.

Весь персонал уже ознакомился с ультиматумом посредством конторских слухов.

Батлемонт проскользнул в свою боковую дверь, прошел к своему стулу в конце стола и упал на него прежде, чем отказали ноги. Он пристально посмотрел сначала на одного военного, потом на другого.

Никакой реакции.

Справа от него сидела бригадный генерал Соннет Финнистер из ВОМС. Батлемонт был ушаташен, увидев в первый раз ее походку. Походочка сержанта-строевика. Никаких глупостей. На ней была разработанная ею самой форма: прямая юбка в складку, скрывающая костлявые бедра, свободная блуза, чтобы закамouflировать отсутствие верхних выпуклостей, и длинная пелерина, вносящая окончательную неразбериху в общий результат. На макушке ее головы пристроилась фуражка с утиным козырьком и плоским передом, сконструированная с единственной целью — спрятать лоб Соннет Финнистер, слишком высокий и слишком широкий.

Она изредка поправляла головной убор.

Поспешное частное расследование Батлемонта выявило, что эта специфическая шляпка на прочих членах ВОМС выглядела просто отвратительно. Что касается женщин, то они прозвали ее Соннет Боннет*. Была еще одна дополнительная информация, что подчиненные называли саму генеральшу Синистер Финнистер** — частично по причине развевающейся накидки.

Слева от Батлемонта сидел генерал Натан Оулинг из Космических Инженеров, более известный как Хоулинг Оулинг***, по причине характерных особенностей, проявляющихся в гневе. Он выглядел отлитым в нынешней

* Чепчик Соннет (англ.).

** Зловещая Финнистер (англ.).

*** Вопящий Оулинг (англ.).

форме офицерской касты — худой белокурый атлет. Голубые глаза напомнили Батлемонту глаза Гвен, разве что у мужчины они выглядели еще холоднее.

Если только это было возможно.

За Оулингом сидел Лео Прим, художественный директор агентства. Это был тонкий молодой человек, до того тонкий, что балансировал на грани истощения. Его длинные волосы, которые он носил довольно длинными, были от природы волнистыми. У него был узкий римский нос, выразительные карие глаза, глубокая ямка на подбородке и благородный рот с большими губами. Губы сжимали мудсигару.

Если бы Батлемонт мог выбирать себе внешность, то хотел бы быть похожим на Лео Прима. Романтичным. Батлемонт перехватил взгляд Прима и отважился дружески ему улыбнуться.

Никакой реакции.

Генерал Соннет Финнистер постучала тонким пальцем по столешнице. Для Батлемонта это прозвучало, словно отдаленный барабан марширующей смерти.

— Не лучше ли нам начать? — требовательно спросила Финнистер.

— Мы уже все здесь — наконец? — спросил Оулинг. Батлемонт попытался проглотить комок в горле.

— Ну... э... нет... э...

Оулинг раскрыл лежащий у него на коленях портфель, взглянул на рапорт разведки и обвел взглядом стол.

— Не хватает мисс Эверест, — объявил он.

— Разве мы не можем начать без нее? — поинтересовалась Финнистер.

— Мы подождем, — сказал Оулинг. Он наслаждался. «Проклятые паразиты нуждаются время от времени в хлысте! — думал он. — Мы им укажем их место».

Финнистер свирепо посмотрела на Оулинга: этот ястребиный взгляд заставлял дрожать полковников мужчин. Взгляд этот скатился с Оулинга безо всякого эффекта.

«Что за идиотская идея пришла в голову командованию — дать мне в напарники такой привыкший верховодить мужской тип, как Оулинг!» — подумала она.

— Защищено ли это место от любителей совать свой нос не в свое дело? — спросил Оулинг.

Батлемонт обвел своим собственным низковольтной свирепости взглядом сидящий вокруг стола в дымной пелене от мудсигар персонал. Никто не посмел поднять глаз.

— Да здесь любой только этим и занимается! — отрезал он.

— Что? — начал подниматься Оулинг.

— Любители совать нос в чужие дела! — рывкнул Батлемонт. — Весь мой штат!

— Ааа. — Оулинг опустил обратно на свой стул. — Я имел в виду другую разновидность любопытства.

— А, это. — Батлемонт пожал плечами, подавив настоятельное желание бросить взгляд наверх, на замаскированные в конференц-зале линзы рекордеров. — Мы не можем позволить, чтобы наши идеи перехватывались другими агентствами, вы же знаете. Здесь абсолютно безопасно.

Гвен Эверест выбрала именно этот момент для своего появления. Когда она проходила через дверь в конце зала, все глаза обратились к ней и следили, как она шагает вдоль стены.

Батлемонт восхищался ее грацией. Такая женственная дама, несмотря на свою неприступность. Такое отличие от женщины-генерала.

Гвен отыскала у боковой стены свободный стул и втиснула его между Батлемонтом и Финнистер.

Начальник ВОМС свирепо посмотрела на пришедшую.

— Кто вы?

Байлемонт наклонился вперед.

— Это мисс Эверест, наш... э... — Он заколебался в замешательстве. У Гвен никогда не было в агентстве официального титула. Этого никогда не требовалось. Здесь каждый и так знал, что она босс. — Эээ... мисс Эверест наш... э... директор по координации, — закончил Батлемонт.

— Ну надо же! Какой замечательный титул! — воскликнула Гвен. — Он должен быть отпечатан на моей визитной карточке. — Она похлопала Батлемонта по руке и своим лучшим голосом тайного-агента-идущего-на-дело произнесла: — Оставим это, шеф. Кто эти люди? Что происходит?

Генерал Оулинг кивнул Гвен.

— Я Оулинг, генерал, Космические Инженеры. — Он указал на эмблему ракетного выхода на своем плече. — Мой компаньон, генерал Финнистер, ВОМС.

Гвен сразу узнала лицо знаменитой Финнистер. Она ослепительно ей улыбнулась.

— Генерал Вомс!

— Финнистер! — отрезала генеральша.

— Да, разумеется,— согласилась Гвен.— Генерал Финнистер Вомс. Знаете, я, должно быть, не слишком информирована.

Финнистер медленно и размеренно проговорила:

— Я... генерал... Соннет... Финнистер... из... из... Женщин... Космоса!

— Ой, как это глупо с моей стороны,— потупилась Гвен.— Разумеется, это вы и есть.— Она похлопала генерала по руке и улыбнулась Батлемонту.

Батлемонт, прекрасно понимавший фальшивость такого настроения у Гвен Эверест, пытался съежиться на своем стуле, чтобы исчезнуть с глаз.

В этот момент Гвен со страхом сообразила, что достигла психологической точки «безвозвратности». Где-то она допустила просчет. Гвен оглядела стол. Знакомые лица бросались ей в глаза с нереальной ясностью. Пристально глядящие глаза. Лучшей частью совещания было наблюдать Гвен в действии. «Я больше этого не выдержу,— подумала Гвен.— Я должна высказаться».

Она сосредоточилась на военных. Люди в комнате занимали лишь малую часть ее внимания. Но только не эти двое. Оулинг и Финнистер. Космические генералы. Символы.

«Пусть осколки летят во все стороны! Стреляй, когда будешь готов, Гридди. Стреляй, если надо, в эту старую седую голову... Подожди, пока не увидишь белки их глаз».

Гвен сосредоточенно кивнула.

Один неверный шаг, и агентству конец.

«А кого это волнует?»

Все это промелькнуло за какую-то долю секунды, но решение было принято.

СОПРОТИВЛЕНИЕ!

Гвен обратила свое внимание к Оулингу.

— Не будете ли вы так любезны закончить это блуждание вокруг да около и перейти к делу?

— Блуждать...— Оулинг запнулся. В рапорте разведки говорилось, что Гвен любит шокирующую тактику. Он ответил ей короткий кивок, проделав такой же кивок в адрес Финнистера.

Женщина-генерал обратилась к Батлемонту.

— Как мы вам ранее объяснили, ваше агентство было избрано для выполнения жизненно важной задачи, мистер Батлефилд.

— Батлемонт,— поправила Гвен.

— Что? — Финнистер резко остановилась.

— Его имя БатлеМОНТ, а не БатлеФИЛД,— сказала Гвен.

— Хватит! — Щеки Финнистер побагровели.

Образовавшуюся паузу заполнил Оулинг.

— Нам поручено заплатить этому агентству вдвое против обычного гонорара за выполнение задачи,— заявил он.— Однако, если вы нас разочаруете, мы призовем здесь каждого мужчину в Космическую Службу!

— Что за дурацкая идея! — возмутилась Гвен.— Наши люди разрушат Космическую Службу. Изнутри.— Она снова улыбнулась Батлемонту.— Андрэ мог бы все это сделать сам. Ведь мог бы, душка? — Гвен потрепала Батлемонта по щеке.

Батлемонт попытался еще глубже втиснуться в стул. Он пробормотал, избегая смотреть в глаза космическим воякам:

— Гвен... пожалуйста...

— Вы хотите сказать, разрушат Космическую Службу? — спросила Финнистер.

Гвен проигнорировала ее, обращаясь к Оулингу.

— Это еще один из мозговых штурмов Псих-Бюро. Я чую их дух в каждом слове.

Оулинг нахмурился. По сути дела, он, как всякий практик-строитель, подозрительно относился ко всему субъективному. Эта женщина — Эверест — точно подметила. Но военные должны плечом к плечу отражать натиск штатских. Оулинг сказал:

— Не уверен, что вы должным образом подготовлены, чтобы вникнуть в военную тактику. Займитесь-ка той проблемой, которую мы...

— Еще и военная тактика! — Гвен стукнула кулаком по столу.— Разрушить ваши силы, люди. Вот что! Сверьте ваши часы. В атаку!

— Гвен! — воскликнул Батлемонт.

— Разумеется,— сказала Гвен. Она посмотрела на Финнистера.— Не смогли бы вы обрисовать в общих чертах вашу проблему простыми словами, чтобы их смогли понять наши немилитаризованные мозги?

Пауза, свирепый взгляд. Финнистер выплевывала слова сквозь сжатые губы.

— Вербовка в ВОМС упала до тревожного уровня. Вы исправите это.

За спиной у Гвен Батлемонт энергично кивнул.

— Женщины высвобождают мужчин для задач, решение которых требует большой физической силы,— торжественно заявил Оулинг.

— Женщины могут делать множество вещей, которые не могут делать мужчины,— добавила Финнистер.

— Это абсолютно необходимо,— произнес Оулинг.

— Абсолютно,— согласилась Финнистер.

— Подозреваю, что призывать женщин вы не можете,— предположила Гвен.

— Пытались провести бильярд,— покачал головой Оулинг.— Но проклятую комиссию возглавляла антимилиитаристски настроенная женщина.

— Себе на пользу,— хмыкнула Гвен.

— Вы не похожи на человека, пригодного для этой работы,— процедил Оулинг.— Наверное...

— Ой, остыньте,— махнула рукой Гвен.

— Мисс Эверест — лучшая в этом роде бизнеса,— вмешался Батлемонт.

— Почему же упала вербовка? Полагаю, вы провели обычные социологические исследования? — спросила Гвен.

— Это все космический скафандр,— пояснила Финнистер.— Женщинам он не нравится.

— Слишком механистичен,— уточнил Оулинг.— Слишком практичен.

— Нам нужен... э... романтический ореол,— сказала Финнистер. Она поправила свою фуражку.

Гвен неодобрительно посмотрела на этот головной убор, оглядела сверху донизу форму Финнистер.

— Я видела в новостях изображение обычного скафандра. А что носят внутри? Что-то вроде вашей формы?

Финнистер подавила вспышку гнева.

— Нет. Они носят специальную робу.

— Скафандр нельзя снять, пока они находятся в космосе,— пояснил Оулинг.

— Да? — Гвен задумалась.— А как насчет психических функций у такого рода вещи?

— Скафандр обо всем заботится,— заявил Оулинг.

— Как выяснилось, не СОВСЕМ обо всем,— промурлыкала Гвен. Она снова кивнула — запутывающая тактика.

Батлемонт выпрямился и оценил атмосферу в конференц-зале. Персонал весь наготове, спокоен и внимателен. На душе как-то полегчало. Гвен, похоже, владеет ситуа-

цией. Старая добрая Гвен. Замечательная Гвен. Ни слова о том, что она замышляет. Как обычно. Но она разберется с этой штукой. Как всегда. Если не...

Он моргнул. Могло ли быть, что она флиртовала с ним? Батлемонт попытался представить себе образ мышления Гвен. Невозможно. Этого не смог бы сделать даже ИБМавзолей. Непредсказуемо. Все, в чем Батлемонт мог быть уверен, так это то, что Гвен обхохочется до колик, представив себе картину — все мужчины агентства призваны и трудятся, как рабы, где-то на космических грузовозах.

Батлемонта затрясло.

Генерал Финнистер как раз говорила:

— Проблема не только в том, чтобы заставить женщин завербоваться в наземную службу. Они нам нужны на кораблях, на астероидных станциях, на...

— Давайте говорить напрямик, — сказала Гвен. — Моя прапрабабушка была на какой-то вооруженной службе. Я читала ее дневник. Она называла это «вакиз» или что-то в этом роде.

— ВАКС, — пояснила Финнистер.

— Да, — сказала Гвен. — Это было во время войны с Испанией.

— С Японией, — уточнил Оулинг.

— Так вот, к чему я веду. С чего бы весь этот внезапный интерес к женщинам? В один прекрасный день сбегала от какого-то полковника, хотевшего... Ну, вы понимаете. Так не является ли все это каким-то трюком, чтобы обеспечить женщинами ваших космических полковников?

Финнистер одарила ее своим самым злобным взглядом.

Вокруг стола раздались смешки.

Оулинг попробовал зайти с другой стороны.

— Моя дорогая леди, у нас самые благородные мотивы. Способности женщин нам нужны для того, чтобы человечество смело могло маршировать к звездам.

Гвен восхищенно уставилась на него.

— Плечом к плечу! — воскликнула она.

— Это я и имел в виду.

— Вы поэт! — промурлыкала Гвен. — О... я была так к вам несправедлива. Я было подумала — грязные мои мысли, — что женщины нужны вам для низменных целей. А вам нужны только ТОВАРИЩИ. Кто-то, кто разделит с вами новое славное предприятие.

Батлемонт снова распознал опасные сигналы. Он по-

пытался съежиться, чтобы превратиться в мишень поменьше. Большинство сотрудников за столом тоже чувствовали опасность, но были слишком поглощены и увлечены происходящим.

— Точно! — грохнула Финнистер.

Голос Гвен взорвался гневным рычанием:

— А всех маленьких ублюдков после этих звезд мы называем in Virgo, а?

Оулингу и Финнистер понадобилось некоторое время, чтобы понять, что из них сделали дураков. Финнистер начала подниматься.

— Сядьте! — рявкнула Гвен. Она великолепно проводила время. Бунт нес с собой ощущение эйфории.

Оулинг открыл было рот, но закрыл его, не издав вопля.

Финнистер опустилась обратно на стул.

— А теперь займемся делом? — резко спросила Гвен. — Посмотрим на этот достославный кусок жести, которому от нас требуется придать очарование.

Финнистер нашла, на чем может сосредоточить свое внимание.

— Космический скафандр сделан главным образом из пластика, а не из жести.

— Пластик-шмастик, — буркнула Гвен. — Я хочу видеть вашу Железную Герти.

Генерал Оулинг сделал два глубоких вдоха, чтобы успокоиться. Он открыл портфель и достал из него папку с эскизами. Оулинг толкнул ее к Гвен — нерешительным движением, словно боялся, что она вместе с папкой может ухватить и его руку. Теперь он понимал, что невероятный рапорт разведки был точен: эта изумительная женщина была настоящим главой агентства.

— Вот — Железная Герти, — сказал Оулинг и вымученно усмехнулся.

Гвен пролистала папку. Все остальные внимательно за ней наблюдали.

Батлемонт пристально смотрел на нее. Он сообразил кое-что, что еще не дошло до остальных сотрудников: Гвен Эверест не была обычной Гвен Эверест. Было тонкое отличие. Развязность. Что-то было ОЧЕНЬ не так.

Не отрываясь от эскизов, Гвен обратилась к Финнистер:

— Та форма, что на вас, генерал Финнистер. Вы ее сами разрабатывали?

— Да-аа! — Это был взрыв шипения.

Гвен подняла глаза на шляпу и произнесла рассудительным тоном:

— Наверное, это самая отвратительная вещь, какую я когда-либо видела.

— Хватит всех этих...

— Вы модельер? — вежливо спросила Гвен.

Финнистер затрясла головой, словно избавляясь от паутины.

— Так вы НЕ модельер? — нажимала Гвен.

Финнистер сказала, словно откусывая каждое слово:

— У меня есть НЕКОТОРЫЙ опыт в выборе...

— Значит, ответ — нет, — сказала Гвен. — Так я и думала. — Она снова обратилась к папке и перевернула страницу.

Финнистер свирепо уставилась на нее, разинув от ярости рот.

Гвен взглянула на Оулинга.

— Почему вы ткнули пальцем в это агентство?

Похоже, у Оулинга были проблемы с тем, чтобы сосредоточить свое внимание на вопросе Гвен. Немного погодя, он сказал:

— Вы были...было указано, что это агентство — одно из самых удачливых в... если не самое удачливое...

— Вы квалифицированный специалист?

— Да, если вы хотите рассматривать это таким образом.

— Я хочу рассматривать это таким образом. — Гвен посмотрела на Финнистер. — Поэтому мы предоставим разработку моделей специалистам, ясно? Ваши люди будут держать свои липкие пальцы подальше. Понятно? — Гвен бросила тяжелый взгляд на Оулинга и снова на Финнистер.

— Не знаю, как ты! — обратилась Финнистер к Оулингу. — Но у меня есть все...

— Если вам дорога ваша военная карьера, вы просто сядете и будете слушать, — сказала Гвен. Она снова недольно посмотрела на Оулинга. — Вы понимаете?

Оулинг покачал головой из стороны в сторону. Он все еще был изумлен. Внезапно генерал сообразил, что его покачивание головой может быть истолковано как отрицательное. Оулинг закивал головой вверх и вниз, но неожиданно решил, что это не соответствует офицерской чести. Генерал остановился и прочистил горло.

«Что за изумительная женщина!» — подумал он.

Гвен толкнула папку с эскизами по поверхности стола к Лео Приму, художественному директору.

— Скажите мне, генерал Оулинг, — сказала она, — почему скафандр такой громоздкий?

Лео Прим, открывший папку, начал хихикать.

— Изумительно, верно? — спросила Гвен.

Кто-то сидящий дальше за столом поинтересовался:

— Что?

Гвен внимательно рассматривала Оулинга.

— Какой-то осел-инженер в Космической Службе спроектировал пробную модель бронированного костюма похожим на гигантскую женщину — груди и все прочее. — Она взглянула на Финнистер. — Разумеется, это все происходило под вашим чутким руководством?

Финнистер кивнула, лишившись дара речи от потрясения.

— Я могла бы избавить вас от хлопот, — сказала Гвен. — Это одна из причин, почему вам нужно повнимательнее прислушаться ко мне, как к специалисту. Ни одна женщина в здравом уме никогда не полезет в эту штуковину. Она будет казаться себе большой — и голой. — Гвен покачала головой. — Фрейд! Что за сочетание!

Оулинг облизал губы.

— Э, скафандр должен обеспечивать достаточную защиту от радиации и должен оставаться подвижным при экстремальных давлениях и температурах. Его нельзя сделать меньше, так как в этом случае для человеческого существа внутри просто не останется места.

— Хорошо, — задумчиво протянула Гвен. — Есть у меня кое-какие задумки.

Она закрыла глаза и подумала: «Эти военные ничтожества — парочка сидящих уток. Даже стыдно в них стрелять». — Гвен открыла глаза и посмотрела на Батлемонта. Тот был в прострации. Похоже — молился. «Может еще получиться погубить бедного Андрэ и его милых людей. Что за изумительная коллекция профессиональных душителей! Ну, тут уж ничем не поможешь. Когда Гвен Эверест уходит, то она уходит в блеске славы! Поднять все флаги! Полный вперед! Топеды — товсь!»

— Итак? — спросил Оулинг.

«Огонь по первому!» — подумала Гвен. Вслух же сказала:

— По-видимому, у вас есть специалисты. Эксперты, которые могли бы проконсультировать нас по некоторым техническим вопросам.

— В полном вашем распоряжении, только скажите.

Батлемонт открыл глаза и уставился на шею Гвен. Панику его пронзил лучик надежды. Возможно ли, что Гвен действительно одержит победу?

— Еще мне нужна информация о том, какие психологические типы становятся лучшими ВОМС,— сказала Гвен.— Если, разумеется, есть такая вещь, как лучшая ВОМС.

Батлемонт закрыл глаза и содрогнулся.

— Я не уверена, что со мной когда-либо за всю мою карьеру обращались столь высокомерно! — выпалила Финнистер.— И я не полностью уверена, что...

— Пожалуйста, минуточку,— оборвал ее Оулинг. Он изучал Гвен, которая дарила ему очаровательную улыбку. В рапорте разведки говорилось, что эта женщина «вероятно, гениальна», и с ней следует обращаться деликатно.

— Единственное, о чем я жалею, так это о том, что закон не дает нам права призывать и женщин тоже! — рявкнула Финнистер.

— Тогда у вас такой проблемы попросту бы не было, верно? — спросила Гвен. Она развернула свою улыбку к Финнистер. Это было полное блаженство.

— Я знаю, что у нас есть полная власть управляться с этим на свое собственное усмотрение, генерал Финнистер. Я согласен, что мы подверглись несколько плохому обращению, но...— сказал Оулинг.

— Плохому обращению! — фыркнула Финнистер.

— Самое время,— промурлыкала Гвен.

Батлемонт содрогнулся. «Мы обречены!» — яркими красными буквами отпечаталось у него в мозгу.

— Однако,— продолжил Оулинг.— Мы не должны позволять своим личным ощущениям затуманивать решения, необходимые для нашей службы.

— Слышу, что рога трубят,— пробормотала Гвен.

— Это агентство было выбрано, как имеющее наибольшую вероятность разрешения проблемы,— сказал Оулинг.

— Там МОГЛА быть и ошибка! — прошипела Финнистер.

— Невозможно.

— Вам велено превратить эту штуку в... в...— Финнистер стукнула кулаком по столу.

— Это желательно,— сказал Оулинг. И подумал: «Эта Гвен Эверест решит нашу проблему. Ей не сможет сопротивляться ни одна проблема. Ни одна проблема не рискнет!»

Генерал Оулинг превратился в гвенофила.

— Ну хорошо,— огрызнулась Финнистер.— Я отстрою свой приговор.

Генерал Финнистер превратилась в гвенофоба.

Это было частью программы Гвен Эверест.

— Можно ли будет, время от времени, консультироваться у вас по техническим вопросам? — спросила она.

— О деталях позаботятся наши подчиненные,— ответил Оулинг.— Все, что интересует нас с генералом Финнистер — общее решение, ключ к головоломке.

«Общее решение, ключ к головоломке,— задумалась Гвен.— Замечательная идея».

— Что? — Оулинг озадаченно уставился на нее.

— Ничего. Просто думаю вслух.

Оулинг встал и посмотрел на Финнистер.

— Уходим?

Финнистер тоже встала и повернулась к двери в конце комнаты.

— Ддаа!

Они вместе, каждый со своей стороны стола, промаршировали вдоль комнаты: топ-топ-топ-топ... Как раз в тот момент, когда они достигли дверей, и Оулинг их открыл, Гвен вскочила на ноги.

— Вперрред! — крикнула она.

Генералы застыли, почти повернулись, потом передумали и вышли, хлопнув дверьми.

Батлемонт горестно произнес во всеобщем молчании:

— Гвен, зачем ты нас губишь?

— Губить вас? Глупец!

— Но, Гвен...

— Помолчи, пожалуйста, Андрэ. Ты мешаешь мне думать.— Она повернулась к Лео Приму.— Лео, возьми эскизы и прочее для той грудастой Герти, которую они спроектировали. Мне нужны для нее адюкелы, полные проджос и все издержки по кампании.

— Адюкелы, проджос и издержки по Большой Герти,— повторил Прим.— Есть!

— Гвен, что ты делаешь? — спросил Батлемонт.— Ты же сама сказала, что...

— Ты много болтаешь, Андрэ,— ответила Гвен. Она усталилась в потолок. Один из купидонов Челлини подмигнул ей.— Полагаю, что у нас есть полная запись этого совещания?

— Разумеется,— сказал Батлемонт.

— Возьмите эти записи, Лео,— приказала Гвен.— Сделайте последовательность эпизодов, показывающих только генерала Синнистер-Соннет-Боннет-Финнистер.

— Как ты ее назвала? — спросил Прим.

Гвен объяснила насчет прозвищ Финнистер.

— Профессиональным модельерам она хорошо знакома,— заключила Гвен.— Ходячий ужас!

— Ага, отлично,— сказал Прим.— Непрерывная последовательность, ничего, кроме Финнистер. И что ты хочешь этим показать?

— Каждый квадратный миллиметр этой формы. И шляпу. Фрейд! Эту шляпу я не забуду!

— Я не понимаю! — жалобно простонал Батлемонт.

— Хорошо. Лео, пришли ко мне Рестиво и Джима Спарка... и еще парочку лучших дизайнеров. Включая себя. Мы...

— Слушайте! Бен Адам — лучший из лучших! — воскликнул Батлемонт.

Гвен повернулась и пристально посмотрела на него. Это был один из тех редких случаев в их общении, когда Андрэ удалось удивить ее своими словами.

«Интересно, может, наш дорогой Андрэ все же человек? — задумалась Гвен.— Нет! У меня, должно быть, размягчение мозгов». Вслух она сказала:

— Андрэ, иди сделай перерыв на медитацию, пока не придет время для следующего совещания. А? Будь хорошим мальчиком.

«Раньше всегда, когда она меня оскорбляла, это было похоже на шутку между нами,— подумал Батлемонт.— Но сейчас она пытается сделать мне больно.— Он сейчас беспокоился о Гвен, забыв об агентстве.— Моей Гвен нужна помощь. А я не знаю, что делать».

— Перерыв на медитацию,— повторила Гвен.— Или можешь пойти в бар. Почему бы тебе не попробовать новый препарат Интердремы? Это хорошо прочищает мозги!

— Я предпочитаю остаться бодрствовать в наши последние часы вместе,— проговорил Батлемонт. Ему хотелось рыдать. Он встал, чем обратил на себя внимание,

устремив на Гвен отчаянный взор.— Я чувствую, как будущее пресмыкается над нами, словно огромный зверь! — Андрэ повернулся к Гвен спиной и вышел через свою личную дверь.

— Интересно, какого дьявола он хотел этим сказать? — задумчиво пробормотала она.

— Это месяц святого Фрейда. Они занимаются предсказаниями и экстрасенсорным восприятием, что-то в этом роде, — пояснил Прим.

— А, конечно, — зевнула Гвен. — Я сама писала эту брошюру. — Но она обнаружила, что обеспокоена отбыванием Батлемонта. «Он выглядел таким жалким, — подумала Гвен. — А что если эта маленькая шалость приведет к обратным результатам и его призовут в армию? Это вполне может случиться. Лео и остальные эти душители все это прекрасно перенесут. Но Андрэ... — Она мысленно пожала плечами. — Теперь уже слишком поздно поворачивать обратно».

Главы отделов начали протискиваться поближе к Гвен вдоль стола.

— Скажи, Гвен, а как насчет производства на...

— Если я встречу какие-нибудь ограничения, мне нужно будет больше...

— Нужно ли нам прекращать прочие проекты...

— Заткнитесь! — заорала Гвен.

Все потрясенно замолчали. Она улыбнулась.

— Я лично встречу с каждым из вас, как только получу свежий запас пуховых жилеток. Однако — дело прежде всего. Проблема номер один: мы сбрасываем мартышку со спины. А?

«Бедные придурки! — подумала Гвен. — Вы даже не представляете, как близка катастрофа. Вы думаете, Гвен выйдет победителем, как всегда. Но Гвен наплевать. Гвен уходит в отставку в сиянии славы! В долину смерти по шестисотому шоссе... или четырехсотому? Какая разница! Война — это ад! Мне только жаль, что у меня нет ничего, кроме одной жизни, чтобы отдать ее за мое агентство. Дайте мне свободу или отдайте меня в ВОМС!»

— Ты подбираешься к глотке этих двоих военных типов, верно? — поинтересовался Лео Прим.

— Военная тактика, — пояснила Гвен. — Никаких выживших! Пленных не брать! Смерть Белым Глазам!

— Э? — не понял Прим.

— Займись-ка тем заданием, что я тебе дала,— фыркнула Гвен.

— У-хм...— Прим посмотрел на папку, оставленную Оулингом.— Адюкел на эту большую Герти... Фильм на Финнистер. Хорошо.— Он покачал головой.— Знаете, это дело может закончиться полным пшиком.

— Это может быть еще хуже, чем то,— предостерегла Гвен.

Еще кто-то сказал:

— Ну уж это-то самое худшее, что я когда-либо видел. Призыв!

А Гвен подумала: «Ооох! Кто-то встревожен!» Внезапно она заявила:

— Абсолютно самый худший пшик.— Гвен просияла.— Это же замечательно! Одну минуту, дражайшая публика!

В приготовлениях к уходу наступило внезапное затишье.

— Было заявлено, что мы обозначаем это дело «Абсолютно Ужасающий Пшик»,— сказала Гвен.

Сотрудники захихикали.

— Заметьте, что аббревиатура А. У. П. содержит слово «ужасный».

По залу прокатился хохот.

— До сих пор,— сказала Гвен,— нам приходилось бороться только с малым, средним и большим Пшиком. Теперь я даю вам АУП! Это созвучно с мычанием человека, который получил поддых.

Прим, продолжая смеяться, спросил:

— А как насчет слова БОлваны? Его тоже нужно как-то использовать.

— Без Ограничений! — воскликнула Гвен.— Абсолютно Ужасающий Пшик Без Ограничений! — Она была на грани истерики. «Черт побери, что со мной стряслось?» — подумала Гвен и свирепо глянула на Прима.— Давайте дерябнем, ребята! Вы все будете прекрасно выглядеть в форме!

Смех перешел в нервное икание.

— Ох уж эта Гвен!

Гвен начала пробираться к выходу. У нее началось что-то вроде морской болезни. Она пробиралась вдоль стены комнаты. Из ее бунта пропала искра. Гвен казалось, что все эти люди дергают ее, пытаются разорвать на части. Она разгневалась. Ей хотелось пинаться,

бить, кусаться. Вместо этого Гвен сияла застывшей улыбкой.

— Простите меня. Разрешите пройти? Извините. Спасибо. Простите меня.

А в ее сознание упорно вторгался образ Андрэ Батлемонта. «Такой жалкий маленький человечек. Такой... ну... милый. Проклятье! Милый! Презренным образом».

В календаре вычеркнуто двадцать пять дней. Двадцать пять дней барахтанья в луже неразберихи. Стихия Гвен. Она с головой окунулась в проблему. Это было именно то, что нужно. Салют для ее ухода. Подпись Гвен Эверест внизу страницы.

По всему агентству сновали военные технические специалисты. Эксперты по мобильности скафандра. Эксперты по защите. По барометрическим показателям. По утилизации отходов. Субминиатюрные элементы питания. Слесарь. Эксперт по новому изменчивому пластику. (Ему пришлось прилететь с Западного побережья).

Плюс специалисты-модельеры, известные только Гвен.

Работы хватало всем. Каждый технический эксперт находил свою нишу в этом замкнутом технологическом мире.

Наступил День Большой Картинки. Утро.

У Гвен была специальная комната площадью около двадцати квадратных футов, смежная с ее кабинетом. Она называла ее «моя комната для запугивания». Это был почти Людовик пятнадцатый: непрочные стулья, шаткие столики, стеклянные подвески на абажурах, пастельные херувимы на стенных панелях.

У стульев был такой вид, словно они могли расплющиться под весом человека средних размеров. У каждого (за исключением тронного кресла с мягкой обивкой, выдвигавшегося для Гвен из-за стеной панели) было наклоненное вперед сиденье. Сидящие постепенно соскальзывали, мягко и незаметно.

Ни у одного столика не было столешницы достаточно большой, чтобы вместить одновременно блокнот и пепельницу. Один из этих предметов надо было размещать на коленях или ставить под ноги. Это вынуждало посетителей время от времени посматривать на ковер.

Ковер являл собой наглядный пример прикладной психоголовомки. Непосвященным казалось, что они висят на потолке, стоя ногами в тапике.

Генерал Оулинг занимал один из хитрых стульев. Он пытался удержаться от рассматривания херувима, нарисованного в центре стенной панели прямо напротив него, чуть правее сидящей фигуры Андрэ Батлемонта. Батлемонт представлял собой жалкое зрелище. Оулинг попытался пристроить свой зад повыше на стуле. Ему казалось, что у него торчат колени. Он взглянул на генерала Финнистер. Она сидела справа от него за веретенообразным столиком. Заметив устремленный взгляд Оулинга, Финнистер попыталась натянуть подол юбки пониже, чтобы скрыть колени. А Оулинг в это время пытался сообразить, как это она удерживается на самом краешке стула.

ПРОКЛЯТЫЕ НЕУДОБНЫЕ МАЛЕНЬКИЕ СТУЛЬЯ!

Он заметил, что Батлемонт принес для себя большой стул из конференц-зала. Оулинг не мог понять, почему им не предложили такую же удобную мебелировку. Кстати, и встречу лучше всего было бы провести непосредственно в конференц-зале. Полная чушь. Большая Картинка? Оулинг взглянул вверх на противоположную стенную панель. **ЧЕРТОВ ДУРАЦКИЙ ХЕРУВИМ!**

Он посмотрел вниз на коврик, скривился и прикрыл глаза.

Финнистер едва не потеряла равновесия, когда впервые взглянула на ковер. Теперь она старалась просто не обращать на него внимания. В голове ее бурлили беспокоящие слухи. По индивидуальным докладам технических экспертов общего впечатления составить не удалось. Это было похоже на джигсо, где отдельные фрагменты свалены в груды. Соннет дернулась назад на стуле. **ЧТО ЗА НЕУЮТНАЯ КОМНАТА.** Интуиция подсказывала ей, что вся обстановка здесь тщательно продумана. Она снова вспылала гневом к Гвен Эверест. **ГДЕ ЭТА ЖЕНЩИНА?**

Батлемонт откашлялся и бросил взгляд на дверь справа, откуда с минуты на минуту должна была появиться Гвен. **НЕУЖЕЛИ ОНА ВСЕГДА ДОЛЖНА ОПАЗДЫВАТЬ?** Все это время Гвен его избегала. Слишком занята. А этим утром ей внезапно понадобилось выдвинуть Андрэ Батлемонта вперед и в центр. Номинальный глава. Подпорка для ее маленького шоу. Андрэ хорошо знал, чем занималась Гвен. В чисто физическом смысле. Может, она и пыталась что-то скрыть, но разведка у него поставлена отлично. Однако Андрэ вовсе не был уверен, что знает, чем заполнена ее прелестная головка. Он знал только то,

что его предположения, скорее всего, не соответствуют действительности. Тем более для Гвен.

— Наши техники информировали нас, что вы весьма заинтересовались, — Финнистер подтянулась назад на стуле, — характеристиками новых изменчивых пластиков.

— Это правда, — кивнул Батлемонт.

— Почему? — спросил Оулинг.

— Эээ, наверное, нам лучше дождаться мисс Гвен Эверест. Она принесет проектор для демонстрации.

— У вас уже есть макеты? — поинтересовался Оулинг.

— Да.

— Отлично. Сколько моделей?

— Одна. Наша секретарша из приемной. Красивая девушка.

— Что? — в унисон рывкнули Финнистер и Оулинг.

— А! Вы имеете в виду... то есть, у нас есть одна для показа вам. На самом деле, это две... но лишь одна из... — Андрэ пожал плечами, подавив содрогание.

Финнистер и Оулинг переглянулись.

Батлемонт закрыл глаза. **ГВЕН, ПОЖАЛУЙСТА, ПОСПЕШИ.** Он подумал о ее решении военной проблемы и задрожал. Основная идея была, разумеется, здравой. Хорошие психологические корни. Но военные на это никогда не пойдут. Особенно эта генеральша, с походкой сержанта. Глаза Батлемонта открылись при стуке открывшейся двери.

Вошла Гвен, толкая переносной демонстрационный проектор. Гвен и Финнистер обменялись взаимно неприязненными взглядами, которые сразу же умудрились замаскировать под доброжелательные улыбки.

— Всем доброе утро! — прошептала Гвен.

«Опасный сигнал! — подумал Батлемонт. — Она сошла с ума! Она... — Он сосредоточился на этой мысли. — А может быть, так оно и есть. Гвен слишком много работала».

— Мы жаждем увидеть, что вы для нас приготовили, — сказал Оулинг. — Мы как раз собирались попросить вас доложить о ходе работ, когда вы нас вызвали на эту встречу.

— Мы сначала хотели получить что-нибудь, что бы вы оценили это как инженер, — пояснила Гвен.

Оулинг кивнул.

— Наши люди сообщают, что вы развели вокруг этой работы массу секретности. Зачем? — рывкнула Финнистер.

— И у стен есть уши. Болтун — находка для шпиона! Не теряй бдительности! — Гвен установила проектор в центре комнаты, взяла в руки пульт дистанционного управления и прошла к панели, которая, откинувшись, исторгла ее кресло. Она села лицом к генералам.

Миновало несколько томительных секунд, пока Гвен с увлечением рассматривала колени Финнистер.

— Гвен? — нарушил тишину Батлемонт.

Финнистер одернула вниз подол своей юбки.

— И что же вы хотели нам показать? — спросил Оулинг. Он подтянулся назад на стуле.

— Сначала давайте изучим подступы к проблеме. Вы должны спросить себя: чего хотят молодые женщины, когда поступают на службу?

— Звучит разумно, — согласился Оулинг.

Финнистер кивнула, ее неприязнь к Гвен отошла на второй план. Работа прежде всего.

— Им нужны несколько вещей, — продолжила Гвен. — Им нужно путешествие... приключение... что-то в духе рыцарских романов. Ату его!

Батлемонт, Финнистер и Оулинг были шокированы.

— Мысль об этом приводит вас в замешательство, — журчала Гвен. — Все эти женщины чего-то ищут. Ищут бесплатных поездок. Кольцо самоварного золота. Горшок в конце радуги.

Гвен отметила, что снова заставила их кивнуть. Она повысила голос:

— Старая карусель! Трали-вали, развеселая прогулка!

Батлемонт печально посмотрел на нее. «Сумасшедшая. Оооо, моя бедная, бедная Гвенни».

— Я... ух... — выдавил Андрэ.

— Но всем им нужен один товар! — воскликнула Гвен. — И что же это? Романтика! Вот что это. А что для подсознания романтика? Секс!

— С меня хватит, — прошипела Финнистер.

— Нет, — возразил Оулинг. — Давайте... ух... все это, я уверен, предисловие. Я хочу понять, где... в конце концов, модель... разработанные ими модели...

— Что такое секс, если содрать с этого понятия словесную мишуру? — спросила Гвен. — Психологические корни. И что же там внизу?

Оулинг поскреб кадык и уставился на нее. У него было инстинктивное недоверие к субъективным идеям. Однако

оно всегда уравнивалось опасением, что только такие идеи могут оказаться правильными. Некоторые из них на вид, а это могло быть ТОЛЬКО видимостью, были вполне работоспособны.

— Я вам расскажу, что там в основе,— проворковала Гвен.— Материнство. Дом. Муж-защитник. Семейный очаг.

Оулинг подумал: «Это все звучит так логично... за исключением...»

— А что делает ваш скафандр? — спросила Гвен.— Броня приравнивается к отсутствию брони! Они заперты в бесполох кусках металла и пластика, где до них не сможет добраться ни один мужчина. Великий Фрейд! Мужчины даже не могут увидеть их там, внутри!

— На самом деле женщины НЕ ХОТЯТ, чтобы до них добрались мужчины! — рявкнула Финнистер.— Из всех отвратительных идей, какие я только...

— Минуточку! — возразила Гвен.— НОРМАЛЬНОЙ женщине всегда нужна ВОЗМОЖНОСТЬ. Вот чего она хочет. И она хочет держать это под СВОИМ контролем. Вы лишили их возможности. Вы забрали у них из рук весь контроль и предоставили своих женщин на милость стихий. Женщин, отделенных от холодной, мужеподобной, костлявой ВНЕЗАПНОЙ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ СМЕРТИ лишь тонким слоем пластика и металла.

Батлемонт беспомощно уставился на нее. «Бедная Гвен. Обреченная. Она не сумеет продать эту идею. И мы все обречены вместе с нею».

Финнистер свирепо сверлила взглядом Гвен, все еще уязвленная скрытой насмешкой слова «нормальной».

— И как же вы предлагаете обойти эти, э, препятствия? — спросил Оулинг.

— Увидите,— ответила Гвен.— Теперь перейдем от преамбулы дальше. Запомните, основная идея в том, что женщина, удирая от мужчины, должна быть уверена в том, что он ее догонит, если она этого захочет. Женщина хочет рисковать, но не выглядеть при этом слишком развратной.

— Мммф! — попыталась возразить Финнистер.

Гвен улыбнулась ей.

«Гвен нарочно губит себя и нас, за компанию», — подумал Батлемонт.

— Вы понимаете, чего не хватает? — спросила Гвен.

— Хмммм-ээээ-хмммм,— выдавил Оулинг.

— Универсального символа, — заявила Гвен. — Подчеркнутого символа. Символа!

— И что вы предлагаете? — спросил Оулинг.

— Именно это! План! — Гвен заколебалась, — символ! Ключ очень прост. — Она выпрямилась, презрительно улыбаясь. — Фактически, это и есть ключ!

— Ключ? — произнесли в унисон генералы.

— Да. Два ключа, собственно. Символизм очевиден. — Гвен извлекла из кармана жилета два ключа и подняла их вверх. — Как видите, один ключ тяжелый, угловатый... мужественный ключ. У другого причудливые завитки. Он изящней, более...

— Вы хотите мне сказать, — взвыл Оулинг, — что ваши люди провели все эти недели, все эти консультации с экспертами, и предстают с... с... с... — Он ткнул пальцем, не в состоянии продолжить.

Гвен покачала головой из стороны в сторону.

— О, нет. Помните — это просто символы. Разумеется, они важны. Можно даже сказать — жизненно важны. У каждого космонавта будет свой индивидуальный ключ.

— Для чего эти ключи? — спросила Финнистер. Против своей воли, она даже в какой-то степени увлеклась.

— Для скафандра, естественно, — ответила Гвен. — Эти ключи запирают людей в их скафандрах — и мужчин, и женщин.

— Запирать их? — запротестовала Финнистер. — Но вы сказали...

— Знаю. Но видите ли, ключ, запирающий человека в чем-нибудь, еще и выпускает его наружу. Фактически, одним ключом можно отпереть все скафандры. Это ради фактора безопасности.

— Но они не могут выбраться НАРУЖУ из своих костюмов, когда они в космосе! — завопил Оулинг. — Из всех...

— Правильно! — воскликнула Гвен. — Они не могут ПО-НАСТОЯЩЕМУ выбраться. Поэтому мы даем им просто СИМВОЛ этого. Для обмена.

— Обмена? — Глаза Финнистер, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Конечно. Космонавт-мужчина видит девушку-астронавта, которая ему нравится. Он просит ее обменяться ключами. Очень романтично. Символика того, что МОЖЕТ произойти, когда они вернутся на Землю или попадут на базу, где смогут снять свои скафандры.

— Мисс Эверест,— сказала Финнистер,— как вы столь удачно указали ранее, ни один астронавт не может увидеть ни одну из наших женщин в этом скафандре. И даже если он сумеет, я не уверена, что я бы...

Она застыла, онемев от шока.

Гвен нажала кнопку на пульте дистанционного управления проектора. Казалось, в центре комнаты повис космический бронированный скафандр. В нем одетая в облегающий жакет, стояла грудастая секретарша из приемной агентства. Скафандр в верхней своей части, выше талии, был прозрачен.

— Нижняя половина все время остается непрозрачной,— объяснила Гвен.— Из соображений благопристойности... знакомств. Однако верхняя половина...

Она нажала другую кнопку. Прозрачная верхняя половина затуманилась, пройдя через серый цвет до черного, пока не скрыла модель.

— Для уединения по желанию. Вот как мы использовали новый изменчивый пластик. Это дает девушке некоторый контроль над ее окружением.

Гвен опять нажала на верхнюю кнопку. Верхняя половина модели снова стала прозрачной.

Финнистер глазела на обтягивающую форму.

Гвен встала, взяла указку и повела ею сквозь проекцию.

— Эта форма разработана ведущим кутюрье. Она предназначена выявлять ранее скрытое. Женщина со всего лишь посредственной фигурой будет выглядеть в ней великолепно. Женщина с отличной фигурой, как видите, выглядит ошеломляюще. Невзрачные фигуры,— Гвен пожала плечами,— существуют упражнения для их улучшения. Во всяком случае, мне так говорили.

— И что вы предлагаете делать с этой.. этой фо... этим одеянием? — Голос Финнистер звенел от льда.

— Это будет полевой формой ВОМС. Привлекательная шляпка прилагается. Очень сексуально.

— Наверное, замену можно производить медленно, так чтобы... — попытался вмешаться Батлемонт.

— Какую замену? — завизжала Финнистер. Она вскочила со стула.— Генерал Оулинг?

Оулинг оторвал взгляд от модели.

— Да?

— Совершенно невозможно! Я больше не намерена терпеть! — рявкнула Финнистер.

«Я это знал. О, моя бедная Гвенни! Они ее тоже погубят. Я знал это», — промелькнуло в голове у Батлемонта.

— Мы больше не можем терять время в этом агентстве, — сказала Финнистер. — Пойдемте, генерал.

— Подождите! — взвизгнул Батлемонт. — Гвен, я же тебе говорил...

— Это прискорбно, но... — заявила Финнистер.

— Наверное, мы немного торопимся, — сказал Оулинг. — Может быть, из этого удастся что-то использовать...

— Да! — воскликнул Батлемонт. — Все, что нам нужно — это немного времени, чтобы получить новый...

— Думаю, нет, — возразила Финнистер.

Гвен улыбнулась и подумала: «Что за прелестная стая пустоголовых пташек! — Она чувствовала легкое опьянение, эйфорию, как будто только что пришла из мудбара. — Бунт — это замечательно! Да здравствуют ирландцы! Или что-то в этом роде».

Оулинг пожал плечами и подумал: «Мы должны проявить солидарность перед происками штатских. Генерал Финнистер права. Однако это слишком плохо». Он встал.

— Еще несколько дней, — умолял Батлемонт.

«С Андрэ слишком плохо», — подумала Гвен. Она глубоко вздохнула и сказала:

— Одну минуту, будьте добры.

Три пары глаз уставились на нее.

— Если вы думаете, что сможете нас заставить не выполнить своей угрозы — вы заблуждаетесь. Я прекрасно понимаю, что вы сделали такую фо... такой фасон этого ОДЕЯНИЯ, чтобы заставить МЕНЯ выглядеть отвратительно! — заявила Финнистер.

— А почему бы и нет? — спросила Гвен. — Ведь проделали же вы то же самое для каждой женщины ВОМС.

— Гвен! — в ужасе взмолился Батлемонт.

— Успокойся, Андрэ. Это был лишь вопрос времени, в любом случае. Сегодня. Завтра. На следующей неделе. Это в самом деле не важно...

— О, моя бедная Гвенни, — всхлипнул Батлемонт.

— Я собираюсь подождать. Вероятно, неделю. По меньшей мере, пока не подам в отставку.

— О чем это вы говорите? — спросил Оулинг.

— В отставку! — задохнулся Батлемонт.

— Я просто не могу бросить бедного Андрэ на съедение волкам. Остальных наших мужчин — с удовольствием.

Стоит им пополнить ваши ряды, они сразу же примутся выгрызать вам кишки.

— О чем это вы говорите? — спросила Финнистер.

— Остальные мужчины в агентстве могут постоять за себя... и вы тоже. Но Андрэ тут беспомощен. Все, что у него есть, это его положение... деньги. Он — это несчастный случай. Поместите его куда-то, где деньги и положение не имеют значения, и это его убьет.

— Прискорбно, — кивнула Финнистер. — Мы идем, генерал Оулинг?

— Я собираюсь погубить вас обоих, — сказала Гвен. — Но вот что я вам скажу. Вы оставляете Андрэ в покое, и я устрою развеселую жизнь только ОДНОМУ из вас.

— Гвен, что ты говоришь? — прошептал Батлемонт.

— Ддаа! — прошипела Финнистер. — Объяснитесь!

— Я только хочу выяснить, в каком порядке вас клевать. У кого из вас ранг выше?

— И что вы будете делать? — спросила Финнистер.

— Минуточку! — рявкнул Оулинг. **ТОТ РАПОРТ РАЗВЕДКИ.** Он свирепо взглянул на Гвен. — Мне сказали, что вы подготовили адюкел для пробной модели, изготовленный до того, как мы пришли в ваше агентство.

— Большая Герти. И это не просто адюкел. У меня есть все необходимое для общенациональной кампании. Смотрите!

Висевший в комнате прозрачный скафандр сменила голография гологрудой пробной модели.

— Идея Большой Герты исходила от генерала Оулинга, — продолжила Гвен. — Моя кампания установит этот факт, когда займется аттракционом с анимированной Большой Гертой. Это же ходячая паника. Самая веселая штука, какую когда-либо видели. Генерал Оулинг, вы станете общенациональным посмешищем через час после того, как начнется моя кампания.

Оулинг сделал шаг вперед.

— Гвен! Они тебя уничтожат! — воскликнул Батлемонт.

Оулинг указал на проекцию.

— Вы... вы... не сделаете этого!

— Сделаю, — Гвен одарила его самой очаровательной улыбкой из личного арсенала.

Батлемонт потянул Гвен за руку. Она небрежно отмахнулась.

— Это меня погубит,— прошептал Оулинг.

— По-видимому, вы действительно это сделаете,— ухмыльнулась Финнистер.— Прискорбно.

Оулинг развернулся к Финнистер.

— Мы должны держаться вместе! — отчаянно завопил он.

— Ну еще бы,— согласилась Гвен. Она нажала другую кнопку на пульте дистанционного управления.

Большую Гертю сменила голография генерала Финнистер в ее знаменитой форме.

— Вам это тоже будет интересно. Я полностью подготовилась к другой кампании, по дизайну этой формы, прямо от Соннет Боннет и до накидки Синнистер Финнистер. Сюда войдут даже эти туфли, создающие омерзительную походку. Я начну с кукольной модели генерала, одетой в нижнее белье. Потом я займусь показом, как каждый элемент нынешней формы ВОМС был спроектирован для... э... фигуры... э... Финнистер.

— Я подам на вас в суд! — рявкнула Финнистер.

— Вперед! Вперед! — Гвен сделала непристойный жест.

«Она ведет себя словно пьяная! — подумал Батлемонт.— Но она же не пьет!»

— Я полностью готова выйти на рынок с этими кампаниями. Вы не сможете меня остановить. Я докажу каждое утверждение, сделанное мною насчет формы. Я выставлю ее на всеобщее обозрение. Я продемонстрирую, почему люди шарахаются от ваших вербовочных пунктов.

Лицо Финнистер залила краска.

— Ну хорошо! — отрезала она.— Если вы уж собрались нас погубить, то мы не сможем с этим ничего поделать. Но вот что, мисс Эверест. Мы заберем всех мужчин этого агентства на службу. Это будет на вашей совести! И эти мужчины будут служить под началом наших друзей. Надеюсь, вы понимаете, что им придется весьма несладко.

— Нет у вас никаких друзей,— сказала Гвен, но в голосе ее не хватало убежденности. «Это дало обратный результат,— подумала она.— Не думала, что они проявят такую стойкость. О черт».

— Мы даже можем предпринять кое-что в отношении вас! — продолжила Финнистер.— Приказ президента, призывающий вас на службу из соображений национальной необходимости. Или какая-то мелкая статья в незначительном билле. А когда мы наложим на вас руки, мисс Эверест...

— Андрэ! — возопила Гвен. Все уходило из-под контроля. «Я не хотела никому вредить,— подумала она.— Я просто...» Она сообразила, что не знает, ЧЕГО хотела на самом деле.

Батлемонта словно ударило молнией. В течение двадцати двух лет Гвен Эверест ни у кого не просила помощи. А теперь она просит его! Он шагнул между Гвен и Финнистер.

— Андрэ здесь.— У него был приступ вдохновения. Как его Гвен зывала к нему!

— Вы убийца! — прорычала Андрэ, потрясая пальцем перед носом Финнистер.

— Послушайте! — огрызнулся Оулинг.— Я не намерен терпеть...

— И вы! — рявкнул Батлемонт, обернувшись.— У нас есть все записи совещаний здесь, начиная с первого и включая это! Они покажут, что здесь произошло! Разве вы не понимаете, что случилось с этой бедной девочкой? Вы! Вы свели ее с ума!

Теперь и Гвен присоединилась к хору:

— Что?

— Успокойся, Гвен,— сказал Батлемонт.— Я с этим управлюсь.

Гвен не могла оторвать от него глаз. Батлемонт был великолепен.

— Да, Андрэ.

— Я это докажу,— продолжал рычать Батлемонт.— С психиатрами Интердремы. Со всеми специалистами, каких только можно купить за деньги. Вы думаете, что то, что вам показала Гвен для своих кампаний — это нечто выдающееся? Ха! Я вам покажу кое-что.— Он направил палец на Оулинга.— Может ли военщина свести с ума?

— О, послушайте,— закатил глаза Оулинг.— Это ушло..

— Да! Это может свести с ума! — рявкнул Батлемонт.— И мы покажем, шаг за шагом, как вы свели нашу бедную Гвен с ума страхом за ее друзей. Страхом за меня! — Он хлопнул себя по груди и свирепо уставился на Финнистер.— А знаете, что мы будем делать после этого? Мы скажем публике: это может случиться с вами! Кто следующий? Ты? Или ты? Что тогда случится с вашими деньгами от Конгресса? Что случится с вашими квотами вербовки?

— Послушайте,— вымолвил Оулинг.— Мы не...

— Вы не? — прорычал Батлемонт. — Вы думаете, эта бедная девочка в своем уме?

— Хорошо, но мы не...

— Подождите, пока не увидите нашу кампанию, — предупредил Батлемонт. Он погладил Гвен по руке. — Ну все, Гвен, хватит. Андрэ все исправит.

— Да, Андрэ, — согласилась Гвен. Это было все, что она могла сейчас сказать. Раньше Гвен никогда не чувствовала себя такой тупицей. «Он влюблен в меня», — подумала она. Гвен никогда раньше не любила. Даже ее родители шарахались от ее непомерно развитого интеллекта. Гвен чувствовала текущее через нее тепло. В хорошо смазанном механизме ее мозга произошел сбой. Он словно закрипел от натуги. Гвен подумала: «Он в меня влюблен!» Ей хотелось задушить Андрэ в своих объятиях.

— Кажется, мы зашли в тупик, — проворчал Оулинг.

— Но мы же не можем просто... — сказала Финнистер.

— Молчать! — приказал Оулинг. — Он это сделает! Неужели ты до сих пор не поняла?

— Но если мы призовем...

— Тогда он сделает это обязательно! Купит какое-нибудь другое агентство, чтобы провести кампанию.

— Но мы могли бы вернуться и призвать...

— Ты не можешь призвать каждого, кто не согласен с тобой, женщина! Во всяком случае, не в этой стране! Ты спровоцируешь революцию!

— Я... — промямлила Финнистер.

— И это погубит не только нас, — сказал Оулинг. — Вся службу целиком. Он ударит просто по деньгам. Знаю я этот тип. Он не блефует. Это будет катастрофа!

Оулинг затряс головой, видя проходящий перед его мысленным взором парад рушащихся военных проектов, которые маршировали в бездну с транспарантом «Оставь надежду».

— Это Псих-Бюро! — прорычал Оулинг. — Чтоб они подавились своими блестящими идеями!

— Говорила я вам, что они пустоголовые, — сказала Гвен.

— Спокойно, Гвен, — вмешался Батлемонт.

— Да, Андрэ.

— Ну и что мы будем делать? — спросил Оулинг.

— Я скажу вам, что, — ответил Батлемонт. — Вы оставляете в покое нас, мы оставляем в покое вас.

— Но как насчет моей вербовки? — возопила Финнистер.

— Думаете, наша Гвен, больная или здоровая, не может решить ваших проблем? — спросил Батлемонт. — Для вашей вербовки вы используете программу, как намечено.

— Я не буду!

— Будешь! — процедил Оулинг.

— Генерал Оулинг, я отказываюсь иметь...

— Что будет, если я вывалю эту проблему перед генеральным штабом? — спросил Оулинг. — В какую сторону начнут катиться головы? В Псих-Бюро? Естественно. А кто будет следующим? Люди, которые должны были решить это на месте, вот кто!

— Но... — Финнистер сморщилась, словно у нее заболели зубы.

— Собственно говоря, идея мисс Эверест звучит вполне разумно... правда, понадобятся некоторые модификации.

— Никаких модификаций, — заявил Батлемонт.

«Он так похож на Наполеона!» — подумала Гвен.

— Лишь в малых, незначительных деталях, — успокоил его Оулинг. — Из инженерных соображений.

— Возможно, — согласился Батлемонт. — Но модификации будут проводиться только при нашем одобрении.

— Я уверен, что мы договоримся, — сказал Оулинг.

Финнистер встала и повернулась к ним спиной.

— Одна маленькая деталь, — промурлыкал Батлемонт. — Выписывая для агентства счет по двойному тарифу, приплюсуйте там еще премию для мисс Эверест.

— Естественно, — согласился Оулинг.

— Естественно, — усмехнулся Батлемонт.

Когда космические вояки удалились, Батлемонт повернулся лицом к Гвен и топнул ногой.

— Ты была очень плохой, Гвен!

— Но, Андрэ...

— Отставка! — рявкнул Батлемонт.

— Но...

— О, я понимаю, Гвен. Это моя вина. Я слишком сильно тебя загружал. Но это в прошлом.

— Андрэ, ты не...

— Да! Я понимаю. Ты собиралась утопить корабль и пойти на дно вместе с ним. Бедная моя Гвенни! Это же самоубийство! Если бы ты только уделяла внимание своему телелого и Интердреме.

— Я никому не хотела причинять здесь вреда, Андрэ. Только этим двоим...

— Да, да. Ты совсем запуталась.

— Это правда.— Гвен почувствовала, что сейчас заплачет. Она не плакала... с тех пор, как... она не могла вспомнить, когда.— Ты знаешь, я не могу вспомнить, когда я вообще плакала.

— Вот в этом-то все и дело! — воскликнул Батлемонт.— Я все время плачу. Ты нуждаешься в чуткой заботе. Тебе нужен кто-то, кто научил бы тебя плакать.

— Ты будешь меня учить, Андрэ?

— Буду ли я...— Он смахнул слезы с глаз.— Ты отправишься в отпуск. Немедленно. Я поеду с тобой.

— Да, Андрэ.

— А когда мы вернемся...

— Я не хочу возвращаться в агентство. Я... не могу.

— Вот оно что! Рекламный бизнес! Он сводит тебя с ума!

Гвен пожала плечами.

— Я... Я просто не могу встретить лицом к лицу еще одну кампанию. Я... просто... не могу.

— Ты будешь писать книгу,— объявил Батлемонт.

— Что?

— Лучшая терапия, какая до сих пор известна. Сам это однажды проделал. Ты напишешь о рекламном бизнесе. Ты вытащишь на всеобщее обозрение все грязные трюки: гипнозозвучия, субвизуальные мерцающие изображения, рекламодатели, финансирующие учебники, чтобы заставить их рекламировать себя, маточные комнаты, где программируют юсикер. Все.

— Я могла бы это сделать.

— Ты расскажешь все,— уточнил Батлемонт.

— Еще бы!

— И сделаешь это под псевдонимом. Сафо.

— И когда начинается наш отпуск, Андрэ?

— Завтра.— На мгновение он вновь поддался прежней панике.— Ты не имеешь ничего против того, что я... безобразен, как свинья?

— Ты просто прекрасен! — заявила Гвен. Она пригласила его волосы поперек лысины.— А ты не имеешь ничего против того, что я умнее тебя?

— Ахха! — Батлемонт был готов замурлыкать, как котенок, от такой ласки.— Может ты и умнее меня, но зато сердце мое намного больше!

РАССКАЗЫ

ГНЕЗДОСТРОИТЕЛИ

Жил некогда слорин с односложным именем. Верят, что он сказал: «Для каждого из нас свое место, и каждый из нас на своем месте».

Народное сказание племени Корабля-Сеятеля

В слорине, пославшем своего единственного отпрыска, необученного и неиспытанного юнца, на такую потенциально опасную миссию, как эта, должна быть толика безумия, сказал себе Смег.

Логическое обоснование его решения было ясным: ядро колонии должно сохранять своих старших ради их обширной памяти. Самому младшему в группе было логично выступать добровольцем на этот риск. Пока...

Смег усилием воли выбросил подобные мысли из головы. Они ослабляли его. Он сосредоточился на управлении серым ведомственным «плимутом», который был заказан в правительственном гараже столицы государства. Машина требовала значительного внимания.

«Плимуту» было только два года, но дороги из красного кирпича с глубокими выбоинами сделали его по крайней мере вчетверо старшим. Все части его болтались. Пока он преодолевал изрытый колеями склон и спереди, и сзади машины, доносились разнообразные скрипы. Дорога привела в тенистое ущелье, почти лишенное растительности, и пересекла дребезжащий настил деревянного моста, соединявшего берега сухого русла ручья. Машина вскарабкалась на другую сторону через древние овраги, миновала зону чахлого кустарника и выбралась на ровное место, которое пересекла за два часа.

Смег рискнул посмотреть на молчаливо сидящего Рика, своего отпрыска. Юноша вышел из стадии куколки со

сносным человеческим обликом. Нет сомнений, что в следующий раз у Рика получится лучше — если, конечно, у него будет возможность. Но он полностью уложился в семидесятипятипроцентный предел точности, установленный для себя слоринами. Было установленным фактом, что натренированные чувства видят то, что они ДУМАЮТ, что видят. Сознание склонно восполнять недостающие элементы.

Подталкивание со стороны мыслеоблака слоринов, разумеется, помогало, но это несло свои опасности. Сознание, получившее толчок, иногда развивало свои собственные силы — с ужасающими результатами. Слорины давно научились полагаться на направленную передачу узкого мысленного луча и располагаться в сеть, ограниченную довольно коротким радиусом действия луча.

Однако Рик не упустил ничего существенного для человеческой внешности. У него было мягкое тонкое лицо с трудно запоминающимися чертами. В глазах его была прозрачная ласковость, заставлявшая человеческих самок отбрасывать всякие подозрения, а самцов — ревниво прыгать. Волосы у Рика были грубыми, но приемлемо черными. Плечи были чуть высоки, а грудная клетка слишком широка, но общий эффект не вызывал лишних вопросов. Это был очень важный момент: никаких придиричивых вопросов.

Смег позволил себе молча вздохнуть. Его собственная форма — этакий правительственный чиновник средних лет с сединой на висках, слегка полноватый и сутулый, со слабыми глазами за стеклами очков в золотой оправе — был более традиционен для слоринов.

«Жить на обочинах, — подумал Смег. — Не привлекать никакого внимания».

Иными словами, не делать того, что они делают сегодня.

Сознание опасности принудило Смега к чрезвычайному контакту с этим телом, сформированным его пластичными генами. Это было хорошее тело, достаточно близкая копия, чтобы скрещиваться с туземцами. Сейчас Смег ощущал его изнутри, как оно было, тонкий слой новизны, натянутый поверх древней субстанции слорина. Оно было хорошо знакомо и в тоже время беспокояще незнакомо.

«Я Самакторокселансмег, — напомнил он себе. — Я семисложный слорин, каждое дополнение к моему имени —

это честь для моей семьи. Клянусь куколкой моего студне-предка, на произнесение имени которого требуется четырнадцать тысяч ударов сердца, я не потерплю неудачи!»

Вот! Это тот дух, что нужен ему — вечный скиталец, временно связанный, но все же не знающий границ.

— Если ты хочешь плыть, ты должен войти в воду, — прошептал Смег.

— Ты что-то сказал, па? — спросил Рик.

Ах, это очень хорошо, подумал Смег. Па — непринужденное разговорное словечко.

— Я готовлюсь к «божьему суду», так сказать, — ответил Смег. — Через несколько минут мы должны разделиться. — Он кивнул вперед, где над горизонтом начал подниматься горб города.

— Думаю, мне следует прямо войти и начать спрашивать про шерифа, — предложил Рик.

Смег сделал резкий вдох, жест удивления, соответствующий этому телу.

— Сначала разведай ситуацию, — сказал он.

Смег все более и более начинал сомневаться в мудрости решения послать туда Рика. Опасно, чертовски опасно. Рика могут необратимо убить, разрушить вдали от способной восстановить его куколки. Хуже того, его могли разоблачить. Это была реальная опасность. Дайте аборигенам знать, с чем бороться, и они разработают чрезвычайно эффективные методы.

Память слоринов хранит множество ужасных историй в подтверждение этого факта.

— Слорин должен оставаться готовым принять любую форму, приспособиться к любой ситуации, — сказал Рик. — Это так?

Рик высказал совершенную аксиому, подумал Смег, но действительно ли он ее понял? Как он мог это сделать? У Рика пока нет полного контроля над поведенческими шаблонами, которые приходят вместе с этой специфической телесной формой. Смег опять вздохнул. Если бы только они спасли инфильтрационную команду, незаменимых специалистов.

Мысли, подобные этой, всегда вызывали еще более тревожащий вопрос: СПАСЛИ ИХ ОТ ЧЕГО?

До неизвестного бедствия на Корабле-Сеятеле было пятьсот кукол. Теперь было четверо прародителей и один новый отпрыск, созданный на этой планете. Они были

потерпевшими крушение, не знающими даже природы того действия, что заставило их бежать через пустоту на спасательной капсуле с минимальной защитой.

Четверо из них появились из капсулы в виде базисных слориновских полиморфов и обнаружили, что находятся в темноте посреди степного ландшафта со скалами и деревьями. К утру там появились четыре новых дерева — наблюдающих, слушающих, сравнивающих с воспоминаниями, накопленными за промежуток времени, достаточный, чтобы билионы подобных планет могли развиваться и умереть.

Капсула выбрала отличный участок для приземления: ни одной чувствующей структуры поблизости. Слорины теперь знали местное название района — Центральная Британская Колумбия. Это было место неизвестных опасностей, чья химия и организация требовали самой тщательной проверки.

Спустя некоторое время с гор спустились четыре черных медведя. Приблизившись к цивилизации, они спрятались и наблюдали — слушали, всегда только слушали, никак не решаясь использовать мыслеоблако. Кто знает, какими ментальными силами могли обладать аборигены? В спрятанной среди кустарников пещере из куколок слоринов вылупились четверо охотников в грубой одежде. Охотники были проверены и усовершенствованы.

Наконец охотники рассеялись.

Слорины всегда рассеивались.

— Когда мы покидали Вашингтон, ты сказал что-то насчет возможности ловушки, — нарушил молчание Рик. — Не думаешь ли ты на самом деле...

— В некоторых мирах слорины были демаскированы, — сказал Смег. — Аборигены разработали ситуационные защитные приспособления. Это имеет некоторые характеристики подобной ловушки.

— Тогда к чему это расследование? Почему бы не предоставить событиям идти своим чередом, пока мы не станем сильнее?

— Рик! — Смег содрогнулся от грандиозного невежества юноши. — Может, и другие капсулы спаслись, — сказал он.

— Но если там действительно слорин, то ведет он себя как последний дурак.

— Тем больше причин для расследования. Здесь может оказаться поврежденная куколка, некто, утративший часть

родовой памяти. Возможно, он не знает, как себя вести и руководствуется инстинктами.

— Тогда почему бы не остаться за пределами города и не прозондировать лишь чуть-чуть мыслеоблаком?

«Рику эту работу доверять нельзя,— подумал Смег.— Он слишком неподготовлен, слишком полон юношеского желания поиграть мыслеоблаком».

— Ну почему? — повторил Рик.

Смег остановил машину на обочине грязной дороги и открыл окно. Становилось жарко — до полудня осталось около часа. Пейзаж представлял собой сильно изрезанную плоскость, отмеченную редкой растительностью и группой зданий где-то в двух милях впереди. По обеим сторонам дороги выстроились полуразвалившиеся заборы. Низкие кусты хлопчатника справа выдавали присутствие сухого русла. Два чахлых дуба обеспечивали тенью нескольких молодых волов. Вдали, на границе пустоши, угадывались укрытые дымкой холмы.

— Ты попробуешь то, что я предложил? — спросил Рик.

— Нет.

— Тогда почему мы стоим? Ты едешь только сюда?

— Нет,— вздохнул Смег.— Это ТЫ едешь только сюда. Я изменил план. Ты будешь ждать. В деревню пойду я.

— Но я моложе. Я...

— А я твой командир здесь.

— Остальным это не понравится. Они сказали...

— Остальные поймут мое решение.

— Но закон слоринов гласит...

— Не цитируй мне закон слоринов!

— Но...

— Ты будешь учить своего деда, как придавать форму куколке? — покачал головой Смег. Рик должен научиться контролировать гнев, присущий этому телу.— Предел закона есть предел принуждения — реальный предел организованного общества. Мы не являемся организованным обществом. Мы — два слорина, одинокие, отрезанные от нашей жалкой сети. Одинокие! Два слорина с совершенно несоизмеримыми возможностями. Ты способен отнестись к сообщению. Я не считаю, что ты в состоянии принять вызов в этой деревне.

Смег потянулся и открыл дверцу.

— Это окончательное решение? — спросил Рик.

— Да. Ты знаешь, что делать?

— Я беру свое снаряжение из багажника и разыгрываю роль почвоведом из Департамента сельского хозяйства, — холодно проговорил Рик.

— Не РОЛЬ, Рик. Ты и ЕСТЬ почвовед.

— Но...

— Ты будешь делать настоящие проверки, которые войдут в настоящий доклад и будут посланы в настоящую, реально функционирующую контору. В случае несчастия ты примешь мою форму и заступишь на мое место.

— Я понимаю.

— Я на самом деле надеюсь на тебя. Тем временем ты пойдешь через это поле. Там сухое русло. Видишь те кусты хлопчатника?

— Я определил характеристики этого ландшафта.

— Отлично. Не отклоняйся. Помни, что ты отпрыск Смега. Чтобы произнести имя твоего студнепредка, требуется четырнадцать тысяч ударов сердца. Живи с гордостью.

— Предполагалось, что туда пойду я, приму этот риск...

— И тут риск, и там риск. Помни, делай настоящие проверки для настоящего доклада. Никогда не изменяй своему месту. Когда сделаешь проверки, отыщи в том русле место, чтобы спрятаться. Закопайся и жди. Все время слушай узкий луч. Все, что ты должен делать — это слушать. В случае несчастия ты должен отправить сообщение остальным. В снаряжении есть собачий ошейник с поводком и табличкой с обещанием награды и адресом нашего чикагского гнезда. Ты знаком с формой гончей?

— Я знаю план, па.

Рик выскользнул из машины. Он вытащил из багажника тяжелую черную сумку, закрыл дверцу и посмотрел на родителя.

Смег перегнулся через сиденье и открыл окно. Оно печально скрипнуло.

— Удачи, па, — сказал Рик.

Смег слотнул. Это тело несло бремя привязанности к своему отпрыску, гораздо более сильное, чем любой в предыдущем опыте слорина. Он задумался, что чувствует отпрыск к родителю и попытался прозондировать свои собственные чувства к тому, кто его создал, обучил и запеча-

тал куколку в Корабле-Сеятеле. Чувства потери не было. В каком-то смысле он и БЫЛ родителем. Однако, когда различные впечатления меняли его, Смег должен был бы становиться все более и более личностью. К его имени прибавлялись бы слоги. Возможно, в один прекрасный день он может почувствовать потребность в воссоединении.

— Не теряй хладнокровия, па,— сказал Рик.

— Боги слоринов не имеют формы,— ответил Смег. Он закрыл окно и выпрямился за рулем.

Рик повернулся и побрел через поле к хлопчатнику. Его продвижение отмечало низкое облако пыли. Он легко нес сумку в правой руке.

Смег привел машину в движение, сосредоточившись на управлении. Этот последний образ Рика, сильного и послушного, пронзил его неожиданными эмоциями. Слорин разлучается, сказал он себе. Разлучаться естественно для слорина. Отпрыск — это просто отпрыск.

Ему на ум пришла молитва слоринов. «Господи, дай мне владеть этим моментом без сожалений и, утратив его, обрести навек».

Молитва помогла, но Смег все еще ощущал тяжесть расставания. Он устоял на запущенное здание в городе, что был его целью. Кто-то в этом скопище строений, куда въезжал сейчас Смег, не усвоил основной урок слоринов: «Жизнь имеет резон; слорин должен жить так, чтобы не уничтожать этот резон».

Сдержанность — вот ключ.

В направлении центра городка в пыльном солнечном сиянии стоял человек — одинокий человек возле грязной дороги, беспрепятственно убегающей к далекому горизонту. На мгновение у Смега возникло ощущение, что это не человек, а опасный, облаченный в иную форму враг, встречавшийся ему прежде. Ощущение прошло, когда Смег остановил машину неподалеку.

Это был американский крестьянин, сообразил Смег,— высокий, тощий, одетый в вылинявший от стирки голубой полукомбинезон, грязную коричневую рубашку и теннисные туфли. Туфли разлезлись на части, демонстрируя голые пальцы. Зеленая малярская шапочка с пластиковым козырьком безуспешно пыталась прикрыть его желтые волосы. Ободок козырька был треснувший. С него свисала бахрома драной окантовки, колыхавшаяся, когда мужчина шевелил головой.

Смег высунулся из окна машины и улыбнулся:

— Привет.

— Привет.

Слух Смега, тренированный биллионами подобных встреч, уловил в голосе мужчины ксенофобию и нежелание идти на соглашение в войне.

— Городок-то довольно тихий,— сказал Смег.

— Угу.

Чисто человеческая речь, решил Смег. Он позволил себе несколько расслабиться и спросил:

— Тут вообще случается что-то необычное?

— Ты из правительства?

— Правильно,— Смег провел по служебной эмблеме на дверце.— Департамент сельского хозяйства.

— Значит, ты не часть правительственного заговора?

— Заговора? — Смег изучал мужчину в поисках ключа к скрытому смыслу. Не был ли это один из тех южных городков, где все, идущее от правительства, просто обязано было быть коммунистическим?

— Полагаю, что нет,— сказал мужчина.

— Разумеется, нет.

— А ты это всерьез спрашивал... насчет... случаются ли необычные вещи?

— Я... да.

— Это смотря что называть необычным.

— А что ВЫ называете необычным? — решился спросить Смег.

— Так прямо не скажу. А ты?

Смег нахмурился и высунулся из окна, оглядел улицу, изучая каждую деталь: собака, что-то вынюхивающая под крыльцом здания с вывеской «Главный склад», настороженная чернота окон. В них там и сям колышутся занавески, выдавая, что кто-то выглядывает наружу. Отсутствующие доски в боковой стене заправочной станции позади склада, один ржавый насос с пустой стеклянной камерой. Все в городке говорило о навязной жарой дремоте... И все же это было не так. Смег чувствовал напряжение, мимолетные эмоциональные завихрения, раздражающие его высоковосприимчивые чувства. Он надеялся, что Рик уже в укрытии и слушает.

— Это Вейдвилл, не так ли? — спросил Смег.

— Угу. Раньше был столицей графства, до войны.

Он говорит о войне. Между Штатами, сообразил Смег, припомнив изучение местной истории. Слорины, по обыкновению, использовали каждую свободную минуту, чтобы усваивать историю, мифологию, искусство, литературу, науку. Никогда не знаешь, какая информация окажется ценной.

— Слышал вообще про кого-нибудь, кто может забраться прямо в твою голову? — спросил мужчина.

Смег преодолел первый шок и искал теперь подходящую ответную реакцию. Смешливое недоверие, решил он, и ухитрился слегка хихикнуть.

— Это и есть ваша необычная вещь?

— Не то чтобы да и не то чтобы нет.

— Тогда зачем вы спрашиваете? — Смег знал, что голос его сейчас звучит, как звук мнущейся бумаги. Он втянул голову обратно в тень салона машины.

— Да мне любопытно, а не охотишься ли ты на телепата?

Мужчина повернулся и отхаркнул табачную жвачку в грязь слева от себя. Налетевший порыв ветра подхватил слюну и украсил ею крыло машины Смега.

— А, черт! — сказал мужчина. Он извлек грязный желтый носовой платок и, опустившись на колени, потер им крыло машины.

Смег высунулся наружу и озадаченно наблюдал за этим спектаклем. Ответы мужчины, смутные намеки на ментальные силы — они сбивали с толку, не соответствуя примерам из предыдущего опыта слоринов.

— У вас в округе появился кто-то, заявляющий, что он телепат? — спросил Смег.

— Даже не скажу. — Мужчина встал, всматриваясь в Смега. — Ты уж извини за это. Ветер, знаешь. Нечаянно. Я не хотел.

— Конечно.

— Надеюсь, ты не скажешь шерифу. Я все уже с твоей машины вычистил. И не скажешь, где попал.

Смег понял, что в голосе мужчины слышалась определенная нотка страха. Он устремил на этого американского селянина прищуренный изучающий взгляд. ШЕРИФ, он сказал. Неужели это будет так легко? Смег задумался над тем, как извлечь выгоду из этой возможности. Шериф. Это пахло мистикой, с которой следовало бы разобратся.

Поскольку молчание затягивалось, мужчина сказал:

— Всю ее вычистил. Можешь вылезти и сам посмотреть.

— Я уверен, что вы все сделали, мистер... эээ...

— Пэйнтер. Джошуа Пэйнтер. Большинство зовут меня просто Джош, по моему первому имени, Джошуа Пэйнтер.

— Рад был с вами повстречаться, мистер Пэйнтер.

— Меня зовут Смег, Генри Смег.

— Смег,— задумчиво произнес Пэйнтер.— Я не уверен, что вообще слышал такое имя раньше.

— Обычно оно намного длиннее,— сказал Смег.— Венгерское.

— А.

— Мне любопытно, мистер Пэйнтер, почему вы боитесь, что я расскажу шерифу про то, как ветер сдул немного табачного сока на мою машину?

— Никогда нельзя сказать, как иные ребята на это посмотрят,— сказал Пэйнтер. Он осмотрел машину от бампера до бампера и перевел взгляд обратно на Смега.— Ты правительственный человек, эта машина и все такое, я и решил, что уж лучше поговорить, как один здравомыслящий человек с другим.

— У вас в округе были неприятности с правительственными людьми, так?

— Большинство правительственных людей здесь радости не вызывают. Но шериф, он не позволяет нам ничего с этим поделаться. Шериф — главный человек, иногда самый главный человек, и он заполучил мою Бартон.

— Вашу Бартон,— сказал Смег, отступая обратно в машину, чтобы скрыть свое недоумение. Бартон? Это был совершенно новый термин. Странно, что никто не сталкивался с ним ранее. Изучение языков и диалектов было уже по большей части завершено. Смег начал испытывать беспокойство по поводу беседы с этим Пэйнтером в целом. Беседа никогда не была по-настоящему под контролем. Он задумался, а понял ли он из нее хоть что-нибудь? Смег испытывал страстное желание рискнуть провести зондирование мыслеоблаком, подтолкнуть мотивы этого человека, заставить его ЗАХОТЕТЬ объяснить.

— Ты один из тех ребят-инспекторов, что уже бывали у нас? — спросил Пэйнтер.

— Можно и так сказать,— ответил Смег. Он расправил

плечи.— Я бы хотел прогуляться и посмотреть на ваш город, мистер Пэйнтер. Могу я оставить здесь машину?

— Да она вроде никому не мешает, как я вижу,— сказал Пэйнтер. Он ухитрился выглядеть одновременно и заинтересованным, и незаинтересованным вопросом Смега. Взгляд его рыскал по сторонам — на машину, на дорогу, на дом за живой изгородью из бирючины.

— Прекрасно,— произнес Сег. Он выбрался наружу, захлопнул дверцу и сунул руку в заднее окно за шляпой с плоской тульей в западном стиле, предпочитаемой им в здешних краях. Она помогала ломать некоторые барьеры.

— Ты бумажки свои не забыл? — спросил Пэйнтер.

— Бумажки? — Сег повернулся и взглянул на мужчину.

— Ну те бумажки, набитые вопросами, что ваша правительственная публика нам всем задает?

— А,— Сег покачал головой.— Сегодня про бумажки можно забыть.

— Так ты просто пошляешься по округе? — спросил Пэйнтер.

— Именно так.

— Ну, некоторые с тобой поболтают,— сказал Пэйнтер.— Тут у нас каких только типов нет.— Он отвернулся и зашагал прочь.

— Пожалуйста, еще минуточку,— сказал Сег.

Пэйнтер остановился, словно налетел на барьер, и проговорил, не оборачиваясь:

— Тебе что-то надо?

— Куда вы направляетесь, мистер Пэйнтер?

— Да просто по дороге.

— Я... эээ, надеялся, что вы меня проводите,— сказал Сег.— Разумеется, если вы не слишком заняты.

Пэйнтер повернулся и уставился на него.

— Проводить? В Вейдвилл? — Он посмотрел вокруг, потом снова на Смега. На его губах проступила слабая улыбка.

— Ну, где мне найти вашего шерифа, например? — спросил Сег.

Улыбка исчезла.

— А на что он тебе?

— Шериф обычно в курсе всех дел в районе.

— Ты уверен, что действительно хочешь его видеть?

— Уверен. Где его контора?

— Ну, мистер Сег...— Пэйнтер колебался, потом

сказал: — Его контора прямо здесь за углом, рядом с банком.

— Не могли бы вы мне ее показать? — Смег двинулся вперед, из-под его ног клубилась уличная пыль. — За каким углом?

— Это здесь, — Пэйнтер указал на здание из камня слева от себя. За ним тянулся заросший сорняками переулок. В переулок выступал угол деревянного крыльца этого здания.

Смег шагнул позади Пэйнтера, вглядываясь в переулок. Посередине и по обеим сторонам росли пучки травы, повсюду тянулись стелющиеся побеги. Смег засомневался, проезжал ли этим путем колесный транспорт в последние два года, а может быть, и дольше.

Его внимание привлек ряд предметов на крыльце. Он подошел поближе, изучил их и повернулся к Пэйнтеру.

— Для чего все эти сумки и пакеты на крыльце?

— Эти? — Пэйнтер подошел к Смегу, постоял минуту, поджав губы и устремив взгляд куда-то позади крыльца.

— Ну, и что это? — нажимал Смег.

— Это банк тут, — сказал Пэйнтер. — А это ночные вклады.

Смег обернулся к крыльцу. Ночные вклады? Бумажные сумки и тряпичные мешки, оставленные под открытым небом?

— Люди оставляют их тут, ежели банк не открыт, — сказал Пэйнтер. — Банк сегодня немного припозднился открыться. Шериф загнал их просматривать книги прошлым вечером.

«Шериф проверяет банковские книги?» — недоумевал Смег. Он надеялся, что Рик ничего из этого не упустил и сможет точно повторить... просто на всякий случай. Ситуация оказалась здесь более странной, чем указывали доклады. Смегу вообще не нравилось это место.

— Это для удобства людей, кому надо рано вставать, и тем, кто собирает их деньги ночью, — объяснил Пэйнтер.

— Их просто оставляют прямо на улице? — спросил Смег.

— Угу. Это называется «ночной депозит». Людям не нужно приходить, когда...

— Я знаю, как это называется! Но... прямо вот так, на улице... без охраны?

— Банк не открывается до десяти тридцати, как пра-

вило,— сказал Пэйнтер.— Даже позже, когда шериф забирает их на ночь.

— Есть же охрана, разве не так?

— Охрана? А на что нам охрана? Шериф говорит, оставляйте эти штуки здесь, их и оставляют.

«Снова шериф»,— подумал Смег.

— А кто... эээ, вкладывает деньги подобным образом? — спросил он.

— Я же сказал: люди, которым рано вставать и...

— Но КТО эти люди?

— А. Ну, мой кузен Реб: у него заправка у развилки. Мистер Силвей с главного склада. Некоторые фермеры возвращаются из города поздно, с кучей наличных. Народ, что работает за границей округа на фабрике в Эндерсоне, когда они поздно получают зарплату по пятницам. Народ вроде этого.

— Они просто... оставляют свои деньги на крыльце?

— А почему бы и нет?

— Бог знает,— прошептал Смег.

— Шериф говорит не трогать, что ж — никто и не трогает.

Смег огляделся, ощущая странность этой заросшей улочки с распахнутым настешь ночным депозитарием, защищенным лишь приказом шерифа. Кто такой этот шериф? ЧТО ТАКОЕ этот шериф?

— Не похоже, чтобы в Вэйдвилле было много денег,— сказал Смег.— Заправочная станция, там, на главной улице, выглядит так, будто там прошелся ураган. Большинство прочих зданий...

— Заправка закрыта,— пояснил Пэйнтер.— Если тебе нужно заправиться, просто выезжай к развилке, где мой кузен Реб...

— Заправка прогорела? — спросил Смег.

— Вроде того.

— Вроде чего?

— Шериф, он ее закрыл.

— Почему?

— Пожарная опасность. Шериф, он однажды прочел Указ о пожарах штата. На следующий день он велел старине Джеймисону выкопать резервуары с горючим и увезти их прочь. Они были больно старые и ржавые, недостаточно глубоко закопаны в землю, и на них не было

бетона. Ну и потом, здание было слишком старое, деревянное и промасленное.

— Шериф приказал сделать это... просто вот так? — Смег щелкнул пальцами.

— Угу. Сказал, что придется снести эту заправку. Стarina Джеймисон, конечно, бушевал.

— Но раз шериф велел сделать, это сделали? — спросил Смег.

— Угу. Джеймисон разобрал ее — по доске в день. А шериф, кажись, и внимания не обращал, что Джеймисон снимает по одной доске в день..

Смег покачал головой. По доске в день. Что это значит? Отсутствие здорового чувства времени? Он оглянулся назад, на ночные вклады на крыльце и спросил:

— И давно люди вкладывают свои деньги подобным образом?

— Да где-то через неделю или вроде того, как прибыл шериф.

— А это давно было?

— Аааа... четыре, пять лет тому, может быть.

Смег кивнул сам себе. Его маленькая группа слоринов находилась на планете чуть больше пяти лет. Это может быть... Это может быть... Он нахмурился. Но что, если нет?

С главной улицы позади Смега послышался неясный звук тяжелых шагов. Он повернулся и увидел проходящего там высокого толстого мужчину. Тот с любопытством взглянул на Смега и кивнул Пэйнтеру.

— Доброе утро, Джош,— сказал толстяк. У него был громкий голос.

— Доброе утро, Джим,— ответил Пэйнтер.

Толстяк обошел «плимут», прочитал, поколебавшись, надпись на дверце машины, снова взглянул на Пэйнтера и отправился дальше по улице и с их глаз.

— Это был Джим,— сказал Пэйнтер.

— Сосед?

— Угу. Снова был у вдовы Мак-Нарби... всю эту чертову ночь. Шериф будет очень недоволен, уж поверь мне.

— Он и за вашей моралью присматривает?

— За моралью? — Пэйнтер почесал в затылке.— Так прямо не скажу, чтобы он присматривал.

— Тогда почему б ему быть против, что... Джим...

— Шериф, он говорит, что брать то, что тебе не принадлежит,— это грех и преступление, а давать — это благо-

деяние. Джим, тот шерифу возразил, что он-то как раз и ходит к вдове давать, так что... — Пэйнтер пожал плечами.

— Значит, шерифа можно убедить?

— Кое-кто, кажись, так и думает.

— А вы нет?

— Он заставил Джима бросить пить и курить.

Смег энергично покачал головой, размышляя, правильно ли он расслышал. Беседа вертелась вокруг, казалось, несущественных моментов. Он поправил поля своей шляпы и посмотрел на свою руку. Это была хорошая рука, не отличимая от человеческого оригинала.

— Курить и пить? — переспросил он.

— Угу.

— Но почему?

— Сказал, если Джим берет на себя новые обязательства, вроде вдовы, то не может совершать самоубийства — даже медленного.

Смег уставился на Пэйнтера, а внимание того, казалось, поглотила какая-то несуществующая точка в небе. Немного погодя Смег выдавил:

— Это самое причудливое толкование закона, какое я когда-либо слышал.

— Смотри, чтобы этого не услышал от тебя шериф.

— Быстро гневается, а?

— Не сказал бы.

— А ЧТО бы вы сказали?

— То же, что и Джиму: шериф присматривает за тобой, вот так. Придерживайся правил. Пока шериф за тобой присматривает, это еще не так плохо. Вот когда он тебя увидит — это конец.

— За вами шериф тоже присматривает, мистер Пэйнтер?

Пэйнтер потряс в воздухе сжатым кулаком. Рот его перекосила гримаса ярости. Выражение это постепенно исчезло. Вскоре, окончательно успокоившись, он вздохнул.

— Совсем плохо, а? — спросил Смег.

— Чертов заговор, — проворчал Пэйнтер. — Правительство сует свой нос туда, где его не касается.

— А? — Смег пристально наблюдал за крестьянином, чувствуя, что они наконец вступили на плодотворный путь. — Что...

— Чертова тысяча галлонов в год! — взорвался Пэйнтер.

— Ох,— сказал Смег. Он облизал губы, жест, как он выяснил, обозначающий человеческую неуверенность.

— И плевать, даже если ты участвуешь в заговоре,— продолжал бушевать Пэйнтер.— Мне ты уже ничего не можешь сделать.

— Поверьте, мистер Пэйнтер, у меня нет намерений...

— Я делал немного самогона, когда людям надо было. По меньшей мере, тысячу галлонов в год... почти. Не больно много, учитывая, какого размера кое-какие перегонные кубы по ту сторону Эндерсона. Но это же за границей! Другой округ! Того, что я делал, людям в округе хватало.

— Шериф это прекратил?

— Заставил меня разрушить перегонный куб.

— Заставил ВАС разрушить перегонный куб?

— Угу. Вот тогда он и заполучил мою Бартон.

— Вашу... эээ... бартон? — отважился спросить Смег.

— Прямо из-под носа у Лилли,— проворчал Пэйнтер. Ноздри у него раздувались, глаза сверкали. Ярость проступала в каждой черте лица.

Смег огляделся, изучая пустые окна и дверные проемы. Во имя всех фурий слоринов, что такое бартон?

— Кажется, ваш шериф весьма точно придерживается закона,— рискнул Смег.

— Ха!

— Никакого питья,— сказал Смег.— Никакого курения. Он строг с лихачами?

— С лихачами? — Пэйнтер свирепо посморел на Смега.— А ну-ка скажи, на чем это нам лихачить, мистер Смег?

— У вас тут что, нет машин?

— Если бы заправка у кузена Реба была не на развилке, где он принимает транспорт из города, то он бы уже давно прогорел. Штат принял закон — машина должна останавливаться на чертовой уйме светофоров. Должны быть дворники. Должны быть покрывки с определенной глубиной протектора. Нужно водить абсолютно правильно. Машина не соответствует этим делам, значит это УТИЛЬ! Утиль! Шериф, он заставляет тебя продавать машину в утиль! В Вэйдвилле разве что двое-трое ребят могут себе позволить машину со всеми этими штучками.

— Похоже, он весьма строг,— заметил Смег.

— Бродячий святоша, торгующий библиями, с адским пламенем в очах и то лучше. Говорю тебе, если бы не моя Бартон у шерифа, давно бы отсюда сбежал. Взбунтовался бы, как в шестьдесят первом. И с остальным народом тут то же самое... с большинством.

— У него ваши... эээ, бартоны? — спросил Смег, склонив голову набок в ожидании.

Пэйнтер обдумывал это с минуту, потом ответил:

— Ну... фигурально говоря, можно и так это назвать.

Смег нахмурился. Рискнуть ли спросить, что такое бартон? Нет! Это может показать слишком большое невежество. Он страстно жаждал настоящей сети слоринов, слившихся детальных воспоминаний, где слорины странствовали в пределах узкой полосы частот, готовые траслировать вопросы, проверять гипотезы, выдвигать предложения. Но Смег был один, если не считать неопытного отпрыска, спрятавшегося где-то там, за полями. Впрочем, возможно, что Рик знает это слово. Смег отважился на слабый вопросительный импульс.

Ответная реакция Рика была слишком уж громкой:

— Отрицательно.

Так что и Риду это слово незнакомо.

Смег изучал Пэйнтера в поисках признака того, что человек заметил обмен в узкой полосе. Ничего. Смег сглотнул, естественная реакция страха, отмеченная им в этом теле, и решил предпринять более решительные шаги.

— Вам никто не говорил, что у вас самый необычный шериф? — спросил он.

— Те ребята-инспектора из правительства, они так говорили. Притащились со всеми этими бумажками и всеми этими вопросами, мол, они интересуются уровнем преступности у нас. Сказали, что не нашли преступности в округе Вэйд. Думали, они нам что-то новое сказали!

— Это я просто про вас слышал,— попытал счастья Смег.— Нет преступности.

— Ха!

— Но должна же быть хоть какая-то преступность?

— Не стало самогона,— проворчал Пэйнтер.— Не стало грабежей и воровства, никаких азартных игр. Не стало пьяных водителей, ну, разве что прикатят откуда-нибудь еще и потом горько жалеют, что катались в пьяном виде по округу Вэйд. Не стало, как это в городе говорят, малолет-

них правонарушителей. Не стало парней с патентованными средствами. Не стало ничего.

— У вас должно быть страшно переполнена тюрьма, однако?

— Тюрьма?

— Ну, все эти преступники, задержанные вашим шерифом.

— Ха! Шериф не бросает людей в тюрьму, мистер Смег. Ну, разве что тех, что из-за границы округа, если им нужно проспать после небольшой попойки, пока не протрезвеют достаточно, чтобы заплатить штраф.

— А? — Смег уставился на пустую главную улицу, припомнив толстяка Джима. — Местным жителям он дает чуть больше свободы? Как вашему другу Джиму?

— Я же говорю, он просто направляет Джима в нужную сторону.

— Что вы имеете в виду?

— Вдова очень скоро захочет семейной жизни. Будет быстрая свадьба, младенец. И Джим будет точь-в-точь, как все остальные.

Смег кивнул, как будто что-то понял. Это было похоже на завлекшие его сюда сообщения... но и не похоже. Пэйнтеровых «ребят-инспекторов» Вэйдвилл и округ Вэйд позабавили, так позабавили, что даже их строгая официальность не смогла этого скрыть. В таком развеселом настроении они и описали район — «чисто местный феномен», крутой шериф — южанин. Смега это не забавляло. Он медленно вышел на главную улицу, оглянулся на дорогу, по которой приехал.

Рик был где-то там, прислушиваясь... ожидая.

Что же принесет им ожидание?

Внимание Смега привлекло заброшенное здание дальше по улице. Где-то внутри него скрипела дверь, в ритме порывов ветра, гонявших пыль по дороге. Со здания свисала на рваной растяжке вывеска «САЛУН». Вывеска качивалась на ветру, то частично скрываясь за навесом крыльца, то снова появляясь: «ЛУН»... «САЛУН»... «ЛУН»... «САЛУН»...

Смег подумал, что тайна Вэйдвилла похожа на эту вывеску. Тайна двигалась и изменялась, становясь то одним, то другим. Смег задумался, а сможет ли он удержать тайну в покое достаточно долго, чтобы изучить и понять.

Мечты его прервало далекое завывание.

Оно становилось громче: сирены.

— А вот и он,— сказал Пэйнтер.

Смег взглянул на Пэйнтера. Крестьянин стоял рядом с ним, свирепо глядя в направлении сирены.

— Это уж точно он,— проворчал Пэйнтер.

Теперь сирене аккомпанировал другой звук — голодное урчание мощного двигателя.

Смег посмотрел в сторону этого звука и увидел облако пыли, сквозь которое смутно просвечивало что-то красное.

— Па! Па! — Это был Рик на узкой волне.

Еще до того, как Смег смог послать вопрошающую мысль, он почувствовал это — нарастающее давление мыслеоблака, столь мощного, что слорин пошатнулся.

Пэйнтер схватил его за руку, пытаясь найти опору.

— Вот так он и достал некоторых в первый раз,— сказал крестьянин.

Смег собрался, высвободил руку и застыл, дрожа. Еще один слорин! Это должен быть еще один слорин. Но глупец транслирует сигнал, приводящий всех в состояние хаоса. Смег посмотрел на Пэйнтера. У местных есть потенциал — это установила его собственная группа слоринов. Повезло ли им здесь? Было ли местное племя нечувствительным? Но ведь Пэйнтер говорил, что это захватило некоторых людей в первый раз. Он говорил о телепатах.

Что-то очень неладно в Вэйдвилле... А мыслеоблако окутывало его, словно серый туман. Смег собрал всю свою ментальную энергию и с трудом освободился от контролирующей силы. Теперь он ощущал, что стоит, подобно островку ясности и спокойствия в сердцевине этого ментального урагана.

Теперь повсюду раздавались резкие звуки — поднимались оконные ставни, хлопали двери. Начали появляться люди. Они стояли вдоль улицы с выражением угрюмого предчувствия и сердитой настороженности в глазах. Смег подумал, что все они на первый взгляд — приличные люди, но в них была какая-то схожесть, которую он не мог толком определить. Это было что-то в их неряшливом, пришибленном виде.

— Сейчас ты увидишь шерифа,— сказал Пэйнтер.— Это уж точно.

Смег обратил лицо к приближающемуся грохоту двигателя и сирены. Из облака пыли показалась красная пожар-

ная машина с молодой блондинкой в зеленом трико, восседающей на капоте. Машина пронеслась по улице в сторону узкого прохода, где Смег припарковал свой автомобиль.

За рулем сидел смуглокожий мужчина в белом костюме, синей рубашке и белой десятигаллоновой шляпе. На его груди блестела золотая звезда. Он вцепился в рулевое колесо, словно гонщик, опустив голову и глядя прямо перед собой.

Смег, свободный от мыслеоблака, видел водителя таким, каким тот был на самом деле. Это был слорин. Все еще в полиморфной стадии, форма приближена к человеческой... но недостаточно хорошо... вообще недостаточно.

Около тридцати детей теснились вокруг водителя. Они пристроились на сиденьях машины, облепили борта и лестницы наверху. Въехав в деревню, вся ватага начала вопить и верещать, выкрикивая приветствия.

— Вот и шериф,— сказал Пэйнтер.— Ну и как? Он для тебя достаточно необычен?

Пожарная машина свернула, чтобы избежать столкновения с автомобилем Смега, и остановилась, проехав юзом, на противоположной стороне переулка. Шериф встал, оглянулся на припаркованный автомобиль и закричал:

— Кто поставил там этот автомобиль? Видите, как мне пришлось выворачивать, чтобы проехать мимо него? Снова кто-то содрал мое объявление «Парковка запрещена»? Смотрите у меня! Вы же знаете, что я все равно отыщу того, кто это сделал! Кто это был?

Пока шериф кричал, дети посыпались с машины в какофонии приветствий.

— Привет, мама!

— Папа, видишь меня?

— Мы все ездили купаться на озеро Команчи.

— Ты видел, как мы приехали, па?

— Ты сделала мне пирог, мама? Шериф говорит, что у вас есть пирог.

Смег в замешательстве покачал головой. Из машины уже вышли все, кроме шерифа и блондинки на капоте. Мыслеоблако пропитывало ментальную атмосферу, подобно сильному запаху, но не подавляло выкриков.

Внезапно раздался резкий, отрывистый треск винтовочного выстрела. Из белого костюма шерифа вырвалось облачко пыли, как раз пониже золотой звезды.

На улице воцарилось молчание.

Шериф медленно повернулся, единственная движущаяся фигура на застывшем полотне. Он смотрел прямо вверх по улице в направлении открытого окна на втором этаже дома позади заброшенной станции. Рука его поднялась, вытянулся палец. Шериф покачал пальцем, словно увещевая непослушного ребенка.

— Я тебя предупреждал,— сказал он.

Смег вполголоса произнес слоринское проклятие. Дурак! Неудивительно, что он остается в полиморфном состоянии и полагается на мыслеоблако — он восстановил против себя всю деревню. Смег перебирал весь накопленный слоринами опыт в поисках ключа к разрешению этой ситуации. Целая деревня сознает силу слорина! Ох, что за греховный глупец!

Шериф перевел взгляд на толпу молчащих детей, пристально оглядев сначала одного, потом другого. Немного погодя, он указал на босоногую девочку лет восьми, с завязанными в хвостики желтыми волосами, в запачканном синем с белым платье на нескладной фигурке.

— Ты тут, Молли Мэй,— сказал шериф.— Видела, что сделал твой папа?

Девочка опустила голову и заплакала.

Блондинка с гибкой грацией спрыгнула с капота машины вниз и дернула шерифа за рукав.

— Не вмешивайся в процедуру исполнения закона,— сказал шериф.

Блондинка уперлась руками в бедра и топнула ногой.

— Тэд, если ты причинишь этому ребенку вред, я больше никогда не буду с тобой разговаривать,— гневно заявила она.

Пэйнтер вполголоса забормотал:

— Нет... нет... нет... нет...

— Причинить вред Молли Мэй? — удивился шериф.— Нет, ты же знаешь, что я не причиню ей вреда. Но ей придется уйти, и она больше никогда не увидит свою семью. Ты это знаешь.

— Но Молли Мэй не причинила тебе никакого вреда. Это был ее отец. Почему ты не можешь выслать его?

— Есть некоторые вещи, которых ты просто не можешь понять,— сказал шериф.— Совершеннолетнего взрослого можно увести с греховного пути ненадолго, если вы не возьметесь за его маленького ребенка. Так вот, я бы совер-

шил преступление, если бы делал различие между взрослыми и детьми. Маленькая девочка, вроде Молли Мэй, в данный момент ребенок. Но это никакого значения не имеет.

Так вот оно что, подумал Смег. Вот в чем реальная власть шерифа над этой общиной. Смег внезапно понял, что должно означать слово «бартон». Заложник.

— Это жестоко,— вздохнула молодая блондинка.

— Закон должен быть иногда жесток,— сказал шериф.— Закон обязан искоренять преступность. Это уже почти сделано. За последнее время единственными преступлениями в окрестностях были преступления против меня. Так вот, вы все знаете, что не можете выйти сухими из воды после подобных поступков. И когда вы демонстрируете такое пренебрежение величиим закона, вы должны быть наказаны. Вы обязаны помнить, вы все, что каждый член семьи ответственен за всю семью.

«Чисто слоринское мышление»,— подумал Смег. Он размышлял над тем, что можно предпринять, не выдавая своего собственного чуждого происхождения. Надо было что-то делать. И поскорее. Рискнуть запустить приветственный зонд в сознание глупца? Нет. Шериф ничего не разберет в этом шуме от мыслеоблака.

— Тогда, может быть, ты делаешь что-то не так,— сказала блондинка.— Мне кажется ужасно забавным, что единственные преступления направлены на сам закон.

«Весьма существенное наблюдение»,— подумал Смег.

Пэйнтер вдруг принудил себя двигаться и, пошатываясь, пробирался сквозь толпу детей к шерифу.

Девушка повернулась и крикнула:

— Папа! Не лезь в это!

— А ну-ка, заткнись, Бартон Мери, слышишь? — прорычал Пэйнтер.

— Ты же знаешь, что ничего не сможешь сделать,— запричитала девушка.— Он только вышлет меня.

— Хорошо! Я сказал, хорошо! — рявкнул Пэйнтер. Он протолкался к девушке и встал перед ней, свирепо глядя на шерифа.

— Итак, Джош,— мягко проговорил шериф.

Они замолчали, меряя взглядами друг друга.

В этот момент внимание Смега привлекла фигура, идущая по дороге в деревню. Она словно материализовалась

из пыли — молодой мужчина, несущий огромную черную сумку.

РИК!

Смег уставился на своего отпрыска. Юноша шел, словно марионетка, ноги его волочились по земле. Глаза пристально смотрели перед собой, но в них зияла абсолютная пустота.

«Мыслеоблако,— подумал Смег.— Рик молод, слаб. Он был на вызове, распахнут настежь, когда его поразило мыслеоблако. Сила, пошатнувшая вторичного предка, оглушила молодого слорина. Теперь он слепо идет к источнику раздражения».

— А это еще кто пришел? — поинтересовался шериф.— Тот, что незаконно припарковал машину?

— Рик! — крикнул Смег.

Тот остановился.

— Стой, где стоишь! — завопил Смег. На этот раз он послал юноше пробуждающий зонд.

Рик огляделся вокруг, в его глазах постепенно проявлялось сознательное выражение. Он сфокусировал взгляд на Смеге, открыв рот.

— Па!

— Ты кто? — требовательно спросил шериф, уставившись на Смега. Того сразу же покорило удар мыслеоблака.

Смег понял, что есть лишь один способ отделаться от этого. Против огня использовать огонь. Аборигены уже знакомы с мыслеоблаком.

Смег начал открывать огораживающие ментальные щиты, потом резко сбросил их и хлестнул по шерифу. Слорин-полиморф отшатнулся назад и рухнул на сиденье пожарной машины. Его человеческая форма изгибалась и корчилась.

— Кто ты? — задыхаясь спросил шериф.

Перейдя на гортанную речь слоринов, Смег сказал:

— Вопросы здесь задаю я. Назови себя.

Смег двинулся вперед, дети перед ним расступились. Он мягко отодвинул в сторону Пэйнтера и девушку.

— Ты понимаешь меня? — спросил Смег.

— Я... понимаю тебя.— Гортанная речь слоринов была неровной и запинаящейся, но узнаваемой.

— Во вселенной много перекрестков, где могут встре-

титься друзья. Назови себя,— более мягко проговорил Смег.

— Мин... я думаю. Пцилимин.— Шериф выпрямился на сиденье и восстановил кое-что в своем человеческом облике до прежней формы.— Кто ты?

— Я Смег, вторичный прародитель.

— Что такое вторичный прародитель?

Смег вздохнул. Это было именно то, чего он боялся. Имя, Пцилимин, было основным ключом — третичный прародитель с Корабля-Сеятеля. Но этому бедняге слорину причинен ущерб, он каким-то образом утратил часть своей памяти. По ходу дела он создал здесь ситуацию, которая, возможно, не поддается исправлению. Впрочем, меру здешней путаницы еще надо изучить.

— На твои вопросы я отвечу позднее,— сказал Смег.— тем временем...

— Ты знаешь этого олуха? — спросил Пэйнтер.— Ты участвуешь в заговоре?

— Мистер Пэйнтер, предоставьте правительству самому управляться со своими проблемами. Этот человек — одна из наших проблем,— по-английски ответил Смег.

— Ну, он точно проблема, это уж правда.

— Вы позволите мне разобраться с ним?

— А ты уверен, что сможешь?

— Я... думаю, да.

— Уж я надеюсь.

Смег кивнул и повернулся к шерифу.

— Ты хоть представляешь, что здесь натворил? — спросил он на базовом слоринском.

— Я... нашел себе подходящее официальное положение и занял его, чтобы наилучшим способом проявить свои способности. Никогда не изменяй своему месту. Я это помню. Никогда не изменяй своему месту.

— Ты знаешь, что ты такое?

— Я... слорин?

— Правильно. Третичный прародитель слоринов. Ты что-нибудь знаешь о том, как получил повреждения?

— Я... нет. Получил повреждения? — Он посмотрел вокруг, на придвинувшихся поближе людей. Они все уставились на него с любопытством.— Я... проснулся там, в... поле. Не могу... вспомнить...

— Очень хорошо, мы...

— Я вспомнил! Предполагалось, что мы понизим уровень преступности, подготовим пригодное общество, где... где... я... не знаю.

Смег глянул поверх детских голов на Рика, который остановился позади пожарной машины, снова устался на Пцилимина.

— Я здесь довел уровень преступности почти до неустранимого минимума,— сказал шериф.

Смег закрыл глаза рукой. Неустранимый минимум! Он уронил руку и свирепо глянул на бедного глупца.

— Ты заставил этих людей узнать о слоринах,— произнес Смег обвиняющим тоном.— Хуже того, ты заставил узнать их самих себя. Ты заставил их задуматься над тем, что скрывается за законом. То, что каждый служитель закона на этой планете знает инстинктивно, а ты, слорин — поврежденный или нет — не мог видеть.

— Видеть что? — спросил Пцилимин.

— Без преступности нет надобности в служителях закона! И ты вел к тому, чтобы оставить себя без работы! Первым правилом в таких случаях является сохранение для этой работы достаточно требуемой активности, чтобы иметь уверенность в своей постоянной занятости. И не только это. Ты должен расширять свою сферу, открывать еще больше подобных возможностей. Вот что подразумевается под «не изменять своему месту».

— Но... предполагалось, что мы создадим общество, где... где...

— Предполагалось, что ты устранишь случаи жестокости и насилия, дурак! Ты должен перевести преступность в более легкоуправляемые формы. А ты оставил им насилие! Один из них стрелял в тебя!

— О... они пробовали способы и похуже.

Смег посмотрел направо и встретился с вопрошающим взглядом Пэйнтера.

— Это еще один венгр? — спросил Пэйнтер.

— Ээээ, да! — решил согласиться Смег.

— Так и думал, вы двое говорите на этом иностранном языке.— Пэйнтер сверкнул глазами на Пцилимина.— Его нужно депортировать.

— Вот именно,— кивнул Смег.— Вот зачем я здесь.

— Ну, ей-богу! — сказал Пэйнтер. Он посерьезнел.— Я лучше предупрежу тебя, однако. Шериф, он завел себе какую-то машинку, вроде как забираться в мозги. Нельзя

толком думать, когда он ее включает. Носит ее в своем кармане, я подозреваю.

— Мы обо всем этом знаем,— буркнул Смег.— У меня самого есть такая же машинка. Это военная тайна, и мы не можем использовать ее просто так.

— Держу пари, ты вовсе не из Департамента сельского хозяйства,— хмыкнул Пэйнтер.— Держу пари, твой департамент называется ЦРУ.

— Это мы не будем обсуждать,— сказал Смег.— Однако, надеюсь, что ни вы, ни ваши друзья никому не расскажете о том, что здесь произошло.

— Мы стопроцентные американцы, мистер Смег. Можете не беспокоиться.

— Отлично,— потер руки Смег и подумал: «Как удобно. Может, они считают меня полным идиотом?» Он спокойно повернулся обратно к Пцилимину и спросил:

— Ты следил за разговором?

— Они считают тебя секретным агентом.

— Кажется, так. Это облегчает нашу задачу. А теперь расскажи, что ты натворил с их детьми?

— Их детьми?

— Ты слышал меня.

— Ну, я просто кое-что стирал в их мозгах и сажал на поезд, идущий на север. Это я делал, чтобы наказать их семьи. У этих созданий очень сильный инстинкт защиты своего молодняка. Не стоит о них беспокоиться...

— Об их инстинктах я знаю, Пцилимин. Нам придется найти их детей, восстановить и вернуть родителям.

— Как же мы их найдем?

— Очень просто. Мы будем кататься взад и вперед по всему континенту, слушая на узкой волне. Мы будем искать их по твоей матрице, Пцилимин. Нельзя стереть сознание, не привнеся своих собственных структур.

— Так именно это произошло, когда я пытался изменить взрослого?

Смег вытаращился на него в полном смятении чувств. Пцилимин не мог этого сделать, уговаривал он себя. Он не мог придать аборигену структуру слорина, владеющего полной мощью трансляции, и выпустить его на свободу. Ни один слорин не мог быть настолько туп!

— Кто? — выдавил Смег.

— Мистер Мак-Нарби.

МАК-НАРБИ? МАК-НАРБИ? Смег знал, что уже где-то слышал это имя. МАК -НАРБИ? ВДОВА МАК-НАРБИ!

— Шеф, он говорит что-то про вдову Мак-Нарби? — спросил Пэйнтер. — Кажется, я слышал...

— А что случилось с последним мистером Мак-Нарби? — поинтересовался Смег, повернувшись к крестьянину.

— Он утонул к югу отсюда. В реке. Тело его так и не нашли.

Смег повернулся к Пцилимину.

— Если ты...

— О, нет! Он просто сбежал. Нам сообщили, что он утонул и я просто...

— Собственно говоря, ты убил аборигена.

— У меня не было намерения.

— Пцилимин, перебирайся из этого транспортного средства на заднее сиденье моей машины. Мы забудем, что я неправильно припарковался, не так ли?

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь забрать тебя отсюда. А теперь выматся из этой машины!

— Да, сэр. — Пцилимин покорно двинулся. В движениях его колен угадывалось что-то резиновое, нечеловеческое. Это вызвало у Смега содрогание.

— Рик, — позвал Смег. — Ты поведешь.

— Да, па.

Смег повернулся к Пэйнтеру.

— Надеюсь, вы понимаете, что если хоть что-то из происходящего здесь станет известно, то это будет иметь для вас очень серьезные последствия?

— Конечно, мистер Смег. Можете на меня положиться.

— Я полагаюсь на вас, — сказал Смег и подумал: «Пусть проанализируют это маленькое утверждение... После того, как мы уедем». Он все более и более был благодарен богу слоринов, который надоумил его поменяться местами с Риком. Одно неверное движение привело бы к катастрофе. Коротко кивнув Пэйнтеру, Смег прошел к своей машине и забрался на сиденье рядом с Пцилимином: — Поехали, Рик.

Они развернулись и отправились обратно, в столицу штата. Рик инстинктивно пытался выжать из «плимута» все, что тот мог проделать по столь грязной дороге. Не оборачиваясь, он через плечо заговорил со Смегом:

— Ты по-настоящему хладнокровно справился с этим, па. Мы теперь возвращаемся прямо в гараж?

— Мы исчезаем при первой же возможности,— сказал Смег.

— Исчезаем? — спросил Пцилимин.

— Мы все оуклимся и выйдем в новом качестве.

— Зачем? — спросил Рик.

— Не спорь со мной! Та деревня позади совсем не то, чем кажется.

Пцилимин уставился на него.

— Но ты сказал, что нам надо найти их детей и...

— Этот спектакль был разыгран для них. Игра в неведение. Подозреваю, что они уже давно вернули детей. Быстрее, Рик.

— Я еду так быстро, как это только возможно, па.

— Ладно. Это не имеет значения. Они не собираются нас преследовать.— Смег стянул свою шляпу и почесал затылок.— Я не уверен. Но они с такой легкостью отдали нам Пцилимина. Подозреваю, что они причастны к катастрофе с нашим кораблем.

— Тогда почему бы им просто не... уничтожить Пцилимина и...

— А почему Пцилимин не уничтожил тех, кто ему противостоял? — спросил Смег.— Насилие порождает насилие, Рик. Этот урок усвоили многие разумные существа. У них были свои причины, чтобы поступать таким образом.

— Что мы будем делать? — поинтересовался Рик.

— Зароемся в землю, как лисы. Расследуем эту ситуацию со всеми необходимыми предосторожностями. Вот чем мы займемся.

— Разве они этого не понимают... там, сзади?

— Они несомненно должны понимать. Это было бы очень интересно.

Пэйнтер стоял посреди улицы, пристально глядя вслед удаляющейся машине, пока она не скрылась за облаком пыли. Он разок кивнул сам себе.

К нему подошел высокий толстяк и сказал:

— Итак, Джош, это сработало.

— Я же вам говорил, что это сработает,— согласился Пэйнтер.— Я чертовски хорошо знал, что еще одна кап-

сула этих слоринов ускользнула от нас, когда мы захватили их корабль.

Девушка сказала, прохаживаясь между ними:

— Мой па ловок, это точно.

— А сейчас послушай-ка меня, Бартон Мери,— рявкнул Пэйнтер.— В следующий раз, если найдешь какой-нибудь шарик, что лежит просто так в поле, то оставишь его в покое, понятно?

— Откуда мне было знать, что он такой сильный? — запротестовала девушка.

— Вот именно! — отрезал Пэйнтер.— Никогда не знаешь. Вот поэтому оставляй такие штуки в покое. Это ведь ты сделала его таким опасно сильным, непродуманно подтолкнув. Слорины все не такие уж сильные, если их не доведешь, слышишь?

— Да, па.

— Пять чертовых лет рядом с ним,— вздохнул толстяк.— Не думаю, что смог бы выдержать еще хотя бы год. Он все время становился хуже.

— Они всегда так,— объяснил Пэйнтер.

— А что с этим Смегом? — поинтересовался толстяк.

— Это мудрый старина слорин,— сказал Пэйнтер.— Семь слогов, если я правильно услышал его имя.

— Думаешь, он подозревает?

— Весьма уверен, что да.

— Что же нам делать?

— То же, что всегда. Мы захватили их корабль. На какое-то время съедем с квартиры.

— Ооо, опять это! — жалобно возопил толстяк.

Пэйнтер шлепнул его по брюшку.

— О чем стонешь, Джим? Когда понадобилось, ты поменялся в это тело из Мак-Нарби. Такова жизнь. Меняешься, когда приходится.

— Я только начал привыкать к этому перемещению. Бартон Мери топнула ногой.

— Но это такое красивое тело!

— Есть другие тела, дитя,— сказал Пэйнтер.— Такие же красивые.

— Сколько времени у нас осталось, как ты думаешь? — спросил Джим.

— А, мы получили несколько месяцев. Единственное, в

чем можно быть уверенным со слоринами, так это в их осторожности. Они не многое делают быстро.

— Я не хочу уходить,— заняла Бартон Мери.

— Это же не навсегда, детка,— попытался ее успокоить Пэйнтер.— Однажды они про нас забудут, и мы вернемся. Слорины хорошо приспособливают планеты для нашего вида. Вот почему мы их терпим. Разумеется, они изрядно тупы. Они слишком усердно работают. Даже корабли и то сами делают... за что мы им весьма благодарны. Они не знают другого общества, кроме бюрократического. Но это их проблемы, а не наши.

— А что ты сделал с правительственными инспекторами? — спросил Смег, хватаясь за плечо Пцилимина, когда машину бросало в особенно глубокую рытвину.

— Я их порасспросил у себя в офисе, затенив его как следует и надев темные очки,— ответил Пцилимин.— Не пользовался... мыслеоблаком.

— Это хорошо,— сказал Смег. Он замолчал на какое-то время, потом буркнул:

— Никак не могу выбросить из головы это проклятое стихотворение. Крутится и крутится.

— Стихи, говоришь? — спросил Рик.

— Да. Это написано каким-то местным юмористом. Что-то похожее на «На блохе есть меньшие блошки, что ее терзают. А на них еще меньше, и тоже кусают». И все это продолжается до бесконечности.

ПО КНИГЕ

Вы будете принимать свою работу всерьез. Бесчисленное множество еще не рожденных человеческих детей рассчитывают на вас, тех, кто держит открытыми линии связи через враждебный космос. Позвольте УП-сетям выйти из строя, и человечество будет обречено.

*«Ты и компания Хейфа» (Руководство
для служащих)*

Он был слишком стар для такой работы, даже если его и звали Ивер Норрис Гамп, лучший, по общему признанию, ремонтник за всю девятисотлетнюю историю компании. Если бы кто-нибудь, за исключением старого друга Посса Вашингтона, позвал его на помощь, то получил бы вежливый отказ за подписью «Инг». Полуотставка давала возможность ремонтнику не браться за выполнение опасных заданий.

Теперь, после трех часов дежурства в полном вакуум-костюме в крошечной тьме трубы Скорноффа, у Инга все кости болели от усталости. Боль подавляла ясность мышления и способность к выживанию, ему это было прекрасно известно.

«Вы всегда будете воспринимать свою работу всерьез,— подумал он.— Аксиома: ремонтника ремонтировать не нужно».

Инг покачал головой при воспоминании о высокообразованном невежестве «Руководства», глубоко вздохнул и попытался расслабиться. Сейчас он мог находиться дома на Марсе, а его единственными заботами были бы рутинная эксплуатация реле Фобоса и время от времени лекции для новых ремонтников.

«Черт побери этого Посса», — подумал Инг.

Однако здесь была большая неприятность — в трубе. Шестеро хороших людей умерли, пытаясь ее устранить. Этих шестерых Инг обучал сам, и это была еще одна причина, по которой он согласился. У всех у них была одна мечта.

Вокруг Инга протянулась безвоздушная трубчатая пещера двенадцати километров в длину и двух километров в диаметре. Это была лишенная света нора, вырезанная в лавовой скале под лунным Морем Нектара. Здесь был дом «Луча» — прекрасного, смертоносного, жизненно важного луча, прирученной силы, которая внезапно заупрямилась.

Инг задумался об истории создания этой трубы. Каких-то девятысот лет назад было подписано Соглашение о засеивании. В дополнение к своим обязанностям по коммуникациям в солнечной системе, компания Хейфа тогда приняла на себя рассылку контейнеров, жестко ограниченных в размерах массой и УП-импульсом, который можно было послать. В каждом контейнере было двадцать крольчих. В их матках, в состоянии спячки, с почти остановленным метаболизмом, лежали двести человеческих эмбрионов, ютящихся вместе с эмбрионами скота, всего домашнего поголовья, необходимого, чтобы построить новую экономику. Вместе с кроликами отправились семена растений, яйца насекомых и чертежи инструментов.

Контейнеры были оборудованы таким образом, чтобы развернуться на поверхности планеты в защищенную жилую зону. Там эмбрионы переместили бы в надувные баки для созревания, выдержали бы полный срок, вырастили бы и обучили при помощи механизмов до тех пор, пока человеческое СЕМЯ не сможет само о себе позаботиться.

Каждый контейнер был разогнан до сверхсветовой скорости УП-импульсами. В популярной литературе об этом говорилось: «словно раскачивать обычные садовые качели». Механизмы жизнеобеспечения контролировались сигналами, передаваемыми через луч. Его крохотные импульсы шли, «сворачивая за угол», преодолевая за миллисекунды расстояния, на которые при иных условиях потребовались бы века.

Инг посмотрел на миниатюрный луч, запертый под кварцевым окошком на его костюме. Это была и надежда, и ее крушение. Если бы они только смогли поместить

маленький луч, вроде этого, в каждый контейнер, то большой луч не мог бы отклоняться. Но под такой жесткой бомбардировкой аноды луча не выдерживали больше месяца. Они удовлетворялись отражающими плитами на контейнерах, с отклонением луча и запрограммированными приближениями. Но где-то эти приближения не соответствовали.

Сейчас, когда первый контейнер Соглашения о засеивании вот-вот сядет на Тэту Тельца 4, когда интерес человечества возрос до лихорадочной высоты, лучевой контакт стал ненадежным. Чем дальше контейнер, тем хуже контакт.

Инг почувствовал, как его влечет к этому хрупкому грузу, находящемуся далеко отсюда. Он чувствовал сопричастность к тем контейнерам, что унесутся в чистилище, если не будет восстановлен контроль над лучом. Эмбрионы, конечно, со временем умрут, а вместе с ними умрет мечта.

Значительная часть человечества опасалась, что контейнеры попадут к чужакам, что человеческие эмбрионы будут приняты чем-то ИЗВНЕ. Во многих местах царила паника и раздавались крики, что контейнеры СЗ выдают достаточно секретов, чтобы сделать уязвимой всю человеческую расу.

Для Инга и шестерых до него суть проблемы была очевидной. Она лежала здесь и в математической формуле, недавно выведенной для того, чтобы объяснить, как луч может отклоняться от контейнера. Что тут надо делать, казалось столь же очевидным. Но шесть человек погибли, следуя этому очевидному курсу. Они погибли здесь, в этой крошечной черноте.

Иногда это помогает — цитировать книгу.

Зачастую не знаешь, что имеешь здесь — возможно, немного случайного излучения, несколько космических лучей, проникших через слабое место в силовой защите, протечка пыли, вызванная лунотрясением, или избыток тепла, горячее пятно, поднявшееся из глубин. Большому лучу было достаточно незначительных помех. Положите пилинку, величиной с булавочную головку, на его пути в неподходящий момент, позволите крохотной вспышке света пересечь его, и он срывается в неистовое биение. Луч корчится, словно гигантская змея, отрывает от стен трубы целые секции. Тогда в небе над Луной танцуют зори, а обслуживающий персонал разбегается.

Ремонтник же, находившийся в неподходящем месте трубы, мертв.

Инг втянул руки в бочкообразный верх своего костюма и приладил свой собственный луческоп, прибор, связывающий его по кратчайшему расстоянию через УП с управлением лучом. Он проверил свои приборы, определил свое положение по модулированной контактной пульсации через подошвы своего защитного костюма.

Инг задумался о том, что делает сейчас его дочь Лайза. Наверное, готовит мальчиков, его внуков, к походу в школу. Это внезапно заставило его почувствовать себя старым при мысли о том, что один из его внуков уже нацеливается в Марсианском Политехническом на карьеру в компании Хейфа, по стопам своего знаменитого деда.

После трехчасового путешествия вакуум-костюм вокруг Инга был жарким и пах. Он отметил, что у его системы температурного баланса есть еще час десять минут до красной черты на шкале.

«Это чистильщики,— сказал себе Инг.— Это, должно быть, вакуумные чистильщики. Это старое знакомое упрямство неодушевленных предметов».

Что сказано в руководстве? «Зачастую стоит сначала посмотреть на характеристики используемых устройств. Они могут быть таковы, что прагматический подход предлагает наилучший шанс на успех. Часто возможно решить проблему аварии или неисправности прямолинейным и неусложненным подходом, намеренно игнорируя их более тонкие аспекты».

Инг скользнул руками обратно в рукава своего костюма, прикрыл бронированной ладонью свой счетчик частиц, отщелкнул крышку и взгляделся в светящийся циферблат. В переговорном устройстве немедленно затрещал разгневанный голос:

— Погасите этот свет! Мы пускаем луч!

Инг рефлекторно захлопнул крышку и сказал:

— Я в тени задней стенки. Луч видеть не могу.— Потом добавил: — Почему меня не предупредили о запуске луча?

В динамиках загромыхал другой голос:

— Здесь Посс, Инг. Я контролирую твое положение по соно и сказал им, чтобы они тебя не беспокоили.

— Что за засранец контролирует ремонтника? — спросил Инг.

— Все в порядке, успокойся.
Инг хихикнул, потом спросил:
— Ты чем занят, проверяешь?
— Да. Мы должны посадить лучом каботажный транспорт на Титан. Думаю, мы проведем его отсюда.
— Я не испортил луч?
— Пока чисто.

«Передача для внутреннего космоса открыта и надежна,— подумал Инг,— но на дальних дистанциях, к звездам, она замутнена. Может быть, паникеры и были правы. Может быть, это внешнее вмешательство, чуждый разум».

— Мы потеряли на этой передаче двух чистильщиков,— сказал Вашингтон.— Есть там какие-нибудь их признаки?

— Отрицательно.

Они потеряли на передаче двух чистильщиков, подумал Инг. Это должно быть обычным делом. Порхающие вакуумные чистильщики, поддерживаемые полем луча, патрулирующие на всем его протяжении в поисках малейших следов вмешательства. Нормальная скорость замены — около ста в год, но скорость эта повысилась. Когда луч увеличился, выпуская больше мощности на дальние расстояния, чистильщики оказались все менее и менее эффективными в уклонении от УП-броска, управляемого биения. Ни одна деталь чистильщика не пережила контакта с лучом. Они были заряжены в соответствующую фазу, настроены на мгновенное уничтожение, чтобы прибавить свою энергию к передаче.

— Это все чертовы чистильщики,— проворчал Инг.

— Вы все так говорите,— сказал Вашингтон.

Инг начал крадучись двигаться вправо. Где-то неподалеку гласситовый пол загибался вверх и превращался в стену, а потом в потолок. Но противоположная сторона всегда была в двух километрах, а лунная гравитация, как бы мала она ни была, накладывала ограничения на высоту его подъема. Это не было похоже на маленький луч Фобоса, где они могли использовать магнитное поле слабей напряженности, чтобы разгуливать вокруг трубы.

Инг задумался, стоит ли настаивать на поездке на одном из чистильщиков... Как это сделали шестеро других.

Осторожные, стелющиеся шаги привели Инга в тень задней стенки анода. Он повернулся и увидел сияющую

пурпурную карандашную линию, протянувшуюся от него к катоду на расстоянии двенадцати километров. Инг знал, что на самом деле там не было пурпурного сияния, то, что он видел, было визуальной стимуляцией, созданной на его лицевой пластине с односторонней прозрачностью, реакцией на присутствие луча, демонстрируемой лишь в его честь.

Голос Вашингтона в переговорнике проскрежетал:

— Соно показывает, что ты в желтой зоне. Полегче, Инг.

Инг сменил курс и двинулся вправо, изучая луч.

Прерывистые разрывы пурпурной линии выдавали присутствие между ним и этой лучистой энергией роботов — вакуумных чистильщиков, которые охраняли периметр, вися на синусоидах поля луча, словно дельфины, скачущие на волнах.

— Транспорт сел,— сказал Вашингтон.— Мы фазиремся в тест дальнего броска. Десятиминутная программа.

Инг кивнул, представив Вашингтона, сидящего там, в бронированном пузыре комнаты управления, гиганта с задумчивым лицом. Наверняка его глаза были насторожены и сверкали. Старина Посс не хотел верить, что это были чистильщики, это несомненно. Если это были чистильщики, кому-то придется прокатиться на диком гусе. Будут еще смерти... еще поездки... пока они не выведут из тестов новую теорию. Конечно, это было самое время для кого-то вылезти с аномальной ДЫРОЙ в УП-математике. Но именно это и проделал кто-то на одном из транскомпьютеров на Земле... и если он был прав — тогда проблемой должны быть чистильщики.

Инг изучал теньевые разрывы на луче — роботизированные торпеды, сенсорно обученные собирать мельчайший мусор. Одна из теней внезапно расползлась от него в обоих направлениях, пока весь луч не скрылся. Чистильщик приблизился к нему. Инг дождался его и заметил маркировку «Разрешенный нарушитель». Он видел ее так же ясно, как и луч.

Луч снова появился.

— Чистильщик просто осмотрел тебя,— сказал Вашингтон.— Ты подобрался довольно близко.

Инг услышал беспокойство в голосе друга и заметил:

— Со мной все будет в порядке, пока я остаюсь здесь, возле стенки.

Потом он попытался мысленно представить, как чистильщик поднимается над ним и возвращается на свою позицию вдоль луча.

— Я вижу тебя на фоне луча,— сказал Вашингтон.— Судя по ширине твоей тени, ты приближаешься к красной зоне. Не лезь туда, Инг. Я не имею желания вычищать оттуда жареного ремонтника.

— Мне неудобно причинять тебе лишние хлопоты.

— Хватит с тебя помещения хлыста.

— Я микирую толщину луча на фоне визирной сетки моего шлема. Расслабься, Посс.

Инг продвинулся еще на два шага, посматривая вдоль луча в ожидании начала контролируемого хлыста, который БРОСИТ тестовое сообщение в подпространство. Связанная энергия пурпурного жгута начала устремляться вблизи своего центра вдоль трубы. Это действие проявлялось как легкие вспышки, направленные наружу, на фоне визирной сетки его лицевой пластины.

Инг отступил на четыре шага. Бросок был рискованным делом, когда вы были так близко, и если постороннее излучение хотя бы коснется луча...

Инг припал к полу, наблюдая за лучом, и приготовился к броску. Опытный ремонтник мог рассказать по поведению луча намного больше, чем показывали приборы. Луч выпятился двойной дугой? Ищите искаженный фокус поля. Луч пошел волнами? Возможная разрегулировка вертикального захвата. Расщепление? Проблема с синхронизацией.

Но вам приходится быть здесь, поблизости, и балансировать на зыбкой грани между хорошим обзором и вечным «спокойной ночи».

На этой дистанции чистильщики начали уделять ему больше внимания, но Инг замаскировался своей маркировкой РН, которую они видели, фиксировали по ней его положение и продолжали заниматься своим делом.

Тренированный глаз Инга отметил, что действия чистильщиков выглядели более интенсивными и быстрыми, чем обычно. Это согласовывалось со всеми предыдущими докладами. Пока разрыв периметра не пропускал заблудших посторонних частиц или крохотных кусочков, выбиваемых из стен трубы биением собственной жизни Луны.

Тут Инг задумался, а не может ли быть незамеченной дыры в четырехкратно проверенной системе контроля,

дающей доступ в трубу? Но со времени проявления первых признаков тревоги эту линию проверяют непрерывно. Нет ни малейшей вероятности, что дыра избежала инспекторов. Нет,— причина здесь, внутри. Активность чистильщиков повышалась, причем в определенном темпе.

— Условия программы? — спросил Инг.

— Передача пока еще Хорф-положительная, но мы не обнаружили прохода в подпространство.

— Время?

— Восемь минут до окончания программы.

— Активность чистильщиков возрастает,— сказал

Инг.— Каков уровень загрязнения?

После небольшой паузы он получил ответ:

— Нормальный.

Инг. покачал головой. Монитор, ведущий постоянный учет собранного чистильщиками мусора, не должен был показывать норму, ввиду такой большой активности.

— Что с передатчика слышно в Море ясности? — спросил Инг.

— Все еще включен и полон инспекционного оборудования. В последнем докладе по нему ничего нет.

— В Амбриуме?

— Инспекционные команды выехали, ожидаются обратно в тест-фазе к 0900. Ты не думаешь, что надо бы и нам приказать отключиться для полной очистки?

— Пока нет.

— Мы еще должны учитывать бюджет, Инг. Помни об этом.

«Ха! — подумал Инг.— Не похоже на Посса — беспокоиться о бюджете при подобной аварии. Он что-то пытается мне сказать?»

Как там в «Руководстве»? «Хороший ремонтник помнит о стоимости, сознает, что потерянное время и замена оборудования являются факторами серьезного беспокойства для компании Хейфа».

Тут Инг задумался, а не приказать ли открыть трубу для полной инспекции. Но трубы в Море ясности и Амбриуме ничего не прояснили, а время на очистку от загрязнений БЫЛО дорогостоящим. Впрочем, это были более старые трубы. В Море ясности — первая из построенных. Они были меньше, чем в Море нектара, и проще заперты. Но их лучи справлялись ничуть не лучше,

чем в трубе под Морем нектара, с ее чудовищными размерами и более обширной предохранительной системой.

— Будь наготове, — сказал Вашингтон. — Мы начинаем рассчитывать импульс для программы.

Во внезапной тишине Инг увидел, что луч зарядил. Биение прошло по всем двенадцати километрам трубы, словно пурпурная волна, пробежав всю длину где-то за две тысячные секунды. Это было нечто настолько быстрое, что визуально оно фиксировалось уже ПОСЛЕ того, как произошло.

Инг встал и начал анализировать увиденное. Луч выглядел чистым — идеальный бросок... за исключением одной маленькой вспышки возле дальнего конца и другой, около середины. Маленькие вспышки. Послеобраз был в форме иглы, неподвижный... заостренный.

— Как оно выглядело? — спросил Вашингтон.

— Чисто, — ответил Инг. — Получилось?

— Проверяем, — сказал Вашингтон, потом добавил: — Ограниченный контакт. Очень мутно. Около тридцати процентов... только-только, чтобы подтвердить, что контейнер все еще там и его содержимое, кажется, живо.

— Он на орбите?

— Кажется да. Нельзя быть уверенным.

— Дайте мне несколько чистильщиков, — потребовал Инг.

После небольшой паузы Вашингтон воскликнул:

— Проклятье! Мы лишились еще двух!

— Точно двух?

— Да. А зачем тебе это?

— Пока не знаю. Ваши приборы регистрируют отклонение луча от столкновения с двумя чистильщиками? Какова суммарная энергия?

— Все думают, что это из-за чистильщиков, — проворчал Вашингтон. — Говорю тебе, они не могли. Они полностью в ФАЗЕ с лучом, и при столкновении просто добавляют к нему энергию. Они НЕ мусор!

— Но действительно ли луч съедает их? — спросил Инг. — Ты же видел аномальный доклад.

— Ох, Инг, давай не лезть в это опять. — Голос Вашингтона звучал устало и раздраженно.

Упрямство Вашингтона привело Инга в замешательство. Это не было похоже на Посса.

— Конечно,— сказал Инг,— но что, если они отправляются куда-то, где мы не можем их увидеть?

— Перестань, Инг! Ты ничем не лучше других. Если мы и знаем такое место, куда они НЕ ходят, то это подпространство. Во вселенной не хватит энергии, чтобы отправить массу чистильщика «за угол».

— Пока эта дыра на самом деле существует в наших теориях,— сказал Инг. И подумал: «Посс пытается что-то мне сказать. Что? Почему он не хочет говорить прямо?» Он ждал, размышляя над идеей, мелькнувшей на краю его сознания — общее представление... Что это было? Какая-то полузабытая ассоциация...

— Вот доклад по лучу,— сказал Вашингтон.— Отклонение, по показаниям, было только одно, но суммарная энергия удвоена, как положено. Одно уравнивает другое. Это случается.

Инг изучал пурпурную линию, кивая сам себе. Луч был почти такого же цвета, как шарф, который его жена носила во время медового месяца. Дженни была хорошей женой, растила Лайзу в марсианских лагерях и куполах, упорно терпя все вместе со своим мужем, пока стерильный воздух и физический труд не уничтожили ее.

Луч теперь был неподвижен, его окружало лишь едва заметное зарево. Темп чистильщиков упал. Еще оставалось несколько минут тестовой программы, но Инг сомневался, что будет еще один бросок в подпространство. В конце концов вырабатывается условный рефлекс на импульсы передачи. Можно почувствовать, когда луч собирается открыть свое крохотное окно сквозь световые годы.

— Я видел, как ушли оба чистильщика,— заявил Инг.— Мне не показалось, чтобы их разорвало на части или еще что-нибудь — просто они вспыхнули и исчезли.

— Энергия поглотилась,— сказал Вашингтон.

— Может быть.

Инг подумал с минуту. В нем нарастало подозрение. Он знал, как его проверить. Вопрос был только в том, пойдет ли на это Посс? Трудно сказать, видя его нынешнее настроение. Инг подумал о своем друге. Темнота и изолированность этого места внутри трубы придавали голосам снаружи бестелесность.

— Посс, окажи мне любезность,— сказал Инг.— Дай мне прямую лэшграмму. Ничего заковыристого, просто с

демонстрационного броска. Не пытайся пробиться в подпространство, просто хлестни его.

— У тебя что, дырка в голове? Любое биение может достичь подпространства. А ты собираешься вымостить путь луча пылью...

— Мы слегка повредим стены трубы, я знаю. Но это чистый луч, Посс. Я его вижу. Мне только нужна небольшая пульсация.

— Зачем?

«Могу ли я ему довериться?» — размышлял Инг.

Решив рассказать лишь часть правды, он проговорил:

— Я хочу проверить темп чистильщиков во время программы. Дай мне монитор мусора и перекрестный учет для каждого наблюдательного поста. Сфокусируй их на чистильщиках, а не на луче.

— Зачем?

— Ты сам увидишь, что активность чистильщиков не согласуется с условиями луча, — сказал Инг. — Что-то там не так — накопившаяся ошибка программирования или... я не знаю. Но мне нужны какие-то реальные факты, чтобы двигаться дальше, физический учет во время биения.

— Ты не получишь новых данных, прогоняя тест, который можно повторить в лаборатории.

— Это не лаборатория.

Вашингтон проглотил это, потом буркнул:

— А где ты будешь во время биения?

«Он сделает это», — подумал Инг и сказал:

— Я буду здесь, возле анодного конца. Биение здесь будет иметь наименьшую амплитуду.

— А если мы повредим трубу?

Инг заколебался, вспомнив, что сейчас его друг на ответственном посту, а не за кружкой пива в баре. Впрочем, ни слова о том, кто мог контролировать эту беседу... а этот тест был жизненно важен для той идеи, что стучалась в сознание Инга.

— Уважь меня, Посс.

— Уважь его, — проворчал Вашингтон. — Хорошо сказано, но лучше в таких делах не шутить.

— Подожди, пока я займу позицию. Прямое биение.

Инг принялся карабкаться вверх по склону трубы из желтой зоны в серую, а потом в белую. Здесь он повернулся, изучая луч. Он был тонкой пурпурной ленточкой, протянувшейся влево и вправо — покорооче в левую сто-

рону, к аноду. Длинный конец его, уходящий к катоду в каких-то двенадцати километрах вправо, был тонким цветным жгутом, прерываемым вспышками пролетающих чистильщиков.

— В любое время,— сказал Инг.

Он приспособил опоры костюма к изгибам трубы, втянул руки в бочкообразный верх и включил счетчик обзорной платы на запись передвижений чистильщиков. Теперь пошла самая трудная часть — ждать и наблюдать. Тут у него внезапно появилось ощущение изолированности. Инг задумался, а правильно ли он поступает? Во всем этом было что-то от сожжения мостов.

Что говорится в «Руководстве»? «В планировании изошренных исследований роли специфических факторов нет смысла, пока не известно, присутствуют ли эти факторы».

«А если их там нет, вы не можете их изучить», — подумал Инг.

— Вы будете серьезно относиться к своей работе,— проворчал он. Потом Инг улыбнулся, подумав о трагикомических лицах, отчетливо увидев за декларациями «Руководства» мордатого председателя правления. Ничего не оставлено на волю случая — ни одна задача, ни один пункт личной опрятности, ни одно физическое упражнение. Инг считал себя экспертом по руководству. Он обладал обширной коллекцией, охватывающей всю эпоху человеческой письменности. В минуты скуки Инг развлекал себя отборными цитатами.

— Я цитирую,— сказал Инг.— «Объективный работник делает как можно большую подборку данных и анализирует их относительно отдельных факторов, чья связь с рассматриваемым феноменом и должна быть исследована».

— И что это, черт возьми, должно означать? — спросил Вашингтон.

— Черт меня дери, если я знаю,— ответил Инг,— но это прямо из хейфовского «Руководства». — Он прочистил горло.— Что слышно от твоих станций насчет темпа чистильщиков?

— Чуть повысился.

— Дай мне отсчет до биения.

— Пока никаких признаков. Там... подожди-ка мину-ту! Здесь какая-то активность — двадцать пять... двадцать секунд.

Инг начал считать.

Ноль.

Прогрессия крохотных вспышек началась далеко справа от него и промерцала мимо с нарастающей яркостью. Они казались неясным пятном, оставившим тускло мерцающий послеобраз. Сенсоры на подошвах его костюма начали докладывать о падении мусора.

— Святой Голден! — пробормотал Вашингтон.

— Сколько мы потеряли? — спросил Инг. Он знал, что дела плохи, намного хуже, чем ожидалось.

Пауза длилась довольно долго, потом раздался потрясенный голос Вашингтона:

— Накрылось сто восемнадцать чистильщиков! Это невозможно!

— Ага! — воскликнул Инг. — Они разбросаны по всему полу. Вырубай луч, пока в него не попала пыль.

Луч исчез с датчиков лицевой пластины Инга.

— Это то, что должно было случиться, Инг?

— Вроде того.

— Почему ты меня не предупредил?

— Ты бы не дал мне это биение.

— Ну, и как, дьявол побери, мы будем все это объяснять? Отчет будет на моей шее, как...

— Забудь про отчет, — буркнул Инг. — Ты инженер луча — открой глаза. Эти чистильщики не были поглощены лучом. Их срубили и рассыпали по полу.

— Но...

— Чистильщики разработаны, чтобы реагировать на нужды луча, — сказал Инг. — Когда движется луч, движутся и они. Когда количество мусора растет немного более усердно и не уходит с дороги достаточно быстро, предполагается, что он должен быть поглощен — его энергия превратится в луч. Теперь фальшивое биение вывело из строя сто восемнадцать чистильщиков. Эти чистильщики не были съедены. Они рассыпались по полу.

Последовало длительное молчание, пока Вашингтон все это переваривал.

— Это биение коснулось подпространства? — спросил Инг.

— Я проверяю, — ответил Вашингтон, потом добавил: — Нет... подожди минуту: есть целая пульсация подпространства... контакты, очень низкий уровень энергии — длительность серии около восьмидесяти миллионных секунды.

У меня есть датчики, установленные на последний десятичный разряд, иначе мы никогда бы этого не уловили.

— В сущности, мы не коснулись,— вздохнул Инг.

— Практически нет. А не мог ли кто-нибудь облажаться с программированием чистильщиков?

— На всех ста восемнадцати?

— Ага. Понимаю, о чем ты. Ну, и что мы будем говорить, когда к нам прибегут за объяснениями?

— Мы процитируем книгу: «К каждой проблеме следует подходить в две стадии: 1) определить, какие области вносят наибольший вклад в неисправность, и 2) предпринять действия по ее исправлению, рассчитанные так, чтобы устранить положительно определенные помехи». Мы скажем им, Посс, что положительно определяли помехи.

Инг перешагнул через порог шлюза в штабной салон и увидел, что Вашингтон уже сидит за угловым столом, который, согласно традиции, оставляли для старшего дежурного инженера луча, контролера передачи.

Для дневного ленча было слишком поздно, а для перерыва на кофе для второй смены — слишком рано. Салон был почти пуст.

За столом справа через комнату трое младших служащих делились какой-то личной шуткой, но в присутствии Вашингтона делали это, понизив голос. Слева, рядом с проходом на кухню, сидел офицер безопасности, нянча пузырь с чаем. На плечах его остались влажные следы от регенератора пота, которые свидетельствовали, что он недавно спустился с поверхности. Инг заметил, что у безопасности была масса офицеров на станциях... и, казалось, всегда был один где-то рядом с Вашингтоном.

Видеостена позади была настроена на трансляцию новостей с Земли. Намеки на политические неурядицы из-за неудачи с лучом, требования объяснений по поводу потраченных денег. Цитировался Вашингтон, заявивший, что проблема вот-вот будет решена.

Инг начал пробираться в угол, двигаясь вокруг пустых столов.

Перед Вашингтоном стоял пузырь с кофе, из него поднимался пар. Инг изучающе посмотрел на инженера — Сносный Вашингтон (Несносный, согласно утверждениям младших инженеров) был энергичным человеком шести футов и восьми дюймов роста, с широкими плечами, чуткими руками, ярко выраженным мавро-семитским лицом

с кожей цвета кофе с молоком и стальными голубыми глазами под темным ежиком волос. (Старший медик компании говорил о нем, как о «самом изумительном броске генетических игральные костей».) Размеры Вашингтона многое говорили о его способностях. Потребовались значительные расходы, чтобы поднять на Луну его лишние килограммы. Уже только поэтому он был достаточно ценен.

Инг сел напротив Вашингтона, махнул рукой глазку «официанта» на поверхности стола и заказал марсианский лишайниковый чай.

— Ты пришел прямо с заседания? — спросил Вашингтон.

— Они сказали, что ты здесь, — ответил Инг. — Ты выглядишь усталым. Были какие-то неприятности с Землей по поводу твоего доклада?

— Только до тех пор, пока я не воспользовался твоим трюком и не процитировал книгу. «Каждый тест в условиях поля будет приближен как можно более к условиям, изложенным в лабораторном прецеденте».

— Эй, а это хорошо, — ухмыльнулся Инг. — Почему ты им не рассказал, что следовал интуиции: у тебя было предчувствие, что у меня есть предчувствие.

Вашингтон улыбнулся.

Инг сделал глубокий вдох. Сидеть было хорошо. Он сообразил, что без перерыва проработал две смены.

— Ты сам выглядишь усталым, — заметил Вашингтон.

Инг кивнул. Да, он устал. Он был слишком стар для такой работы. У Инга не было относительно себя никаких иллюзий. Он всегда был коротышкой, немного слабоват — тощий и с узким лицом. От полного уродства спасали только широко посаженные зеленые глаза и густая копна подстриженных ежиком волос. Теперь волосы поседели, но мозг все еще функционировал удовлетворительно.

Из отверстия в столе появился пузырь с чаем. Инг подтянул пузырь к себе, пытаясь согреть ладони его теплом. Он рассчитывал, что Вашингтон уберет его от официального давления, но теперь, когда все осталось позади, Инг чувствовал себя виноватым.

— Не имеет значения, сколько я цитирую книгу, — сказал Вашингтон, — объяснение все равно им не нравится.

— Покатятся головы, и все такое прочее?

— Мягко сказано.

— У нас есть карта расположения каждого упавшего чистильщика, — проговорил Инг. — Каждого обломка, на-

сколько это было возможно. Все было изучено. Неповрежденные чистильщики были буквально перебраны по молекулам.

— Сколько еще ждать, пока мы очистим трубу? — спросил Вашингтон.

— Около восьми часов.

Инг откинулся на спинку кресла. Его ноги все еще болели после долгого времени, проведенного в трубе Скороффа. Плечи тоже ныли.

— Тогда самое время поговорить начистоту, — сказал Вашингтон.

Этого момента Инг и боялся. Он знал, какую позицию займет Вашингтон.

Офицер безопасности у противоположной стены поднял голову, встретился с глазами Инга и отвел взгляд.

«Слушает ли он нас?» — подумал Инг.

— Ты думаешь то же, что и прочие, — сказал Вашингтон. — Что эти чистильщики заброшены «за угол» в подпространство.

— Есть только один способ проверить, — буркнул Инг.

У офицера безопасности определенно приподнялся подбородок при этом замечании. Он СЛУШАЛ.

— Ты не предпримешь эту самоубийственную поездку, — сказал Вашингтон.

— Другие лучи добрались до Семенных Кораблей? — спросил Инг.

— Ты же знаешь, что нет!

На другой стороне комнаты младшие служители прекратили свою беседу, поглядывая в сторону углового стола. Офицер безопасности развернул кресло, чтобы наблюдать сразу за всеми.

Инг отхлебнул чаю и сказал:

— Проклятый чай здесь всегда слишком горек. Нигде, кроме Марса, его не умеют толком приготовить. — Он оттолкнул от себя пузырь. — Вступайте в компанию Хейфа и спасете вселенную для Человека.

— Ну хорошо, Инг, — вздохнул Вашингтон. — Мы знаем друг друга достаточно давно, чтобы говорить напрямик. Что ты от меня скрываешь?

Инг потупился.

— Думаю, мне следует рассказать тебе, — сказал он. — Что ж, полагаю, это начинается с того факта, что каждый передатчик имеет уникальную индивидуальность. Ты это

знаешь не хуже меня. Мы нанесли на карту, что известно, и руководствуемся прогнозирующей статистикой. Играем на слух, как говорится. Теперь рассмотрим что-нибудь вне книги. В конце концов, труба — это просто большая пещера в скале, управляемая среда для того, чтобы луч работал. Книга гласит: «С использованием подпространственной передачи любое место во вселенной находится сразу «за углом» по отношению к любому другому месту». Это проклятый способ аналогичного описания того, чего мы толком не понимаем. А звучит так, словно мы знаем, о чем говорим.

— И ты утверждаешь, что мы направляем материю за тот угол, — буркнул Вашингтон, — но ты не сказал мне, что...

— Я знаю, — согласился Инг. — Мы помещаем модуляцию энергии туда, где ее могут УВИДЕТЬ приборы Семенного Корабля. Но это передача энергии, Посс. А энергия взаимозаменяема с материей.

— Ты искажаешь определения. Мы привели крайне нестабильный, совершенно мимолетный феномен отражения в такое положение, что пространственно-временные ограничения изменились. Это тоже по книге. Но ты все еще не рассказал мне...

— Посс, у меня сейчас команда готовит чистильщик для поездки. Мы проанализировали структуру разрушения — это то, чего я хотел от того пробного биения, — и я думаю, что смогу пробраться в подпространство на борту одного из этих диких гусей.

— Дурак! Я пока еще контролер передачи и не позволяю тебе...

— Послушай, Посс, успокойся. У тебя нет даже...

— Ну, допустим, тебя вышвырнут за этот идиотский угол, а как ты считаешь возвращаться? И в конце концов, какова цель? Что ты сможешь сделать, если...

— Я могу отправиться туда и посмотреть, Посс. А тот чистильщик, что мы подготавливаем, послужит нам спасательной шлюпкой. Я могу опуститься на Тэту Тельца 4, может быть, даже прихватить с собой контейнер и дать СЕМЕНАМ лучший шанс. А если мы узнаем, как можно пробраться за угол, то сможем проделать это еще раз...

— Это идиотизм!

— Слушай, — сказал Инг. — Чем мы рискуем? Одним старым дряхлым стариком.

Инг заметил вспышку гнева в глазах Вашингтона и понял странную вещь относительно себя. Он хотел пройти

туда, хотел дать контейнеру с эмбрионами лучший шанс. Инг был опьянен той же мечтой, что породила Соглашение о засеивании. И теперь он увидел, что другие ремонтники, те шестеро, которые шли перед ним, попались в ту же паутину. Все они видели, в чем состоит неисправность. Один из них все-таки должен был пройти. В контейнере были инструменты, в месте цели можно было создать новый луч. Это был шанс на возвращение... позже.

— Я позволил уговорить себя послать за тобой,— проворчал Вашингтон.— Договоренность была такая, что ты осмотришь систему, подтвердишь или опровергнешь то, что видели другие... Я не должен был посылать тебя в это...

— Я хочу пойти, Посс,— сказал Инг. Он видел, что сейчас гложет его друга. Этот человек послал туда шестерых ремонтников на смерть или на исчезновение в неведомой пустоте, что еще хуже. Его переполняла вина.

— А я не даю разрешения,— сказал Вашингтон.

Офицер безопасности поднялся из-за своего стола, пересек комнату и встал перед Вашингтоном.

— Мистер Вашингтон,— сказал он,— я все слышал, и мне кажется, что если мистер Гамп хочет идти, вы не можете...

Вашингтон поднялся на ноги, во все свои шесть футов и восемь дюймов, и ухватил безопасника за куртку.

— Так тебе велено вмешаться, если я попытаюсь его остановить! — Он встряхнул офицера со странной вежливостью.— Если я увижу тебя на моей станции после отлета следующего челнока, то лично прослежу за тем, чтобы у нас здесь произошел необъяснимый несчастный случай.— Посс отпустил куртку.

Агент безопасности побледнел, но сдаваться не соби-рался.

— Один мой звонок, и это больше не будет ВАШЕЙ станцией.

— Посс,— вмешался Инг.— Ты не можешь бороться с начальством. А если попытаешься, то тебя сразу уберут. Тогда мне придется довольствоваться чем-то второсортным на этом конце луча. Ты мне нужен в качестве дополнительной страховки, когда я взберусь на этого дикого гуся.

Вашингтон свирепо посмотрел на него.

— Инг, это не сработает!

Инг смотрел на друга и понимал, какой на того оказан нажим. Земля была в отчаянии, если пошла на такие

интриги. Системы секретности, наблюдение безопасности, намеки в новостях — Инг ощущал настоятельность, которая сквозила во всем этом. И он знал, что если Вашингтон сумеет преодолеть свое чувство вины, то человек разделит потребность человечества помочь несущимся в космосе контейнерам.

— Не имеет значения, сколько людей пострадает или даже погибнет,— проговорил Инг,— мы обязаны дать эмбрионам в контейнерах шанс. Ты знаешь, что я прав — это единственная возможность. И ты нам очень нужен, Посс. Мне нужно все, что я смогу получить. И что бы ни случилось, мы будем знать, что ты сделал для меня все, что мог...

Вашингтон вздохнул. Плечи его поникли.

— И что бы я ни говорил...

— Что бы ты ни говорил.

— Ты уходишь?

— Ухожу туда, куда полетит дикий гусь.

— А кто потом будет разговаривать с твоими близкими?

— Друг, Посс. Друг посмотрит близким в глаза и постарается смягчить удар, насколько это будет возможно.

— Прошу прощения,— сказал офицер безопасности.

Они не заметили, как он вернулся за свой стол.

Вашингтон снова вздохнул. В глазах его появились отблески былого огня.

— Ладно,— проворчал он.— Но я буду все время на этой стороне луча. И ты не получишь сигнал «пошел», пока все не будет оснащено по моим требованиям.

— Разумеется, Посс. Вот почему я не мог позволить, чтобы встрял в скандал и получил пинок под зад.

У Инга зачесалась левая лодыжка. Зуд доводил его до бешенства. Внутри путаницы защитного костюма Инг мог дотянуться рукой только до икры. Лодыжка оставалась вне досягаемости.

Сам костюм плавал во взвешенном состоянии в масляной ванне внутри капсулы. Вокруг капсулы было нечто, напоминающее стандартный чистильщик, но лишь по форме, а не по размерам. Оно было, как минимум, в два раза длиннее и толще. Толщина подбиралась с поправкой на фазированные оболочки — идея Вашингтона. Данные

были получены при анализе мусора, оставленного пробным биением.

Через сенсоры до Инга доносилось чуть слышное шипение кислородного регенератора. Обзорная пластина была заменена набором экранов, связанных с внешними приемниками. Самый большой экран, верхний по центру, давал обзор со сканера на животе. Он показывал флюоресцирующий пурпурный жгут, окруженный чернотой.

Луч.

Он был полных пять сантиметров в поперечнике, больше, чем Инг когда-либо видел. Близость этой потенциальной мощи наполняла его вполне понятным опасением. Он имел дело со слишком многими лучами во многих трубах, чтобы держаться на безопасном расстоянии при подозрении на малейшее увеличение размеров.

Это был чудовищный луч. Все обучение Инга и весь его опыт протестовали против таких размеров.

Инг напомнил себе об анализе, результатом которого получился фальшивый чистильщик вокруг него.

Восемьдесят девять чистильщиков, подобранных с пола трубы, основные повреждения получили в районе заборного отверстия. Они были ориентированы на сам луч, игнорируя учет местных частиц. Но самым важным открытием было то, что чистильщики упали сквозь луч, не будучи разрезаны надвое. Они прошли сквозь лезвие этого пурпурного ножа, и их не перерезало. В луче разрыва не было. Объяснение должно было таиться в топологической аномалии — подпространстве. Часть луча или чистильщиков ушли «за угол».

Теперь Инг ручался жизнью, что подпространственный скачок совпал с энергетической фазировкой, не дающей чистильщикам отклонять луч. Внешний носитель, фальшивый чистильщик Инга, был в фазе с лучом. Он будет поглощен. Следующая внутренняя оболочка была в противофазе, на сто восемьдесят градусов. Следующая опять в фазе. И так все десять оболочек.

В центре лежал Инг. Он управлял костюмом, который, по сути, представлял собой миниатюрную спасательную шлюпку.

Когда подошел момент финальной передачи, у Инга начались колики в желудке, а лодыжка продолжала зудеть. Но он не мог повернуть все обратно, потому что не смог бы после этого жить. Он был ремонтником, лучшим в ком-

пании Хейфа. Не было сомнения, что никогда еще компания — и те одиноко плывущие в пустоте человеческие эмбрионы, — не нуждались в нем так отчаянно.

— Доложи свое состояние, Инг.

Донесшийся из динамика рядом с его лицевой маской голос принадлежал Вашингтону. В нем безошибочно улавливалась нотка страха.

— Все системы в порядке, — отрапортовал Инг.

— Начинается вторая стадия программы. Ты видишь какие-нибудь другие чистильщики? — спросил Вашингтон.

— Пока сорок контактов, — ответил Инг. — Все в норме. — У него перехватило дыхание, когда его чистильщик увернулся от мимолетного биения.

— У тебя все в порядке?

— Да, — сказал Инг.

Однако полет проходил очень жестко. Каждый раз, когда луч бился, его чистильщик уворачивался. И не было способа предугадать направление. Инг мог только довериться паутине своего костюма и масляной ванне в надежде, что они не дадут ему размазаться по стенкам отсека.

— У нас наблюдается ненормальное количество биений, — сообщил Вашингтон.

Это не требовало комментариев, и Инг воздержался от ответа. Он посмотрел на свой приемник над динамиком. В кварцевом окошке виднелся крохотный луч, при помощи которого Инг держал связь с Вашингтоном. Крохотный луч, менее сантиметра в длину, сиял резким пурпурным светом в своем обзорном окошке. Он осциллировал и прыгал. Чем меньше луч, тем большие помехи он может выдерживать, но запас прочности и здесь не беспределен.

Инг посмотрел на большой луч на обзорном экране, потом снова взглянул на малый луч. Разница была лишь в степени. Ингу часто казалось, что луч освещает зону вокруг себя, и ему приходилось напоминать себе, что параллельные кванты не могут настолько отклоняться.

— Пошел импульс, — сказал Вашингтон. — Инг! Состояние критическое! Приготовься!

Теперь Инг сосредоточился на большом луче. Желудок у него стянулся в тугую узел. Интересно, а что испытывали при этом остальные ремонтники? Наверное, то же самое. Но они летели, не имея такой защиты, как у Инга. Они проложили путь, погибли, чтобы дать информацию.

Вид на луч был таким близким и ограниченным, что Инг знал — предупреждения о биении он не получит, просто будет внезапная смена размера или положения.

Сердце его подпрыгнуло, когда луч на экране вспыхнул. Чистильщик качнулся в сторону, уворачиваясь, но тут последовал злобный удар. Экран мгновенно опустел, но пурпурный луч снова вспыхнул на виду, когда сенсоры чистильщика подстроились и вернули его на позицию.

Инг проверил свои приборы. Тот удар — что это было?

— Инг! — из динамиков донесся чрезвычайно настойчивый голос Вашингтона.

— Что скажешь?

— Один из чистильщиков у нас на гравитреке, — сказал Вашингтон. — Он в твоей тени. Не двигайся.

Послышалось журчание голосов, приглушенные, неразличимые слова, потом Вашингтон продолжил:

— Луч тебя коснулся, Инг. У тебя теперь фазовая дуга между двумя из твоих оболочек на противоположной от луча стороне. Один из чистильщиков нацелился на эту дугу своими сенсорами. Остальные его датчики по-прежнему настроены на луч, и он идет параллельно тебе, в твоей тени. Мы тебя забираем оттуда.

Инг попытался проглотить комок в пересохшем горле. Он понимал опасность и без пояснений. Была дуга, свет в трубе. Его чистильщик находился между дугой и лучом, но позади него был еще один чистильщик. Если им придется уворачиваться от биения, другой чистильщик будет сбит с толку, потому что его сенсорные контакты сейчас разладились. Он на мгновение замешкается. Два чистильщика столкнутся и превратятся во вспышку. Большой луч взбесится. Все защитные оболочки будут сорваны.

Вашингтон работает, чтобы его вытащить, но на это потребуется время. Нельзя же просто оборвать основную программу. Это создало свои собственные условия биения. А если погасить луч, другие чистильщики нацелятся на дугу. В трубе начнется бойня.

— Начинаем выводить из фазы, — сказал Вашингтон. — По нашим оценкам, три минуты на регулировку второй фазы. Мы просто...

— Биение!

Слово это продолжало греметь в ушах Инга, даже когда он почувствовал, что его чистильщик поднялся, начиная маневр уклонения. Он еще успел подумать, что

предупреждение пришло, должно быть, от одного из инженеров, сидящих за пультом мониторов, когда прогремел гигантский гонг.

Из его динамика вырвалось испуганное: «Что за черт!», сменившись пронзительным шипением, которое словно издали биллион оголодавших змей.

Инг чувствовал, что его чистильщик по-прежнему поднимается, прижимая его вниз, к паутине костюма, лицо крепко прижало к защитной маске. Большой луч пропал с экранов, а малый был похож на осциллирующего червяка в покрасневшем окошке.

Внезапно мир Инга вывернулся наизнанку.

Его словно раздали в лепешку толщиной в одну молекулу и раскатали по бесконечности. Он **ВИДЕЛ** вокруг внешнюю поверхность видимой внутри вселенной со светом, вытянутым в твердые прутья, пронизывающие ее из конца в конец. Инг понял, что видит это не своими глазами, а воспринимает впечатление, скомпонованное всеми имеющимися наличными у него органами чувств. Вне этого внутреннего взгляда все было хаосом, неопределенным безумием.

«Луч меня заполучил,— подумал Инг.— Я умираю».

Один из прутьев света распался на конечный ряд вращающихся предметов: над, под, вокруг... над, под, вокруг... Это движение гипнотизировало. С удивлением Инг понял, что эти предметы были его собственным костюмом и несколькими обломками защитных оболочек. Крохотный луч его собственного передатчика был открыт и мерцал пурпурными вспышками.

Вместе с пониманием пришло ощущение сдавливания. Инг чувствовал себя вдавленным в черноту, дергающую его, скручивающую, колотящую. Это было похоже на прохождение серии речных порогов. Он чувствовал, как сбруя паутины его костюма впивается в кожу.

Внезапно обзорный экран лицевой пластины показал сверкание драгоценностей на черном бархате, пятна света: резкий синий, красный, зеленый, золотой. В поле зрения появился, вращаясь, сверкающий белый огонек, окруженный пурпурными лентами. Ленты напоминали полярное сияние.

У Инга болело все тело. Сознание словно погрузилось в туман, каждая мысль ворочалась в голове с ужасающей медлительностью.

Сверкание драгоценностей — пятна света.

Снова сверкающий белый.

Пурпурные ленты.

В динамике потрескивали статические помехи. Крохотный луч плескался и прыгал в своем окошке. Казалось, что очень важно сделать с ним хоть что-нибудь. Инг сунул руку в рукав защитного костюма и нащупал дрейфующий поблизости осколок защитной оболочки.

Мысль о дрейфе казалась жизненно важной, но он никак не мог понять почему.

Инг осторожно подталкивал кусок оболочки, пока тот не образовал грубый экран над его приемным лучом.

Из динамика сразу же донесся металлический голосок:

— Инг! Ну же, Инг!.. Вы, там! Ни слова больше о шлюзах! В костюмы, и туда. Он, должно быть...

— Посс? — произнес Инг.

— Инг! Это ты, Инг?

— Ага, Посс. Я... Кажется, я еще одним куском.

— Ты где-то на полу? Мы идем внутрь, за тобой. Дер-жись!

— Не знаю, где я. Я видел мерцание луча.

— Не пытайся шевелиться. Трубу всю разнесло к чертовой матери. Я прилачился разговаривать с тобой через трубу в Амбриуме. Просто оставайся там. Мы прибудем прямо к тебе.

— Посс, не думаю, что я в трубе.

Инг чувствовал каким-то местом, существующим на очень тонкой основе, как шевелятся его мысли, формируя образы для узнавания.

Некоторые из сверкающих драгоценностей были звездами. Теперь он это прекрасно видел. Некоторые были... мусором, клочками и обломками чистильщиков, случайными кусками материи. Где-то в направлении его ног был свет, но похоже, что сенсоры были уничтожены или чем-то закрыты.

Мусор.

Свечение луча.

В поле зрения снова появился вращающийся, сверкающий белый. Инг подстроил свое вращение короткой вспышкой из реактивного двигателя в палец. Теперь он ясно видел это нечто и узнал его: шар и сенсорные трубки контейнера Соглашения о засеивании.

До него дошло, что импровизированный щит для его

малого луча сполз. Динамики заполнили статические помехи. Инг вернул кусок оболочки на место.

— ...ты имеешь в виду, что ты не в трубе? — спросил голос Вашингтона. — Ну же, Инг. В чем дело?

— Прямо передо мной в ста метрах или около того контейнер СЗ, — ответил Инг. — Он окружен обломками чистильщиков. И тут по всему небу свечение, отблески подпространства. Я... я думаю, что прошел.

— Ты не мог. Я слишком хорошо тебя принимаю. Что это насчет свечения?

— Вот поэтому ты меня и принимаешь, — ответил Инг. — Вы прошиваете это место несколькими кусками луча. Здесь повсюду свет; где-то у меня под ногами солнце. Ко мне ты пробиваешься, но контейнер полностью окружен утилем. Отражение и рассеивание луча огромны. Я собираюсь влезть туда и расчистить дорогу для контакта с лучом.

— Ты уверен, что ты... — ШШШШ, КРАК.

Маленький кусок оболочки снова сполз.

Инг пристроил его на место, маневрируя поясными дюзами.

— Я в порядке, Посс.

В результате поворота в поле его зрения попало главное — огромный золотой шар, немедленно потускневший, когда фильтры его сканера приспособились. Справа от него позади солнца находился огромный голубой шар с плывущими по нему пластами ватных облаков. Инг уставился на него, пораженный красотой.

Девственная планета.

Проверка вмонтированных в его косюм приборов спасательной шлюпки показала то, что контейнер СЗ уже выявил перед тем, как начались перебои в контакте — Тэта Тельца 4, почти земная норма, за исключением чуть больших массивов океанов и чуть меньших массивов суши.

Инг сделал глубокий вдох, ощутив запах консервированного воздуха в своем костюме.

«За работу», — подумал он.

Двигатели костюма доставили его поближе к мусору, и Инг начал отталкивать его в сторону, продвигаясь все ближе и ближе к контейнеру. Он оставил свой щит для луча и уменьшил громкость приемника, чтобы избавиться от шума статических помех.

Вскоре Инг плыл рядом с контейнером.

Он прикрыл свой луч бронированной рукой.

— Посс? Ты где, Посс?

— Ты действительно там, Инг?

— Попробуй включить лучевой контакт с контейнером, Посс.

— Нам придется прервать контакт с тобой.

— Валяй.

Инг ждал.

Активность свечения увеличилась. Огромные полотнища по всему небу извивались вокруг него.

«Так вот как это выглядит на приемном конце»,— подумал Инг. Он посмотрел на окошко, показывающее его собственный луч — чистый и отчетливый в тени его воздетой руки. На фоне голубого мира бронированные пальцы выделялись четкими черными силуэтами. Инг принялся высчитывать, сколько протянет его луч без замены анода и катода.

«Придется придумать, как оснастить луч, как только мы спустимся»,— подумал он.

— Инг? Прием. Инг?

Инг услышал возбуждение в голосе Вашингтона.

— Вы пробились, а, Посс, старый опоссум?

— Громко и отчетливо. А теперь слушай — если ты сумеешь приварить себя как следует к хвостовому изгибу этого контейнера, мы сможем спустить тебя вместе с ним. Он перестроен, чтобы нести две твои массы в посадочном режиме.

Инг кивнул. Поездка на мягком безопасном баллоне, в который вскоре превратится контейнер, была гораздо более привлекательной, чем маневрирование костюмом при спуске и выжигание его над водным миром, где посадка на твердый грунт требовала определенных хлопот.

— Мы маневрируем, чтобы совершить вхождение в атмосферу для контакта с большей массой суши,— сказал Вашингтон.— Скажешь, когда прикрепиться к контейнеру.

Инг подобрался поближе и положил бронированную ладонь на поверхность контейнера, чувствуя странное ощущение общности с металлом и жизнью, посланной девятьсот лет назад в никуда.

«Старый папочка Инг присмотрит за вами»,— подумал он.

Приваривая себя накрепко к хвостовому закруглению контейнера, Инг припомнил хаос, виденный им мельком, пока его извергало сюда, во время рывка через подпространство. Его передернуло.

— Инг, нам нужен твой детальный рапорт, когда ты будешь в состоянии это сделать,— сказал Вашингтон.— Мы теперь планируем посылать людей за каждым контейнером, вызывающим беспокойство.

— Вы уже рассчитали, как нас вытаскивать обратно? — спросил Инг.

— Земля говорит, что у нее есть ответ, если ты сумеешь собрать на своем конце луча достаточную массу, чтобы заякорить полноразмерный луч.

Инг снова подумал об этой скáчке сквозь хаос. Он не был уверен, что ему хочется повторить подобное путешествие. Впрочем, эту проблему будут решать, когда она возникнет. В книге должно быть что-то по этому поводу.

Тут Инг улыбнулся, поняв инстинктивно причину существования всех учебников в истории. Человеку приходится воздвигать против хаоса точную и аккуратную последовательность действий, систему, где он может понимать свое собственное существование.

«Там внизу — водный мир,— подумал Инг.— Придется найти способ изготовить бумагу для этих ребят, пока они не вышли из своих баков. Им надо будет много учиться».

ВОДНЫЙ МИР.

Потом он припомнил фразу из инструкции по плаванию в «Пособии для матросов ВМФ», одном из древних учебников в его коллекции: «Дыхание может быть совершенным при плавании с головою, находящейся вне воды».

«Это следует запомнить,— подумал Инг,— ребятам нужен будет безопасный и аккуратный мир».

СОДЕРЖАНИЕ

ДОСАДИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ	5
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ	287
РАССКАЗЫ	
ГНЕЗДОСТРОИТЕЛИ	324
ПО КНИГЕ	354

ДОСАДИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Ильгар Гусейнов

Лицензия ЛР № 061867 от 03.12.92.

Сдано в набор 09.01.96. Подписано в печать 27.01.96. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл.
печ. л. 20,16. Тираж 25 000 экз. (1-й завод 1—15 000 экз.). Зак. 3888.

Издательство «Сигма-пресс».

107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

Ордена Трудового Красного Знамени ГППО «Детская книга» Роском-
печати. 127018, Москва, Сушеvский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

Книготорговый отдел издательства

«СИГМА-ПРЕСС»

предлагает книжную продукцию в ассортименте.

*Покупая книги по нашим ценам,
Вы покупаете их у себя в городе.*

Если Вы получаете книги
в железнодорожных контейнерах,
ЗНАЙТЕ — так работали **ВЧЕРА**.
СЕГОДНЯ есть более оперативный
способ доставки.

**В ЛЮБОЙ ГОРОД РОССИИ
МЫ ДОСТАВИМ
КУПЛЕННЫЕ У НАС КНИГИ
В ТОЧНО ОГОВОРЕННЫЙ СРОК.**

Форма оплаты по договоренности.
Минимальная партия — 500 пачек.

По вопросам реализации книг
серий «Англо-американская фантастика»
и «Криминальный экспресс»
оптовым покупателям обращаться в книготорговый
отдел издательства «Сигма-пресс»
по тел.: 264-29-76, 264-99-54
факс: 268-66-20

**В межиздательской серии
«Англо-американская фантастика
XX века»**

*вышли в свет следующие книги
Фрэнка Херберта:*

- Вып. 1. Зеленый мозг**
Звезда под бичом
Глаза Гейзенберга
- Вып. 2. Дюна**
- Вып. 3. Мессия Дюны**
Дети Дюны
- Вып. 4. Бог-Император Дюны**
- Вып. 5. Еретики Дюны**
- Вып. 6. Дом глав родов Дюны**
- Вып. 7. Создатели небес**
Улей Хеллейстрема
- Вып. 8. Создатели небес**
Под давлением
- Вып. 9. Ловец душ**

Готовятся к печати:

- Вып. 11. Белая чума**
- Вып. 12. Создатели Бога**

